

ББК 84Р1-44  
Л82

Лузан Н. Н. (Абин Н.)

Л82 «Фантом» на связь не выйдет. — М.: Кучково поле, 2009. — 368 с.

ISBN 978-5-9950-0061-7

Острюжетный интеллектуальный роман действующего сотрудника спецслужб, основанный на реальных фактах и написанный с глубоким знанием материала, посвящен тайному и непримиримому противоборству ЦРУ и российской контрразведки. Города, где разворачиваются события, стремительно сменяют друг друга, — Москва, Киев, Сухуми, Йошкар-Ола, — расследование бросает главных героев по всей территории бывшего Советского Союза. Высокий профессионализм, упорство, храбрость позволяют российским контрразведчикам найти выход из самых запутанных ситуаций и ответить на самые серьезные вопросы, которые ставит перед ними противник.

ББК 84Р1-44

ISBN 978-5-9950-0061-7

© Лузан Н. Н., 2009  
© Кучково поле, 2009

# Глава 1

Декабрь навалился на Россию ранними и небывало крепкими морозами. Особенно они свирепствовали на севере. Здесь, в Архангельской области, холодное дыхание близкой Арктики, казалось, навечно сковало ледяным панцирем все живое. Суровое белое безмолвие безраздельно властвовало над утопавшей в непроходимых сугробах тайгой, и ни один звук, ни одно движение не нарушали стылой предрассветной тишины.

Наконец долгая зимняя ночь подошла к концу и нехотя уступила место дню. Хмурый рассвет едва заметной розовой полоской окрасил восток. Робкий луч солнца скользнул над горизонтом, и в морозной дымке фантастическим миражом проступили циклопические сооружения российского космодрома «Плесецк». Угасающее полярное сияние разноцветными бликами поигрывало на заиндевевших гигантских металлических конструкциях ракетного старта. На нем, в паутине труб и кабелей застыла новейшая межконтинентальная баллистическая ракета «Тополь-М».

Над ее разработкой бились лучшие научные и инженерные умы России. Она должна была стать важным козырем в той новой «ракетно-ядерной игре», что затеяли «ястребы» из Пентагона, и цена сегодняшних испытаний в укреплении обороны страны была как никогда высока. Неудача могла на несколько лет назад отбросить Россию в ее титанических

усилиях вернуть былую мощь своим стратегическим силам сдерживания.

Чем лично грозил провал пуска, ни командующий Ракетными войсками стратегического назначения генерал-полковник Ловцов, ни главный конструктор Ломонов старались не думать. Они гнали прочь самую мысль об аварии, так как еще были свежи в памяти недавние неудачные испытания ракеты «Булава» на Северном флоте, больно ударившие по его командованию и конструкторам.

В эти последние мгновения перед стартом на командном пункте царила звенящая тишина. Стрелка хронометра мучительно медленно ползла по циферблату и, наконец, застыла на цифре «ноль». Ловцов и Ломонов впились взглядами в экран, на котором гигантской сигарой серебрилась покрытая инеем ракета, и мысленно молили только об одном, чтобы пуск состоялся и она вышла на заданную траекторию. И когда через толщу бетонных стен донесся рев маршевых двигателей первой ступени, командующий, главный конструктор и расчет пуска перевели дыхание.

Ракета нехотя качнулась над пусковым «столом» и, по-лхнув струей клокочущих газов, вонзилась в небо. Стартовая площадка потонула в клубах дыма и пара. И еще не успела рассеяться серая пелена, как загрохотали задвижки на многотонной бронированной двери лестничной потерны, ведущей к старту, и топот множества ног нарушил тишину подземелья. Генералы, офицеры и конструкторы, забыв про возраст, звания и должности, наперегонки бросились к выходу.

Их не могли остановить ни рев сирен тревоги, ни жар, пышущий от раскаленной бетонки. Этот властный и завораживающий зов, который однажды, с первыми в их жизни учебными пусками, на полигонах Байконура, Плесеца и Капустина Яра, пробудился в крови и так же, как тридцать лет назад, неудержимо влек к старту. Они выскочили на смотровую площадку и, задрав головы, провожали взглядами ракету, пока на унылом северном небе не возник огненный крест — произошло отделение первой ступени.

В следующее мгновение оглушительный крик «Ура-а-а!» пошел гулять раскатистым эхом по тайге. В воздух полетели шапки, а затем по старой, еще «королевской», традиции в армейских фляжках забулькал спирт, появились подносы с ломтями сала и горками соленых огурцов. Расторопные тыловики на ходу разворачивали «походный стол».

Через двадцать семь минут с далекой Камчатки на командный пункт полигона «Плесецк» поступил долгожданный доклад — пролетев одиннадцать тысяч километров, учебная головная часть точно поразила заданную цель. Это был успех! Это была долгожданная и выстраданная победа! И захмелевшие не столько от спирта, сколько от радости, победители не стеснялись своих эмоций.

В тот день центральные российские телеканалы и газеты коротко сообщили об успешном запуске межконтинентальной баллистической ракеты с полигона «Плесецк». Но мало кто, разве что специалисты да разведчики, обратил внимание на прозвучавшую вскользь информацию об успешных испытаниях новой противоракетной системы «Тополь-М», которая делала ее неуязвимой для средств поражения противника.

Эти известие не прибавило настроения в Пентагоне и, конечно, в ЦРУ. Американская разведка уже не первый год вела безуспешную охоту за новейшими русскими ракетно-ядерными разработками. Пришедшая в себя после развала «советской империи» и быстро набирающая экономическую и военную мощь Россия явно была не по нутру американским «ястребам». Появление в ее руках такой грозной «ядерной дубины», как ракетный «Тополь» вызывало у них зубовный скрежет.

Уже на следующие сутки после сообщения об успешном испытании ракеты «Тополь-М» в посольские резидентуры ЦРУ в Москве, Киеве и Астане на имя их руководителей за подписью директора поступили строго конфиденциальные шифровки. В них предписывалось:

*«...Сосредоточить основные усилия на поиске и последующей вербовке перспективного источника информации с целью получения разведывательных данных о конструктивных особенностях ракеты «Тополь-М» и системах автоматического управления ее полетом».*

В первую очередь, внимание резидентов обращалось на наличие у будущего агента доступа к сверхсекретным научным разработкам в области создания системы преодоления ракетой «Тополь-М» противоракетной обороны. Наряду с этим американскую разведку интересовали планы Министерства обороны России по оснащению новым оружием сил стратегического сдерживания. Срок выполнения поставленной перед резидентами задачи директор ЦРУ определил минимальный, и он был продиктован из Белого дома. На фоне впечатляющих успехов русских там были крайне раздражены неудачами, преследовавшими Пентагон в его попытках развернуть над США «космический противоракетный зонтик», и потому давили на разведку.

Особые надежды в решении этой задачи в руководстве ЦРУ возлагали на резидентуру в Киеве. Ее сотрудники не находились под таким плотным колпаком контрразведки, как в Москве. Недавно назначенный на должность резидента в Киеве «момент-карьерный» разведчик Абрахам Саливан внимательно вчитывался в каждое слово шифровки. Она давала ему шанс утереть нос «поросшим мхом» агентуристам-вербовщикам, поглядывавшим на него свысока и мнившим себя новыми «Бондами».

Должность резидента, можно сказать, сама свалилась на Саливана. Короткие командировки в заштатную резидентуру в Гондурас, а затем протирание штанов в Лэнгли, в аналитическом отделе, вряд ли позволили бы ему подняться так высоко по служебной лестнице, если бы не очередная перетряска ЦРУ. Военная операция в Ираке обернулась грандиозным скандалом для руководства американской разведки. В раскаленных песках между Евфратом и Тигром оно прилюдно село в «лужу». Оружия массового пораже-

ния, о котором с подачи ЦРУ послушные администрации Белого дома журналисты раструбили по всему миру, у злодея Хусейна не оказалось. Сам он, подобно джинну, воскресал то в одном, то в другом месте Ирака. Лишь спустя полгода после начала войны отловленный в вонючем колодце и представленный всему миру заросший до ушей жалкий старик ничего, кроме жалости, уже не вызывал.

В сложившейся ситуации Белому дому, чтобы сохранить и без того уже изрядно замаранное политическими скандалами лицо, ничего другого не оставалось, как назначить дежурных «козлов отпущения». В ЦРУ их оказалось предостаточно; и под общую гребенку «зачистили» не только ближневосточные, но и половину резидентур в странах бывшего «советского блока». Зияющие дыры принялись заполнять теми, кто оказался под рукой. Саливан, возможно, так бы и «зачах» на аналитике, если бы на глаза директора ни попала его прошлогодняя докладная по Украине. Она произвела впечатление, и вскоре последовало это назначение в Киев.

Встретили здесь Саливана, мягко говоря, холодно. Половину резидентуры составляли «старики», добившиеся всего своим горбом и потому особенно не скрывавшие пренебрежительного отношения к нему — «паркетному назначенцу». Но он не стал понапрасну тратить силы на распри и интриги. Ему нужен был результат, и отсутствие опыта практической агентурной работы Саливан компенсировал упорством, «чугунной задницей», а также знанием всех ходов и выходов в хитросплетениях бюрократии Лэнгли.

Умение держать нос по ветру, приобретенное за многие годы работы в центральном аппарате ЦРУ, здесь в Киеве весьма пригодилось. В высоких кабинетах Лэнгли только начинали набирать силу новые веяния, а Саливан уже выдал под них свежие идеи и неординарные предложения. Ряд из них был реализован в оперативных разработках и принес первые результаты. Это быстро заставило «стариков» при-

кусить языки, и теперь они если и перемалывали ему кости, то полушепотом и по темным углам.

Поправив старомодные очки, за которыми прятались бесцветные, холодные глаза, Саливан отложил в сторону шифровку директора и пробежался цепким взглядом по лицам лучших агентов резидентуры.

Молодые, но уже подающие надежды, — Роберт Ливицки, Дик Динар и Джоан Грей, загоревшимися глазами пожирали резидента. Амбициозные и честолюбивые, жаждущие успеха, спящие и видящие себя вербовщиками суперагентов, они понимали, что шифровка, объявлявшая охоту на русские ракетные секреты, давала им шанс отличиться не только перед ним — резидентом, но и «засветиться» гораздо выше.

Ветераны — Марк Перси, Генри Ковальчук и Николос Берд, прошедшие огонь, воды и медные трубы в разведке, такого энтузиазма не выказывали и хмуро смотрели перед собой. Они были сыты по горло выборами на Украине и отлично понимали, что передышки не будет и им снова придется надолго забыть о выходных и отпусках. Хорошо зная характер Саливана и его бульдожью хватку, они представляли, что тот сдерет с них три шкуры, но добьется того, чтобы хоть из-под земли, но добыть секреты этого, так не вовремя проросшего «русского «Тополя»».

От подобной перспективы Марку Перси, дотягивающему ляжку в разведке, стало муторно на душе. Теплившаяся еще недавно надежда вырваться на рождественские каникулы к семье и там, среди милых его сердцу гор, на берегах Ориноко, провести несколько дней с приходом шифровки директора угасла. В сердцах захлопнув блокнот для служебных записей, он раздраженно буркнул:

— Своих дубов хватает, так еще этот чертов русский «Тополь» на нашу голову посадили!

— Лесоводы чертовы! — поддержал его сидевший за соседним столом Генри Ковальчук и затем желчно заметил: — Пока будут командовать выскочки, нам, старым легавым, только и остается подвизгивать, чтобы до пенсии дотянуть.

— Генри, у вас что, уже появились конкретные предложения? — обратил внимание на их перешептывание Саливан.

— Пока нет, сэр! Но скоро будут! — бодро ответил тот, чтобы отвязаться от лишних вопросов.

— Мда.... — хмыкнул тот, посмотрел поверх очков и, заглянув в свои записи, спросил: — А что вы можете сказать о перспективе использования по данной проблеме агента Недримайло?

«Да, шеф не дремлет! Похоже, Генри попал под накат!» — почувствовал другу Перси и, чтобы самому не подставиться, принялся в уме лихорадочно перебирать свою агентуру.

— Недримайло?! — переспросил озадаченный Ковальчук и после затянувшейся паузы ответил: — Проверенный агент. Сотрудничает три года. Имеет опыт участия...

— Я не об этом! — прервал Саливан. — Меня интересуют его связи в оборонке Днепропетровска и, в первую очередь, на «Южном машиностроительном заводе».

«Глубоко копает! — все больше удивлялся Перси. — Похоже, не зря просиживал ночами над делами нашей агентуры. Вон куда ниточку тянет. ЮМЗ в советские времена «клепал» в громадных как стадион, а сейчас пустующих цехах чудовищные межконтинентальные баллистические ракеты «Сатана». При одном только ее упоминании некоторых генералов в Пентагоне начинала колотить нервная дрожь. Этот ракетный колосс своим мегатонным ядерным зарядом был в состоянии превратить Нью-Йорк в одно огромное кладбище. После развала СССР и ликвидации последних ракетных полков Винницкой армии завод зачух, но кое-какие кадры там еще сохранились... В общем, перспективное направление», — оценил он ход мыслей Саливана и с сочувствием посмотрел на Генри.

Бедняга не мог толком вспомнить связи агента на заводе, путался в должностях, именах и вынужден был вертеться, как карась на раскаленной сковороде, чтобы хоть как-то



сохранить лицо. Саливану надоело слушать его невнятный лепет, и он снисходительно заметил:

— Генри, меня интересуют только связи Недримайло из числа конструкторов и ведущих инженеров, которые ведут в Москву.

— Сэр, я доложу позже, — промямлил тот.

— Хорошо. Я полагаю, вы понимаете, что именно на этом пути надо искать решение задачи. Псевдоним вашего агента говорит сам за себя, так что остается только самому не дремать.

— Да, сэр... — с трудом выдавил из себя раздавленный и униженный публичной поркой Ковальчук, и на его вырубленной будто топором физиономии прорезалась жалкая гримаса.

Саливан снисходительно кивнул головой и перевел взгляд на Перси. Тот напрягся. За это время ему на ум не пришло ни одной свежей идеи. В последние дни он вынужден был с головой уйти в дела, связанные с выборной кампанией, и потому вопросы, относящиеся к добыванию разведывательной информации по военной тематике, отошли на второй план. На сей раз его пронесло, шеф задержал внимание на молодежи и, уже больше обращаясь к ней, заговорил энергично и с напором.

— Друзья, перед нами стоит масштабная задача. Решить ее мы сможем в том случае, если объединим наши усилия! Здесь важно не сбиваться на частности, необходимо мыслить и работать системно и творчески. Надо действовать решительно и смело. Все риски окупятся с лихвой! — и, выдержав паузу, не без доли пафоса закончил: — Нам предстоит сделать все возможное и невозможное, но найти того единственного агента, который принесет секреты «Тополя»! Ваш козырь — это молодость и задор!

— Сэр, надеюсь и нам, старикам, разрешат потрянуть стариной? — не удержался и съязвил Берд.

Николос мог позволить себе такое. За его плечами были четыре года работы в здешней резидентуре. Он как никто

другой владел оперативной обстановкой и наработал такие связи среди местных политиков и военных, что им мог бы позавидовать и сам украинский президент. Существовало и другое немаловажное обстоятельство, которое позволяло ему держаться независимо и уверенно. Хитрый лис Берд при случае не упускал возможности упомянуть про своего двоюродного брата, далеко не последнего человека на Капитолийском холме. Все это заставляло начальство относиться к нему с опаской, а коллег с завистью.

Искушенный в аппаратных интригах Саливан лишний раз не захотел переть на рожон и обострять отношения с «крутым стариком». Он пропустил мимо ушей колкий выпад и свел все к шутке:

— Если есть чем, то почему бы не тряхнуть.

— А что, тряхнем, если, конечно, доверите, — продолжал язвить Берд.

За его спиной кто-то хмыкнул. Саливан грозно блеснул очками, его губы сжались в узкую полоску, и во внезапно наступившей тишине стало слышно, как за стеклом бьется ожившая муха. Берд напрягся, поняв, что на этот раз хватил через край, и старательно отводил взгляд в сторону. Саливан выдержал долгую паузу и затем холодно заметил:

— В таком случае я рад за вас, Николос. Но прежде чем трясти, у меня к вам будет небольшая просьба.

— Какая? — заерзал тот на стуле.

Назревала щекотливая ситуация. Молодежь потупилась, а «старрики» поедали глазами «выскочку», предвкушая удовольствие, что Николос сумеет, как следует, его «отбрить». Но лицо Саливана по-прежнему оставалось непроницаемым как маска, не меняя тона, он продолжил:

— А просьба к вам, Николос, будет пустяшная: когда начнете трясти этой самой стариной, смотрите, чтобы пыль в глаза не попала.

Берд на миг растерялся, но, как человек не лишенный чувства юмора, по достоинству оценил тонкий выпад Саливана. Натянуто улыбнувшись, он бодренько ответил:

— Если разрешите, то только вражеской контрразведке! Грей, не сдержавшись, хихикнула, оживились и остальные. Легкая волна смеха покатилась по кабинету, и царившая в нем официальная атмосфера разрядилась. Молодежь тоже осмелела, первым решил проявить инициативу Роберт Левицки.

— Сэр, позвольте в развитие варианта по ЮМЗ взять в разработку бывших военных ракетчиков-стратегов из числа украинцев, — слегка краснея, предложил он.

— А почему бы и нет! — живо отреагировал Саливан. — Вопрос заключается в том, насколько они близки к интересующей нас проблеме?

— Я не ошибусь, если скажу, что трое из них представляют разведывательный интерес. В свое время они командовали дивизиями и даже армиями в ракетных войсках стратегического назначения.

— И что из того? Той советской армии давно уже нет, а сами генералы сидят на печи, — буркнул Перси.

— Не спешите с выводами, Марк, в этом предложении есть свое рациональное зерно, — не согласился с ним Саливан и, пододвинув к себе блокнот для записей, спросил: — Кого конкретно из генералов вы имели ввиду, Роберт?

— Пустовойтенко и, конечно, Голубко с Крыжко, — перечислил Левицки бывших командиров ракетных дивизий и армий.

— Голубко до сих пор командует академией в Харькове, — напомнил Берд.

— И у него, вполне возможно, остались серьезные связи среди ракетчиков в Москве, — подсказал Левицки.

— Ну, с Голубко все ясно. А что Крыжко? — проявлял все большую заинтересованность Саливан.

— Генерал долгое время руководил центральным испытательным полигоном в СССР, а до этого командовал дивизией, на вооружение которой находилась первая модификация еще старого «Тополя». Наряду с этим...

— Достаточно, Роберт, не будем забывать о конспирации! — прервал Саливан доклад и распорядился: — Проработайте перечисленные кандидатуры. Особое внимание их связям в России, и затем доложите мне лично.

— Будет исполнено, сэр! — заверил Левицки.

Саливан сделал пометку в блокноте и, пробежавшись взглядом по подчиненным, спросил:

— Господа, какие еще будут соображения?

— Позвольте, сэр? — снова заговорил Берд.

— Ну конечно, Николос.

— Есть еще одна свежая идея, и, может, именно она быстрее всего приведет к цели. Я имею в виду родственные связи.

— Родственные связи, но чьи и где? — уточнил Саливан.

— Ведущих российских разработчиков «Тополя-М» на Украине.

— А что, есть такие?

— Имеются, по моим данным, у двоих.

— А если как следует поработать, то наберется и больше, — поддержал его Перси.

— Отлично! Весьма перспективный вариант, — с ходу согласился Саливан и предложил: — Вам, Николос, и карты в руки! Не откладывая дела в долгий ящик, займитесь разработкой этого направления.

— Да, сэр! — живо откликнулся тот.

Требовательный звонок телефона прервал совещание. Саливан снял трубку. По выражению его лица разведчики догадались, что звонит посол, а по обрывкам разговора поняли — речь шла о действиях «российского десанта», под командой неугомонного московского мэра действовавшего в Крыму и в Донбассе. Судя по интонациям в разговоре и односложным ответам помрачневшего Саливана, посол был крайне недоволен тем, как развивались события в этой части Украины, и ответными действиями резидентуры.

— Мы учтем ваши рекомендации, сэр! — сухо закончил разговор с послем Саливан, положил трубку и после паузы спросил: — Так, какие еще будут предложения, господа?

Все это время молчавший Динар замялся, не решаясь сказать.

— У вас что-то есть, Дик? Говорите смелее! — подбодрил молодого сотрудника Саливан.

— Если разрешите, сэр? — прокашлявшись, ответил тот.

— Конечно, у нас все вольны высказывать свое мнение.

— Сэр, я полагаю, Крым в этом плане тоже может оказаться весьма интересен.

— Каким образом?! — снова оживился Саливан.

— Под Ялтой работает несколько военных санаториев русских, в них отдыхает немало ракетчиков. Это, как правило, не «окопные офицеры», а крупные «шишки» из центральных штабов. Кроме того...

— И длинноногие ракетчицы тоже, так что будет где разгуляться нашему холостяку Дику! — хмыкнул Берд и подмигнул Джоан Грей.

Она фыркнула и отвернулась к окну. Динар покраснел, но сдержался и продолжил.

— Кроме того, не стоит сбрасывать со счета военноморскую базу в Севастополе. Там тоже можно поискать подходы к ракетным секретам.

— Отлично, Дик! Молодец! — похвалил Саливан и, пробежавшись взглядом по подчиненным, спросил: — Какие еще есть мнения?

— Все уже сказано! Пора за дело браться! — ответил за всех Перси.

— Совершенно верно! — согласился Саливан и не удержался от короткой речи: — Господа! Я вам благодарен за активную и плодотворную работу. У меня нет ни малейших сомнений в том, что общими усилиями нам удастся решить эту ответственную задачу директора. И последнее, вас, Николос, и вас, Роберт, попрошу обобщить все сказанное и

послезавтра, нет — завтра, представить мне аналитическую справку для доклада в Лэнгли.

— Есть, сэр! — в один голос ответили они.

— А теперь за работу! — закончил совещание Саливан.

Первым, как ошпаренный, за дверь вылетел Ковальчук, вслед за ним на выход дружно потянулись остальные. Перси, возвратившись в кабинет, открыл сейф, выложил на стол последние донесения агентов, справки, составленные по результатам недавних бесед с политиками, и приготовился засесть за докладную, но так и не успел. В дверях появился мрачный, как грозовая туча, Генри. Трепка у Саливана задела его за живое. Он тяжело опустился на стул, жалобно скрипнувший под тяжестью трехсот фунтов, и сквозь зубы процедил:

— Все, Марк, с меня хватит подтирать сопли идиотам и ничтожествам! Я уже сыт по горло! Пишу рапорт и ухожу с этой чертовой службы!

— Да ты что, Генри?! Перестань! Не заводись по пустякам! — принялся успокаивать его Перси.

— Это ты называешь пустяком?! Я завербовал русского майора! И меня, как щенка, мордой в дерьмо! Я... я ему... — Ковальчук задыхался от душившего его гнева.

Перси с сочувствием посмотрел на друга, но, так и не дождавшись, когда он спустит пар, полез в сейф, вытащил бутылку виски, разлил по рюмкам и предложил:

— Давай выпьем!

Ковальчук тупо уставился на стол, бутылку и затем, сграбастав лапичей рюмку, одним махом опрокинул и просипел:

— На-а-ливай!

Виски снова забулькало в бутылке. Поморщившись, Перси присоединился к Ковальчуку и выпил. За второй рюмкой последовала третья. Они пили до тех пор, пока бутылка не опустела. В тот вечер ему не удалось написать ни строчки и пришлось выслушивать пьяные излияния Генри. А он уже не мог остановиться, один прикончил вторую бутылку

и все порывался разобраться с Саливаном. Перси стоило немалых сил удержать его в кабинете, а потом едва хватило терпения дождаться, когда опустеет посольство. Взмахнув на плечи совсем уже поплывшего Ковальчука, он протащил его по безлюдным коридорам к черному выходу.

Мороз и ветер слегка протрезвили Генри, и он снова принялся костерить Саливана. Перси с трудом запихнул его на заднее сиденье, сел за руль «Понтиака». Когда он подъезжал к воротам, за спиной уже раздавался громкий храп. Тяжелые вздохи и переливы свиста, вырывавшиеся из необъятной груди Ковальчука, звучали до самого дома. Здесь Перси опять пришлось изрядно попотеть, чтобы дотащить триста фунтов горы мышц до двери и затем уложить в кровать. После такого марафона, вспотевший, как мышь, он возвратился к машине с одной мыслью: поскорее добраться домой и забраться под душ.

К этому времени улицы Киева опустели. Крепчайший мороз и пронизывающий до самых костей северный ветер вывели с них даже дорожные патрули. Перси, не обращая внимания на знаки, давил ногой на педаль газа и через пятнадцать минут был у подъезда своего дома. Поставив машину в гараж, он поднялся в квартиру, на ходу стащил куртку и, швырнув на диван, поспешил на кухню. Там достал из холодильника пачку молока, жадными глотками опустошил до дна и прошел в ванную. Пальцы ожег стывший холод металла, и через мгновение трубы отозвались издевательским свистом.

Прокляв в душе капризную украинскую зиму, Перси возвратился в гостиную, переоделся в теплый халат, рухнул на диван, включил телевизор и осовевшим взглядом уставился в экран. На нем на все лады краснобайствовали опостылевшие за два месяца избирательной компании украинские политики. Перси в сердцах хлопнул по кнопке пульта, прошлепал в спальню и, не снимая халата, нырнул в холодную, будто сугроб, постель. Пошли вторые сутки, как пьяная бригада сантехников возилась с перемерзшими трубами в подвале элитного дипломатического дома.

«Сволочи, все в сторону России поглядывают! Решили выморозить, как тараканов!» — последнее, что промелькнуло в меркнущем сознании Перси, и он забылся в тревожном сне.

Третью ночь подряд ему снился один и тот же, напоминающий горячечный бред, сон.

Это была Москва! На этот счет у него не возникало сомнений. Он узнал гигантскую арку моста, нависшую над закованной в гранитные берега рекой. Монументальную колоннаду Центрального парка культуры и отдыха. Напротив, среди буйной зелени, бетонно-стеклянной громадой высился «Центральный дом художника». Там, в парке, в укромном месте, ему предстояло забрать из тайника доносение агента.

Стараясь не шуршать опавшими листьями, он крался по центральной аллее и не узнавал парка. С первой минуты его не покидало ощущение того, что он находится в каменно-бронзовом паноптикуме. Первым на входе ему встретился гранитный Маркс. Вождь мирового пролетариата снисходительно поглядывал с высоты своего роста, а в его бороде пряталась загадочная ухмылка.

Перси невольно замедлил шаг и в следующее мгновение похолодел от ужаса. С левой стороны на него надвигалась ватага отощавших до скелетообразного состояния несчастных жертв сталинского ГУЛАГа. Сам Вождь тоже не остался в стороне от облавы. В развевающейся на ветру розово-гранитной шинели он гигантскими прыжками неся ему наперерез, отсекая от выхода. Перси заметался, но отступать было некуда. На другом выходе из парка его поджидали здоровенный стальной детина с кувалдой в руках и разбитная бронзовая бабенка с остро отточенным серпом. Западня вот-вот должна была захлопнуться, и ему ничего другого не оставалось, как только искать спасения в густом кустарнике.

Он нырнул в заросли сирени и, не чувствуя под собой ног и боли от хлеставших по лицу веток, понесся вперед,



пока с маху не ткнулся головой между бронзовых колен очередного вождя. Ильич довольно заурчал и, ослабившись в плотоядной ухмылке, повелительно махнул рукой. Крона гигантской липы задрожала, и среди листьев возникла измазанная черной краской рожа с козлиной бородкой и пенсне на хищно раздувшемся носе.

Сладострастно облизнувшись, Яков Свердлов просунул свою бронзовую лапищу сквозь ветви, и ее узловатые пальцы хищно потянулись к штанам Перси. Он ощутил ледящий холод на своих ягодицах и, пронзительно взвизгнув, вьюном выскользнул из колен Ильича и бросился искать спасения у юных пионеров, зажавших в темном углу целомудренную каменную даму с веслом.

Но здесь его поджидала засада. Перед ним словно изпод земли возникли три чекиста с маузерами. Потрескивая каменными кожанками, они пытались взять Перси в кольцо. У него оставался единственный выход: последовать примеру белорусских партизан. Взметнув болотную тину на мирно ворковавших на берегу пруда деревянных Бабу-ягу и Кошца Бессмертного, он с головой окунулся в вонючую жижу и по колени увяз в вязкой глине.

Страх придал дополнительные силы, в отчаянном рывке Перси вырвался из трясины и в изнеможении распластался на траве. Рев и дикие вопли, все это время звучавшие в ушах, стихли. Погоня, похоже, отстала, и во внезапно наступившей тишине его обостренный близкой опасностью слух уловил странный звук. Он приоткрыл глаза и содрогнулся от омерзения. Перед ним, расплывшись по бетонной кувшинке, квакала покрытая слизью бронзовая лягушка, а у ее лап, поблескивая на солнце, валялось здоровенное яйцо. Проклятое яйцо! Оно с потрохами выдавало его российской контрразведке. Это была банальная подстава! Мерзавец агент оставил в нем свое шпионское донесение! Западня захлопнулась!

Перси предпринял отчаянную попытку спастись, но неподвластная воле сила влекла его к тайнику, и, когда пальцы

коснулись яйца, над ним раздался леденящий кровь скрежет. От ужаса сердце ушло в пятки. Сам «Железный Феликс» тянулся к нему своей бронзовой рукой. Это был полный провал, и в следующее мгновение Перси окаменел.

Каменно-бронзовый паноптикум в парке «Центрального дома художника» пополнился еще одним экспонатом.

## Глава 2

Ночной кошмар в парке «Центрального дома художника» для Марка Перси оказался лишь дурным сном. Утро началось с уже ставшего привычным гула автомобильных моторов. Под окнами посольского дома, где он занимал двухкомнатную квартиру, ровно в половине восьмого появилась колонна автобусов, увешанная оранжевыми флагами. Это новая смена направлялась менять околевших за ночь на лютном морозе в летних немецких и польских палатках «бойцов оранжевой революции».

В те декабрьские дни «незалежна Украина» напоминала кипящий и готовый вот-вот взорваться от накала политических страстей котел. Ее столицу Киев с утра и до поздней ночи сотрясали яростные митинговые страсти, а центр — майдан превратилась в главную сценическую площадку. За последнее время на ней успело покрасоваться немало «западных политических звезд». Самый крутой «польский шахтер» Лех Валенса сладко «напевал» о будущем «счастливом браке» Украины с сытой Европой. Главный ее «миротворец» Хавьер Солана, похоронивший под ковравыми бомбардировками половину Югославии, сулил ей «натовский зонтик».

Вслед за ними не преминули отметиться совсем уже «оправевший» борец за «демократию» Борис Немцов с вездесущей Ириной Хакамадой. Тут же рванула на эту

«всеукраинскую сцену» неутомная «Верка Сердючка». Но «ее» нехоти прорезавшийся московский акцент пробудил подозрения у ревнителей украинской мовы, и «она» безнадежно застряла на границе.

Прошедший день мало чем отличался от предыдущих. С раннего утра разогретые щедрими «западными чаевыми» горластые дивчины и хлопцы принялись заводить сонно зевашую массовку. Лениво покрикивая: «Москаль, на Украину зубы не скаль!», «Наше сало — не пропало!», «Пидём в НАТО — жить богато!» — толпа в ритуальном танце двинулась по кругу.

Так продолжалось до обеда. С появлением на майдане дымящихся котлов с аппетитно пахнущим борщом и рождественских наборов, завозившихся фурами из Польши, «революционный пыл» «оранжевых бойцов и сотников» быстро угас. Загрузившись под завязку, они расползлись по палаткам, и на площади воцарилась благостная тишина.

Спустя час ее нарушил гул десятков мощных моторов — это вереница автобусов битком забитых новыми, изголодавшимися по западной халяве «оранжистами» подтянулась к площади, и она снова ожила. На трибуне тоже произошло движение, вспыхнули мощные прожектора, на подмостках появились «гусляры» и волнами тяжелого рока обрушились на эту всеукраинскую тусовку.

В какой-то момент на последнем аккорде с надрывом всхлипнула и затихла бас-гитара и наступившую тишину нарушил веселый скрип. Это по расшатанным ступенькам, дружески похлопывая по плечам забившуюся в восторженном экстазе массовку, поднялись на трибуну исполненные собственной значимости «оранжевые вожди», и началось действие.

Больше двух часов длился этот расплывчатый заокеанскими режиссерами спектакль, и, когда он подошел к концу, его главные актеры — «Король майдана» под ручку с «Газовой принцессой», сияя улыбками победителей, под восторженный рев толпы покинули трибуну. Через минуту

в морозном мареве о них напоминали лишь сизый дымок и едкий запах выхлопных газов.

Вслед за ними, недолго потусовавшись под звуки второразрядной рок-группы, уставшая и охрипшая от криков массовка потянулась к станциям метро. Наступило время нищих и бомжей. Выбравшись из зловонных нор, они расплозились по мусорным отвалам, спеша урвать кусочек «западной халявы», которая подобно «манне небесной» сыпалась на головы давно потерявшей головы толпы.

Киев ненадолго погрузился в полуобморочную дрему, и только из-за плотно зашторенных окон американского и польского посольств кое-где пробивались полоски света. Там, в тиши кабинетов, за толстыми бронированными дверьми, под мощным электронным экраном, защищавшим от невидимых «щупальцев» разведки, сотрудники посольских резидентур корпели над сценарием очередного дня «оранжевой революции», чтобы затем разъехаться по конспиративным квартирам, где их ждали услужливые конфидененты, жаждавшие не столько «революции», сколько очередной порции маняще хрустящей «капусты».

Прошедшая ночь, несмотря на вчерашний накал страстей на майдане, не потрясла жизнь столицы Украины. Перси, под затихающий грохот колонны автобусов, направлявшейся к «полю боя», спокойно закончил зарядку и потом несколько минут простоял под холодным душем. Его крепкое, без капли жира тело в упругих струях воды напоминало фигуру пловца. Он следил за собой и в свои сорок шесть мог дать фору многим молодым. Покончив с туалетом и запив бутерброд с ветчиной горячим, приготовленным по-турецки, кофе, к которому пристрастился, когда работал в Тбилиси, спустился в гараж. Перекинувшись с дежурным парой фраз, сел за руль «форда» и отправился в посольство.

Помпезный особняк на фоне обветшавших бетонных коробок позднего советского ренессанса издали бросался в глаза. Перси сбросил скорость и, слегка притормаживая,

скатился к въездным воротам посольства. Тут же сработала автоматика, и створки с тихим скрипом разъехались в стороны. Во дворе царила тишина, он приехал одним из первых, и она сопровождала его по безлюдным коридорам до самого кабинета. В нем на столе надрылся телефон. Звонил Ковальчук

— Хэлло, Марк! Так ты нас ведешь в ресторан? — без всяких предисловий начал он разговор.

— Готов хоть сейчас, скажи только Саливану, — в тон ему ответил Перси.

В трубке слышалось рычание, а потом слышалась такая брань, что ему пришлось отвести ее в сторону. Дождавшись, когда у Ковальчука иссяк запал, он подтвердил:

— Все остается в силе. Вечером в «Гетмане». Кроме тебя явку прикрывают Николос и Джоан.

— Ну, хоть с ними повезло, — буркнул Ковальчук и затем поинтересовался: — Во сколько выдвигаемся?

— Раньше шести не имеет смысла.

— Как скажешь. Я готов работать с тобой хоть круглые сутки.

— Спасибо, Генри! Я этим дорожу. Давай до вечера, — закончил разговор Перси и положил трубку.

После этого его больше никто не беспокоил. Он, наконец, смог заняться обработкой справок и сообщений агентов, накопившихся за неделю. Уже в самом конце дня Саливан вызвал всех к себе на совещание. На этот раз оно шло вяло и рутинно. Разработанный в Вашингтоне сценарий президентских выборов на Украине, рассчитанный на то, чтобы окончательно разрушить славянское единство, пока выполнялся без больших сбоев. Бешеные деньги и подкупленные на них политики вместе с агентами влияния делали свое дело.

Безнадежно «похилившаяся» власть пока еще президента Леонида Кучмы уже ничего не значила. Дело несчастного журналиста Гонгадзе, раскрученное «оранжевыми», смертельной удавкой сжималось на его горле. В этой ситуа-

ции ему было не до поддержки своего фаворита — премьера правительства. Тот, оставшись один на один с оппозицией, предпринимал отчаянные попытки удержаться на плаву, но с каждым новым днем шансы на победу таяли, как мартовский снег под ярким весенним солнцем. Осталось сделать последнее усилие, и Саливан уже битых полчаса только и говорил об этом.

Его монотонная нотация ничего другого, кроме недовольных гримас на лицах ветеранов — Перси, Ковальчука и Берда, не вызывала. Им осточертело слушать то, что и так было очевидно. Но Саливан, желая лишний раз покрасоваться перед желторотыми юнцами: Ливицки, Динаром и первой красавицей резидентуры рыжеволосой бестией Грей, продолжал долдонить прописные истины о конспирации и страшал вездесущими агентами Москвы.

Менторский тон шефа все больше раздражал Перси. У него, прослужившего в разведке свыше двадцати лет и прошедшего через чистилище адовой агентурной работы в Москве, Варшаве, Белграде и Тбилиси, эта словесная жвачка давно уже навязла в зубах. Злость и зависть мутной волной поднималась в нем, и было от чего.

После удачно проведенной операции в Тбилиси, когда резидентуре удалось спихнуть потерявшего политический нюх Шеварнадзе, не допустить к власти оказавшегося «бу-мажным» львом «аджарского князька» Абашидзе и ввести в президентский дворец «Майкла бульдозера», он в душе рассчитывал на повышение. Друзья уже поздравляли с успехом и намекали на должность резидента или на худой конец на «теплое местечко» в Лэнгли, но в последний момент все сорвалось. Завистники, тершиеся рядом с директором, посчитали, что с «худым концом» в Вашингтоне делать нечего, и «сплавили» его на Украину.

Здесь ему снова пришлось тянуть лямку под началом очередного «паркетного резидента», чугунной задницей высидевшего себе должность в кабинетах Лэнгли и видевшего живого агента разве что в голливудских триллерах. На-

хватавшись верхушек в разведке и поднаторев в написании докладных, Саливан возомнил себя новым Даллесом и не упускал случая потрепать шкуру таким «старикам», как он, Генри и Николос. Им, «съевшим не одну собаку» на оперативной работе и имевшим на своем счету не один десяток вербовок ценных агентов, и не в каком-то карманном Гондурасе, а в бывшем «советском блоке», скрипя зубами приходилось терпеть его мелочные придирки.

На этот раз Саливан изредка бросал косые взгляды в их сторону и продолжал разглагольствовать. К концу совещания Перси так и подмывало выпалить в эту самодовольную рожу: «Выскачка! Что ты понимаешь в агентурной работе?!. Самовлюбленный болван! Ты годишься только на то, чтобы рассказывать чужие шпионские сказки! Посмотрел бы я на тебя в настоящем деле, когда задница в мыле, а на хвосте сидит русская контрразведка. Это тебе не папуасы с пляжей Новой Гвинеи, где ты каждый год грел свое брюхо!»

подавив вспышку неприязни к Саливану, Перси бросил нетерпеливый взгляд на часы. Стрелки показывали четверть седьмого. До явки с агентом «Бульба» оставалось меньше трех часов, но это его не слишком беспокоило. Прожженный журналиста, без разбора «мочивший» в своих статьях «прогнившую и коррумпированную власть», тот с полуслова понимал, что от него требовалось. Встречи с ним занимали не больше получаса. Слив очередной компромат и получив новое задание, он, дотошно пересчитав полагающийся гонорар, спешил снова окунуться в кипящий интригами «котел украинской политической кухни», чтобы снять жирный «навар».

С ним все было понятно и рутинно. Таких, как он, перед Перси за долгую жизнь в разведке прошли десятки, и все они были на одно лицо. Будь то Варшава, Москва, Тбилиси, Белград или, как сейчас, Киев, везде этими «бульбами», «цезарями», «моурави» двигали непомерное тщеславие, жажда тайной власти и, конечно, деньги!



Наконец фонтан словоблудия Саливана иссяк. Бросив напоследок дежурную фразу о соблюдении бдительности, он закончил совещание. Счастливицы отправились домой, а Перси возвратился в кабинет, чтобы прихватить с собой сканер для поиска «электронных жучков», которыми мог быть «заряжен» агент, пару тысяч долларов для оперативных расходов и затем присоединиться к Ковальчуку, Берду и Грей. Те уже находились в «техничке», там спецы Сэма Дункана «заряжали» их электронными глазами и ушами.

Перси с ними работал не первый раз и потому не испытывал беспокойства. В отличие от Боба Ливицки и Дика Динара, напоминавших молодых борзых на охоте и своим щенячьим визгом лишь привлекавших внимание контрразведки, Генри даже на самых рискованных операциях не терял хладнокровия и вел себя как хитрый лис. Несмотря на свои триста с лишним фунтов, он был подвижен как ртуть, а от его цепких, напоминающих глазки гризли глаз не могло укрыться ни одно подозрительное движение. Николос с Джоан тоже мало чем уступали ему.

Распихав деньги и сканер по карманам, Перси спустился в отдел Дункана. К этому времени Джоан, Генри и Николос уже готовы были выдвигаться на явку. Его появление Ковальчук встретил добродушным ворчанием:

— Марк, а мы уже подумали, что останемся без ужина.

— Это ты скажи нашему «Цицерону», — не преминул помянуть он Саливана.

— Ему только дай волю...

— Генри, черт с ним! — перебил Берд и поторопил: — Время поджимает, вперед!

Ковальчук не удержался, еще раз крепким словцом прошелся по Саливану и, громко сопя, постарался не отстать от легкого на подъем Перси. За ними едва поспевала Джоан. Высокая шпилька на сапоге была помехой при беготне по лестницам, но на публике пять футов и шесть дюймов с точеной фигуркой и бюстом Монро делали ее чертовски привлекательной. Она уже не первый раз «замыливала

глаз» «наружке» и надежно прикрывала своей сексуально неотразимой грудью явки с агентами.

Под щелчки электронных замков на лестничных переходах они галопом промчались по лабиринту коридоров и спустились во внутренний двор. Порыв ветра наотмашь хлестнул по разгоряченным лицам шершавой снежной крупой и запорошил глаза. Чертова украинская зима даже здесь, в Киеве, показывала не европейский, а славянский норов. Перси поднял воротник куртки и нырнул в машину. Послушный его твердой руке «пontiак», похрустывая снегом, покатил к воротам. Вслед за ним тронулись Ковальчук с Грей, замыкал движение на своем синем «форде» Берд.

Впереди, в свете фар, тусклым пятном возникла стеклянная будка. Внутри замельтешили размытые силуэты охраны, и через мгновение металлические створки ворот бесшумно разъехались в стороны. Перси утопил педаль газа, и машина, взметнув снежное облако, устремилась к проспекту. За ним, как привязанный невидимой нитью, ехал Генри. Где-то позади затерялся Николос, ему ничего другого не оставалось, как тупо убивать время, так как до выхода на явочную квартиру оставалось еще больше часа.

Ветер по-хозяйски разгуливал по городу и пригоршнями швырял снег в витрины супермаркетов, окна офисов, ресторанов и ночных баров. Эта снежная круговерть была только на руку разведчикам, так как добавляла лишних забот контрразведке. Пока ее «хвоста» они не заметили, тем не менее, следуя испытанному правилу, решили им подергать.

На очередном перекрестке Перси на скорости промчался на мигающий свет светофора. Слева позади себя разглядел «форд» Генри, дальше они разъехались в стороны, чтобы через несколько кварталов сойтись вновь. Еще четверть часа помотавшись по городу и не обнаружив следов слежки, Перси свернул на хорошо знакомую стоянку перед ночным баром с претенциозным названием «Гетман».

Здесь его привлекали ни столько знаменитая украинская кухня и неизменный гопак в исполнении Мыколы

Нитудыхатки, от которых тащился Генри, сам выходец из Закарпатья, сколько близость бара к явочной квартире. На ней он проводил явки с наиболее перспективными агентами резидентуры ЦРУ. Прошло не больше минуты, и на стоянку въехали Ковальчук с Джоан, уже вместе они прошли к бару.

На входе их встретил колоритный казачура с закрученным в тугую спираль оселедцем на выбритой до зеркального блеска башке. Громяхнув свисавшей до самого пола саблей, швейцар отвесил низкий поклон, широко распахнул дверь и рывкнул так, что нищего, нацелившегося за милостыней на добродушного Ковальчука, сдуло, как ветром.

— Заходите, сэр! Для таких гарных панов, як вы, у нас узэ найдется! — пробасил ряженный детина.

Перси передернуло, и не потому что в его словах слышалась скрытая насмешка. Он не мог понять, как этот истукан с первого взгляда распознал в них американцев.

Генри заиграл желваками на щеках и глухо буркнул:

— Go to hell!

«К черту или куда подальше... Какая разница! Но как этот ряженный болван догадался кто мы? Как?! Русский?.. Украинский агент?.. Стоп, Марк! Так можно и свихнуться!» — подавив в себе раздражение, Перси шагнул вперед.

В вестибюле они не задержались и, не снимая курток, прошли мимо гардероба сразу в зал. В нем было немногочисленно, сказывались непогода и начало рабочей недели. К этому часу в «Гетмане» собралась самая разношерстная публика. Наметанным взглядом Перси прошелся по залу и ничего подозрительного не заметил. Дотошный Генри беглым осмотром не ограничился и задержал внимание на паре, занимавшей места за колонной.

Сиротливо стоявшая на столике бутылка с дешевым вином, хилая закуска и бугрившаяся под свитером узлами мышц необъятная спина его насторожили. Возникшие было подозрения, что это за казенный счет «гуляет» «наружка», рассеялись при одном взгляде на двух его спутниц.

Боевая окраска и вызывающе выглядывающие из глубокого выреза груди не оставляли сомнения в роде их занятий. «Ночные бабочки», распутив яркие крылья, подманивали сексуально-озабоченных «мотыльков».

Осмотревшись по сторонам, Перси выбрал свободный столик у стены, с которого хорошо просматривались вход в зал и проход на кухню. Не успели они еще расположиться, как за соседним столиком двое бритоголовых с золотыми, в палец толщиной цепями на бычьих шеях приняли стойку и жадными взглядами принялись «раздевать» Джоан.

«Бедняга Генри!» — с сочувствием подумал Перси и поискал глазами официанта.

Через мгновение тот, будто черт из табакерки, возник перед столиком. Весь его вид не то что говорил, а просто кричал о том, что в стенах «Гетмана» безраздельно властвует дух незалежной Украины. Широленные синие шаровары, подпоясанные желтым кушаком, выбритая до блеска голова, на которой, напоминая бычий хвост, болтался жидкий оселедец, и закрученные в немыслимую спираль усищи делали его похожим на Рудого Панько из знаменитых гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Расшаркавшись в поклоне, официант вытащил из широченного рукава рубахи меню, но Генри отмахнулся, и тот скороговоркой посыпал названиями блюд украинской кухни. Перси слабо в них разбирался и полностью положился на вкус Ковальчука.

Нотации Саливана, похоже, пробудили в нем зверский аппетит, и он, решив как следует растряссти статью специальных оперативных расходов, не стал мелочиться и заказал уху по-киевски, жаренного фазана в грибном соусе, салат «вечерний каприз» и еще пару блюд, до этого уже проверенных на собственном желудке. По грубой прикидке Перси сегодняшней ужин тянул минимум на тысячу долларов, но это уже была забота казначея и Саливана. По сравнению с теми шальными деньгами, что закачивались в резидентуру, чтобы свалить все еще поглядывающую в сторону России

украинскую власть, какая-то тысяча выглядела просто смешотворной.

Через минуту Перси забыл об этом думать, ароматные запахи, гулявшие по залу, пробудили чувство голода. Рюмка крепкой горилки, которую подсунул Генри, еще больше распалила аппетит. После нее ему показалось, что ничего более вкусного, чем уха из стерлядки, он в своей жизни еще не ел. Но до конца насладиться этим гастрономическим парадом, который горел желанием продемонстрировать Генри, так и не удалось.

Время неумолимо поджимало, до явки с агентом «Бульба» оставалось совсем немного, и уже на ходу Перси пришлось дожевывать остатки жареного фазана. Заскочив в туалет, он терпеливо отсидел положенное на унитазах и, убедившись, что контрразведка на это раз оставила его в покое, вышел в вестибюль и тенью проскользнул на улицу.

Ковальчук, оставшись в одиночестве, так как Джоан кружила в танце голову своей дежурной жертве, не скучал и, кромсая ножом и вилкой елозивший по тарелке огузок птицы, не забывал внимательно следить за тем, что происходило в зале и вестибюле. Прошло пять минут, как Марк покинул бар, но никто не попытался «сесть ему на хвост». Контрразведка, похоже, сегодня отдыхала, и потому Ковальчук мог спокойно отдать своим огромным желудком щирой украинской кухне.

Перси, кутаясь от ветра в воротник куртки, быстрым шагом спускался вниз по улице. Позади осталась приземистая, нахохлившаяся под снежной шапкой церквушка, через десяток шагов, слева, в тусклом свете фонарей зияющим провалом возникла арка проходного двора. Нависавшая над ней выщербленная морда льва не оставляла сомнений, он у цели. Лишним подтверждением тому служил, стоявший неподалеку «форд» Берда — это была последняя подставка перед заходом на явочную квартиру.

Фары машины были выключены — значит, выход на явочную квартиру был чист. По привычке Перси бросил

взгляд за спину и, не заметив слежки, стремительно нырнул в подворотню. Пробежав десяток метров, решил лишний раз подстраховаться, шмыгнул в нишу и затаился. Несмотря на крепкий мороз, грудь обдало жаром. Так происходило каждый раз, когда он выходил на явку с агентом. Чувство близкой, дышащей в затылок опасности и азарт будоражили кровь и щекотали нервы. По натуре Перси был игрок, и эта самая захватывающая из всех игр — игра с контрразведкой — стала тем наркотиком, без которого он уже не мог жить.

Ветер стих, снежная круговерть осела, и в свете фонарей причудливой подковой проступила арка. За ней тусклыми светляками мелькали проносящиеся по улице машины. В наступившей тишине напряженный слух Перси уловил легкий скрип снега, и через мгновение во двор вбежала закутанная по самые глаза женская фигура. Он напрягся, но опасения оказались излишними. Громыкнув дверью, девица исчезла в подъезде напротив.

«Черти тебя носят в такую погоду!» — буркнул Перси, однако не спешил покидать укрытия, выждал минуту и, убедившись, что «хвоста» за собой не привел, решительным шагом отправился на явочную квартиру.

Она находилась на соседней улице и располагалась на втором этаже старого купеческого особняка. Массивная, чудом сохранившаяся после опустошительных набегов «металлистов» бронзовая дверная ручка обожгла ладонь холодом. Перси потянул ее на себя, проскользнул в открывшуюся щель и на одном дыхании взлетел на второй этаж. Здесь царили полумрак и тишина. Нашарив замок, он вставил ключ, повернул на три оборота и толкнул дверь. Она легко подалась, и из прихожей на него пахло запахом испеченных пирогов.

Первым три года назад ее начал использовать для встреч с особо ценными агентами его предшественник Сэм Болтон. Наводку на нее и саму хозяйку он получил из пражской резидентуры ЦРУ. Дочь несостоявшейся «поп-дивы» в

поисках заработка шесть лет назад выехала в Чехию. Привлекательная внешность и знание трех языков сделали ее незаменимой для «новых русских» и «новых украинцев», в последние годы наводнивших Прагу. Среди них оказалось немало тех, кто своими политическими связями в России и на Украине представлял интерес для американской разведки. В резидентуре быстро смекнули, что более подходящей кандидатуры для агентурной разработки «объектов», чем обольстительная «токин-гел», трудно подыскать, и положили на нее глаз.

Подготовка и сама ее вербовка не заняли много времени и прошли гладко. Смышленная и «крученая» в передрыгах, она с полунамека поняла, что от нее требуется, и долго не «ломалась». При «птичьих правах» и проблемах, которые периодически возникали с полицией нравов, такая крутая «крыша», как американская разведка, была весьма кстати, а будущий солидный шпионский приработок пересилил все страхи и опасения.

Вскоре после короткого «шпионского ликбеза» агент ЦРУ «Фиалка», испуская завлекательные ночные запахи, под объективами скрытых видеокамер кружила головы и развязывала языки млевшим от ее чар русским и украинским политикам и бизнесменам. Со временем войдя во вкус новой работы, она осмелела и предложила свои американским хозяевам «семейный шпионский подряд» — подключить к работе простаивающую без дела мать.

В Киеве, в резидентуре ЦРУ это предложение «Фиалки» посчитали запоздалым. Бывшая заведующая армейским клубом, на лице которой даже под толстым слоем грима читались следы бурной и далеко не безгрешной молодости, при всей ее артистичности никак не тянула на современную Мата Хари. Друзья и приятели по прежней службе — «поросшие мхом» отставники — майоры и подполковники лишь изредка, и то после большого бодуна залетавшие к ней на «огонек», чтобы тряхнуть стариной, для разведки давно уже не представляли интереса. А молодые и дико-

растущие паны новой украинской армии обращали на нее внимание, разве что когда помогали перейти «украинский Бродвей» — Крещатик.

Но многоопытный Сэм Болтон, которому резидент поручил изучить обстановку вокруг «мэм», не спешил сбрасывать ее со шпионского счета. Она, а еще больше квартира, расположенная на бойком месте и имевшая удобные подходы, во всех отношениях подходила для конфиденциального приема агентуры. Это предложение Болтона резидент утвердил без колебаний, и Сэм со спокойной душой отправился на вербовку будущей содержательницы явочной квартиры ЦРУ, предвкушая легкую победу.

В тот миг, когда перед ним в распахнувшейся двери возник эдакий сильно подвядший «божий одуванчик», он даже не мог предположить, что беседа с ней будет стоить ему стольких нервов и отнимет не одну минуту жизни. В начале разговора ничего не предвещало бурного и едва не закончившегося скандалом финала. Скучавшая от одиночества, хозяйка, обрадовавшись приходу «друга» дочери, затрещала, как сорока, и Сэму понадобилось все его умение, чтобы деликатно заткнуть этот словесный фонтан и перевести беседу в нужное русло.

Но когда речь зашла о «дружеской услуге» ЦРУ, мадам неожиданно заартачилась. В ней вдруг проснулось и заговорило партийное прошлое. Вбитый замполитами в голову за десятилетия ее безупречной службы марксизм-ленинизм противился всякой связи с коварной «вражеской разведкой», и Болтону, чтобы сохранить лицо перед резидентом, ничего другого не оставалось, как «дожимать» ее до конца.

Закусив удила, он не почувствовал, когда и в какой момент перегнул палку. Мадам, не выдержав напора, «поплыла» и совсем некстати хлопнулась в обморок. Сэм как ошпаренный заметался между еле дышавшим телом и домашней аптечкой. Больше часа приводил ее в чувство, а затем снова взялся за свое. И мадам дрогнула. Ее прошлые



коммунистические убеждения не выдержали испытания — заманчиво хрустящих в руках Болтона долларов.

И сейчас, увидев Перси, она засуетилась и стала настойчиво звать на кухню, из которой аппетитно пахло печеной сдобой. Но он вежливо отказался — до прихода «Бульбы» оставались считанные минуты, и, бросив пару дежурных фраз, проводил ее до кухни, а затем прошел в гостиную. Здесь его ждала деликатная работа, о которой не подозревали ни сама хозяйка, ни агенты. За книжными стеллажами спецами из отдела оперативной техники была хитроумно смонтирована аппаратура скрытой аудиозаписи и видеонаблюдения.

Прикрыв плотно дверь, он прошел к крайнему стеллажу, снял с верхней полки два тома стихов Пушкина и, нащупав на задней стенке шляпку «монтажного шурупа», надавил на нее. За спиной еле слышным шорохом отозвались включенные микрофоны, а в противоположных углах комнаты подмигнули зрачки оживших микроскопических, вмонтированных в стены видеокамер. Теперь каждое слово и жест агента будут бесстрастно зафиксированы, чтобы потом, если он вдруг вздумает «крутить хвостом», не позволить ему соскочить с крючка разведки.

Возвратив книги на прежнее место, Перси принялся на скорую руку накрывать стол. Явки в «сухую» даже с отработавшими свое агентами он старался не проводить, так как сам побывал в их шкуре, когда на заре работы в ЦРУ проходил стажировку в бейрутской резидентуре. Тех двух месяцев ему хватило на все оставшиеся двадцать лет. В Киеве, как там, в Бейруте, засвеченному агенту горло не резали, но это нисколько не делало его жизнь легче. Угроза расшифровки подобно «дамоклову мечу» постоянно нависала над ним, и в отличие от разведчика, защищенного дипломатической «крышей», для «Бульбы» очередная явка могла закончиться арестом. Что поделаешь — шпионский «хлеб» во все времена был не сладок, и потому Перси не стал мелочиться — выставил на стол из стенового бара

бутылку настоящего французского коньяка, к которому агент питал слабость.

К этому времени хозяйка приготовила ужин и робким стуком в дверь напомнила о себе. Перси принял поднос и стал расставлять на столе закуску. Сухой кашель, донесшийся из прихожей, прервал это занятие. Он выглянул в коридор и приветливо махнул рукой неловко переминавшемуся у порога «Бульбе». Тот ответил вымученной гримасой, нервный мандраж читался на его поддрагивающих губах. Несмотря на прошлые заверения Болтона, завербовавшего агента на «жопной компре», в том, что ЦРУ не даст в обиду своего «помощника», «Бульба», приходя на явку, каждый раз испытывал чувство страха.

— Все о'кей, Богдан! Раздевайся! — подбодрил Перси и включил сканер.

Индикатор показал — на агенте нет «прослушки».

«Чистый!» — отметил про себя он, отключил сканер и, широко распахнув дверь в гостиную, пригласил:

— Проходи, Богдан! Твой коньяк ждет тебя!

— Я ненадолго! — сипло ответил «Бульба», торопливо стащил с себя пальто, повесил на вешалку и, на ходу поправив разлохматившуюся гриву волос, прошел в гостиную.

Бутылка коньяка и ужин на столе прибавил ему оптимизма, но задерживаться на явочной квартире, где он чувствовал себя как на электрическом стуле, желания он не проявил и заявил:

— Марк, у меня времени в обрез. Сами видите, что на майдане творится. Не сегодня-завтра мы их скинем!

— Но полчаса, надеюсь, найдется?

— Поймите меня, Марк, там такое... — «Бульба» замылся.

— Найдется, найдется! — стоял на своем Перси и подтолкнул его к столу.

Агент протиснулся бочком между стеной и диваном и плюхнулся в кресло. Перси решительно ухватился за бутылку, разлил коньяк по рюмкам и предложил тост,

— За наши успехи, Богдан!

— И чтобы о них никогда не узнала контрразведка! — мрачно пошутил тот.

— И не узнает! Здесь, на Украине, как у вас говорят, нами все схвачено! — заверил Перси и, пододвинув к агенту блюдо с нарезкой, предложил: — Закуси!

«Бульба» не стал ждать второго приглашения, и через минуту в гостиной раздавался лишь стук вилок и ножей. Хозяйка квартиры знала, как найти путь к сердцу даже самого последнего шпиона, и приготовила отменный ужин. «Бульба» на время забыл о своих страхах и, расправившись с нарезкой, навалился на запеченную в яблоках грудинку. Он плотоядно обсасывал ребрышки молодого поросенка и от удовольствия причмокивал губами. Перси не забывал подливать в рюмку и вскоре по замаслившимся глазам агента определил, что тот созрел для разговора. Но прежде чем перейти к делу, бросил «наживку»:

— Как дела в «Подкове», Богдан?

— Як сажа бела, — хмыкнул тот.

— И все-таки?

— Бегут, як крысы с тонущего корабля. Витьку скоро капец!

— Так, так! А для нас, что есть интересного? — подводил его к заданию Перси.

Этот вопрос сразу поубавил аппетит у «Бульбы». Он с сожалением посмотрел на остатки грудники, вытер губы салфеткой, затем запустил руку в карман пиджака, вытащил смятый сверток и положил на стол.

— Что это?! — озадаченно спросил Перси, но не стал к нему прикасаться.

— Не лякайтесь, цэ не мина! — хмыкнул агент.

— Полагаю, наверно, что-то поинтереснее.

— А як вы догадались?!

— Я еще и не то знаю, — осадил зарвавшегося агента Перси и сухо спросил: — Так что там?

— Кино и дуже, дуже интересное!

— О чем?

— О, том, шо прихлебатели «москалей» замышляют против нас.

— Запись подлинная?

— А разве я вам когда «липу» подсовывал?! — обиделся «Бульба».

— Извини, Богдан, ты меня не понял! — быстро отыграл назад Перси и пояснил: — Я имею в виду источник ее происхождения.

— Не сомневайтесь, человек надежный. Сидит там, где надо, но... — и здесь агент замялся, — сами понимаете, за просто так пуп рвать не собирается.

— Все понятно. Ни он, ни ты в накладе не останетесь, — поспешил заверить Перси и полез в карман пиджака.

«Бульба» перестал жевать, а его глаза алчно загорелись, когда на стол одна за другой посыпались маняще шелестящие купюры. Полторы тысячи, похоже, особого прилива энтузиазма у агента не вызвали. Он не спешил забирать деньги и буравил взглядом американца. Тот, поколебавшись, прибавил к ним еще пятьсот и с сарказмом произнес:

— Можно сказать, от души отрываю!

— Ладно, не прибедняйтесь, Марк! За них вы три шкуры с нас сдерете! — не остался в долгу «Бульба», сгреб деньги и сунул в карман.

Перси, зная сволочной характер агента, не стал задираться и перешел к делу. Выложив на стол фотографию, спросил:

— У тебя есть к нему подходы?

«Бульба» мельком глянул на нее и с усмешкой ответил:

— Если с тыла, то я всегда готов. Судя по роже, его попка очень даже подойдет для моего «гондураса».

Перси поморщился, «голубые пристрастия» агента у него, человека строгих пуританских взглядов, вызывали чувство брезгливости, и сухо сказал:

— С «гондурасом» или без него, но нас будут интересовать его московские связи. В первую очередь, с кем

встречается, характер контактов и, конечно, каналы финансирования

— О, «бабки» — они всем нужны! — протянул «Бульба» и, повертев в руке фотографию, ответил: — Прямых выходов на него у меня нет.

— А ты, Богдан, постарайся! Очень постарайся! — не отступал Перси и, чтобы разжечь честолюбие агента, объявил: — За тобой материал, а за нами твоя поездка в Штаты и публикация в самом крутом журнале.

— О, це дило! С такой подмазкой я его точно насажу! — загорелся «Бульба».

— Но это надо сделать как можно быстрее.

— Накиньте еще, и за мной не заржавеет!

— Об этом можешь не беспокоиться.

— Тогда не вижу проблем. Бабки ваши, а секреты наши! — хохотнул «Бульба».

— Вот и договорились! — подвел Перси итог явки, и они вернулись к ужину.

Покончив с остатками грудинки и коньяка, «Бульба» тут же начал собираться. Перси не стал его задерживать и, проводив до двери, вернулся в гостиную, отключил записывающую аппаратуру, а затем выждал еще десять минут на тот случай, если во дворе дежурила «наружка», и только потом решил уходить. Придремавшая в своей комнате хозяйка, услышав шум шагов, выглянула в коридор и, смущаясь, заинтересовалась:

— Может еще что, господин Марк?

— Нет, спасибо! Все было хорошо! Мы уже закончили, — отказался он и, пожелав спокойной ночи, покинул квартиру и спустился вниз.

Крепчайший с каждой минутой мороз разогнал по домам последних гуляк. Внимательный взгляд Перси не обнаружил следов «наружки» ни во дворе, ни на выходе на улицу. Лишь впереди, в тусклом свете занесенных снегом фонарей, угадывался под шапкой снега «форд» Берда. Тот тоже заметил его и дважды подмигнул фарами. Теперь Перси

был окончательно уверен в том, что ни он сам, ни «Бульба» не засветились перед контрразведкой, и, подгоняемый порывами ветра, возвратился в бар «Гетман».

За время, проведенное на явке с «Бульбой», здесь мало что изменилось, разве что в зале прибавилось народа и шума. На крошечном пяточке перед эстрадой под звуки тяжелого рока в клубах сизого дыма тряслась и дергалась подогретая градусом публика. Взгляд Перси остановился на сиротливо сидевшем за столиком Генри, и он в душе посочувствовал ему. Наливаясь яростью, тот не спускал глаз с двух обвешанных золотыми цепями «качков», нахально пялившихся на Джоан. Он понял, что вернулся вовремя и, решительно работая локтями, стал продираться через толпу к столику.

— Ну наконец, Марк! Ты что там, со своей старухой забавлялся?! — при виде его раздраженно произнес Ковальчук.

— Все о'кей, Генри! Можно сниматься!

— Слава богу! Еще секунда, и я бы этим бритым обезьянам черепа раскроил!

— Не стоит!

— Ладно, черт с ними! Ты как отработал?

— Нормально! А как у вас?

— Все чисто! Ты ушел без хвоста, — снова оживился Ковальчук и предложил: — Выпить не хочешь?

— Нет! С меня хватит! — отказался Перси и поискал взглядом официанта.

Тот терся неподалеку и тут же отреагировал на движение за столиком американцев. Юлой подкатился к ним и, ослабившись в дежурной улыбке, поинтересовался:

— Чего господа еще изволят?

— Расчет! И быстрее! — рыкнул Ковальчук.

— Сейчас, сейчас! — засуетился официант и исчез за ширмой.

Счет, с которым он вернулся, не добавил настроения Генри. Недовольно бурча под нос, он отсчитал тысячу сто

долларов и швырнул на стол. Перси тем временем подхватил под руку подошедшую после танца Джоан и увлек ее к выходу. Ковальчуку хватило выдержки мирно разойтись с набывшимися «качками». Прячась от ветра, швырявшего в лицо пригоршнями снег, они прошли к машинам. Джоан села за руль, Генри плюхнулся рядом, и она первой выехала со стоянки, вслед за ней тронулся Перси. К себе он возвращался в приподнятом настроении, день завершился результативной явкой с «Будьбой», и об этом напоминала приятно оттягивающая карман пиджака видеокассета. Несмотря на заносы, нога непроизвольно давила на педаль газа, ему не терпелось поскорее ознакомиться с ней.

Подъехав к гаражу, он бросил ключи дежурному, предоставив тому заниматься машиной, а сам поднялся в квартиру. Предвкушая удовольствие первым увидеть «убойный материал», вставил диск и включил ноутбук. На дисплее крупным планом возникли лица известных украинских политиков. Их беседа, похоже, проходила на загородной даче. Он внимательно вслушивался в разговор, пытаясь понять, о чем идет речь, но так и не смог: украинский язык оставался для него «китайской грамотой». Поэтому, предоставив на завтра спецам Дункана разбираться в премудростях украинской речи, Перси выключил ноутбук и отправился в спальню, а уже через пять минут спал крепким сном.

На этот раз его не преследовали кошмары — Сталин, Ленин и Дзержинский вместе с компанией чекистов не гонялись за ним, как за зайцем, среди бронзово-каменных идолов в парке «Центрального дома художника». Впервые за последние дни Перси спал безмятежным сном. Следующее утро для него началось с уже ставшего привычным пронзительного визга труб и боя барабанов «оранжевых бойцов», направлявшихся на автобусах к центру Киева. Под их звуки он закончил зарядку, принял душ, на скорую руку перекусил и выехал в посольство.

Плотный снег весело поскрипывал под колесами «понтиака». О вчерашнем ненастье напоминали лишь глубокие

сугробы и бесконечные автомобильные пробки на дорогах. Только через сорок минут он добрался до посольства и остановился перед воротами. Их створки нехотя покатались в стороны, но на полпути застопорились. Встревоженная охрана засуетилась у пульта, пауза затягивалась. Перси вытащил из кармана зажигалку, сигареты, открыл окошко и закурил.

В какой именно момент, он не заметил, рядом с машиной возникла долговязая мужская фигура в длиннополом коричневом пальто. Высоко задранный воротник и низко надвинутая на глаза зимняя шапка скрывали лицо. В следующую секунду рука неизвестного взметнулась, и он съехался. Предательский холодок обдал спину и затем разлился тошнотворной слабостью по животу. В окошко влетел и шлепнулся на сидение серый комок. Несколько секунд Перси тупо смотрел на него, а когда поднял глаза, то след «метателя» уже простыл. Коричневое пальто последний раз мелькнуло за фонарным столбом и затем затерялось в толпе пешеходов.

Перси снова уставился на комок бумаги, но так и не прикоснулся, сказывалась многолетняя выучка разведчика. В нем могло находиться все что угодно, начиная с обращения «изменника на месте», так со времен «шпиона века» — полковника ГРУ Олега Пеньковского в ЦРУ прозвали предателей, инициативно предлагавших свои услуги разведке, и кончая мелкой пакостью очередного сумасшедшего. В последние дни их число росло в геометрической прогрессии, лишним свидетельством тому служили облитые краской ворота и стены посольства. И все же любопытство взяло верх и пересилило осторожность. Он развернул замусоленный ком бумаги. На нем на русском языке был отпечатан странный текст.

«Грозно ступает Сатана.

Под сенью молодого Тополя.

И в той поступи чуткому уху слышится — Тэ-Тэ-Ха-Ха!»



После дурацкого стишка шел бессвязный набор слов, среди которых изредка попадались цифры.

«Бред какой-то!» — подумал Перси и уже собрался было выбросить опус сумасшедшего поэта, но инстинкт разведчика заставил остановиться.

«Стоп! Просто так записки в дипломатические машины не швыряют. Здесь что-то кроется... Но что?! Не будем гадать! Пусть с этим разбираются аналитики!» — решил он, вытащил из кармана платок и сложил записку.

К этому времени охрана разобралась с забарахлившей электроникой, и створки ворот медленно поползли в стороны. Не дожидаясь, когда зеленым светом вспыхнет въездной светофор, Перси нажал на педаль газа.

## Глава 3

Перси поставил машину на стоянку во дворе посольства и, подгоняемый любопытством узнать, что же скрывается за странным текстом записки, поспешил к себе в кабинет. Рутинная проверка на постах на этот раз затянулась. Впопыхах он забыл в машине кейс с электронной картой и оказался заблокированным в проходном тамбуре. После освобождения из «мышеловки», вызвавшего недвусмысленные намеки у дежурного службы внутренней безопасности, ему пришлось возвращаться к машине.

Карта оказалась на месте, и на этот раз благополучно пройдя проверку «электронного глаза», он поднялся в крыло резидентуры. Здесь как всегда было тихо — разведка не любит суеты. Безликие двери были плотно прикрыты, и лишь у приемной Саливана наблюдалось движение. Лишний раз, тем более с утра, сталкиваться с резидентом у него не было ни малейшего желания, и, незаметно прошмыгнув к себе в кабинет, он захлопнул дверь на защелку и, отложив все дела в сторону, занялся расшифровкой записки.

Прошло полтора часа, но ему так и не удалось отыскать ключ к шифру. Не помогли и электронные мозги, компьютер сердито потрескивал и каждый раз высвечивал на экране одну и ту же абракадабру. Тот, кто загадал эту головоломку, имел, видимо, богатую фантазию и изощренный ум. Он будто насмеялся над Перси. Эти «Ха-Ха!» в последней

строчке идиотского стишка окончательно вывели его из себя.

«Мерзавец! Мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним! Я все равно докопаюсь!» — завелся Перси и снова засел за компьютер.

Время шло, но он так ни на шаг не приблизился к разгадке тайны записки. Ее затянувшийся поиск все больше убеждал его в том, что на этот раз выпала не «пустышка», какими в последнее время засыпали резидентуру тронувшиеся на почве политической шизофрении «друзья Америки», а настоящий «изменник на месте».

«Кто ты? Что у тебя за душой?.. Хотя и так ясно. У всех у вас одно на уме — деньги!.. Сколько же ты хочешь?» — размышлял Перси, но ответа на эти вопросы так и не получил.

Требовательный стук в дверь оторвал его от расшифровки. Уже по тому, как она задрожала, он догадался — это был Ковальчук, и, прикрыв записку папкой, пошел открывать.

— Кажется я вовремя?! — пробасил тот и, дохнув в лицо вчерашним «букетом» из «Кобзаря», ворчливо произнес: — Марк, ты почему с «Черным Джеком» без лучшего друга разговариваешь?

— С чего ты взял?!

— Не прикидывайся! Закуску я уже вижу.

— Какую?! — недоумевал Перси и, перехватив взгляд Генри, жадно шаривший по столу, поколебавшись, убрал папку в сторону.

— Что за ерунда? — с разочарованием протянул тот, и его уже было загоревшиеся глаза потухли.

— Сам пока не знаю. Сегодня утром в машину подбросили.

— Да?.. И почему мне ничего не кидают? Я бы от хорошенькой блондинки с ракетными секретами не отказался, — хохотнул Ковальчук, но через мгновение улыбка исчезла с его лица, и в нем проснулось профессиональное любопытство.

— Что-нибудь серьезное?

— Черт его знает? Второй час бьюсь, и никакого толка!

— Может я чем-то помогу?

Перси замялся. «Железное» правило «что известно тебе, позволено знать только резиденту», вбитое в голову в первые дни службы в ЦРУ, не позволяло делать этого. Но Генри был одним из немногих в резидентуре, к кому он испытывал искреннюю симпатию и доверие. Почти его одноклассник, тот прошел в разведке все и умел держать язык за зубами. И сейчас в его маленьких, спрятавшихся за выступающими скулами медвежьих глазках разгорались азартные огоньки, а в голосе прорвалась плохо скрываемая обида:

— Марк, ты же меня хорошо знаешь?! Я не побегу звонить по посольству! В этом клоповнике и без меня звонарей хватает.

— Ладно, попробуй, — уступил Перси и передал записку.

Ковальчук с трудом втиснулся в кресло, взял в руку лупу и склонился над ней. Ноздри его большого и хрящеватого носа затрепетали, как у гончей, взявшей след. Внимательно осмотрев лист, потом сам текст, он заключил:

— Одно могу точно сказать, сочинил не дурак.

— Ни одного следа не оставил, — согласился Перси.

— И что?! Отпечатки пальцев и прочая ерунда ничего не стоят, если этот писатель сам не объявится. А он, поверь мне, рано или поздно даст о себе знать. Не для того задницу морозил у ворот.

— Я тоже так думаю, если, конечно, его раньше нас контрразведка не прихватит.

— Украинская?! А зачем?! — и Ковальчук скептически пожал плечами.

— А русская? — напомнил Перси.

— Исключать нельзя, но прежде следует определиться с самим метателем.

— Расшифруем, и тогда станет ясно.

— Сколько ты над ней бьешься?

— Часа два, и никакого толка!

— Попробую, может получится, — самоуверенно заявил Ковальчук и снова взялся за записку, но каждый раз из-под его руки выходила бессмыслица.

Потеряв терпение, он с раздражением бросил:

— Китайская грамота! Ни черта не разберешь. Докладывай Саливану, у него голова большая, пусть сам ломает!

— Придется, — согласился Перси и взялся за трубку телефона.

Резидент оказался на месте и, не дослушав доклад до конца, немедленно потребовал к себе. Сунув записку в папку, Перси торопливо стащил с себя свитер, швырнул на кресло и направился к стенному шкафу. Педант Саливан не терпел на службе свободного стиля, и ему поневоле пришлось менять гардероб. Выбрав темно-синий пиджак в мелкую полоску, он замялся перед пестрой охачкой галстуков. Ковальчук, молча наблюдавший за приготовлениями, не удержался и съязвил:

— Марк, носки тоже смени, белые будут как раз в тему. Да, и не забудь, когда войдешь, каблуками щелкни. Он такое любит!

— Пошел ты... — незлобно огрызнулся тот и подтолкнул Ковальчука к двери.

Захлопнув ее на замок, он спустился в приемную Саливана, там было пусто, и сразу прошел в кабинет. Резидент был один и короткими шагами мерил свободное пространство за креслом. Перси по походке догадался, что сообщение о «Метателе» заинтриговало его. И в этом своем предположении не ошибся. Саливан с ходу перешел к делу и потребовал:

— Выкладывайте, Марк, что там у вас?

Он подошел к столу и положил папку. Резидент опустился в кресло, пододвинул ее к себе, достал записку, внимательно осмотрел и затем распорядился:

— Присаживайтесь! С ней разберутся специалисты, а пока доложите, как все произошло.

Перси занял место за приставным столом и, стараясь не упустить деталей, приступил к рассказу. Он занял не больше двух минут.

— Не густо, — подвел итог Саливан и, стрельнув из-под очков колючим взглядом, спросил: — Марк, а почему только сейчас доложили?

Здесь, в кабинете резидента, эта затянувшаяся возня с запиской со стороны выглядела по-дилетантски. Ему ничего другого не оставалось, как молча проглотить упрек.

— Понятно! — не стал больше теревить Саливан и нажал кнопку на пульте вызова.

Ответил дежурный из службы безопасности.

— Слушаю вас, сэр? — пророкотало в кабинете.

— В просмотровой зал видеозапись с камер внешнего наблюдения!

— За какой период?

— Сегодняшнюю! С семи до восьми тридцати.

— На каком участке?

— От въездных ворот и подходов к ним.

— Будет исполнено, сэр!

В кабинете еще не стих отзвук голоса дежурного, а Саливан уже давил на другую кнопку. На этот раз ответили из технического отдела. Это был сам начальник — Сэм Дункан.

— Сэм, срочно зайди ко мне! — распорядился он.

— Хорошо, сэр! — еле слышно прошелестело из динамика.

Перси напрягся в ожидании новых неприятных вопросов, но Саливан оставил его в покое и снова принялся внимательно рассматривать записку.

«Сам туда же! То же мне, Шерлок Холмс! Посмотрю, что у тебя выйдет?» — с раздражением подумал Перси и отвернулся к окну.

Крепкий мороз нарисовал на стекле замысловатые рисунки, и он, чтобы лишний раз не встречаться взглядами с Саливаном, принялся разгадывать их. Отвлёк его от этого

занятия стук двери и тихий шорох шагов. На пороге возник иссушенный, будто египетская мумия, Сэм Дункан. На беднягу, сутками просиживавшего в кабинете, невозможно было смотреть без слез. Большущая, напоминающая страусиное яйцо голова каким-то чудом держалась на гусиной шее. Щедедушное тело подпирала тонкие, полусогнутые в коленях, как у кузнечика, ноги. Половину желтого, словно пергаментная маска, лица, скрывали огромные, в толстой роговой оправе очки. Это был лучший мозг и технарь резидентуры. Саливан высоко его ценил и, протянув папку с запиской, с неожиданной теплотой произнес:

— Я на тебя очень рассчитываю, Сэм.

— Что здесь, сэр? — похожим на скрип плохо смазанной дверной петли голосом спросил он.

— По твоей части, надо расшифровать.

— Когда?

— Немедленно!

— Постараюсь!

— Старайся, Сэм! Старайся! Как только появятся первые результаты, доложить мне лично!

— Хорошо, сэр! — проскрипел Дункан и тенью растворился за дверью.

В это время на столе ожил телефон, звонили из просмотрового зала, там все было готово. Саливан посмотрел на часы, затем на Перси и поторопился:

— Поспешим, Марк. У меня не больше пятнадцати минут.

Тот живо поднялся из кресла и присоединился к нему. Стремительным шагом они прошли по коридору и свернули в крыло, где находился небольшой кинозал. На входе их встретил дежурный службы внутренней безопасности и, пробежав тревожным взглядом по лицу Саливана, спросил:

— Что-то случилось, сэр?

— По твоей части, Майкл, ничего! — не стал вдаваться в подробности тот, прошел на задний ряд, сел с краю и распорядился:

— Включайте запись!

Дежурный прошмыгнул в операторскую кабину. Свет в зале погас, и на экране крупным планом возникли улица и тротуар у забора посольства. Прошла минута, за ней другая, но «долговязого» метателя записки среди человеческого муравейника, сновавшего перед посольством, Перси не заметил и предложил:

— Сэр, повторим еще раз, только пусть скорость записи уменьшат?

— Хорошо, Марк, — согласился тот и распорядился: — Дуглас, повторите еще раз, только помедленнее.

— Есть, сэр! — ответил тот и исчез в операторской.

В ней что-то громыхнуло, и кадры на экране слились в одну серую полосу. Прошла минута, другая, и затем они медленно поплыли перед глазами Перси.

— Стоп! Стоп! — закричал он, и кадр застыл на экране.

На нем крупным планом камерахватила его «форд» и серый силуэт, надвигавшийся справа.

— Дальше! Дальше! — торопил Перси оператора.

Силуэт принял очертания мужской фигуры и навис над машиной. Перси подался к экрану и силился разглядеть лицо «метателя», но морозная дымка и неподходящий ракурс не позволяли сделать этого.

Саливан вообще ничего не разобрал и потребовал от оператора:

— Дуглас, поищите подходящий план и дайте эту рожу крупным планом!

Перед ними вновь быстро замельтешили кадры, и, когда запись остановилась, все свободное пространство экрана занял «Метатель» в коричневом пальто. Но и на этот раз его лицо невозможно было рассмотреть, оно скрывалось за высоко поднятым воротником и под нахлобученной до самых глаз шапкой.

— Один нос торчит и больше ничего! — в сердцах бросил Перси.



— Да-а, по нему даже наш Сэм вряд ли что узнает, — мрачно обронил Саливан поднялся с кресла и распорядился: — Марк, оставайтесь и продолжайте работать! Постарайтесь выжать все, что можно!

— Хорошо, сэр! — заверил тот и опустился в кресло.

После ухода Саливана он еще около получаса просидел перед экраном, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, но «Метатель» не дал ни малейшего шанса. Дуглас уже в четвертый раз прокручивал запись, выискивая подходящие кадры и ракурсы, и каждый раз перед Перси всплывало одно и то же. Синие пуговицы на пальто, верхняя из которых болталась на истрепанных нитках. Тонкие губы, посиневший на морозе нос и густая щетина на щеках никак не хотели складываться в одно целое и расплывались бесформенным бледным пятном.

Устав от этого бесплодного занятия, Перси, оставив дальше разбираться с «Метателем» психологам и физиономистам, вернулся к себе в кабинет и впустую до самого вечера провозился с документами. Его заклонило на дежурной докладной, так как все мысли крутились вокруг «Метателя». Подошел к концу рабочий день, но ни Саливан, ни Дункан так и не напомнили о себе. Он не стал больше ждать и, плюнув на докладную, закинул материалы в сейф и отправился домой.

Там его ждали пустота и одиночество. После душа, вяло прожевав бутерброд и выпив кружку кофе со сливками, он включил телевизор и отдался во власть баскетбола. Игра «Чикагских буйволов» на время отвлекла от назойливых мыслей о «Метателе». Победа любимцев подняла настроение, и, прежде чем лечь, он позвонил домой. Трубку взяла жена, голос Маргарет звучал так, будто она находилась рядом, и отзывался щемящей тоской в сердце. Прошло больше семи месяцев с того дня, как они виделись в последний раз, и сейчас каждое ее слово теплом согревало душу.

Большие и маленькие радости — успех Джона на автогонках, удачный дебют Мери на сцене университета,

ожившие после неожиданно грянувших заморозков ирисы, о которых с гордостью рассказывала Маргарет, заставили на время забыть о «Бутьбах», «Кобзарях» и «Мовчанах». В последние дни от одного их вида, а еще больше от мерзости того компромата, что они вываливали на явках, его начинало тошнить. После разговора с ней он с легким сердцем забрался в постель, но едва голова коснулась подушки, как под ней ожил и требовательно напомнил о себе сотовый. На нем высветился номер Берда, и через секунду тот напомнил о себе.

— Ты меня слышишь, Марк? Ты слышишь?! — настойчиво добивался он.

— Да! Да!

— Срочно приезжай в посольство.

— А что случилось?!

— Это не телефонный разговор! — ушел от ответа Берд и отключился.

Сон сняло как рукой. Отшвырнув одеяло, Перси соскочил с кровати, рысью проскакал в ванну, сполоснул лицо, на бегу оделся и спустился в гараж. Придремавший дежурный очумело уставился на него, а затем на часы. Стрелки показывали начало второго. Но ему было не до того, его терзали самые противоречивые мысли:

«Джон на гонках попал в аварию?.. Мэри?.. Нет! Этого не может быть! — успокаивал себя он. — Зачем было Маргарет скрывать это! Провал в резидентуре?.. Контрразведка взяла нашего агента?.. Вряд ли. Украинцы сквозь пальцы смотрят на нашу возню, а у других руки короткие. У «оранжевых» с «синими» сдали нервы и они схлестнулись в драке?.. Непохоже. На улицах тихо. Остается одно! Сэм расшифровал записку «Метателя!» — и сердце радостно трепыхнулось в груди Перси.

С этой мыслью он переступил порог кабинета Саливана. Тот был не один, в креслах уже сидели Сэм Дункан и Николос Берд. Несмотря на глубокую ночь, они выглядели бодро. Даже на пергаментном лице-маске Сэма проступил

еле заметный румянец. Саливан не скрывал радости и, изменив казенной манере, почти дружески произнес:

— Надеюсь, Марк, вы не пожалеете, что не досмотрели седьмой сон?

— Сэр, я и до первого не добрался! — оживился он, прочитав на лице резидента подтверждение своей догадке.

— Ничего страшного, посмотрите в следующий раз. А сейчас проходите и присаживайтесь! — добродушно произнес Саливан.

Заняв место рядом с Дунканом, Перси скопил глаз на синюю папку в его руках.

— Сэм неплохо поработал и расшифровал записку вашего «Метателя», — перехватив взгляд, пояснил Саливан и распорядился:

— Приступай, Сэм!

Тот поправил очки, раскрыл папку и принялся монотонно, будто пономарь на паперти, читать:

— Сатана. Тополь. ТТХ. Последнее, возможно, следует понимать как тактико-технические характеристики, — осторожно пояснил он.

«Безмозглый идиот!.. Как все просто!» — чертыхнулся про себя Перси.

— Сатана — пятьдесят. Тополь — сто, — продолжал бубнить Дункан.

«Надо полагать тысяч, и не их «деревянных» гривен, а наших долларов», — заключил Перси.

— Математический алгоритм траектории движения боевого блока при наведении на цель — триста, — читал дальше Дункан.

— А у него губа не дура! Ставки круто поднимает! Если так дальше пойдет, то у нас никаких денег не хватит! — хмыкнул Берд, тоже сообразивший о чем идет речь.

— На этом его требования заканчиваются, и следует предложение, — не поддержав шутивого тона Николоса, сухо произнес Саливан и кивнул головой Дункану.

Тот перевернул лист и зачитал последний абзац.

— Если мои предложения покажутся вам интересными, жду ответ завтра в Интернете, на сайте «Ракетная техника; новинки, изобретения и предложения для коллекционеров». Ключ для зашифровки вам известен.

Перси с Бердом многозначительно переглянулись — это было что-то новое в их разведывательной практике, но первым никто не спешил высказаться. Саливан тоже не торопился с ответом. Час назад, когда Дункан доложил о расшифровке записки и зачитал ее, он отказывался в это поверить. Нелюбимая удача свалилась, словно снег на голову. Не прошло и двух дней, как резидентура начала охоту за русским «Тополем», а его секреты сами плыли в руки.

— Сэр, о таком подарке можно только мечтать, — все, что нашелся сказать Перси.

— Как у Диснея! Еще не успела высохнуть краска на шифровке директора, а гонец с секретами уже стучится в дверь, — скептически заметил Берд.

— С «Сатаной» более или менее ясно. А вот о каком «Тополе» идет речь, о новом или старом? Если о старом, то по нему нам многое известно, — терялся в догадках Дункан.

— Совершенно верно, Сэм! И тут возникает закономерный вопрос, а может это приманка контрразведки? — предположил Берд.

— Николос, вы полагаете, что она подставляет нам жирного живца, чтобы мы с ходу заглотели? — Саливан задал тот самый вопрос, который вольно или невольно возник у всех.

— Думаю, да! Но только не украинская! — категорично заявил он. — Если это подстава, то русских.

— А вдруг «изменник на месте»? — не согласился Перси.

— Допустим! Но тогда непонятно, за каким чертом ему тащиться в Киев, когда есть Москва? — недоумевал Дункан.

— Ну почему, Сэм! Здесь есть свой резон. На Украине у русской контрразведки руки короткие, — поддержал Саливан версию Перси.

— А может именно на этом она и строит свою комбинацию! — стоял на своем Берд. — Мы клюнем, потом через него нас вытащат в Россию и там накроют на тайнике. Далеко за примерами ходить не надо, вспомните про «Гомера».

— Вряд ли. На Лубянке не дураки сидят и через четыре года повторяться не станут! — возразил Перси.

— Как бы там ни было, но, судя по содержанию записки, источник информации может оказаться очень перспективным. На мой взгляд, имеет смысл пойти на риск, — неожиданно твердо заявил обычно осторожный в оценках Дункан.

— Сэм, из теплого кабинета оно конечно виднее! Хотел бы я на тебя посмотреть, когда лапы за спиной сплетут, а потом рожей об асфальт трахнут, — с сарказмом заметил Берд.

И без того унылая физиономия Дункана совсем скусилась и стала еще больше походить на трагическую маску. Ему на помощь пришел Перси и примирительно сказал:

— Николос, перестань накручивать! Никто не собирается лететь в Москву. Сначала здесь его выпотрошим, а там посмотрим.

— Вам решать. Я свое мнение высказал, — буркнул Берд и отвернулся к окну.

Последнее слово оставалось за Саливаном, но он не торопился с ним и напряженно размышлял. Ситуация действительно складывалась нестандартная. «Метатель» был не первым и не последним в череде тех, кто торговал секретами, но тот напор, с каким он добивался ответа на свое предложение, вызывал невольный протест. Еще больше раздражала та трудно объяснимая настойчивость, если не сказать наглость, с какой этот торговец секретами навязывал свои условия и диктовал время ответа. Отдавая должное его находчивости — вести переговоры в Интернете, где могла утонуть любая контрразведка, Саливан не находил ответа на главный вопрос: «Почему именно завтра?»

— Почему?! — вслух произнес он.

— Что вы имеете в виду, сэр? — уточнил Перси.

— Я хочу понять, почему первый сеанс связи он назначает на завтра? Почему?!

— Уже сегодня! — поправил Дункан и, посмотрев на часы, заметил: — В нашем распоряжении осталось меньше двадцати двух часов.

— Может, он ограничен во времени? — предположил Перси.

— Или имеет серьезные денежные проблемы. Мафия, конкуренты и всякое такое. Здесь и в России подобное часто происходит, — напомнил Дункан.

— А если за ним стоит контрразведка и загоняет нас в цейтнот? — гнул свое Берд.

— Не исключаю, но на ее почерк не похоже, — возразил Перси.

— Пока можно сказать одно, действует он далеко нестандартно, — заключил Дункан.

— Стандартно или не стандартно, но помяните мое слово, этот фантом еще поморочит нам головы, — мрачно заметил Берд.

— Фантом?! — повторил за ним Саливан и после короткой паузы неожиданно бодро заявил: — А что, многообещающее название для будущей операции.

— Я за нее не возьмусь, — пробурчал Берд.

— И не надо! С таким настроением, как у вас, Николос, не только ее, но и ловлю кур вам поручать нельзя, — сухо отрезал Саливан и остановил взгляд на Перси.

Тот заерзал на стуле и вяло, чувствуя безнадежность своего положения, возразил:

— Сэр, я с выборами захлебываюсь.

— Ничего, Марк, не утонете, мы поможем! А если контакт с «Фантомом» получит развитие, я вас полностью разгрузу.

— Хорошо, сэр! — вынужден был согласиться он.

— Вот и отлично! — подвел итог Саливан и переключился на Дункана. — Ты, Сэм, срочно займись подготовкой ответа «Фантому». Через час положить мне на стол!

— Будет еще раньше! — заверил тот.

— А мне что делать, сэр? — спросил Перси.

— Ждать, как только ответ будет готов, запустите по чистому каналу в Интернет.

— Ясно!

— Тогда за дело, господа! — закончил ночное совещание Саливан.

Перси спустился к себе в кабинет, заварил крепкий кофе и выпил одну за другой две чашки. После них в голове прояснилось и, чтобы до прихода Дункана скоротать время, он открыл сейф и засел за докладную. Но работа не шла, все эти справки и донесения агентов сейчас казались «постной кашей без соли для мозгов». В них гвоздем засела будущая, рисовавшаяся в воображении захватывающими сценами, операция с «Фантомом». В глубине души он остался доволен, что Саливан остановил свой выбор на нем, по большому счету это было справедливо. С него все началось и на нем, Марке Перси, должно закончиться. Операция с «Фантомом» может и должна стать громким и заключительным аккордом в его карьере разведчика.

Прервал эти тешащие его тщеславие размышления Сэм Дункан. Его голый череп возник в дверном проеме.

— У меня все готово, Марк, — объявил он.

— А Саливан утвердил?

— Да! Можешь отправлять хоть сейчас.

— Отправим, но сначала хотелось бы посмотреть.

— Как хочешь, — пожал плечами Дункан и положил на стол два листка бумаги.

На первом, где была зашифровка, Перси внимания не задержал. Это было обычное письмо-прикрытие, которыми перебрасывались между собой коллекционеры. На втором — содержание ответа «Фантому» занимало всего четвертушку листа и начиналось...

*«Наш друг! Мы признательны Вам за это обращение. В нем есть хорошая основа для перспективного партнерства. В качестве первого шага предлагаем провести личную встречу 19 декабря в семнадцать часов в баре «Гетман»...»*

Здесь Перси прервал чтение, с удивлением перевел взгляд на Дункана и спросил:

— А почему в «Гетмане»?

— Спроси у Саливана. Это не мое дело, следить по каким кабакам ты таскаешься, — хмыкнул Дункан.

— Понятно... Уже настучали! — процедил Перси и снова уткнулся в текст.

*«Там вас встретит известное вам лицо. Чтобы не произошло ошибки, на нем будет синий галстук в желтый горошек и стального цвета пиджак...»*

— Без меня меня одели! Хоть бы спросили! — проворчал Перси.

— А чем тебе не нравится? Радуйся, за счет заведения гардеробчик обновись, — поддел Дункан.

— Нечего сказать, хорош гардеробчик! Синий галстук! К нему только портрета Кучмы не хватает! Вы что, с Саливаном решили меня заживо похоронить?!

— Не понял?

— А что непонятного. «Оранжевые» с таким маскарадом в «Гетмане» скальп с меня еще на входе снимут.

Дункан рассмеялся и с легкой иронией произнес:

— Радуйся, Марк, что Саливан еще портрет Сталина тебе не прицепил. Карман у пиджака оказался маловат, пришлось красным платком обойтись.

— Час от часу не легче. После такого «голубые» и «оранжевые» меня точно в коммунисты запишут! — хмыкнул тот и вернулся к записке.

*«Ваш финансовый интерес понятен, желательно на встрече подкрепить его конкретными материалами. Да поможет Вам Господь!»*

— Какой здесь Господь? Лишь бы черт не попутал! — фыркнул Перси и, бросив папку с документами в сейф, спросил:



— Как отправлять?

— По сотовому. С него выстрелишь в Интернет, — пояснил Дункан и, положив на стол телефон, вышел.

Перси зачихнул его в карман, и, прежде чем отправиться в город, по старой привычке проверил запись ответа «Фантому». Несмотря на ночную суматоху, подчиненные Дункана не допустили сбоя, оба текста на листе и в телефоне совпали до точки, до запятой. Осталось только запустить сообщение в Интернет, а потом запастись терпением и ждать, когда в электронной паутине появится ответ. В том, что «Фантом» даст о себе знать, у Перси не возникало сомнений, и, когда за спиной осталось посольство, его палец решительно нажал на кнопку передачи.

Приглашение ЦРУ к «измене» отправилось искать своего адресата, а Перси с чистой совестью возвратился домой, чтобы прихватить пару часов сна. На этот раз Саливан дал ему передышку до обеда, а сам вместе с Дунканом не сомкнул глаз. Неугомонный «Фантом» не позволил расслабиться и вскоре напомнил о себе.

В одиннадцать пятнадцать в Интернете на сайте «Ракетная техника: новинки, изобретения и предложения для коллекционеров» дежурная смена технического контроля резидентуры обнаружила очередное его сообщение. После расшифровки текста даже у, казалось, лишенного нервов Дункана очки свалились с носа.

Он пыхтел, словно разогретый самовар, и повторял:

— Ну, наглец! Ну, наглец!

— Не то слово, Сэм! Мерзавец! Думает, мы под его дудку станем плясать! — вышел из себя Саливан.

И было от чего. «Фантом» напроць отверг предложение резидентуры и нахально вел бесцеремонный торг, предлагая купить тактико-технические характеристики первой ступени ракеты «Тополь-М» и пусковой установки за сто тысяч долларов. Он категорически отказывался от личной встречи в баре «Гетман» и настаивал на обмене через камеру хранения на железнодорожном вокзале. Саливан в ярости заме-

тался по кабинету, но соблазн уже сегодня получить секреты «Тополя» пересилил гнев, и он принял эти условия.

Перси, поднятый на ноги звонком дежурного, возвратился в посольство и вошел в кабине резидента, когда у того все эмоции, вызванные очередным фортелем «Фантома», схлынули.

Устало кивнув на кресло, Саливан пригласил к столу:

— Садитесь, Марк!

Бессонная ночь и головоломки, которые продолжал загадывать «Фантом», основательно измотали и его железные нервы. Под глазами залегли серые тени, а до этого бодро торчавший хохолок каштановых волос сейчас напоминал грязную тряпку. Не лучше выглядел и Дункан. Перси с сочувствием посмотрел на них, подсел к столу и с любопытством покосился на папку с расшифровкой сообщения «Фантома».

— Почитайте, почитайте, Марк, что пишет этот мерзавец! — не сулящим ничего хорошего голосом произнес Саливан.

Перси открыл папку, бегло пробежался взглядом по тексту и оторопел. Подобного нахальства от «Фантома» он никак не ожидал.

— Ну, Марк, ты и подкину нам работенку, — не выдержав затянувшейся паузы, проворчал Дункан.

— Я?.. Работенку? — вспыхнул тот.

— А что, нет? Этот негодяй крутит нами, как хочет!

— Сэм, прекрати! Причем тут Марк? — осадил Саливан и потребовал: — Я жду ваших предложений, что делать дальше.

Но так и не услышав ответа, взял инициативу на себя и напомнил:

— Директор требует добыть секреты «Тополя»! Каким бы мерзавцем не являлся «Фантом», в сложившейся ситуации он пока единственная ниточка в наших руках, которая может привести к результату! Мы не имеем права упускать такой возможности. Разведка это всегда риск и удача.

— В принципе, да, — согласился Перси и осторожно заметил: — Но с такими его выкрутасами нас может ждать еще не один сюрприз.

— Или чего хуже — втянемся в темную игру с сомнительным концом, — тихо обронил Дункан.

— Игру?! Сюрпризы?! Концы?! А вы что, пришли сюда работать в белых перчатках? Болтать легче всего. Дело делать надо! Секреты «Тополя» вам на блюдечке никто не принесет! — неожиданно сорвался на крик Саливан.

— Сэр, никто не отказывается работать! — смутился Перси.

— Надо только предусмотреть все возможные риски, — промямлил Дункан.

— Риски? Никто не хочет таскать каштаны из огня, — буркнул Саливан и, подавив вспышку гнева, заговорил не терпящим возражений тоном: — Все разговоры закончились! Времени на подготовку к выемке тайника осталось в обрез. Ты, Сэм, берешь под контроль эфир, но главное — вокзал. Там, со всех сторон обложи техникой камеру хранения! Бригадой «наружки» прикрой подходы!

— Будет исполнено, сэр! — заверил тот.

— Теперь ты, Марк...

— Я понял, сэр. За мной тайник.

— Да! Ты начал дело — тебе и карты в руки.

— С деньгами как?

— Десять тысяч за «кота в мешке» за глаза хватит, а там посмотрим! — отрезал Саливан и закончил совещание.

С этой минуты разведывательная махина резидентуры, подобно спруту, начала распускать свои невидимые для непосвященного щупальцы вокруг вокзала и на подходах к нему. Ее технические службы процеживали эфир, пытаясь нащупать позывные контрразведки. Две бригады наблюдения за час до выхода Перси на тайник уже «шерстили» цепкими взглядами толпы пассажиров, выискивая среди них «наружку». В зале камер автоматического хранения на подстраховке дежурили Николос Берд и Боб Левицки.

Сам Перси вместе с Ковальчуком уже сорок минут колесили по городу, пытаясь запутать «наружку» контрразведки, если та сидела на «хвосте», и ждали сигнала для выемки тайника. Стрелки часов приближались к семнадцати, пока ничего тревожного или подозрительного ни одна из служб резидентуры не обнаружила. Контрразведка себя никак не проявила, и Саливан, в руках которого сходились все нити операции, отбросив последние сомнения, дал команду.

В наушниках тихо прошепестело, и Перси отчетливо расслышал:

— Все о'кей, Марк! Удачи тебе!

По его лицу Ковальчук догадался, что пришло время действовать, перестал раскручивать «карусель» и теперь держал путь к цели. Через десять минут они были на привокзальной площади, нашли свободное место на стоянке и, оставив машину, недолго потерлись у торговых киосков, а затем смешались с толпой. Людская река подхватила их и, стремительно пронеся через центральный вход, выплеснула в главный зал. Ковальчук, расталкивая локтями «мешочников», подобно ледоколу прокладывал путь к камерам хранения. На входе к ним встретился взглядами с Бердом. Тот дал условный сигнал — поправил правой рукой шапку — путь к тайнику был свободен.

Теперь настал черед Перси и, несмотря на то что за спиной был добрый десяток подобных операций, его внезапно охватила необъяснимая слабость.

«Старею! Нервы уже ни к черту!» — с горечью подумал он и оглянулся по сторонам.

Вокруг царил полусонная тишина, но она была обманчива и в любую секунду грозила взорваться топотом ног и отрывистыми командами. Мужичонка в потертой дубленке, дремавший на лавке, молодой парень, тискавший в углу немолодую женщину, и даже цыганка с замурзанным ребенком, разложившая на полу свои узлы, на поверку могли оказаться контрразведчиками, только и жаждущими, когда его рука коснется пакета с секретами. И тогда конец.

Конец всему! Коту под хвост карьера. Скандальная шумиха в прессе, позорное выдворение из страны и бесславное прозябание на пенсии.

«Хватит себя накручивать! Скоро от собственной тени начну шарахаться! Главное тайник, а там будь что будет! Если что, Генри прикроет!» — взял себя в руки Перси и решительно шагнул к ячейке.

Страхуя от нападения группы захвата, за спиной горой вырос Ковальчук. Его уверенный голос «Все нормально, Марк!» придал уверенности. Сухим хрустом отозвался под пальцами механизм наборника, и в окошке вприпрыжку заскакали цифры. Последней промелькнула тройка, и он потянул ручку на себя. Она легко подалась, в темном провале ячейки взгляд отыскал перетянутую скотчем пачку сигарет. Секундное промедление, и она оказалась в кармане куртки, а затем пакет с долларами шлепнулся в ячейку и непослушная рука захлопнула дверцу.

Первый шаг дался с трудом. Перси шел к выходу и не чувствовал под собой ног, ожидая что вот-вот раздастся грозный окрик и на спину обрушатся крепкие тела и намертво припечатают к полу. Позади остался зал камеры хранения, впереди в толпе промелькнуло напряженное лицо Берда, но липкий страх, сжимавший в своих когтистых лапах бешено молотившее сердце, не покидал его до привокзальной площади. Внутри все заледенело, и в эти секунды он видел перед собой только необъятную спину Генри. Тот тяжело пыхтел, то и дело срывался на бег, его нервы тоже были на пределе.

«Быстрее! Быстрее!» — подстегивал Перси невидимый голос.

«Спокойно, спокойно, Марк!» — успокаивал другой.

«Смотри, справа! Слева заходят еще двое!»

«Только не паникуй! Машина уже рядом!»

Непослушной рукой Перси рванул ручку дверцы и нырнул на заднее сидение. Здесь уже контрразведка была бессильна, дипломатический статус служил лучше любой

охранной грамоты. В изнеможении откинувшись на спинку сидения, он несколько секунд не мог пошелохнуться. Предательская слабость холодной испариной проступила на лбу, Перси остановившимся взглядом смотрел перед собой.

Генри хорошо понимал, что сейчас творилось в душе друга и, положив руку на плечо, с непривычной для себя теплотой произнес:

— Все о'кей! Ты молодчина, Марк!

Тот не проронил ни слова.

— С тобой все в порядке? — забеспокоился Генри.

— Да! — устало произнес Перси, и после паузы с горечью произнес: — Похоже, играть в такие игры мне уже поздно. Нервы совсем ни к черту!

— Брось себя накручивать! Все нормально! Ты молодец!

— Перестань, Генри! Какой к черту молодец, когда штаны мокрые, — вымученно улыбнулся он и устало произнес: — Поехали!

— Какое поехали? Мы полетим, Марк! — воскликнул Ковальчук и вдавил в пол педаль газа.

Машина, описав немыслимый пируэт на обледеневшей мостовой, выкатилась со стоянки на проспект и понеслась к посольству. Через двадцать минут они были в кабинете резидента. Он был не один, рядом находился Сэм Дункан. Судя по их оживленным лицам, Перси догадался, что результаты операции им уже известны.

Саливан встретил его широкой улыбкой и, с трудом сдерживая нетерпение, поторопил:

— Марк, не томите нас! Где улов?

— Здесь! — ответил он, выложил пакет на стол, и все дружно склонились над ним.

Несколько секунд в кабинете были слышны лишь тяжелое дыхание да скрип паркета под ногами Ковальчука.

— А у него почти наш вкус. Сигареты «Кент» — хороший знак! — первым бодро заговорил Саливан.

— Сейчас посмотрим! — ответил Дункан и, размотав скотч, раскрыл пачку.

На стол выпали два туго скрученных листка бумаги. Он разгладил их, и все четверо впились глазами в текст.

Прошла минута, другая и гневный румянец проступил даже на восковых щеках Дункана. А через мгновение кабинет сотрясали такие ругательства, какие его стены вряд ли когда слышали. Даже Саливан, ничего не понимавший по-русски, и тот догадался, что «Фантом» в очередной раз оставил их с носом. В столбце, где перечислялись параметры первой ступени и пусковой установки, на месте последней цифры стояли многоточия. Без нее всем тем секретным сведениям, что занимали три с лишним страницы, была грош цена. Десять тысяч долларов оказались не просто выброшенными на ветер, они стали легкой добычей авантюриста, оставившего в круглых дураках целую резидентуру.

— Да-а. «Кент», но только не наш! — не удержался и подпустил яду Ковальчук.

— Сволочь! Никому и ничему нельзя верить. Эти русские... — больше слов у разгневанного Перси не нашлось.

— Украинцы! — мрачно обронил Дункан.

— Какая к черту разница! Все они одним миром маза-ны! — прорычал Саливан и в ярости отшвырнул бумаги.

Задуманная им будущая многообещающая разведывательная операция, так и не начавшись, похоже, бесславно провалилась.

## Глава 4

Пустая пачка из-под сигарет «Кент» и мало что говорящая информация по ракетному комплексу «Тополь» в тот злополучный для резидентуры ЦРУ в Киеве день не стали последним сюрпризом, который преподнес ей «Фантом». Саливана, питавшего надежду на то, что установленные технарями Дункана в камере хранения миниатюрные видеокамеры дадут результат и «инициативник», наконец, «засветится», ждало жестокое разочарование.

После того как Перси оставил в тайнике деньги, смена операторов, дежурившая в посольстве и не спускавшая глаз с мониторов, к своему изумлению увидела на экране не физиономию неуловимого «Фантома», а усыпанное веснушками лицо мальчишки. Воровато оглянувшись по сторонам, он открыл ячейку хранилища, вытащил сверток с долларами и, кругнувшись волчком, шмыгнул в толпу.

Саливан, а вместе с ним Перси, Ковальчук и Дункан тупо смотрели на тускло мерцающий экран, с которого на них шурилась нахальная рыжая физиономия и не могли найти слов. «Фантом» в очередной раз сделал им «козью морду» и оставил в дураках. Одним ловким ходом легко ушел от наблюдения и чужими руками утащил из-под носа американской разведки «каштан» в десять тысяч долларов.

— Мерзавец! Подлец! — взорвался Саливан и его кулак с грохотом обрушился на крышку стола.



— Э-э, кто бы мог подумать? — растеряно пробормотал Дункан.

— Вот дает! — воскликнул Ковальчук.

Перси промолчал, чтобы лишний раз не попасть под горячую руку расвирепевшего Саливана. Но это не спасло. Метнув на него испепеляющий взгляд, тот дал волю гневу.

— И это все вы, Марк! Изменник на месте?! Черт вас дернул тащить эту мерзость ко мне!

— Сэр, я только выполнял свой долг и не моя вина, что... — попытался объясниться Марк.

Но Саливан не хотел слушать и костерил на чем свет стоит уже всех подряд. Попал под этот накат и Дункан. Без вины виноватый, он растерянно захлопал глазами и, когда к нему вернулся дар речи, осекся на первом же слове. Саливан тут же и ему заткнул рот, припомнив все, что было и чего не было. Хитрый Ковальчук предпочел не переть на рожон и отступил в сторону. Перси угрюмо смотрел в пол и чувствовал себя так, будто его с головой окунули в дерьмо. Вольно или не вольно, но он оказался первым и, похоже, станет крайним в этой скандальной истории.

«Черт бы с ним, с «Фантомом»! Прокол с ним еще как-то можно объяснить и прикрыть. Мало ли, в нашем деле всякое случается. Но на что списать десять тысяч долларов? На что?!. На глупость? Но на чью? Это же надо, в конце службы и так залететь! Теперь все зависит, как Саливан повернет дело», — терзался Перси.

Тот словно прочел его мысли и яростно прорычал:

— Это же надо так обосраться! Что прикажете докладывать в Лэнгли? Что?!. Я вас спрашиваю, Марк?!

Ему ничего другого не оставалось, как только молча проглотить обиду.

— Подождать, — выдавил из себя Дункан.

— Да?! Тебе, Сэм, легко так говорить. А мне что делать, когда вопрос на контроле у директора? И потом, на что десять тысяч спишем?

— Сэр, может не стоит сгущать краски? Подождем его следующего хода, — подал голос Перси.

— Что?! Хода?! С вашими ходами мы уже превратились в посмешище! Скоро всё Лэнгли в нас пальцем тыкать станет!

— Сэр, но «Фантома» тоже можно понять. Он серьезно рискует и потому страшется. За те секреты...

— Какие?! Где этот мерзавец нас на точку, а точнее на задницу посадил! — взбешенный Саливан так и не дал сказать Перси.

— Сэр, и все-таки стоит выждать. Ему нужен миллион, и вот здесь уже мы будем диктовать свои условия, — неожиданно проявил смелость Дункан.

— Действительно, нас же никто в шею не гонит! — поддержал его Ковальчук. — А деньги, что деньги, спишем на выборы. Тысячей больше, тысячей меньше, какая к черту разница. Не сегодня так завтра между «оранжевыми» и «синими» такая драчка начнется, что только успевай нашим ненасытным «кроликам» «капусту» подкидывать.

— Генри, выбирайте выражения, мы с вами не на ферме, — рыкнул Саливан и, отшвырнув от себя информацию «Фантома», заявил: — Хватит советов! Тема с «Фантомом» закрыта! Все свободны!

Пожав плечами, Ковальчук с Дунканом вышли из кабинета. Перси помялся, на полпути остановился и предпринял еще одну попытку переубедить Саливана. Но тот не дал раскрыть рта и категорично отрезал:

— Все, Марк, я сыт по горло этим мерзавцем и вашими авантюрными предложениями. Больше не хочу о нем слышать! Вы слышите? Не хочу!

— Авантюрные?! Я-я... — Перси задохнулся от негодования и, в ярости хлопнув дверью, выскочил в приемную.

Саливан выругался вслед и излил злость на ручке. В его побелевшем от напряжения кулаке она жалобно хрустнула и развалилась на куски. Он смахнул осколки на пол, вскочил из кресла и, в душе проклиная всех и вся, принялся описы-

вать круги по кабинету. Вызывающая выходка Перси и эта, сейчас выглядевшая откровенно дурацкой, бездарная возня с «Фантомом» взвинтили и без того накрученные нервы.

В последние месяцы ему пришлось работать без выходных. Удачно начатая операция по компрометации президента Кучмы и его ставленника на президентских выборах с приближением к финишу начала пробуксовывать и все чаще давать сбой. Выпущенный из бутылки «джин оранжевой революции» вот-вот грозил выйти из повиновения. Ее «вожди», почувствовав вкус близкой власти, закусили удила и теперь особенно не прислушивались к советам и гнули свое.

В то время как в Киеве под давлением «оранжевых бойскаутов» старая власть трещала по всем швам, а голоса русских конфиденентов тонули в грозном реве хорошо прикормленной дармовой похлебкой и доведенной до точки кипения толпы, на юге и востоке Украины набирали силу другие настроения. Площади и улицы Крыма, Донецка и Луганска запестрели российскими флагами, а на митингах все громче звучали голоса — «скинуть захребетников бандеровцев» и «идти в Россию». В ответ в Закарпатье и на Львовщине подняли истошный вой «отмороженные» националисты и боевики из УНА-УНСО.

Призрак гражданской войны замаячил на горизонте. Войны, которая могла взорвать Украину и снова кинуть ее в объятия Москвы. Такой ход событий никак не укладывался в сценарий, разработанный «яйцеголовыми» из Госдепа и ЦРУ. В нем Украине отводилась ключевая роль: вслед за Грузией стать важнейшим звеном в том санитарном кордоне, что выстраивался вокруг пришедшего в себя после «трепки» бандитской приватизацией и сокрушительного дефолта «русского медведя».

Поход «западной демократии» на Украину, объявленный президентом полтора года назад, грозил потерпеть фиаско, а текущая по тайным каналам долларовая река — бесследно уйти в «песок» и раствориться в карманах

ненасытных конфидентов. Но в Лэнгли этого не хотели понимать и требовали решительных действий и результатов. Тон разговоров становился все более жестким, ему то и дело тыкали в лицо этим чертовым «планом», как будто он, Саливан, один был виноват в том, что рухнувший в девяносто первом году СССР не похоронил под своими обломками Россию.

«План... Когда он появился? Пятнадцать, шестнадцать лет назад? Сразу после встречи на Мальте в декабре восьмидесят девятого Горбачева и Буша-старшего», — вспоминал Саливан.

«Мы и наши союзники обязаны сделать все, чтобы Советский Союз навсегда перестал существовать как географическое понятие. Россия, этот последний осколок «империи зла», должна превратиться в лоскутное одеяло, которое мы будем кроить по своему усмотрению!» — эти слова директора ЦРУ, сказанные в узком кругу в те самые минуты, когда на борту американского авианосца сияющий белозубой улыбкой перед десятками кинокамер генсек Горбачев крепко пожимал руку президенту США, не были пустым звуком. Еще не успели просохнуть чернила на подписанных ими договорах, как Буш-старший той же самой рукой подписал знаменитую «Стратегию национальной безопасности США». В ней американские стратеги не оставляли места ни «советскому блоку», ни СССР, ни самой России. В будущем мире двадцать первого века «место под солнцем» и ресурсы должны принадлежать только избранным.

Тогда, пятнадцать лет назад, показанная ему под большим секретом резидентом Брауном, она поразила своей амбициозностью и масштабностью задач. В ней, ни много ни мало, заявлялось, что, «Соединенные Штаты взяли на себя непривычное бремя-ответственность за руководство свободными нациями мира. Время сдерживания советского экспансионизма прошло. Твердая политика позволит обратить вспять доминирующую роль Советского Союза в странах Восточной Европы и со временем приведет к

постепенному ослаблению и развалу «советского блока». Наши жизненно важные глобальные интересы должны под держиваться распространением военной мощи США в те регионы, где нет их постоянного присутствия».

В начале девяностых этот казавшийся фантастическим план осуществился. Уже нет «советского блока», вслед за ним канул в вечность СССР. Западная цивилизация, «переварив» к началу двадцать первого века страны Восточной Европы и Прибалтики, через Кавказ и Среднюю Азию все ближе и ближе подбиралась к мировой энергетической кладовой — России. Сегодня на Украине, а завтра в Белоруссии на ее «кровеносных» артериях — нефте-газопроводах должна была окончательно затянуться экономическая удавка, чтобы навсегда поставить ее на колени.

При назначении на должность резидента на беседе у директора ЦРУ у Саливана захватывало дух от грандиозности поставленной перед ним задачи. Но тогда в Лэнгли он не представлял насколько сложным и трудным окажется путь к цели. Несколько месяцев, проведенных в Киеве, измотали его больше, чем все предыдущие годы службы, а провал с «Фантомом» окончательно доконал. В эти минуты ему хотелось только одного: не видеть и не слышать ни Дункана, ни Перси, ни Ковальчука с их «Недримайлами», «Бульбами», «Мазепами» и прочей сворой шпионов.

Стены кабинета давили Саливана. Швырнув документы в сейф, он, с трудом попадая руками в рукава пальто, оделся и, тяжело ступая, вышел из кабинета. Гулкое эхо пустых коридоров сопровождало его до самых дверей. На выходе дежурный морской пехотинец вытянулся в струнку. Скользя по нему отсутствующим взглядом, Саливан спустился во двор к машине. Примерзшая на морозе ручка дверцы внедорожника с трудом подалась нажиму, он распахнул ее и плюхнулся на сидение.

Вышколенная охрана поспешила открыть ворота перед машиной резидента. Он оставил без внимания согнувшиеся в подобострастном поклоне головы и нажал на педаль газа.

Джип, тяжело качнувшись на «лежачем полицейском», выкатился на проспект. Поземка со змеиным шипением бросилась под колеса, и ему пришлось напрячься, чтобы не угодить в сугробы давно нечищенных улиц. Он с ненавистью смотрел на блеклое мерцание вечерней рекламы, холодное величие древних соборов славянского города, который никак не хотел расставаться со своим прошлым и всячески противился тому, чтобы покончить с «азиатским варварством» и отдаться во власть «западной цивилизации».

Позади остался занесенный снегом сквер, справа из полумрака проступила серой стеной посольская многоэтажка. Саливан сбросил скорость, свернул к арке и два раза подмигнул фарами. В ответ полосатый шлагбаум взметнулся вверх, и машина, нырнув в темный зев, остановилась перед воротами гаража. Навстречу спешил дежурный, Саливан оставил ему ключи, вошел в подъезд и поднялся в квартиру.

Кодовый замок ответил тихим писком на нажатие пальцев, дверь беззвучно отошла в сторону, и из пустого коридора пахло запахом холостяцкого жилья. Загруженный по горло работой Саливан со дня на день откладывал приезд семьи из Вашингтона. И сегодня в этих лишенных домашнего тепла комнатах им с особой остротой ощущалось одиночество и собственная ничтожность в той грандиозной политической игре, что разыгрывалась на Украине.

Переступив порог, он, отключив электронную систему защиты, швырнул пальто на диван, прошел в столовую, сполоснул руки, открыл холодильник и выложил на стол пуританский ужин. Усталость и апатия убили чувство голода, его челюсти вяло жевали говяжью нарезку, потухший взгляд скользнул по шкафам, остановился на сиротливо стоявшей в баре бутылке виски, и рука потянулась к ней. Горлышко мелкой дрожью задрезбужало по краю бокала, и брызги темными пятнами проступили на брюках. Но он этого не замечал и одну за другой выпил три рюмки. Крепкий напиток ударил в голову, и вместе с ним ушла свинцовая

тяжесть в теле. После шестой рюмки он на заплетающихся ногах добрал до кровати, путаясь в брюках, с трудом стащил их и завалился спать.

Проснулся Саливан, несмотря на вчерашнюю «загрузку», как обычно в семь, сказывалась многолетняя привычка. О вчерашнем «ужине» напоминали сухость во рту и слабая дрожь в ногах, но холодный душ, плотный завтрак, а затем быстрая езда по городу вернули свежесть и уверенность в себе. К себе в кабинет он поднялся твердым шагом и не успел еще снять пальто, как в дверь постучали — это оказался Дункан.

Скромняга Сэм остановился на пороге и, неловко переминаясь с ноги на ногу, не решался начать доклад. Саливан поморщился, его приход ломал уже устоявшийся график работы — просмотр синей папки с дежурными сообщениями откладывался, и недовольно спросил:

— Что стряслось Сэм?

— Опять он, сэр! — невнятно произнес тот.

— О чем ты?.. Говори яснее.

— «Фантом».

— Кто?! Хватит! Не хочу о нем больше слышать! — с полуоборота завелся Саливан.

Дункан пожал плечами и развернулся, чтобы уйти.

— И что мерзавец пишет?

Этот вопрос остановил Сэма, и он коротко обронил:

— Сэр, здесь есть, над чем подумать.

— Да?.. Читай! — буркнул Саливан.

*«Господа, прошу понять меня правильно. Мальчишка и многоточия в моем списке — это страховка от неприятных сюрпризов, — здесь Дункан сделал паузу и посмотрел на Саливана, тот благосклонно кивнул головой и он продолжил: — Надеюсь, вы понимаете, что в сложившейся ситуации больше всего рискую я. А риск должен быть справедливо оплачен. Тех десяти хватает, чтобы закрыть четырнадцать позиций из моего списка. Я держу свое слово — они перед вами. Отсчет вести с номера 22 и дальше по списку...»*

— Наглец! — процедил сквозь зубы Саливан, открыл сейф, достал вчерашнее сообщение, положил перед собой и потребовал: — Повтори цифры, Сэм!

Скрепя пером паркеровской ручки, вслед за Дунканом он принялся заполнять многоточия в тексте, и когда последняя цифра закрыла позицию 36, оживился и заметил:

— Уже кое-что! Давай дальше!

*«К сожалению, я ограничен по времени. Если мое предложение заинтересовало вас, я готов к развитию контактов, но в другом месте — России и при других обстоятельствах. Мои условия по оплате остаются прежними. Жду ответа на известном вам сайте»*, — прочитал последний абзац Дункан.

Саливан ничего не сказал, встал из-за стола и энергично прошелся по кабинету. В эти минуты его раздирали противоречивые чувства. Еще вчера, пылая ненавистью к «Фантому», он готов был задушить того голыми руками. Но после последнего сообщения с его души словно свалился камень, перед директором уже не в чем было оправдываться. «Фантом» оказался не «пустышкой». И в Саливане снова заговорил трезвый расчет. По тому, как тот вел торг и ловко уходил от наблюдения, напрашивался очевидный вывод о том, что на резидентуру вышел перспективный источник информации. Лишним подтверждением тому служил перечень предложенных на продажу секретов. Они, вне всякого сомнения, заслуживали внимания, но гораздо более существенным Саливану представлялись будущие разведывательные возможности «Фантома». Намечающаяся с ним оперативная игра стоила свеч.

«Кто же может стать надежным помощников в работе с ним? — ломал себе голову Саливан. — Опытный и искусный в таких операциях Берд?.. Вряд ли! С самого начала он не горел желанием. Ковальчук?.. Но стойкая неприязнь к нему была тем барьером, через который трудно было перешагнуть. Перси?.. Да, на него, пожалуй, можно рассчитывать. А Дункан?.. Немногословный и все знающий Сэм? Его совет будет совсем не лишним».



И, бросив испытующий взгляд на него, Саливан спросил:

— Сэм, скажи откровенно, что ты думаешь обо всем этом?

Тот, стараясь не затронуть самолюбия резидента, осторожно заметил:

— Сэр, извините, но вчера вы погорячились. Мне кажется на «Фантоме» рано ставить крест.

— Да?!. Что предлагаешь?

— Первое — перепроверить его данные, а там видно будет.

— Легко сказать! У нас нет агента в Генштабе русских.

— А если это сделать через возможности Агентства по инспекции на местах, — мягко напомнил Дункан.

— ОСИА?

— Да! Они регулярно выезжают с проверками на русские ракетные базы.

— Инспекция? — повторил вслух Саливан и оживился: — А что, неплохая идея!

— Тогда я запрашиваю Лэнгли, пусть наведут справки через «Агентство»?

— Запроси, но только аккуратно, чтобы не пронюхали про вчерашний... ну, сам понимаешь...

— Да, сэр! Я подумаю, как обыграть запрос, — заверил Дункан.

Но и после этого Саливан не спешил с решением. Его одолевали сомнения, которые мог понять и оставить при себе этот надежный молчун.

— Сэм, ты сколько прослужил в Киеве? — начал он издали.

— Скоро будет пять лет.

— Срок немалый. За это время успел, наверно, собаку съесть?

— Собаку не собаку, но в их «славянской кухне» кое-что понимаю, — поскромничал Дункан.

— Я это ценю, Сэм. Скажи откровенно: игра с «Фантомом» стоит свеч?

Невозможное лицо-маска Дункан пошло трещинами, глаза повлажнели. Скупая похвала Саливана стоила многого. В резидентуре к нему относились по-разному. Одних понимал его педантизм, других — крючкотворство. «Горячих блинов» он с ходу не принимал и заставлял по нескольку раз править документы, а потом еще сам «вылизывал» до последней запятой.

Для оперативников-агентуристов, мотавшихся с одной явки на другую, эта писанина была сущим наказанием, а язвительные шутки аналитиков вроде той, что «чем больше бумаг, тем чище задница», еще больше заводили их. «Старики», которым за двадцать лет службы мышинная возня с бумагами давно осточертела, скрипя зубами выдавливали из себя отчеты, а потом по «темным углам» перемывали Саливану кости.

Дункан их хорошо понимал и в душе не осуждал, так как совсем недавно находился в их шкуре. Предшественник Саливана не жаловал его отдел и держал за «черную кость». Абрахам оказался первым, кто по достоинству оценил труд технарей и аналитиков и не упускал случая лишний раз отметить. И сейчас его скупая похвала нашла отклик в душе Сэма. Он благодарно кивнул головой и, проглотив внезапно подкативший к горлу ком, сипло произнес:

— Спасибо, сэр! Мы так редко слышим о себе доброе слово.

— Будет тебе, Сэм! Давай по существу! — ворчливо произнес Саливан.

— Если говорить прямо, то вчера за «Фантома» я бы и полцента не дал.

— А что изменилось за ночь?

— Многое.

— А именно?

— После последнего сообщения у меня отпали сомнения в том, что мы имеем дело с подставой ФСБ. А если

отбросить вчерашние эмоции и трезво, с позиций самого «Фантома» посмотреть на ситуацию...

— И что увидим? — перебил Саливан.

— А то, что мы имеем дело с очень хитрым и рационально действующим объектом. Несмотря на все наши старания, он ни разу не засветился.

— Значит плохо старались!

— И тем не менее, сэр, я убежден, с ним у нас есть хорошая перспектива.

— Говоришь перспектива? — повторил Саливан и после короткой паузы нажал кнопку на селекторе.

По легкой хрипотце Дункан узнал голос Перси.

— Слушаю вас, сэр! — ответил тот.

— Зайдите ко мне, Марк! — распорядился Саливан.

Спустя пять минут Перси стоял в кабинете резидента и настороженно поглядывал то на него, то на Дункана. Саливан, неловко помявшись, начал трудный разговор.

— Марк! Я... В общем мы вчера все погорячились. Сами понимаете, в этой свистопляске с выборами скоро на стенки начнешь бросаться.

Перси, до этого готовый ошетиниться как еж, отмяк и потеплевшим голосом ответил:

— Сэр, я тоже перегнул палку. Для меня важно дело, а не...

— Все верно, Марк! Ради него мы служим и потому должны быть выше обид, — поспешил согласился Саливан и, передвинув по столу папку, предложил: — Ознакомьтесь с новым сообщением «Фантома» и выскажите свои соображения!

Перси впился глазами в его расшифровку, затем перевел взгляд на Саливана и без слов прочитал на лице ответ.

— Вы правильно меня поняли, Марк, придется готовиться к работе в России, — подтвердил тот его догадку.

Перси зябко повел плечами. Двадцать лет назад в московской резидентуре ЦРУ ему пришлось начинать службу рядовым оперативником-агентуристом. При одном вос-

поминании о «колпаке КГБ», из-под которого в тот раз он с трудом унес ноги, в желудке противно засосало. Советский Союз, а теперь Россия, по-прежнему оставались сверхтяжелыми для агентурной работы..

— Так что скажете Марк? — спросил Саливан.

— Я готов, сэр, но с трудом представляю обстановку в России. И потом...

— Ничего страшного, это дело поправимо.

— Каким образом?

— Слетаете с нашей инспекцией на русскую ракетную базу, — озвучил Саливан неожиданно пришедшую ему мысль.

— Собственными глазами увидишь «Тополь», — подержал Дункан.

— Я?.. В инспекцию!?. «Тополь»? — растерялся Перси.

— Не совсем тот, что нас интересует. К нему русские близко не подпустят. Увидите, так сказать, его «дедушку», — пояснил Саливан.

— Извините, сэр, но я не работал по программе инспекций!

— Ничего поработаете. Как говорится, не боги горшки обжигают. С руководством агентства я договорюсь, и вас включат в ближайшую группу.

— Согласен! — не стал больше упрячиться Перси.

— В таком случае готовьтесь! Россия и «Фантом» ждут вас! — закончил беседу Саливан.

Перси вернулся к себе в кабинет и устало опустился в кресло. Судьба в очередной раз делала неожиданный зигзаг в его карьере разведчика. Еще час назад он и не помышлял о поездке в Россию, тем более в составе инспекции. Эта неожиданная командировка манила и одновременно настораживала. Но, поразмыслив, он пришел к заключению, что в нынешней ситуации, когда выборы уже сидели в печенках, разведпоездка под надежной «дипломатической крышей» на российскую ракетную базу могла стать хорошим до-

пингом. Перспектива побывать в ядерном логове русских приятно щекотала нервы, и теперь все мысли занимала предстоящая командировка. В его положении оставалось только запастись терпением и ждать, когда Саливан сдержит свое слово.

Решение на включение Перси в состав инспекции пришло неожиданно быстро. Саливан задействовал «наверху» все свои связи, и вскоре после рождественских каникул в Лэнгли дали согласие. В тот же день Перси начал готовиться к отъезду, в душе надеясь, что на короткое время сможет встретиться с семьей, но надежде не суждено было сбыться. Саливан торопил события, и вместо Вашингтона ему пришлось отправляться в Германию.

Прямо с трапа самолета его отвезли в центр прединспекционной подготовки. И первый, кого он там встретил, оказался Ален Хилл, когда-то они вместе работали в белградской резидентуре ЦРУ. Сейчас ему предстояло пройти «разведобкатку» в инспекции перед тем, как получить назначение в Москву. За два предыдущих дня Ален стал своим человеком в центре и, не откладывая дела в долгий ящик, представил его руководителю инспекционной группы подполковнику Майеру Кевину Ли. Тот хоть и не был разведчиком, но за годы поездок по русским ракетным базам поднаторел в этих делах и с полунамека понял, что от него требуется, и потому не стал вникать в характер миссии Перси, предоставив того самому себе.

Первые дни они с Хиллом провели в классах специальной подготовки, где исправно штудировали документы и инструкции. Вторая неделя оказалась намного интереснее. Он запоем читал отчеты предыдущих инспекций по результатам проверки российских ракетно-ядерных баз и арсеналов, листал толстенные альбомы с фотографиями пусковых установок и ракет «Тополь», «Сатана» и «Скальпель» и к концу курса подготовки так поднатаскался, что уже мало в чем уступал Блю Брайену, Раддишу Кейту и Фортиэру Эрлу, «съевшим собаку» на инспекционных делах.

Чем глубже Перси вникал в нюансы и тонкости инспекции, тем сильнее проникался значимостью информационных возможностей «Фантома». Разведчики ЦРУ и РУМО и работающая на них целая «армия» агентов из числа инспекторов за тринадцать лет, казалось бы, должны были выпотрошить и вывернуть наизнанку и «Тополь», и «Скальпель», и «Сатану». Но русские умели надежно хранить свои главные секреты. За эти годы никому так и не удалось подобраться к важнейшим тайнам — математическому алгоритму полета боевых блоков и ложных целей, системам преодоления ПРО и еще сотням других параметров. Пока разведке оставалось только мечтать о появлении такого агента, как Пеньковский. Но в ближайшее время все могло измениться, внутреннее убеждение подсказывало Перси, что именно «Фантом» должен стать тем самым суперагентом, что добудет секреты «Тополя». А ему самому в ближайшие дни представится возможность заглянуть за завесу русской тайны.

Ждать пришлось недолго, 7 февраля инспекционная группа вылетела в Москву и поздно вечером приземлилась на военной авиабазе «Чкаловская». После проверки на таможенном посту подполковник Майер Ли и с ним девять инспекторов заняли места в автобусе и выехали в город. Перси приткнулся к окну. В сгустившемся вечернем сумраке российская столица предстала перед ним огромным, сверкающим всеми цветами рекламы бетонно-стеклянным монстром. Несмотря на холод и позднее время, она поражала динамизмом своей жизни и совершенно не походила на ту унылую и серую советскую столицу, в которой начиналась его карьера разведчика.

Но познакомиться поближе с Москвой ему не удалось. Сильный мороз не позволял высунуть носа из посольской гостиницы, а на следующий день, сразу после завтрака, американская инспекционная группа возвратилась на авиабазу «Чкаловская». Здесь ее поджидали представители российского Национального центра по уменьшению ядерной

опасности (НЦУЯО) и Центра организации реализации договора (ЦОРД). В начале взлетной полосы гудел прогретыми двигателями самолет Ан-72.

Майер Ли по-приятельски поздоровался с руководителем российской группы сопровождения полковником Смирновым, это была их четвертая совместная инспекция. Обменявшись короткими репликами о погоде, сегодня она не баловала — крепкий мороз пощипывал за нос и уши, они, а за ними остальные инспектора прошли в тесное помещение предполетной подготовки. Здесь Ли, строго следуя пунктам протокола, объявил цель инспекции — ракетную базу в глубинке России, под городом Йошкар-Олой.

До нее было два часа лета, и все то время, пока самолет находился в воздухе, Перси жалел, что не присоединился к Хиллу, предложившему перед взлетом хлебнуть виски. Теплый меховой костюм не спасал от стылого холода, и к концу полета в нем, казалось, начало звенеть все. Резкий удар шасси о бетонку положил конец этой пытке. Подняв снежное облако, самолет промчался по взлетной полосе и, сбросив скорость, вкатился на стоянку.

Еще не успели стихнуть двигатели, как салон, превратившийся в летающий холодильник, наполнился шумом и гамом. Первыми сошли с трапа на обледеневшую бетонку представители НЦУЯО и ЦОРДа, вслед за ними к выходу потянулись американские инспектора. Перси старался держаться ближе к «тертому калачу» Блю. Из-за его широкой спины в проеме люка проглянул кусочек голубого неба, часть взлетного поля, на котором, будто стая нахохлившихся под дождем птиц, выстроились шесть вертолетов Ми-8т. Позади них, за редким перелеском, проглядывали выкрашенные в грязно-зеленые цвета кирпичные и металлические ангары.

Перси шагнул на ступеньку трапа и поежился. Колючий северный ветер хлестнул по лицу, и кожа моментально задубела. В Йошкар-Оле было холоднее, чем на авиабазе «Чкаловская», близость к Уралу давала о себе знать. Задрав

воротник куртки, он спрыгнул на бетонку и присоединился к Хиллу с Брайеном.

Навстречу, пылая бурими от мороза физиономиями, скорым шагом приближались представители ракетной базы. Впереди не шел, а скорее «камуфлированным шаром» катился коренастый полковник с добродушным лицом. За ним, едва поспевая, вышагивал долговязый майор. Остальные восемь офицеров-ракетчиков зябко переминались на расчищенной от снега площадке и бросали любопытные взгляды на американских инспекторов.

Полковник колющим подкатился к Смирнову и зычным командирским голосом доложил:

— Командование Киевско-Житомирской ордена Кутузова третьей степени ракетной дивизии готово к проведению инспекции. Руководитель группы сопровождения полковник Кашкин, — и затем, широко улыбнувшись, добавил: — Гостеприимная марийская земля всегда рада гостям!

— Насчет гостеприимства, Владимир Иванович, пока ничего не могу сказать, но с погодой ты явно подкачал, — добродушно ответил Смирнов и потер рукой начавший белеть на морозе нос.

— Игорь Сергеевич, претензии не ко мне. Вы были гораздо ближе к небесной канцелярии, — отшутился тот.

— Не будем спорить! До бога далеко, а ты рядом. Поехали, пока не зазвенели! — распорядился Смирнов.

— Есть! — козырнул Кашкин и предложил: — Если не возражаете, предлагаю следующий порядок. Впереди машина ВАИ, за ней «поларис» с представителями НЦУЯО, ЦОРДа и американскими инспекторами, затем «буханка» с моими офицерами. Багаж и личные вещи повезет «козел».

— Как скажешь, Владимир Иванович, ты здесь хозяин! — не стал возражать Смирнов

Кашкин обернулся к подчиненным и зычно отдал команду. Тут же все пришло в движение. Долговязый майор и остальные восемь офицеров, сопровождающих от ракетной



базы, выдерживая четкий шаг, ровной шеренгой подошли к американским инспекторам и представились. Затем ядовито-зеленая машина, чем-то напоминающая буханку хлеба, лязгнув металлическими внутренностями, резво подкатила к сложенным в горку багажу и рюкзакам американских инспекторов. Из нее выскочил не первой молодости капитан и, блеснув на солнце линзами запотевших очков, вместе с прапорщиком принялись шустро перебрасывать вещи в машину.

Перси, с тревогой проводил взглядом свой рюкзак, его бесцеремонно швырнули на пол «буханки», поднялся по ступенькам в автобус и занял место с Блю Брайеном. Позади них сели офицеры НЦУЯО и ЦОРДа. Последним вошел Кашкин и, пробежавшись внимательным взглядом по рядам, приказал водителю:

— Степа, заводи «поларис»! Едем вокруг «ешки»!

«Поларис»?!. «Буханка»?!. «Ешка»?!. Перси недоумевал, не находя объяснения такой сверхсекретности русских.

Двери этого, в отличие от ядерного американского «Полариса», русского автомобильного «чуда», с душераздирающим визгом захлопнулись, и через мгновение Перси почувствовал себя так, будто попал в камнедробилку. Зубы замолотили барабанной дробью, голова грозила вот-вот оторваться, а в ягодицы шпыняла сорвавшаяся с креплений пружина. Судя по перекошенной физиономии, не лучше чувствовал себя и Блю. На очередной кочке он не выдержал и сквозь зубы процедил:

— Садисты! И вот так каждый раз!

Перси, чтобы не прикусить язык, промолчал и, вцепившись руками в переднее сидение, отвернулся к окну. По сторонам дороги тянулся унылый пейзаж — занесенные снегом поля с редкими перелесками, покосившиеся от времени и непогоды бревенчатые избы, угрюмые мужики, как ему казалось, злобными взглядами провожавшие кортеж, все то же, что и двадцать лет назад он видел в Подмосковье.

Через километр картина за окном разительно изменилась. Дорогу стиснули заборы из красного кирпича, из-за которых аляповато-помпезными особняками вызывающе заявляла о себе новоявленная русская буржуазия. Затем начались пригороды Йошкар-Олы, но рассмотреть их Перси не удалось. Центр города остался в стороне, и колонна, описав замысловатую петлю, въехала в уютный дворик.

На крыльце инспекцию встречали нервно переминавшаяся заведующая гостиницей и больше смахивавшие на вышибал из ночного бара два дежурных администратора. Кроме них, во дворе и поблизости в парке не было ни души и лишь вдалеке, за деревьями, мелькали пешие патрули. Опытным взглядом Перси сразу оценил: контрразведка с первого шага жестко очертила вокруг инспекторов незримую черту.

Но сейчас, после пытки в «летающем холодильнике» и русском «поларисе», ему было не до нее, в нем жило одно желание — поскорее забраться в тепло. Им с Брайеном достался угловой номер. Спартанская обстановка, а еще больше новая после мороза напасть — духота и жар, исходивший от раскаленных батарей, вскоре выкурили их в холл. Здесь уже толкались Кейт и Эрл. Лениво переговаривались между собой, они время от времени постреливали похотливыми взглядами в угол, где стоял телевизор. Вряд ли им были интересны мелькавшие на тусклом экране местные красавицы, водившие хоровод у лесного родника, когда их живое воплощение сидело перед ними на диване.

Перси тоже задержал взгляд на горничной, здесь действительно было за что зацепиться. Губки батиком, кокетливая родинка над верхней губой, пышные формы и вызывающе глубокий разрез на короткой юбке, в который проглядывали соблазнительные розовые ляжки, заставили быстрее бежать кровь.

— Что, Марк, давно телевизор не смотрел? — этот ироничный вопрос заставил его смутиться.

Обернувшись, он увидел перед собой расплывшуюся в ухмылке физиономию Хилла. Тот причмокнул губами и мечтательно произнес:

— Ничего не скажешь, хороша! Я бы не прочь с ней покувыркаться.

— Да, мощная секс-бомба, — согласился Перси.

— Что, рассчитываешь взорвать?

— Ален, кончай ерунду пороть!

— Не знаю, не знаю. Ее моральные устои вряд ли уже поколеблешь, с коммунизмом у них давно покончено, а вот без запала можно точно остаться, — хмыкнул он.

— Да пошел ты! — вспыхнул Перси.

— Ну, будет тебе, Марк, шуток не понимаешь, — примитивно сказал Хилл и предупредил: — На всякий случай держи ухо остро, эта секс-бомба вполне может оказаться из арсенала ФСБ.

Дальше эту опасную тему им так и не удалось развить, из своего номера вышел Ли и пригласил подняться на второй этаж в конференц-зал для брифинга. Здесь американских инспекторов ждали полковник Смирнов, полковник Кашкин и офицеры группы сопровождения от ракетной базы.

Преинспекционная процедура шла строго по протоколу и заняла чуть больше получаса. По ее завершению Ли объявил цель инспекции: «Проверка исходных данных», и назвал объект: «Ракетный полк».

С этой минуты для инспекторов началась работа. Едва только автобусы выехали за ворота гостиницы, как Кейт принялся незаметно записывать маршрут на миниатюрный навигатор, встроенный в наручные часы. Брайен, прячась за спиной Эрла, замерял радиационный фон на хитроумно упрятанный в поясную бляху дозиметр. Ли отвлекал разговором Смирнова и Кашкина.

Но провести разведку подходов к ракетной базе им так и не удалось. Контрразведка, похоже, не дремала. Первым забил тревогу Хилл. Его сканер захлебнулся в загадочном излучении, навигатор Кейта вывел его на Колыму, а дозиметр

Брайена показал такую чудовищную дозу, от которой они должны были тут же облысеть. Русские же вели себя, как ни чем не бывало, и только на лице долговязого майора, бушлат которого подозрительно топорщился на животе, гуляла иезуитская улыбка. От нее Хиллу стало не по себе, он отключить сканер, тоже самое сделали Кейт с Брайеном, и больше до ракетной базы никто не решался искушать судьбу.

База возникла как из-под земли. Лес, будто по мановению волшебной палочки, расступился, и перед американцами, ошестинившись металлическими ежами, возник контрольно-пропускной пункт. Его начальник — прапорщик зверского вида — с двумя автоматчиками поднялся в автобус, придирчиво сверил списки, и только после этого ворота ракетной базы открылись. Очередная проверка ждала их через полкилометра, на въезде в боевую зону.

Всего несколько сот метров и мощная система охраны отделяли Перси от бронированных укрытий, в которых ждали своего рокового часа «ядерные Тополя». Невольный холодок обдал спину, когда над его головой проплыли бетонные башни, из бойниц которых угрожающе торчали стволы тяжелых станковых пулеметов, а перед глазами холодно блеснули изоляторы электрического ограждения. Тысячи вольт в одно мгновение могли испепелить все, угодившее в этот электрический капкан.

Позади остались бесконечные ряды колючей проволоки, минное поле, и Перси с облегчением вздохнул. Автобусы, обогнув врытый в землю капонир, остановились перед гигантским ангаром. В нем за бронированными стенами находилась ракетная пусковая установка с ядерным зарядом. Американские инспектора и сопровождающие их русские вышли на расчищенную от снега площадку и, сбившись в две кучки, ждали, когда полковник Кашкин отдаст распоряжение.

Его отрывистая команда проплыла над притихшим лесом, спустя мгновение справа у входа в ангар снег с тихим шипением скатился с бронированного колпака, и из укрытия

показался часовой. Вместе с ним Кашкин прошел к пульту управления и нажал на кнопку переговорного устройства.

В ответ из выкрашенного в пятнистый цвет бронированного чудовища послышался грозный гул. Прошло еще несколько секунд, и оно, лязгая зубами-шестернями, медленно открыло огромную пасть. Перси подался вперед и с жадным любопытством вглядывался в створ ворот.

Первыми в мрачное укрытие бесстрашно забежали беззаботные солнечные зайчики, весело проскакав по стенам, прыгнули на туловище ядерного монстра и тут же съжились. «Тополь», который даже на фотографиях поражал воображение, вблизи вызывал в душе трепет.

В лучах яркого солнца стекла двух кабин вспыхнули багровым отсветом, словно глаза изготовившегося к прыжку дракона. Четыре его металлические «лапы» и четырнадцать в человеческий рост колес легко несли на себе стотонную машину. Ее гладкое, отливающее зловещим отблеском туловище-ракета заканчивалось тупой и безликой «мордой». Под ее «черепом» таилась, готовая в любую секунду превратить в космическую пыль сотни тысяч человеческих жизней и целые города, «ядерная смерть».

Перси замер и, потрясенный, смотрел на этого монстра на колесах. В его голове это не укладывалось. «Как и кто сумел создать такое техническое чудо в России... В стране, где дороги напоминали поле боя, а автомобили мало чем отличались от броневика... стране, где нищий спал на несметных богатствах, а нувориш — на тюремных нарах. Как они смогли?!» — задавался он этими вопросами.

Его растерянный взгляд перехватил Брайен и с тревогой спросил:

— Марк, что с тобой?

— Э... Это невероятно!

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, все это!.. Как они смогли, Блю?!

Тот пожал плечами.

— И все-таки как?

Брайен наклонился и, оглянувшись по сторонам, тихо ответил:

— С помощью отвертки, молотка и еще какой-то матери.

— Чего, чего?.. Какой такой еще матери?

— А вот это самый большой русский секрет! — и здесь Блю сделал загадочное лицо, а в его глазах появились смешинки.

— Кончай голову морочить! Объясни толком?! — начал злиться Перси.

Но Брайену было не до разъяснений. Ли дал команду инспекторам приступить к проверке, и они, разбившись по парам, направились к пусковой установке. Там их ждал боевой расчет пуска. Теперь уже они, ракетчики, занимали внимание Перси. Он пристально вглядывался в лица офицеров, так будто хотел прочитать ответы на свои вопросы.

Молоденький капитан — командир расчета. Именно ему в час «Ч» предстояло выполнить приказ «Пуск»!

Совсем юный лейтенант — оператор, палец которого должен был последним нажать кнопку на «ядерном пианино» в кабине гигантского МАЗа.

Ненамного старше их выглядел прапорщик механик-водитель пусковой установки.

«Совсем мальчишки! Ровесники моего сына! — поразился Перси и в следующее мгновение ужаснулся: — Господи! Как же хрупок мир! И этот мир находится в руках этих мальчишек?!.»

## Глава 5

В крохотном кабинете старшего оперуполномоченного отдела контрразведки по четвертому научно-исследовательскому институту ракетных войск стратегического назначения майора Романа Саликова было не повернуться. Осанистая фигура полковника Виктора Агольцева занимала все свободное пространство. Самому Саликову и подполковнику Николаю Кочубею, тоже далеко не детских размеров, пришлось втиснуться между необъятной спиной начальника и пузатым несгораемым сейфом. Все трое склонились над экраном монитора и пытались разглядеть, то, что происходило за сотню метров от них в лаборатории соседнего корпуса института.

Но их ждало горькое разочарование, экран покрывала густая серая рябь точек. Сквозь нее размытым силуэтом проступала сидящая за письменным столом мужская фигура. Аудиозапись тоже ничего не давала, микрофон, «воткнутый» в потолочный светильник, страшно фонил и отзывался визгливым писком и дикими завываниями эфира.

Агольцев бросил недоуменный взгляд на Саликова с Кочубеем. Те потеряно замялись, а затем, пытаясь восстановить изображение на экране, принялись крутить ручки настройки на пульте спецаппаратуры оперативного контроля, которую «технари» накануне установили в кабинете начальника лаборатории № 3 подполковника Василия

Оноприенко. Но их попытки ни к чему и не привели, мощная радиопомеха от радиопередатчиков узла связи забивала слабый сигнал. Смуглое лицо Кочубея, выдававшее в нем южанина, исказила болезненная гримаса, он не сдержался и зло буркнул:

— Черт бы их побрал! Вся работа коту под хвост!

— Вроде все предусмотрели! — сокрушался Саликов.

— Все да не все! Поздно, поезд ушел! Да и я тоже хорошо! — в сердцах произнес Агольцев.

— Вы то причем, Виктор Александрович?! На то они и технари, чтобы своими инженерными извилинами шевелить и таких «хвостов» не оставлять, — продолжал ворчать Кочубей.

— А при том, Коля! Легче всего на других валить! Мы-то сами где были?

— Вчера проводили проверку, и все работало!.. Ничего не пойму! — недоумевал Саликов.

— Виктор Александрович, я предупреждал Федотова, но он же у нас «великий Попов». Ему слова не скажи — «Я все знаю! Не учи ученого!» И доучил, теперь к Кровопускову снова тащиться! Мало он нам прошлый раз нервы помотал, так теперь... — от горечи и досады у Кочубея больше не нашлось слов.

При одном упоминании этой фамилии глаза Агольцева потемнели. В последнюю неделю он чаще бывал в окружном суде, чем у себя в отделе, и там не один час убеждал Кровопускова в обоснованности проведения оперативно-технических мероприятий в отношении Оноприенко. Тот на словах соглашался, а когда дело доходило до утверждения постановления, в последний момент давал задний ход и требовал дополнительных доказательств его шпионской деятельности.

И когда, наконец, удалось добыть эти «дополнительные факты» и получить подпись Кровопускова под постановлением суда, а затем с таким трудом установить «технику» в кабинете Оноприенко, досадная мелочь свела все на нет!



В эти самые минуты, когда объект «Лаборант», заперев дверь, «колдовал» над секретными документами, они оказались «слепы» и «глухи». Тут было от чего выйти из себя, и Агольцев с сочувствием смотрел на мрачные, осунувшиеся лица кипевших от злости подчиненных.

Здоровый румянец, обычно поигрывавший на щеках крепыша Саликова, поблек, глаза глубоко запали, и ранее поблескивающий в них задорный зеленый огонек погас. Плечи поникли, китель стал просторным и болтался, будто на вешалке. Рано обозначившийся начальственный животик тоже куда-то пропал. От бессонницы и усталости он едва держался на ногах.

Не намного лучше выглядел и Кочубей. Лучший волейболист управления, казалось, не знавший усталости, и тот не выдержал нервного напряжения. Его выразительный, с легкой горбинкой нос заострился и все больше напоминал клюв. Густые и черные как смоль брови сердито сошлись на переносице и сейчас походили на крылья уставшей птицы. Волевой подбородок с глубокой ямочкой посередине покрывала густая щетина. Лихой казацкий чуб растрепался и свалывшимися прядями болтался по лбу. Кочубею не хватало разве что папахи на голове, черкески на плечах и кинжала за поясом, чтобы быть своим среди абреков. Кровь кубанских казаков и кабардинцев проступала в чертах его лица и кошачьих движениях гибкого тела.

Сам выходец из тех краев, Агольцев испытывал к нему не только теплые земляческие, но и товарищеские чувства. Два года назад при проверке отдела ФСБ по 58-й армии Северо-Кавказского военного округа он «положил глаз» на тогда еще майора и старшего опера. Хваткий в работе и интересный в общении Кочубей оставил о себе положительное впечатление, и в начале прошлого года, когда в отделе появилась вакансия, ему не пришлось долго подыскивать замену.

Николай без колебаний принял предложение и переехал в Москву. И хотя с жильем получилась накладка: пока решался вопрос с переводом, комната в общежитии академии

«Петра Великого» на Садовом «уплыла» к другому, он ни словом не обмолвился. У других — женатых, положение с жильем было не лучше, многим приходилось ютиться по чужим углам или у знакомых. Пристроившись на время у дальних родственников, Николай большую часть времени пропадал на службе, пахал за двоих, его работа не осталась незамеченной, и на год раньше срока он получил звание подполковника.

Но не только это, а еще удача, чаще, чем другим, сопутствовавшая Кочубею, подвигла Бармина в числе первых включить его в оперативную группу по розыску «Гастролера». И с выбором он не прогадал: тот первым, на деталях, зацепил Оноприенко, а дальше, подобно снежному кому, дело стало обрастать новыми данными, указывающими на то, что именно тихий и незаметный завлаб мог быть тем, кто выходил на резидентуру ЦРУ в Киеве.

В эти самые минуты должен был наступить «момент истины» в проверке Оноприенко. С помощью оперативной техники предстояло документально закрепить факт сбора им шпионской информации по ракетному комплексу «Тополь-М». Сегодня скуповатый завлаб расщедрился и не поскупился на коробку дорогих шоколадных конфет, а взамен «по-дружески» получил у начальника секретной части материалы, касающиеся последних результатов испытания элементов системы преодоления ПВО ракетой. Это был «первый звонок», а второй прозвучал в конце рабочего дня — Оноприенко, как положено, документы в «секретку» не возвратил и заперся с ними в кабинете.

И вот теперь, в решающий момент, из-за досадной помехи все пошло прахом. На экране мельтешил силуэт Оноприенко, а в редкие паузы среди помех прорывался шелест бумаг. С такими «доказательствами» идти на доклад к Бармину и Градову нечего было и думать. Им требовались не предположения и умозаключения, а конкретные факты и доказательства, подтверждающие сбор Оноприенко секретной информации.

Унылую атмосферу кабинета нарушал свист эфира. Кочубей в который уже раз склонился над панелью управления и принялся крутить ручки настройки, но на экране по-прежнему, продолжал «сыпать снег», а по ушам была какофония из помех. Раздосадованный Агольцев не сдержался и треснул кулаком по столу, и здесь произошло чудо! Помеха исчезла, экран очистился, и в кабине отчетливо зазвучали голоса. Оноприенко был не один, напротив него, вальяжно развалившись, занимал кресло чернявый усатый полковник с объемистым портфелем в руках.

— Рома, кто такой?! Из какой щели этот усатый таракан выполз? — недоумевал Кочубей.

— Приятель! — не стал распространяться Саликов.

— Нелегкая его принесла! Только связисты угомонились, теперь он начнет нервы мотать! У тебя что здесь, проходной двор или особо режимный объект?!

— Коля, угомонись! Пришел тот, кто надо, и как раз вовремя, — не стал вдаваться в подробности Агольцев.

— Понял, Виктор Александрович! Случайных людей в нашем деле не бывает, — сообразил Кочубей.

— Совершенно верно! Теперь смотрим и слушаем! — закончил он разговор и распорядился: — Роман, поработай над второй камерой! Изображение сделай четче и держи в фокусе лицо Оноприенко!

Саликов недолго поколдовал над панелью управления, и на экране крупным планом возникли Оноприенко и его собеседник. Агольцев сел удобнее, над ним навис Кочубей, все и замерли в ожидании. Они старались не пропустить ничего из того, что происходило в кабинете начальника третьей лаборатории.

Тем временем усатый полковник выставил на стол бутылку водки, покопался в портфеле и к выпивке добавил закуску.

— Володя, к чему это? — замялся Оноприенко.

— К празднику!

— Какому? До двадцать третьего еще две недели.

— Пусть без меня отмечают! Сам знаешь, праздник в армии, что для коня свадьба — морда в цветах, а жопа в мыле. Замордуют одними построениями и «маршем маленьких лебедей». Так что давай сегодня по-человечески «замочим» и от пуза «порубаем», — наседал «Усатый» и, не дожидаясь согласия Оноприенко, принялся разливать водку по стаканам.

Уступая его напору, тот, прежде чем выпить, поинтересовался:

— И все-таки, за что пьем?

«Усатый» расплылся в довольной улыбке и с гордостью произнес:

— А празднуем мы, Вася, знаменательное событие в жизни полковника. Наконец-то, после двадцати лет безупречной службы и благодаря вовремя скончавшейся «любимой» теще, он сподобился купить настоящую машину!

— Правда?! И какую? — оживился Оноприенко.

— «Опелек»! Состояние, скажу, отличное!

— А «жигуль»?

— Сыну отдал, пусть добывает! Так что не отметить такое событие со старым другом большой грех. Кстати, сколько мы отбарабанили в этой шараге?.. Двадцать? Двадцать один?..

— В августе будет ровно двадцать два.

— Целых двадцать два годочка?! Золотое очко! Выпьем за него, я имею ввиду «золотое» и мой «опелек»! — с пафосом произнес «Усатый» и зазвенел стаканом о стакан Оноприенко.

Их стук, усиленный аппаратурой, веселым звоном отозвался в кабинете Саликова. Он сам, а вместе с ним Агольцев и Кочубей голодными глазами наблюдали за тем, как Оноприенко и его приятель крупными ломтями ломали хлеб и аппетитно жевали колбасу. Бедняга Саликов, с утра не державший во рту и маковой росинки, нервно сглотнул, а его пустой желудок требовательно и громко напомнил о себе. Но Роман стеснялся при начальнике заглянуть в стол, где лежали банки тушенки, пачки галет, сахар и кофе.

Первым не выдержал Кочубей и проворчал:

— Рома, а они лучше тебя подготовились.

Саликов бросил вопросительный взгляд на Агольцева и нерешительно замялся. Тот повел носом и, тяжело вздохнув, с грустью сказал:

— Водки просить у них не будем, а вот червячка заморить не помешало бы.

— Один момент, Виктор Александрович, — оживился Саликов и принялся выкладывать из тумбочки свои припасы.

— Молодец! Про джентельменский набор контрразведчика не забыл! — похвалил Агольцев.

— Не совсем, Виктор Александрович! Кое-чего в нем не хватает. Может исправить, тут рядом? — предложил Кочубей.

— Это уже перебор, Коля, — осадил его тот.

Какое-то время в обоих кабинетах раздавались характерный хруст и звон. Но этот «пир желудков» долго не продолжался. Неугомонный «Усатый» вновь запустил руку в портфель и выставил на стол вторую бутылку водки и новую порцию закуски.

— Володя, аккуратнее! Тут секретные документы! — тревожный возглас Оноприенко заставил Агольцева и его подчиненных забыть о кофе, и они прильнули к экрану монитора.

На нем отчетливо проступили два крепких, как армейская табуретка, зада. Оноприенко и «Усатый» склонились над полом и собирали слетевшие со стола листы документов.

— Дифференциалы... Интегралы... Тангенсы и котангенсы... — монотонно бубнил «Усатый» и укорял Оноприенко: — Эх, Вася, Вася! И когда ты кончишь научной мутью свою умную голову забивать?

— Это не муть! Это моя докторская! — обиженно отвечал тот.

— Докторская?! Да тебе, дорогой ты мой, на нее никакого здоровья, я уж про деньги не говорю, не хватит! И вообще, на кой хрен она тебе перед дембелем?

— Под нее мне место завкафедрой в МАИ пообещали.  
— Место?.. И сколько будешь получать?  
— Пятнадцать.  
— Пятнадцать?! Наших деревянных!  
— Плюс пенсия пять двести.  
— Пятнадцать? Пенсия пять двести? О чем ты говоришь, Вася?! Твоя голова миллионы стоит, и не «деревянных», а «зеленых»!

— Какие миллионы, Вова! Поздно о них думать! Наш поезд давно ушел, — грустно произнес Оноприенко.

— Не скажи! Вот ты до ночи штаны протираешь, а ради чего?

— Я же сказал, докторская...

— Вася, оставь в покое свою докторскую! — с раздражением перебил «Усатый». — В наши сволочные времена настоящей докторской бывает только колбаса!

— Вова, но не всегда же так будет, — вяло возражал Оноприенко.

— Ну, ну. Дождешься, когда эту самую докторскую тебе на крышку гроба положат. Двадцать лет науку двигаешь и что?.. Один шиш в дырявом кармане имешь. Вася, а ты когда-нибудь задумывался, сколько твоя умная голова стоит?!

Оноприенко пожал плечами и, прожевав кусок колбасы, с горечью сказал:

— Володя, ты не хуже меня знаешь, что после сорока ни голова, ни мы сами никому не нужны.

— Ерунду порешь! Взять твоего Гаврилова.

— А что Гаврилов? Нормальный мужик!

— Да я не о том. На должности пятый год «лежит» и даже плавниками не шевелит, зато на стороне такие «бабки» зашибает, что нам и не снились.

— Я не Гаврилов, — буркнул Оноприенко.

— А зря! Значит так умным дураком и помрешь! Ну, да ладно, давай еще по одной накатим, — предложил «Усатый» и потянулся к бутылке.

Водка весело забулькала и полилась в стаканы. Из кабинета Саликова уныло наблюдали за тем, что происходило в лаборатории — шпионажем там и близко не пахло. Оноприенко захмелевшим голосом что-то лепетал «Усатому», а тот, покачивая лысой головой, нечленораздельно бормотал в ответ.

Агольцев погрузился, устало откинулся на спинку стула и распорядился:

— Роман Николаевич, убавь звук.

— Похоже, сегодня ничего интересно не увидим и не услышим! — заключил Кочубей.

— И не только сегодня. С Оноприенко, кажется, все ясно, Коля! — с горечью подвел итог Агольцев.

— Виктор Александрович, а может не стоит спешить и дальше понаблюдать? — предложил Саликов.

— Рома, после второй бутылки от этого затюканного жизнью доктора путного уже ничего не услышишь. Все, что нам надо, он уже сказал. Такие, как Оноприенко, секретами не торгуют! — скептически отнесся к его предложению Кочубей.

— Виктор Александрович, и все-таки, разрешите остаться? — стоял на своем тот.

В нем — молодом работнике — горело неумное желание разоблачить «своего» первого шпиона. До сегодняшнего дня все складывалось в пользу этой версии. В декабре прошлого года Оноприенко был в отпуске у родителей на Украине, в городе Самбор, как раз в то самое время, когда «инициативник» пытался выйти на резидентуру ЦРУ в Киеве. По возвращению активно полез к секретам «Тополя». Но сегодняшние результаты наблюдения ставили жирный крест на шпионской версии.

Опытный Агольцев хорошо понимал, что сейчас творилось в душе Саликова, и, не желая лишать последней надежды, разрешил:

— Хорошо, Роман Николаевич, оставайтесь и отработайте до конца. Завтра на доклад можете прибыть на час позже.

— Виктор Александрович, я уверен, что Оноприенко — это «Гастролер»! — твердил тот.

— Будем надеяться, — не стал его разубеждать тот и, пожав руку, направился к выходу. Вслед за ним, пожелав Саликову удачи, покинул кабинет Кочубей.

К этому времени корпуса института опустели и лишь несколько окон — дежурного, лаборатории номер три, пять и шесть тусклыми пятнами проглядывали в сгустившейся ночной тьме. Стараясь остаться незамеченными, Агольцев и Кочубей по дальней, поросшей соснами аллее прошли на стоянку машин. Сладко спавший на заднем сиденье отделовской «волги» водитель встрепенулся на стук дверцы и осовело захлопал глазами.

— Солдат спит, служба идет! — невесело пошутил Агольцев.

— Я только задумался, товарищ полковник! — смутился боец.

— Ладно, Витя, протирай глаза, и за баранку!

Разбитной «дембель» младший сержант Зыков пулей вылетел из машины, на ходу расправил смявшийся бушлат, подтянул болтавшийся ниже пояса ремень и, заняв место за рулем, включил зажигание. Старенькая «волга» надсадно чихнула, судорожная дрожь заработавшего двигателя сотрясла корпус, и, когда в салон пошла теплая струя воздуха, Агольцев распорядился:

— Хорош запрягать, Витя! «Волга» не лошадь, поехали!

— Есть! — коротко ответил тот и, вырвав со стоянки, нажал на газ.

Несмотря на свои девять с лишним лет тяжелой армейской жизни и шестерых водителей, на всю «катушку» поупражнявшихся за ее рулем, машина на удивление резво покатила вперед. Агольцев и Кочубей, нахохлившись, ушли в себя и до самого управления не проронили ни слова. Еще одни сутки напряженной работы, которые, как они рассчитывали, а с ними и Бармин, должны были привести к «Гастролеру», оказались потраченными впустую.



На следующий день в десять часов у Агольцева на Лубянке собрались Кочубей, майор Остащенко и капитан Салтовский. Более чем скромную обстановку его кабинета скрашивали массивная, выполненная из уральского камня малахита подставка для карандашей и ручек, напоминавшая о службе в Нижнем Тагиле, старые, ручной работы деревянные настенные часы и большая цветная фотография, на которой будущий министр обороны и маршал России, а тогда еще главнокомандующий РВСН генерал-полковник Игорь Сергеев вручал подполковнику Виктору Агольцеву именное оружие за участие в разоблачении изменника Дудника.

Последним в кабинет вошел Саликов. По его усталому и грустному лицу Агольцев догадался, что той смутной надежде, которая еще теплилась где-то в глубине души, окончательно пришел конец. Справка, легшая перед ним на стол, ничего нового к тому, что он вчера слышал и видел собственными глазами в кабинете Оноприенко, не добавляла.

Остащенко и Салтовский тоже поняли все без слов и с сочувствием поглядывали на Саликова и Кочубея, их унылый вид говорил сам за себя. Но Агольцев не собирался заикливаться на вчерашней неудаче, в ней был и свой плюс. Теперь круг подозреваемых сузился до четверых, из них двое — доцент Орест Литвин и старший офицер оперативного отдела штаба РВСН Сергей Митров — оставались за ним.

Без долгой раскачки он перешел к делу.

— Юрий Викторович, вы готовы доложить по Литвину?

Вопрос не застал врасплох Остащенко.

— Да! — ответил тот и приподнялся.

— Сидите! — остановил Агольцев. — Мы не на армейском плацу, докладывайте с места!

— Проверка на телефоне, по Интернету и на почтовом канале пока ничего не дала, но мы продолжаем работу и рассчитываем...

— Дальше! — не стал задерживать своего внимания Агольцев.

— В обращении с секретными документами, в том числе по проблематике «Тополь-М», на фоне остальных офицеров ничем особенным не выделяется.

— На контактах с иностранцами тоже не засветился, хотя пробивали его по всем учетам, где только можно, — дополнил доклад Остащенко капитан Салтовский.

— Контакты, связи — это все хорошо! А с главным вопросом, я имею ввиду отпуск Литвина, разобрались?

— На сегодня уже можно точно сказать — на Украине он его не проводил! — доложил Остащенко.

— Чем это подтверждается?

— Вчера получили ответ из Воронежского управления. Они сообщают, что в декабре Литвин вместе с семьей отдыхал у родителей жены. Кроме того, в военкомате, в журнале учета отпускников, есть необходимые отметки.

— Выходит у него железное алиби! — не смог скрыть своего разочарования Агольцев и подвел неутешительный итог: — Итак, Оноприенко и Литвин оказались «пустышкой». Остается один Митров, но если еще он на печи сидел и в Киев не ездил, то я не знаю, с чем тогда идти к Бармину.

— С этим, Виктор Александрович, у Митрова как раз все в порядке! В декабре был на Украине, у родителей в Виннице. Зато по другим вопросам полный ноль. К «Тополю» интереса не проявляет. На контактах с иностранцами не светится, — коротко доложил Салтовский.

— А если мы не в том круге ищем? — усомнился Остащенко.

— Юрий Викторович, давай с Митровым до конца разберемся, а потом будем круги рисовать, — с раздражением произнес Агольцев и, пробежавшись взглядом по поникшим головам подчиненных, смягчился: — Ребята, не опускать руки! «Качайте» Митрова, и результат будет!

— Постарайтесь! — ответил за всех Кочубей.

После ухода офицеров Агольцев сел за докладную по результатам проверки Оноприенко и Литвина. Давалась она с трудом, к семнадцати часам он насилу вымучил из себя пару страниц и, как на плаху, побрел на седьмой этаж.

К тому времени в кабинете Бармина уже находился Прохоров. Судя по оживленному виду, ему с подчиненным, похоже, удалось ближе подобраться к «Гастролеру». Лишним подтверждением тому служила лежащая на столе фотография полковника Генштаба Стельмаха с неизвестным на фоне церковной ограды.

«Не грехи же они там замаливали?! Похоже, Гриша со своими орлами напал на след «Гастролера», — кольнула ревнивая мысль Агольцева.

И в ее подтверждение Бармин заявил:

— Григорий Васильевич, последний материал на Стельмаха очень интересен, с него и начнем доклад Градову, если, конечно, Виктор Александрович чего-то такого не раскопал?

— Пока похвастаться нечем, Алексей Анатольевич, — посетовал тот и положил на стол докладную.

— А Оноприенко?

— Пустой номер! Саликов всю ночь на контроле просидел, и ничего. У того одна докторская на уме.

— Жаль, столько времени и сил впустую потратили. Ну ничего, остаются еще Литвин с Митровым.

— С ними тоже бег на месте! Тычемся как слепые котята и... — больше у Агольцева не хватило слов.

— Ладно, не расстраивайся, Оноприенко тоже результат! Теперь в ряду «гастролеров» на одного меньше стало, — пытался смягчить горечь от неудач Бармин.

— Алексей Анатольевич, извините, но время поджимает, Градов ждет, — напомнил Прохоров.

Тот посмотрел на часы — до совещания оставалось меньше пяти минут, и хотя их кабинеты располагались на одном этаже, но «ефрейторский зазор» перед встречей с начальником, вбитый еще с курсантских времен, заставил

поторопиться. Бармин положил докладную Агольцева в папку и на выходе из кабинета распорядился:

— Виктор Александрович, будь на месте, мало ли что!

— Я понял! — ответил тот и спустился к себе на этаж.

Проверив еще раз документы, Бармин вместе с Прохоровым направился в приемную Градова. В ней, кроме помощника, никого другого не было, и, подождав, когда стрелки часов покажут семнадцать двадцать, они вошли в кабинет. Это была уже вторая встреча за сегодняшний день; Градов пригласил их за стол заседаний, и первый вопрос, который он задал, касался Оноприенко.

Бармин коротко доложил:

— Похоже, он чист, Георгий Александрович. Последние оперативные материалы и данные вчерашнего технического контроля снимают все подозрения.

— М-да! А что по другим? — лицо Градова помрачнело.

— Определенная перспектива намечается по Стельмаху. Более подробно может доложить Григорий Васильевич.

Прохоров раскрыл папку и передал докладную генералу. Тот внимательно прочитал и не удержался от упрёка:

— Не густо, друзья! Честно говоря, ожидал от вас большего!

— Георгий Александрович, мы делаем все, что в наших силах, — пытался оправдаться Бармин.

— Наверно, не все, прошло два месяца, а как бродили в потемках, так и продолжаете. Процесс идет, а прорыва на главном направлении нет! Это не работа! — не смог скрыть досады и раздражения Градов.

Бармин и Прохоров понуро молчали, так как в ответ нечего было сказать. Его упрек был справедлив. По их первому требованию он откладывал в сторону все остальные дела, чтобы выбить вне очереди лучшую оперативную технику, немедленно снимал с других участков сотрудников и отправлял в командировки. Несчастливая «наружка» ни днем, ни

ночью не знала покоя и за последнюю неделю истерла ноги, гоняясь по Москве и пригородам за пятью «гастролерами». Но больше этих горьких слов им говорили глаза Градова. Ему и только ему каждую неделю приходилось отдуваться за их работу на «ковре» перед директором.

Для Бармина это было хуже любого наказания, и, пряча глаза, он глухо сказал:

— Георгий Александрович, мы найдем его! Мы заставим его раскрыться! Дайте еще время?

— Время?.. Раскрыться? — повторил вслух каким-то своим мыслям Градов, затем поднялся из кресла, прошел к шкафу, снял с полки книгу «Смерш» и, возвратившись на место, спросил:

— Надеюсь, читали?

— Конечно! — дружно закивали они, а Прохоров не удержался и прихвастнул:

— У меня она с автографами всех авторов.

— Это хорошо, Григорий Васильевич, но если к ним добавишь автограф «Гастролера», обещаю, в следующей книге и для тебя найдется место! — невесело пошутил Градов и зашелестел страницами.

Бармин с Прохоровым приободрились и, теряясь в догадках, с интересом наблюдали за ним. То, что книга «Смерш» была детищем Градова, ни для кого в управлении не являлось секретом. Четыре года назад, загоревшись идеей восстановить правдивую историю военной контрразведки времен Великой Отечественной войны, которая до недавнего времени хранилась за семью печатями, Градов собрал группу энтузиастов, и те взялись за, казалось, безнадежный труд.

Понадобился не один месяц, чтобы в лабиринте архивов времен зловещего Наркомата внутренних дел СССР отыскать материалы тех лет. А когда они нашлись и заговорили сухим и бесстрастным языком совершенно секретных докладных записок, радиogramм, оперативных сводок и разведдонесений, перед авторами открылась одна из самых

захватывающих книг — книга человеческих судеб. На ее страницах сама война правдиво и без прикрас рассказала историю Смерша и тех, кто своими жизнями и смертями писал ее страницы.

Градов энергично листал эту, вне всякого сомнения, дорогую для него книгу, пока пальцы не остановились на странице 171. С нее, со старой фотографии, на Бармина и Прохорова смотрел строгий старший лейтенант — разведчик Смерша Петр Прядко, проработавший больше года в Абвере. Они с любопытством поглядывали то на фотографию, то на Градова и ждали продолжения. В эти минуты его взгляд смягчился, а в голосе звучали непривычно теплые нотки:

— Ему было намного трудней, чем нам. Он был один среди врагов, но его находчивости и изобретательности можно только поучиться. Одним простым, но зато каким эффективным ходом Петр парализовал целую шпионскую школу гитлеровцев. Так что же такого совершил он? — Градов сделал паузу, Бармин и Прохоров терялись в догадках, и продолжил: — А всего лишь написал пять слов, но каких: «Здесь живут шпионы капитана Гесса» — и ночью вывесил плакат на штабе «Абвергруппы-102». На следующее утро половина Краснодара знала, что по улице Седина, 10 готовят гитлеровских агентов и диверсантов. Спустя два дня из Берлина прилетела специальная комиссия и вывернула это «осиное гнездо» наизнанку. После ее отъезда Гесса сняли с должности, часть инструкторов отправили на фронт, а половину курсантов — несостоявшихся шпионов вернули в лагеря.

— Простой, но блестящий ход! — согласился Бармин.

— Нам бы что такого написать и заставить «Гастролера» проявиться? — оживился Прохоров.

— Направление мысли верное, Григорий Васильевич! Ищите и найдете! — поддержал Градов и, увлеченный воспоминаниями, вернулся к рассказу.

— Как-то давно от ветерана Смерша генерала Григоренко... наверное, слышали про такого?

— Как не слышали! Начальник второго главка КГБ — легенда советской контрразведки, — в один голос подтвердили Бармин и Прохоров.

— Так вот, однажды он мне поведал об одной удивительной операции, которую вели контрразведчики Смерша во время войны. Тогда грешным делом подумал, может, ветерана годы подвели, уж слишком невероятной, даже фантастической выглядела она. А совсем недавно ей нашлось документальное подтверждение.

— И что это была за операция? — полюбопытствовал Бармин.

— Радиоигра, и называлась «Загадка». Я не поленился разгадать и, честно скажу, более блестящей работы не встречал! Приведу только один факт — наш разведчик был лично известен начальнику Главного управления имперской безопасности Германии обергруппенфюреру Кальтенбрунеру, а его донесения ложились на стол самому Гиммлеру.

— Вот это да!.. Штирлиц рядом с ним отдыхает! — поразился Прохоров.

— Штирлиц не Штирлиц, но Виктор Бутырин оказался разведчиком от бога.

Здесь Градов сделал паузу. Лукавый прищур его глаз говорил о том, что этот разговор затеян неспроста. Тонкий психолог, он вовремя уловил, что розыск «Гастролера» зашел в тупик, и, стараясь не задеть их самолюбия, пытался вывести из него. Теперь Бармин внимательно следил за каждым словом, чтобы не пропустить подсказки.

Градов остановил на нем взгляд и продолжил рассказ.

— Но одних способностей Виктора было бы мало, чтобы стать тем, кого сами гитлеровцы признавали лучшим из всех своих агентов в СССР. Без замысла, что родился в головах Виктора Семеновича...

— Абакумова — начальника Смерша? — полюбопытствовал Прохоров.

— ...Да, и его подчиненных генералов Утехина и Барышникова, которые «вели» Виктора, никакой бы «Загадки» не получилось. Они гроссмейстерски просчитали комбинацию, на которую потом клюнули асы из гитлеровской разведки.

— Георгий Александрович, а на чем она строилась? — оживился Бармин.

— На одном, но существенном обстоятельстве, в дальнейшем оно и сыграло решающую роль в успехе операции. У Виктора был дядя, и не простой дядя, а заместитель наркома путей сообщения. Не мне вам говорить, что значило для гитлеровцев накануне Курской битвы иметь такой источник информации.

— Мечта любой разведки, — согласился Прохоров и, не удержавшись, посетовал: — Нам бы где такого дядю найти?

— Ищите, Григорий Васильевич, все в ваших руках! — улыбнулся Градов и снова вернулся к рассказу.

После «успешного», с помощью контрразведчиков Смерша, выполнения задания в советском тылу Виктор возвратился к гитлеровцам. Вскоре в одном из разговоров с Николаем Дуайтом — офицером безопасности разведшколы — он как бы между прочим проговорился о дяде. Тот тут же сообщил куда надо, и после этого завертелась «карусель».

Спустя неделю Виктора вместе с Дуайтом самолетом отправили в Берлин. Там больше недели перепроверяли; чего это стоило, знает только он сам, а затем начали готовить к выполнению специального задания. Гитлеровцы рассчитывали с его помощью, под «американским флагом», тоже были не дураки, в сорок третьем на них мог работать разве что сумасшедший, завербовать дядю и через него получать данные о переброске войск и боевой техники на фронт. Но это было не все, на втором этапе планировался теракт против наркома путей сообщения Лазаря Кагановича.



— Ничего себе на кого замахнулись! — удивился Бармин.

— И не только на Кагановича, речь шла и о Сталине.

— С такой, как у него, охраной это был пустой номер, — скептически заметил Прохоров.

— Как сказать, — не был столь категоричен Градов. — С учетом близости дяди к Кагановичу и самому Сталину, при удачном стечении обстоятельств теракт вполне мог состояться. По крайней мере, в Берлине надеялись и специально под Виктора разработали особое устройство по типу бесшумного пистолета и заряды с отравляющими веществами.

— А противогаз ему случайно не дали? — язвительно заметил Писаренков.

— Нет, гитлеровцы поступили хитрее — снабдили антидотом. Потом, когда наши его проверили, то нашли в ампуле сильнейший яд.

— Заметали следы! — сделал вывод Бармин.

— Конечно! После такого теракта Виктор был им не нужен! — согласился Градов. — Но весной сорок третьего фашисты, в первую очередь, рассчитывали получить стратегическую развединформацию. О том, какое значение придавалось операции, говорит следующий факт. Перед заброской Виктора и Дуайта привезли в Главное управление имперской безопасности на инструктаж к самому Кальтенбруннеру. И надо отдать ему должное, он со знанием дела вникал в детали операции, интересовался их мнением, почему агентура из русских военнопленных не отличалась высокой эффективностью в работе.

— Ишь чего захотел! На страхе много не наработаешь! — скептически заметил Прохоров.

— Все так! — поддержал Градов. — И потому на Виктора, за спиной которого было три «результативных ходки» в наш тыл, в Берлине очень рассчитывали. Уже на следующий день после инструктажа у Кальтенбруннера его и Дуайта на специальном самолете из особой эскадрильи Гимmlера

перебросили в Смоленск, а 20 июня сорок третьего года высадили в Подмосковье.

С того дня «особо ценная» агентурная группа «Иосиф» — такое кодовое название ей дали гитлеровцы, приступила к работе в Москве. После того как Виктор с помощью Смерша «успешно завербовал» дядю и принялся регулярно снабжать Берлин стратегической дезой, там на него стали молиться. Лично Гиммлер не раз объявлял «Иосифу» благодарность за успешную работу. Но ни он, ни Кальтенбруннер, да и никто другой так и не догадался, что Виктор работал на совсем другого Иосифа — Иосифа Сталина! — пошутил Градов и хитрющим взглядом пробежался по подчиненным.

— Георгий Александрович, все понятно! — заявил Бармин и затем заверил: — Мы еще раз подумаем и выведем «Гастролера» на чистую воду!

— Но сделать это надо поскорее! — закончил совещание-урок Градов.

И он не прошел даром и дал толчок мыслям Бармина. По пути к себе в его голове уже вызревала пока еще до конца не оформившаяся свежая идея и, торопясь подкрепить ее, он тут же из кабинета позвонил Агольцеву и спросил:

— Кочубей где?

— Только что ушел, Алексей Анатольевич.

— Найди, и оба ко мне! — распорядился он и, сложив документы в сейф, прошел к окну.

За ним в неспешном хороводе кружились снежинки, их завораживающий танец погасил сумятицу мыслей, и внезапно возникшая идея стала приобретать вполне конкретные очертания новой оперативной комбинации. Ему уже представлялась цепочка мероприятий, которые бы сдвинули с мертвой точки проверку старшего офицера оперативного отдела штаба РВСН подполковника Сергея Митрова, теперь ставшего основным подозреваемым из числа ракетчиков, проходящих по делу на «Гастролера».

Стук двери прервал его размышления. В кабинет вошли Агольцев и Кочубей, в глазах которых читался один и тот же вопрос: «Ну как?»

Бармин не стал распространяться о содержании совещания у Градова и, кивнув на кресла, озадачил Кочубея вопросом:

— Коля, как твой английский?

Тот замялся и неуверенно ответил:

— Трудно сказать, последний раз работал год назад, да и то...

— Ничего, мы тебе хорошенькую американку подведем, вечерок другой постажируешься и сойдешь за стопроцентного янки, — оживился Агольцев, быстро сообразивший, что разбор «полетов» у Градова прошел без «стрельбы на вылет».

— А нос куда дену? — буркнул Кочубей.

— А что, нос как нос. Нам только остается завидовать, не так ли, Виктор Александрович? — пошутил Бармин.

Агольцев хмыкнул, с сомнением покачал головой и сказал:

— Не знаю, не знаю! Уж больно он на американский не похож! Если только под какого-нибудь Пейсаховича выдать, их туда много свалило.

— Пейсахович?! Никогда! — вспыхнул Кочубей.

— Не Пейсахович, не Пейсахович! Остынь, казак! Надеюсь, потомок янычаров или черкесов тебя устроит? — предложил Бармин.

— Если только прикажете, Алексей Анатольевич, только зачем? — сдался тот.

— Попробуем тебя как американца «подвести» под Митрова.

— О! Классная идея! — с ходу ухватился за нее Агольцев.

— Меня?! Под Митрова? — усомнился Кочубей. — Он ведь не пацан, и, если завязался с цэрэушниками, то как тогда легендировать перед ним мой выход?

— Чего заранее гадать, подставишься, а там видно будет!

— Подожди, Виктор Александрович, не гони в шею! Николай прав, так с налета можно и дров наломать. Пожалуй, сыровата идея, — согласился Бармин с Кочубеем, и в кабинете возникла долгая пауза.

Подстава, о которой шла речь, была одной из самых сложных и острых оперативных комбинаций, которую как контрразведка, так и разведка использовали в тайной войне друг с другом. В случае успеха она позволила бы обеспечить перехват «Гастролера» на подходах к резидентуре ЦРУ, не допустить его вербовки, а главное, исключить утечки секретов «Тополя». Но она имела смысл в том случае, и тут Кочубей сто раз был прав, если «Гастролер» еще не вышел на прямой контакт с американцами.

«Если?..» — и пытливый ум Бармина уже не мог остановиться и искал варианты.

— А что, если... Коля, — и бросив пытливый взгляд на него, продолжил, — тебя подвести к Митрову под видом иранского разведчика!

— Иранского?! А как быть с американцем, Алексей Анатольевич? — опешил тот.

— Иранского?! — не меньше его был озадачен Агольцев.

— Именно иранского! — развивал дальше мысль Бармин. — С точки зрения «Гастролера» у него появляется выбор — кому и по какой цене продать секреты. Думаю, что сомнений на твой счет у него не должно возникнуть. Телевизор он смотрит, газеты читает и потому знает, как иранцы гоняются за ядерными и ракетными технологиями. Что касается американцев, то здесь мы тоже железно закрываемся. Их «смертельная дружба» с иранцами нам сыграет только на руку. Разведывательные позиции ЦРУ в Тегеране почти нулевые, и если предположим, что «Гастролер» сообщит о твоём выходе, они вряд ли смогут проверить. Остается одно слабое место — Москва. И тут надо подумать, под какую «крышу» тебя спрятать.

— Здорово, Алексей Анатольевич! Даже не стоит сомневаться, комбинация сто процентов выигрышная! — снова оживился Агольцев.

— Здорово будет, когда ее утвердит Градов, а суд даст санкцию на проведение, — не спешил тот с решением.

— Даст! Кровопусков хоть и зануда, но хорошо понимает разницу между бандитом и шпионом! Дело только за Николаем, а с ним я вообще проблем не вижу, прямо вылитый перс!

— Виктор Александрович, ну вы даете! — обижено ворчал тот. — Без меня меня женили! Ладно американец еще, куда ни шло, но мусульманин?!

— Успокойся, Коля, никто и ничего обрезать у тебя не станет. Ты с ним в баню не пойдешь.

— Баню нам устроит Градов, если «Гастролера» на чистую воду не выведем, — положил конец препирательствам Бармин и, заканчивая совещание, объявил: — Короче, Николай, настраивайся на работу по иранскому варианту. Завтра по тебе, надеюсь, будет решение. А сейчас все по домам!

Несмотря на бессонную ночь и свинцовую усталость, Кочубей в приподнятом настроении покидал Лубянку. От горького осадка, лежавшего на душе после неудачи с Оноприенко, не осталось и следа; увлеченный предстоящим поединком с возможным «Гастролером», он не обращал внимания на сутолоку в метро, не ощущал толчков в спину, когда выбирался из людской реки, выплеснувшейся на площадь перед станцией «Динамо», и затем втискивался в маршрутку.

— Ой! Осторожно! — этот возглас заставил его встрепенуться.

Под ногой валялся сломанный каблук от женского сапога.

— Простите!.. Я не хотел, — смутился Николай.

Девушка ответила гневным взглядом и отвернулась к окну. Он приткнулся рядом на свободное место, потерянно вертел в руках сломанный каблук и не знал, что сказать.

Маршрутка упорно пробивалась через снежные заносы и автомобильные пробки. На остановке у кинотеатра «Прага» его соседка поднялась на выход. Он распахнул дверцу, подал руку, и после секундного колебания маленькая, теплая ладошка легла на нее. Выбравшись из маршрутки, они с трудом продрались сквозь галдящую толпу, и Николай, пытаясь сгладить допущенную неловкость, спросил:

— Разрешите вам помочь?

— Чем?

— Э... отвезти на такси.

— Не надо, я сама. Здесь недалеко.

— И все-таки, — не отступал Кочубей.

Девушка замялась, и он, воспользовавшись заминкой, шутливо заметил:

— Ну, если не на такси, то позвольте на руках.

— А позвольте не позволить, — ироничный ответ и лукавая улыбка прибавили уверенности Николаю.

— Значит, остается такси! Ждите, я сейчас! — воскликнул он и ринулся к обочине.

В той снежной круговерти, что творилась на дороге, высмотреть в ревущей автомобильной лавине такси было невозможно. И здесь его осенило. Решительно подхватив девушку под руку, он увлек ее к тускло проблескивающему витринами торговому центру.

— Что вы делаете?! Мы же с вами не знакомы!

— Да?! Николай!

— Что, что?!

— Точнее кто — Николай!

— Э... Татьяна.

— Вот мы и знакомы! — рассмеялся Кочубей и огорошил вопросом: — У вас какой размер?

— Что вы имеете в виду? Тридцать шестой, — растерянно ответила Татьяна.

— Одну минуточку! Ждите меня здесь! — бросил на ходу он, поднялся на второй этаж, пробежался по секциям и остановился у отдела обуви.

Первый и последний раз ему пришлось покупать женские сапоги двенадцать лет назад, на первую лейтенантскую получку, это был подарок матери. Его растерянный взгляд метался по рядам «казачков», «ботфорт», «ковбойских» и не мог ни на чем остановиться.

— Вам помочь, молодой человек? — пришла на помощь продавец.

— Да! Мне нужны сапоги тридцать шестого размера!

— Зимние или осенние?

— Зимние и самые лучшие!

Продавец скептическим взглядом пробежалась по его куртке и ботинкам. Купленные на подполковничью зарплату на Черкизовском рынке, они явно не дотягивали до стильных женских сапог, в ценнике которых значился не один ноль. Николай сник, но отступить было поздно. Тех трех с небольшим тысяч, что завалились в карманах и кошельке, едва хватало на невзрачную пару «прощай молодость». И здесь снова на выручку пришла продавец.

— Молодой человек, а может вам взять зимние ботинки? — предложила она.

— А что, это выход! И здесь, девушка, я положусь на ваш выбор, — живо откликнулся Николай.

— Спасибо. Постараюсь не подвести, — приятно улыбнулась она и поинтересовалась: — Извините, а сколько ей лет и как она выглядит?

— Красивая! — все, что нашелся ответить он.

— Понятно! — и, пробежавшись взглядом по полкам, продавец сняла пару зимних ботинок и предложила: — Это не самые лучшие, но вы сами понимаете по такой цене...

— Да, да, — неловко замялся Николай.

— В общем, фирма «Альба» вполне приемлемый вариант и если...

— Беру! — решительно заявил он и, расплатившись, прихватил с собой коробку и возвратился к Татьяне.

— Николай, зачем?! — только и нашлась, что сказать она.

— Я, конечно, готов искупить вину кровью, но сейчас зимние ботинки важнее, — свел он все к шутке и сорвал с коробки крышку.

Татьяна смущенно смотрела то на него, то на ботинки, и растерянно повторяла:

— Нет!.. Нет!.. Я не могу!.. Я не могу!..

— Боже! В наше время еще остались принцы! — это восклицание наблюдавшей за ними пожилой дамы придало Николаю уверенности.

— Спасибо! Но я предпочел бы быть арабским шейхом! — шутливо ответил он, опустился на колени и поставил ботинки под ноги Татьяны.

Она заразительно рассмеялась, и улыбка придала ей еще большее очарование. В эти мгновения Николай никого и ничего не замечал, кроме загадочно смотревших на него больших зеленых глаз.



## Глава 6

Проверка американцами российской ракетной базы под Йошкар-Олой подходила к концу. За три часа Перси, добросовестно изображавший инспектора, вместе с Блю старательно обследовали правый борт пусковой установки и контейнера, измерили до миллиметра все бункера, за металлическими стенками которых находилась системы энергообеспечения, контроля и управления ракетой. Но всякий раз, когда они приближались к затянутой плотным брезентом, как ее называл Блюю, «самой секретной бочке русских», за их спинами тут же вырастал долговязый майор, и им приходилось перебираться на новое место.

Русские не давали близко подступиться к своим секретам. Упрятанная в круглый металлический контейнер система навигации и управления пусковой установкой на марше все еще оставалось загадкой для американских инспекторов. Но Перси вовсе не горел желанием ее разгадывать, от сильного мороза пальцы одеревенели, рюлетка с трудом держалась в них, и он частенько ронял ее на бетонный пол. Хилл и Брайен чувствовали себя ничуть не лучше и нетерпеливыми взглядами подстегивали копавшихся у левого борта пусковой установки Кейта и Эрла. Наконец они закончили работу и доложили Ли. Тот стойко выдерживал регламент, но даже такому зануде, как он, придраться было не к чему, русские строго соблюдали

договор, и ему ничего другого не осталось, как только подписать протокол.

По предложению полковника Смирнова, это было решено сделать в гостинице. Ли не стал возражать — крепчавший с каждым часом мороз диктовал свои условия. Вперемешку русские и американцы дружно повалили к автобусам и выехали в город. В столовой гостиницы их поджидал щедро накрытый стол и памятный набор сувениров. Прежде чем сесть за него, педант Ли вместе со Смирновым еще раз до точки, до запятой прошлись по протоколу и лишь тогда поставили подписи, когда все детали были согласованы.

Запоздалый обед начался с тоста хозяина — полковника Кашкина.

— За нас, ракетчиков! И чтобы наши ракеты поражали только учебные цели! — предложил он.

Ли понял все без переводчика, энергично закивал головой и до дна выпил рюмку водки. За первым тостом последовал второй, третий. Разговор за столом оживился, и незримый барьер, разделявший их — русских и американцев, на глазах начал рушиться. Они, в чьих руках находилось самое грозное оружие, как никто другой понимали, насколько хрупок нынешний мир и каковы разрушительны последствия ядерной войны. Но испробовать все изыски русской кухни и разгадать загадку знаменитой на все округу местной «ликерки» с интригующим названиями: «Мужские тайны» и «Женские секреты», ни Ли, ни Перси, ни остальным инспекторам так и не удалось. С севера надвигался мощный циклон, и чтобы не застрять в Йошкар-Оле им пришлось срочно отправиться на аэродром.

Под завывание ветра и сердитое шипение поземки Ан-72 с трудом оторвался от бетонки и, совершив круг над погрузившейся во мглу Йошкар-Олой, взял курс на авиабазу «Чкаловская». Здесь инспекционная группа тоже не задержалась, в конце взлетной полосы ее ждал с разогретыми двигателями «Боинг», после проверки на таможне они поднялись на борт.

Спустя три часа, глубокой ночью, самолет с инспекторами приземлился на американской военной базе в Германии. И здесь Перси ждал первый сюрприз. У трапа их встречал представитель ЦРУ при германской разведслужбе (БНД) Стив Бергман. По его озабоченному лицу он догадался, что и на этот раз не удастся вырваться к семье. Тот подтвердил это предположение — Саливан срочно вызывал в Киев. Торопливо пожав руки Хиллу и Ли, он на машине Бергмана выехал в Берлин, там переночевал в гостинице и первым же рейсом вылетел на Украину.

Ее столица встретила его легким морозцем и широкой улыбкой Роберта Левицки, поджидавшего на выходе из зала. По дороге в город он охотно делился последними новостями и слухами, гулявшими по коридорам посольства и кабинетам резидентуры. Чего-либо сенсационного Перси не услышал; все, как и две недели назад, крутилось вокруг выборов, и тяжело вздохнул. Снова окунаться в этот грязный «политический омут» после «каникул» в Германии ему вовсе не хотелось, и, чтобы оттянуть время, он решил остаток дня провести дома. Но благие намерения так и остались намерениями, ожил телефон — это Саливан требовательно напомнил о себе, и ему, так и не распаковав чемоданы, пришлось ехать в посольство.

Первым ему навстречу попался Ковальчук и, распахнув объятия, добродушно пробасил:

— Отлично выглядишь, старина!

— Ты тоже, Генри! — он искренне был рад встрече, и они крепко обнялись.

— Как, русские медведи не намяли бока?

— С ними все о'кей, а вот Дед Мороз!.. — зябко повел плечами Перси и, открыв дверь кабинета, пропустил Ковальчука вперед.

Поговорить им так и не удалось. На столе требовательно зазвонил телефон — это был Саливан, который начал разговор с дежурной фразы:

— Хэллоу, Марк, как съездили?

— Во всех отношениях поездка оказалась полезной, — бодро ответил он.

Но следующий вопрос сбил его с толку.

— И Стоун так считает?

«Сьюзен?.. При чем здесь она? Неужели пронюхали про наш роман?! Откуда? Попал под прослушку?.. А может, сдал Хилл... Хотя и без него там стукачей хватало», — терялся Перси в догадках и раздраженно бросил:

— Сэр, это вам лучше у нее самой спросить!

— М-да! — промычал Саливан и холодно произнес: — Зайдите ко мне!

— Не успел приехать, а уже тащат на «ковер»! — догадался Ковальчук и поспешил ретироваться из кабинета.

Перси в сердцах швырнул трубку. От того радужного настроения, с каким он вошел в посольство, не осталось и следа. Саливан и на это раз не упустил возможности указать ему на свое место и вместо того, чтобы спросить о деле, предпочел копать в «грязном белье». По большому счету в его «момент-романе» с Сьюзен ничего такого из ряда вон выходящего не было. Подобного рода амурные истории время от времени «всплывали» в резидентуре и пока серьезно на службе кого-либо не отразились. Но грязные слухи и сплетни, которыми они потом обрастали, для него, дорожившего репутацией образцового отца семейства, были крайне болезненны, и потому в кабинет резидента он вошел полный решимости раз и навсегда поставить точку в этой истории и не позволить злым языкам трепать свое имя.

Суровое лицо Саливана ничего хорошего не сулило. Сухо пожав руку, он кивнул на кресло, а сам прошел к сейфу. Перси с нетерпением ждал продолжения разговора и следил за его движениями. Но тот не спешил, порывшись в бумагах, возвратился к столу и положил перед ним папку. Он потянулся к ней.

— Посмотрите у себя, Марк! — остановил Саливан.

«Посмотрите?!» — в разыгравшемся воображении Перси уже рисовались пикантные фотографии со Сьюзен,

снятые скрытой камерой в гостиничном номере Центра прединспекционной подготовки.

— А разговор у нас будет более чем серьезный! — все более нагнетал обстановку Саливан. — Он касается непосредственно вас и...

«Серьезный?! Касается вас?! Сволочи! Кому это надо раздувать скандал?» — мутной волной внутри Перси закипал гнев.

Это читалось на его лице, и Саливан поспешил закончить мысль:

— И дальнейшей работы с «Фантомом».

— «Фантомом»?.. — перевел он дух.

А через мгновение его бросило их жара в холод.

«Час от часу не легче. А с ним что?» — терялся в догадках Перси.

— Ситуация вокруг «Фантома» резко осложнилась, — с ожесточением произнес Саливан.

— Что?! Что случилось?!

— Пока ничего, но может, если и дальше языки будем распускать.

— Извините, но я не трепло! — вспыхнул Перси, задетый за живое.

— Простите, Марк! Я не вас имел в виду, — смягчил тон Саливан. — Речь идет об особой конспирации.

— Сэр, я что-то не пойму? Объясните в чем дело?!

— От наших партнеров в английской разведке поступила строго конфиденциальная информация, касающаяся «Фантома».

— Англичане?! «Фантом»?.. Но как они узнали? — опешил Перси.

— Если бы только они!

— А кто еще?

— Русские!

— Русские?! — поразился Перси и упавшим голосом произнес: — Значит на операции с «Фантомом» можно ставить крест?

— Нет! По данным источника англичан, им известно лишь то, что некто попытался выйти на нас с предложением о продаже секретов.

— Слава Господу, уже легче! Я так понимаю, что надо форсировать операцию?

— Совершенно верно! Поэтому, Марк, поездку к семье придется отложить. Мы должны опередить ФСБ и любой ценой вытащить из «Фантома» информацию по «Тополю».

— Если раньше его не выдаст «крот»!

— Не должен! — категорично отрезал Саливан и пояснил: — Мною предпринят ряд мер! С сегодняшнего дня об операции с «Фантомом» в резидентуре будут знать только три человека: я, вы, Дункан и еще двое в Лэнгли. Для всех остальных работа с ним прекращена как неперспективная! Кстати, вашему дружку Ковальчуку больше ни слова!

«Генри?.. «Крот»?!» — от одной только этой мысли Перси стало не по себе.

Русские агенты в ЦРУ и Агентстве национальной безопасности — этих «электронных ушах» американской разведки — ни для него, ни для Саливана не были новостью. Время от времени ФБР добиралось до их потаенных нор и вытаскивало на белый свет, последним и самым крупным оказался Эймс. Он не один год поработал на русских и не где-нибудь в заштатной резидентуре, а в центральном аппарате ЦРУ. Десяток особо ценных американских агентов в ГРУ и Службе внешней разведки стали добычей КГБ, а затем и ФСБ...

— Сэр, выходит, что Ковальчук «крот»? — все еще не мог поверить в то, что услышал, Перси.

— Марк, не станем спешить с выводами, — ушел от ответа Саливан и продолжил: — Пусть им, и не только им занимается специальная комиссия. Ваша задача — «Фантом». Изучите материалы и завтра, нет, сегодня, доложите свои предложения!

— Я постараюсь, сэр! — заверил Перси, забрал со стола папку и возвратился к себе.

Первые несколько минут он никак не мог сосредоточиться на материалах, в голове была настоящая «каша» от того, что сообщил Саливан, но постепенно работа захватила его. За время командировки в резидентуру от «Фантома» поступило два коротких электронных письма. В них тот на прежних условиях подтверждал свою готовность к передаче секретных материалов. Дункан ответил тремя, а дальше все застопорилось. Камнем преткновения стало место будущей встречи — «Фантома» не устраивала Москва. Видимо, опасаясь попасть в лапы русской контрразведки, он предлагал провести ее в Белгороде либо в Харькове. Саливан было согласился, но в последнем письме «Фантом» резко переиграл дату и отодвинул ее ко времени своего отпуска.

Эта сверхосторожность «Фантома» для Перси была вполне объяснима. Даже короткий вояж на Украину не мог остаться незамеченным русской контрразведкой. Рано или поздно он должен был засветиться в кассах аэропортов, вокзалов или на пограничных переходах. Мало что давала и поездка на машине в Харьков, проехать через пограничные посты на границе России и Украины и не оставить о себе следов было невозможно.

Уже не один час он ломал голову над тем, как вырваться из этого заколдованного круга, но ничего дельного, кроме того, как предложить «Фантому» пешком перейти в укромном месте «дырявую», словно швейцарский сыр, российско-украинскую границу, а затем на попутных машинах добраться до Харькова, на ум не приходило. С этим предложением Перси отправился к Саливану. Тот, недолго поворчав, в конце концов согласился с ним. На следующий день он выехал на место, чтобы в деталях проработать свой план.

Три дня, проведенные в Харькове, не пропали даром. Пограничники и таможенники зверствовали только на постах, но в сотне метров от них средь бела дня через границу можно было провести незамеченным хоть слона. В самом Харькове — этом громадном мегаполисе — человеку было легче затеряться, чем иголке в стоге сена.

В Киев Перси возвратился твердо убежденный в успехе задуманного им предприятия. Саливан безоговорочно его утвердил, теперь слово оставалось за «Фантомом». Электронное письмо, отправленное ему Дунканом, больше недели оставалось без ответа, и только 24 февраля тот напомнил о себе. Он принял предложение и назначил встречу на 8 марта. Перси по достоинству оценил ход, в нем был свой резон — в этот день в России гуляли все, и контрразведка не являлась здесь исключением.

6 марта они с Дунканом уже сидели на чемоданах, чтобы выехать в Харьков, когда от «Фантома» пришло новое электронное письмо. В последний момент он, похоже, запаниковал, побоявшись с секретными материалами перебираться через границу. До середины апреля продолжалась переписка, в конце концов договорились о встрече в Москве. Осторожный «Фантом» обставил ее условиями, потребовав, чтобы на нее прибыл ни кто иной, как Перси.

Здесь уже Саливан задержался, опасаясь, что русские, получив наводку от своего «крота», вышли на «Фантома» и теперь готовили ловушку. В этом случае поездка Перси в Москву и встреча с ним вполне могли обернуться провалом и привести к очередному громкому шпионскому скандалу. Два дня Саливан хранил молчание, а на третий доложил в Лэнгли неожиданное для многих предложение — направить Перси и Грей в Москву под видом немецких туристов. Здесь сыграли свою роль не столько знание ими немецкого, а сколько политические мотивы. В случае провала «уши ЦРУ» прятались бы за спины германских туристов. Кроме того, и тут Саливан был абсолютно прав, в условиях, когда российско-германские отношения переживали бурный подъем, ни одна из сторон не была заинтересована в раздувании скандала.

В Лэнгли по достоинству оценили предложение Саливана и уже 23 апреля дали разрешение на проведение встречи Перси с «Фантомом» в Москве. С этого дня события начали развиваться с калейдоскопической быстротой. Двадцать



пятого он вместе с Грей, наспех упаковав чемоданы, вылетели из Киева в Германию, где им предстояло перевоплотиться в супружескую пару Вольф и спустя два дня в составе туристической группы отправиться в Москву.

В Берлине их встречал знакомый по прошлой командировке Бергман.

— С корабля — снова на бал! — весело приветствовал он.

— Стив, на черта мне этот бал, с ним пропал весь мой отпуск, — не проявил энтузиазма Перси.

— Все будет о'кей, Марк! С молодой женой медовая неделя в Москве — это круто! — не унимался тот и игриво подмигнул Грей.

Она фыркнула и отвернулась в сторону.

— Стив, давай без глупостей! Поехали! — поторопил Перси.

— Ну почему же, дурака свалить иногда бывает приятно, — хмыкнул тот и повел их к машине.

Из аэропорта, не заезжая в Берлин, они проехали в Потсдам на конспиративную квартиру ЦРУ, а спустя час к ним присоединился сотрудник «русского отдела» БНД Гельмут Кох. По виду добродушный пузан с невыразительным и незапоминающимся лицом, он оказался профи в легальной разведке, в этом Перси убедился после нескольких минут разговора с ним. Под прикрытием туристических групп он за пять лет исколесил Россию вдоль и поперек и ни разу не «засветился» перед контрразведкой сам и не подставил под нее тех, кого выводил на связь с агентами.

Солидный стаж в разведке, уверенность в себе Коха, а еще больше толстый кожаный портфель, из которого торчали корешки разноцветных папок, говорили Перси и Грей о том, что в БНД отнеслись со всей серьезностью к просьбе ЦРУ. И вскоре они в этом убедились. После запоздалого обеда он с немецкой пунктуальностью принялся готовить их к предстоящей поездке.

Прошел час, и Перси начало подташнивать от инструкций, которые одну за другой Кох извлекал и своего, каза-

лось, бездонного портфеля. Его монотонный голос навевал смертельную тоску, и он с Грей время от времени бросали тоскливые взгляды на Бергмана, тот лишь пожимал плечами и снова, уткнувшись носом в ноутбук, убивал время за игрой. Кох словно не замечал унылых лиц американцев и продолжал, как дятел, долбить их пунктами из секретных инструкций и положений. Эта «пытка» с короткими перерывами продолжалось до ужина, и после него Перси и Грей наконец были предоставлены самим себе.

В доме воцарилась благостная тишина, которую нарушали скрип болтающейся на сквозняке форточки и легкий перестук каблучков Джоан, доносившийся из спальни на втором этаже.

«Пойти, проверить жену? Жену?! Повезет же кому-то! А может и мне? Легенду ведь надо подкреплять! — промелькнула шальная мысль у Перси. — Дурак! Под нашими и бээндэшными камерами!» — осадил он себя и, недолго потолкавшись в холле, прошел в сад.

Здесь всюду бушевала весна. Аккуратно подстриженные газоны были устелены нежно-белым ковром из опавших лепестков цветущих яблонь. Их кроны гудели от веселого гомона птиц и монотонного жужжания пчел. Среди сочной зелени кустарника, густой стеной окружавшего летнюю беседку, тут и там проглядывали бутоны алых роз. Их нежный и пьянящий аромат приятно кружил голову.

Он всей грудью вдыхал и не мог насладиться бодрящей свежестью, проснувшейся после затяжной и холодной зимы. В эти минуты редкого покоя ему не хотелось думать ни о «Фантоме», ни о Саливане и всей той шпионской возне, которая порядком уже измотала его. Он бесцельно бродил по саду, отдавался душой умиротворяющей тишине и не заметил, как подкрались вечерние сумерки.

Солнце поблекло и, окрасив кромку неба яркими розовыми красками, закатилось за горизонт. Порыв северного ветра, сердито прошумев в верхушках деревьев, умчался в сторону парка и там затих. Из глубины сада потянуло про-

хладой. Зябко поежившись, он возвратился в дом и прошел в бильярдную. Через час ему наскучило гонять шары, он поднялся на второй этаж в спальню.

Накрахмаленное, пахнущее свежестью утренней фиалки постельное белье тянуло в постель. Переодевшись в халат, он босиком пошлепал к ванной. Ее стеклянная дверь ярким пятном отсвечивала в полумраке, из-за нее доносился шум воды и мелодичное мурлыканье. Его взгляд, словно приклеенный, прилип к прозрачному стеклу и жадно пожирал обнаженную Грей. Каждый новый поворот и изгиб ее тела все сильнее распалл в нем страсть. Неподвластное воле страстное желание овладело им, и, не в силах противиться ему, Перси сбросил с себя халат, распахнул створки душа и шагнул под струи воды.

Джоан испуганно вскрикнула, отшатнулась к стене и, пытаясь защититься, выставила перед собой руки. Но ни они, ни ее растерянные и умоляющие глаза уже не могли остановить его. Близость красивого и соблазнительного своей молодостью и силой тела заставляла забыть о жене, службе и скрытых камерах, торчавших где-нибудь в стенах или потолке душевой. В эти мгновения ему было на все наплевать, он видел перед собой только соски крепких грудей Джоан. Прикосновение к ним обожгло пальцы и заставило трепетать плоть.

— Марк!.. Марк!.. Не надо! Не надо! — повторяла отчаянно сопротивлявшаяся Грей.

Но ее обжигающе-горячее дыхание, которое он ощущал на своем плече, тяжелая грудь, упавшая на руку и бешено стучащее под ладонью сердце только еще больше распалли страсть. Подчиняясь ее слепому и властному зову, Перси прижал Джоан к стенке и принялся покрывать жаркими поцелуями лицо, шею и грудь.

Вскоре она перестала сопротивляться и лишь жалобно постанывала, а из широко раскрытого рта вырывалось томное дыхание, от которого его бросило в жар. Он еще сильнее стиснул ее в объятиях и до ломоты в зубах впился в горящие

пламенем губы. Она обмякла и через мгновение отозвалась порывистым движением на призыв его плоти. Вода хлестала по слившимся в экстазе телам, стенки душевой кабины впивались в спины, но они ничего не замечали, отдавшись охватившей их страсти...

Впервые за последнее время Перси спал безмятежным сном и даже не услышал звона будильника. Подняли его на ноги грохот двери и громкие голоса Коха и Бергмана. Приняв душ, он с легким волнением спустился в столовую. Там уже ждал легкий завтрак, приготовленный Джоан. Встретившись с ней взглядами, Перси с облегчением вздохнул. В ее глазах не было ни тени упрёка, ни осуждения. Его сердце радостно встрепенулось, теперь их связывала тайна, о которой вряд ли догадывались Кох и Бергман. Судя по ним, вчерашняя его близость с Джоан не попала под объективы скрытых камер, и это добавило настроения. Так хорошо, как сегодня, он давно себя не чувствовал и с аппетитом уплетал за обе щеки омлет. Не в тягость оказались и занятия с Кохом. На этот раз они закончились раньше и, договорившись о завтрашней встрече в аэропорту, он с Бергманом уехал в город.

Оставшись одни, Перси и Джоан, не сговариваясь, отправились бродить по Потсдаму. Обратившись поздним вечером и, выпив чай с бутербродом, разошлись по своим спальням. В семь часов оба были уже на ногах. Вскоре подъехал Бергман, на этот раз он был строг и деловит. Вместе с ним теперь уже супруги Курт и Анна Вольф, сменив не только имена, фамилии, но и весь прежний гардероб на немецкий, отправились в аэропорт и там присоединились к группе туристов, вылетающей рейсом на Москву.

Гельмут Кох, исполнявший обязанности заместителя руководителя группы, ни одним взглядом, ни одним движением не показал Перси и Грей, что с ними знаком. Но все то время, пока шла посадка в самолет и после приземления в аэропорту «Шереметьево», на пограничном контроле и таможенном досмотре, он словно ангел-хранитель находился поблизости. Пока все шло гладко, но несколько тревож-

ных минут им все-таки пришлось пережить. Молоденький лейтенант-пограничник, пробежавшись пристальным взглядом по лицу Вольфа-Перси и фотографии в паспорте, принялся его листать. Тот ответил натянутой улыбкой и перевел дыхание, когда паспорт наконец оказался в его руках. В душе он поблагодарил Саливана за его предусмотрительность — немцев в России встречали, как своих.

Первый барьер был взят — легенда прикрытия и документы на фамилию Вольф не дали сбоя. Они прошли в зал ожидания и, не сговариваясь, направились к стойке бара. Волнение давало о себе знать и напоминало сухостью во рту. Чашка кофе сняла напряжение. Появившийся рядом Гельмут весело им подмигнул и, бодренько покрикивая, принялся собирать тургруппу. Прошло еще около десяти минут, и туристы из Германии четким строем прошли к автобусу. Перси с Джоан заняли места поблизости от Коха. Тот еще раз прошелся по головам и, убедившись, что отставших нет, кивнул водителю. Автобус плавно тронулся со стоянки и, вырвавшись из автомобильной сутолоки на просторный, четырехполосный автобан, прибавил скорость.

«Неужели в России одной бедой стало меньше?!» — не без удивления отметил про себя Перси и, откинувшись на спинку кресла, повернулся к окну.

За ним мелькали подернутые нежной зеленью березовые перелески, среди которых тут и там, словно грибы после обильного летнего дождя, прорастали разноцветными крышами загородные дома и виллы «новых русских». Перси вполуха прислушивался к рассказу гида и с неподдельным любопытством разглядывал эту новую и во многом для него непонятную и загадочную Россию.

Весенние пригороды русской столицы разительно отличались от тех, что он видел всего несколько месяцев назад. С приходом тепла пробудилась не только природа, но и сама жизнь. Все вокруг напоминало одну огромную стройку, ее размах и масштабы поражали воображение. Россия снова была на подъеме. Ближе к центру города скорость резко

упала и оставшиеся несколько километров до гостиницы «Россия» автобус полз со скоростью черепахи. По показавшимся впереди крепостным башням Кремля Перси догадался, что до нее уже рукой подать, и не ошибся. Память цепко хранила воспоминания прошлого, через несколько минут справа возникла огромная стеклянно-бетонная коробка гостиницы.

Радостные возгласы оживленной волной прокатилась по автобусу, и едва он остановился, как туристы дружно повалили на выход. Спустя час группа в полном составе собралась в зале ресторана. Перси и Грей оказались за одним столиком с пожилой супружеской парой из Магдебурга. Обоим давно перевалило за семьдесят, они с трудом слышали друг друга, и потому акцент соседней вряд ли им резал слух. Наваристая уха с расстегаями и щедро налитые официантом чарки водки после постного немецкого стола пробудили у них волчий аппетит.

Под звуки лихой «Калинки», которую с эстрады наяривали на балалайках разухабистые молодцы, довольные собой бургеры за обе щеки уплетали русские разносолы. Потом, разбившись на группки, разбрелись кто по номерам, кто по Красной площади, а кто по скверу у Большого театра. Перси и Грей, чтобы не выделяться из общего ряда, присоединились к дружному строю, направлявшемуся к собору Василия Блаженного. Промаршировав малый круг по Красной площади, они незаметно отстали, свернули в Александровском парке и возвратились в гостиницу лишь к ужину.

Он прошел по знакомой уже программе. Терпеливо выслушав «Калинку» с «Подмосковными вечерами» и пропустив по рюмке водки, Перси с Джоан поднялись к себе в номер. Прошло около пол часа, и к ним заглянул Кох, на завтра ему предстояло прикрывать их на экскурсии в «Центральном доме художника». Обсудив ее детали, они разошлись, чтобы лечь пораньше и набраться сил перед завтрашним непростым днем — предстоящей разведкой места будущей встречи с «Фантомом».

Новое утро для них началось со строгой немецкой «линейки» в ресторане. Кох и трое его помощников по головам пересчитали свое слегка поредевшее «воинство» — русская водка вперемешку с «Калинкой» для некоторых оказались слишком трудным испытанием, а предстоящий «поход» на Кремль так и остался несбыточной мечтой. Те, кто держался на ногах, после завтрака нестройной колонной двинулись на его «приступ». Перси и Грей, как истинные арийцы, добросовестно отчеканили шаг по брусчатке Кремля, а после обеда, прихватив фотоаппарат с камерой, отправились на экскурсию-разведку в «Центральный дом художника».

Там, пристроившись к группе экскурсантов, они бродили по выставочным залам, восхищенно трясли головами перед картинами мастеров, исправно чиркали себе в блокноты и не забывали о главном, через стеклянные витражи присматриваясь к месту будущей встречи. Парк лежал, как на ладони, и Перси не стоило большого труда найти то самое летнее кафе, в котором завтра предстояла встреча с живым, из крови и плоти «Фантомом».

Местом он остался доволен, оно идеально подходило для конспиративной встречи. В хаотичном скоплении скульптур, разбросанных по парку, в замысловатом переплетении аллей и в десятках летних кафе, забитых праздною публикой, легко было затеряться не то что двум туристам, а целой армии. На руку играли и толпы постреливающих по сторонам фотовышки иностранцев.

«Отлично! В такой толкучке контрразведке не так-то просто будет отследить контакт с «Фантомом», — с удовлетворением отметил Перси.

Но когда он начал вглядываться в детали, в нем исподволь стало нарастать необъяснимое беспокойство. Прошло несколько минут, и от радужного настроения не осталось и следа. В подсознании мелькали смутные образы, и, когда взгляд остановился на бронзовом монументе, напоминавшем гигантский штык, Перси невольно поежился.

«Дзержинский?! Но почему здесь? Ах, да!» — и в памяти всплыла картина, обошедшая телеэкраны всех стран мира и занявшая первые полосы газет.

Август девяносто первого. Москва. Лубянская площадь. В свете прожекторов, под рев торжествующей толпы металлический трос удавкой захлестнулся на бронзовой шее памятника «железному Феликсу». Стрела крана медленно поползла в чернильное небо, и один из главных символов советской эпохи и ее могущества был сорван с пьедестала. Вскоре вслед за ним рухнула и последняя империя двадцатого века.

Перси нервно слотнул, перевел взгляд влево, и снова липкий холодок обдал спину.

Розово-гранитный Сталин, грозя кулаком, широченным шагом спешил к «Центральному дому художника».

«Где я все это видел?! Где?..» — лихорадочно вспоминал он.

Взгляд скользнул дальше. Позади Сталина каменная ватага изможденных узников с кирками и топорами в руках пыталась вырваться на свободу из колючего капкана. Справа от них трое чекистов в армированных кожанках брали в кольцо окопавшегося в амбаре «кулака». В зарослях кустарника у пруда притаилась группа партизан...

«Боже праведный?! Так это же тот чертов киевский сон!» — был потрясен Перси поразительным его повторением наяву.

Все это отразилось на его лице и не осталось незамеченным Грей.

— Марк, что с тобой?! — всполошилась она.

— Э... все нормально, Джоан!

— Разве?

— Чертов остеохондроз! Опять напомнил о себе! — с вымученной гримасой ответил он и отвернулся от окна.

Настроение было безнадежно испорчено. Оживший наяву кошмарный сон накануне встречи с «Фантомом» ничего хорошего не сулил. И только за ужином лишние сто грамм и неунывающий Кох вернули ему расположение



духа. Тот принес с собой не только забавные анекдоты, но и пять тысяч евро, которые предстояло вручить «Фантому» в качестве задатка на завтрашней встрече. После ухода жизнелюбивого немца Перси, полистав журналы, начал позевывать и отправился спать. Грей тоже недолго возилась в соседней комнате и вскоре легла в постель.

Утро для них началось с боя курантов на Спасской башне Кремля. Их бодрый звон смело ворвался через распахнутое окно и свободно загулял по комнатам. Перси посмотрел на часы, всего пять часов отделяли его от встречи с «Фантомом», и неприятный холодок обдал спину. Короткая, но энергичная зарядка, душ, а еще больше взгляды Джоан вернули ему уверенность в себе и в успех операции. После завтрака они присоединились к группе туристов, направлявшихся на Манежную площадь, побродив там около часа, отправились в «Третьяковку».

На пути к ней ни он сам, ни Джоан не заметили слезки, и это подняло настроение. Но в самой картиной галере оно было подпорчено. Мрачные полотна: «Петр I допрашивает царевича Алексея», «Иван Грозный и сын его Иван», ставший жертвой маниакальной подозрительности собственного отца-царя, не говоря уже о современном портрете «Судьба олигарха» — русского миллиардера в арестантской робе, лишний раз свидетельствовали о том, что в России во все времена никто не мог заречься от сумы и от тюрьмы.

Так и не добравшись до последнего зала, Перси с Грей свернули экскурсию и по проторенному туристами маршруту спустились к реке. Легким прогулочным шагом прошли по Крымской набережной, там потолкались среди свободных художников и, купив картину с русским пейзажем, направились на встречу с «Фантомом». В парке в этот час было многолюдно, и им не составило большого труда затеряться среди праздной толпы. Сделав еще один проверочный круг и не обнаружив за собой слезки, они ровно в два часа поднялись на террасу летнего кафе и пробежались по ней взглядами.

За крайним столиком в правом ряду Перси, наконец, увидел неуловимого «Фантома». Внешне он ничем не отличался от окружающей публики. Средней цены джинсовый костюм спортивного кроя плотно облегал тренированную фигуру. Волевое, со слегка раздвоенным подбородком лицо скрывали низко надвинутая на глаза синяя бейсболка и темные очки. То, что это был «Фантом», сомнений у Перси не возникало. Пароль — торчавшая из верхнего кармана куртки красная шариковая ручка и рекламный проспект представительства фирмы «Мерседес» в Москве совпали в деталях.

«Фантом» и без пароля — фотоаппарата, перекинутого через левое плечо и белого в зеленый горошек галстука с черной заколкой, — узнал американца, но не подал вида и невозмутимо продолжал листать рекламный проспект.

«Молодец!» — отметил про себя Перси и, не задерживая на нем внимания, перевел взгляд на другой столик.

Грей без слов догадалась, что «синяя джинсовка» и есть тот самый «Фантом», ради которого им пришлось совершить стремительный вояж в Москву. Перси почувствовал это по ее напрягшейся руке и, ответив легким пожатием, подошел к стойке бара. Пока он делал заказ, она присматривалась к тому, что происходило на террасе и площадке перед ней, но так ничего подозрительного не заметила. Бойкий бармен быстро исполнил заказ. На подносе дымились две чашки кофе, искрилось на солнце только что вынутое из холодильника мороженое.

Перси расплатился, и они отправились искать свободные места. У третьего столика в крайнем ряду, где сидели двое — бабуля, что-то выговаривавшая капризничавшему внуку, Перси задержался и нерешительно замялся. И здесь Грей, подыграв ему, подхватила под руку и увлекла дальше. Тут уже он проявил инициативу, остановился у столика, что занимал «Фантом», поздоровался, а затем поинтересовался:

— Не возражаете, если мы с Анной присядем?

— Пожалуйста, места всем хватит! — назвал вторую часть пароля «Фантом» и нервно сглотнул.

«Да, нервы у тебя все-таки не железные», — отметил про себя Перси и, опустив поднос на стол, пододвинул стул к Грей.

Она, кивнув головой «Фантому», села сбоку так, чтобы со стороны наблюдать за его реакцией и тем, что происходит вокруг. Сам Перси занял место напротив. На какое-то время за столиком воцарилась томительная пауза. Отпивая мелкими глотками кофе, «Фантом» и американцы изучающими взглядами постреливали друг в друга. Первым заговорил Перси, начал с банальной фразы,

— Не правда ли, ароматный кофе?

— Да! — буркнул «Фантом».

В его, то ли простывшем, то ли перехваченном от волнения, голосе отсутствовали всякие интонации. Это отметил про себя Перси и возобновил попытку завязать разговор:

— И погода замечательная!

— А скульптуры? На мой взгляд, есть очень интересные композиции! — пришла на помощь Грей.

«Фантом» криво усмехнулся и с иронией ответил:

— Да, такой «каменный зверинец» вы вряд ли где найдете. Но советую по ночам тут не гулять. Знаете ли, у нас призраки советского прошлого имеют обыкновение оживать.

— О, Сталин!.. Ленин!.. Дзержинский! — энергично закивал головой Перси и, посчитав, что контакт налажен, предложил: — Давайте знакомиться? Меня звать Курт! А это моя супруга Анна.

Выдающиеся формы Грей сразу привлекли внимание «Фантома». Несмотря на то что его глаза скрывали темные очки, она, как всякая женщина, почувствовала этот откровенно оценивающий и раздевающий ее взгляд и покраснела. Перси тоже заерзал на стуле, свои сорок шесть, которые с головой выдавали седой ежик и морщины на лбу, на фоне цветущей Джоан в карман было не спрятать.

А в «Фантоме», похоже, страх поутих и проснулось нахальство. Он не без ехидства заметил:

— А я подумал, это ваша дочь.

Перси молча проглотил обиду и, натянуто улыбнувшись, вновь спросил:

— И все-таки, как вас зовут?

— Можете называть Михаилом. Хотя, какая разница, мы же с вами не собираемся крестить детей. Лучше ближе к делу!

— Хорошо! Михаил, так Михаил! — не стал настаивать Перси.

— Мои предложения вам известны? — сразу взял его в оборот «Фантом».

— Да!

— И что?

— Они очень интересны и весьма перспективны и потому... — пытался перехватить инициативу в разговоре Перси.

— Никаких потому! Никаких перспектив! — бесцеремонно оборвал «Фантом». — Мой товар — ваши деньги и на том расходимся! Запомните, я в шпионские игры не играю!

Перси так и подмывало смазать по этой прячущейся за очками нахальной роже, но он не поддался эмоциям. За долгую службу в разведке ему приходилось обламывать и не таких, тут важно было не пропустить момент, когда «кандидат в шпионы» выплеснет свои эмоции, а затем начнет «плыть». Одни уже после слова «сотрудничество» скисали и впадали в ступор, из которого потом приходилось их долго выводить. Другие, такие как «Фантом», корчили из себя циничных умников, задумавших одним махом сорвать куш.

Поддавив раздражение, Перси ровным голосом продолжил:

— Михаил, мы всего лишь откликнулись на ваше предложение. То, о чем вы сейчас сказали, оставим писателям и поговорим как партнеры.

— Сегодня разговор, а завтра достань то, сфотографируй это. Нет, так не пойдет! Не на того напали! Выжмете как лимон и потом на помойку!

— Зря вы так, Михаил! Ваша безопасность для нас выше всего!

— Только давайте без этого! Вы еще расскажите о борьбе за мир и разоружение! Оставьте ваши сказки для простаков! Я назвал свои условия! — отрезал тот.

Разговор заходил в тупик, и Перси, чтобы выиграть время, потянулся к чашке кофе. «Фантом» нервно заерзал по стулу. Он явно торопил события, а эта задержка выводила его из равновесия.

«Напора, изобретательности тебе не занимать, но нахрап со мной не пройдет. Не на того напал, — Перси медленными глотками пил кофе и размышлял с какого боку к нему подступиться. — Очки, бейсболка, нахальный тон — это все игра! Меня такими дешевыми штучками не проведешь... Самоуверенный нахал! Ты влез в игру, где дилетантам не место... Молокосос! ЦРУ задумал переиграть! Мы и не таких обламывали. Ты еще не понял, что уже по уши вяпался в шпионское дерьмо. Назад хода нет! Судя по одежке, настоящих денег ты не видел. А тебе их ох как хочется. Ничего, пар из тебя уже вышел, так что никуда не денешься!» — заключил Перси, опустил чашку с кофе на стол и, наклонившись к «Фантому», вполголоса произнес:

— Михаил, давайте друг друга не накручивать, не для того мы здесь собрались.

— И я о том же, но условия менять не собираюсь, — на тон ниже ответил тот.

— Вот и хорошо. Поймите и нас правильно, мы видимся впервые, и сразу вести речь о таких суммах, не имея на руках материалов, это, по меньшей мере, легкомысленно. Давайте решать вопрос поэтапно.

— Опять вы за свое! Повторяю, у меня нет времени на разговоры, тем более такие! Они плохо заканчиваются!

— Михаил, оставьте эти ужасы для слаботервных. За разговоры в вашей стране давно не сажают, — попытался свести все к шутке Перси.

— За такие сажают, — буркнул «Фантом».

— Ладно, не будем спорить, а поговорим о деле. Мы готовы заплатить за материалы, имеющие отношение к системе преодоления ПРО, и данные, раскрывающие математический алгоритм движения боевых блоков и ложных целей. За них вы можете получить вдвое больше, чем за все остальные параметры.

— Вдвое?! — «Фантом» облизнул внезапно пересохшие губы.

Баснословная сумма, которая вряд ли когда ему снилась, кружила голову, и, не веря собственным ушам, он переспросил:

— Я не ослышался?! Поллимона?

— Лимон?.. Это о чем вы? — не понял Перси.

— Ну, пятьсот тысяч «зелеными»?

— Ах, да, пятьсот! Сумма внушительная, но за нее нам нужны подлинники, если не они, то, по крайней мере, копии документов.

И здесь «Фантом» замялся. Перси почувствовал слабину и спешил дожать его до конца. Изобразив на лице глубокое разочарование и добавив голосу горечи, спросил:

— Так что, у вас их нет?!

— Э-э... есть! Но не все... Понимаете ли, такие важные материалы в одном месте не хранятся... И потом, за ними жесткий контроль. А ФСБ и режимщики дохнуть не дают, — замялся «Фантом».

— Подождите, подождите, Михаил? Вы же в своих письмах писали, что материалы у вас?

— Да, но не подлинники, как вы того требуете.

— Мы не требуем, это правило разведки.

— Вы что, мне не верите? — вяло отвечал «Фантом».

— Верим! — решил не перегибать палки Перси. — Только...

И тут Грей под столом нажала ему на ногу. Он поднял на нее глаза, она легким кивком головы указала на выставочную площадку. На ней двое рабочих подтащили к железному Дон Кихоту сварочный аппарат и принялись колдовать над его треснувшим ботфортом. Перси отнесся к этому спокойно, вряд ли русская контрразведка с таким шумом стала бы вести слежку. «Фантом», похоже, ничего не заметил, в этот момент его больше занимало другое. Почувствовав, что сказочный куш может уплыть, он поспешил отыграть назад и, глотая слова, торопливо заговорил:

— Я готов!.. У меня есть часть подлинников. Остальные я достану! Дайте только время!

— И как скоро вы сможете это сделать? — все активнее наседавал Перси.

— Недели через две. Ну, максимум месяц. Поймите, не так все просто! За ними установлен жесткий контроль.

— Я представляю ваши трудности, и мы подождем.

— А как с оплатой! Вы сказали пятьсот? — снова оживился «Фантом».

— Да! Наша организация слово держит, — подтвердил Перси.

— Я надеюсь!

— Не сомневайтесь! Дело только за вами!

— Хорошо! Я согласен!

— В таком случае остается договориться о нашей следующей встрече, — вел к завершению беседу Перси.

«Фантом», измотанный разговором, тоже не горел желанием продолжать и с ходу предложил:

— Как только все будет готово, я сообщу по известному вам каналу.

— Отлично! Но желательно следующую встречу провести на Украине. Насколько я понял, такая возможность у вас есть? — поинтересовался Перси.

— Да! Родственники живут в Харькове.

— Замечательно! Вот там мы гарантируем вам полную безопасность.

— Правда, это не окончательно, все зависит от того, как мне удастся решить вопрос с отпуском. Лишними поездками на Украину я бы не хотел привлекать к себе внимания.

— Весьма разумно! Мы при выборе места в первую очередь будем исходить из условий вашей безопасности. А пока, чтобы вам легче работалось, примите дружескую помощь — пять тысяч евро, — предложил Перси и кивнул головой Грей.

Она переложила дамскую сумочку на соседний с «Фантомом» стул и принялась искать в ней косметику. Тот скосил глаз и, когда на сиденье шлепнулся аккуратный сверток, уронил сверху рекламный буклет.

«Ловко! Быстро соображаешь! Со временем обтешем, и станешь первоклассным агентом!» — отметил про себя Перси и продолжил наблюдение.

Сноровке «Фантома» можно было позавидовать. Одним неуловимым движением он сгреб сверток с деньгами, поднялся из-за стола, прошел к стойке бара, купил сигарет и спустился с террасы. Грей наконец нашла зеркальце с губной помадой и принялась старательно подкрашивать губы, успевая поглядывать за тем, что происходило за спиной. Сам Перси мелкими глотками пил давно остывший кофе и провожал взглядом «Фантома» до тех пор, пока синяя джинсовая куртка не затерялась в толпе.

Первая встреча с будущим агентом ЦРУ, в этом Перси уже не сомневался, прошла успешно. Виртуальный образ «Фантома» материализовался.



## Глава 7

После совещания у генерала Бармина, на котором родился смелый план по проверке Митрова, прошел не один день, а Агольцев больше не обмолвился о нем ни словом. Кочубей тоже не стал лезть с лишними расспросами, так как хорошо понимал, что решения подобного рода принимаются не на его и даже не на уровне Бармина, а гораздо выше. Закрутившись в суете повседневных дел, он уже начал забывать о нем, когда неожиданный звонок от Агольцева смешал его дальнейшие планы.

По открытому телефону тот не стал распространяться о причине своего срочного вызова, но по интонациям в голосе Кочубей догадался, что идея Бармина, видимо, получила поддержку. Быстро свернув встречу в Академии Петра Великого с начальником кафедры боевого применения, он не стал терять время на пересадки на станциях метро, а по Китайскому проезду скорым шагом вышел к Лубянской площади и через двадцать минут был в кабинете у Агольцева.

— Проходи! Садись! — пригласил тот к столу, пододвинул коричневую папку и предложил: — Ознакомься! Это тебя напрямую касается!

В ней лежало всего два документа. Постановление окружного суда, подписанное Кровопусковым, разрешающее контрразведчикам проведение в отношении Митрова комплекса оперативно-технических мероприятий. Но Ко-

чубея больше интересовал второй документ, где, как он полагал, была прописана и его роль в предстоящей операции. На первом листе в глаза бросалось:

*«Совершенно секретно*

*Экз. единственный*

*Утверждаю»*

А ниже стояли подписи таких начальников, что у Николая перехватило дыхание. Материалы по «Оператору» и предложения по его дальнейшей разработке были рассмотрены и утверждены на самом высоком уровне.

Посередине листа жирным текстом было выделено:

*«План оперативно-розыскных мероприятий».*

Он начинался с краткого изложения ситуации, сложившейся в розыске «Гастролера». Затем выдвигалась версия о возможной причастности к шпионской деятельности старшего офицера отдела ракетных войск стратегического назначения подполковника Сергея Митрова и обосновывалась необходимость проведения в отношении него оперативной комбинации под кодовым названием «Перс». Ведущую роль в ней предстояло сыграть ему — старшему оперуполномоченному по особо важным делам подполковнику Николаю Кочубею. Под прикрытием сотрудника иранской торгово-промышленной компании «Исфахан технолоджи» он должен был вывести Митрова на «чистую воду».

«Значит, теперь поработаем «Персом»! А что, неплохой псевдоним», — подумал Кочубей и принялся внимательно вчитываться в каждый пункт оперативных мероприятий.

Со свойственной им обстоятельностью Бармин и Агольцев спланировали многоходовую оперативную комбинацию, конечной целью которой должно было стать получение убедительных доказательств шпионской деятельности Митрова и срыв его возможной попытки передачи резидентуре ЦРУ в Киеве, как вариант, в Москве, совершенно секретных сведений о ракетных войсках России.

На подготовку к ней Кочубею отводилась неделя. Дальше, на втором этапе, ему, а точнее, уже «Персу», предстояло

так выстроить свои отношения с Митровым, чтобы у того не возникло и тени сомнения в том, что перед ним иранец с серьезными финансовыми возможностями. Отправной точкой в задуманной Барминым и Агольцевым операции должен был стать его первый контакт с Митровым. От того, как он пройдет, зависело многое, если не все, и потому они вместе с психологами, перебрав различные варианты, не стали особенно накручивать и остановились на простом, но эффективном ходе.

Фанат московского «Спартака» и сам заядлый футболист, Митров старался не пропустить ни одного матча с участием своих любимцев. В этой ситуации Кочубею, тоже поигрывавшему в футбол и болевшему за московское «Динамо», требовалось лишь одно — убедительно сыграть роль горячего поклонника «Спартака». Место и время предстоящей встречи определил за них футбольный календарь — стадион «Лужники». Принципиальный матч сезона между старыми соперниками ЦСКА и московским «Спартаком» Митров, как полагал Бармин, не мог пропустить.

Кочубей перевернул последнюю страницу плана и вполне искренне сказал:

— Виктор Александрович, одно могу сказать, театр в вашем лице потерял режиссера не меньшего, чем Любимов.

— Да ладно, Коля! Это Бармин с психологами придумали, — слегка смутился Агольцев и затем спросил: — Какие есть вопросы?

— По Митрову нет, а вот с «Персом» и «Исфахан технолоджи» хотелось бы фактурой подкрепить.

— Подкрепишься! Салтовский подготовил подробную подборку. Зайдешь и изучишь.

— И последний вопрос, этот «Перс» виртуальный или реальный?

— Из плоти и крови. Более того, связан со спецслужбами Ирана. Так что, если Митров «сошьет» тебя ЦРУ, мы им хорошую тень на плетень наведем, но, надеюсь, до этого не дойдет, — заверил Агольцев.

— И все-таки, вдруг американцы установят «Перса», и тогда моя физиономия так засветится, что...

— На это «если» мы с Барминым тоже кое-что заготовили, — загадочно произнес Агольцев, достал из сейфа серый пакет и тряхнул над столом.

Из него посыпались фотографии. «Наружка» добросовестно отработала свой хлеб и отсняла «Перса» во всех видах. Это был высокий, худощавый, с выразительными чертами лица человек восточного типа. В глаза бросались большой с горбинкой нос и щегольская борода. Агольцев выбрал одну, на которой иранец был заснят крупным планом, и спросил:

— Как тебе типаж?

— Аятолла он и есть аятолла! Ничего особенного, на азербайджанца смахивает, — пожал плечами Кочубей.

— Обижаетесь. Мы с Барминым ночи не спали, всех иранцев по Москве перебрали, а ты — ничего особенного! — ворчливо заметил Агольцев.

— А чего их перебирать, для Митрова они все на одно лицо.

— Нет, ты все-таки приглядиись!

— Виктор Александрович, чего смотреть, или я что-то не догоняю? — не мог понять причину такой его настойчивости Кочубей.

— А чего тут догонять? Смотри! — Агольцев прикрыл ладонью нижнюю часть фотографии и спросил: — А сейчас на кого похож?

— На кого?.. Э-э... даже не знаю, что и сказать, Виктор Александрович.

— Тогда посмотри в зеркало! — потерял терпение тот.

— В зеркало? Зачем?.. Я с утра бреюсь.

— Теперь перестанешь, придется зарастать.

— Вы хотите сказать?..

— Не скажу, что как две капли воды, но с бородой за близкого родственника сойдешь.

— Да?! А что, если он миллионер, то почему бы и не породниться, — оживился Кочубей.

— Все, Коля, шутки в сторону, — в голосе Агольцева зазвучали властные нотки. — Забирай материалы и к Салтовскому, он ждет. Работаешь с ним до конца дня, если возникнут предложения, готов выслушать в любое время. Завтра отправишься в лес.

— Бородой обрастать? Так я и здесь...

— В Ясенево! Разведчики помогут войти в обстановку по Ирану. Пропуск на тебя я заказал.

— Понял! Во сколько быть там?

— К девяти. Я дам команду Виктору, он тебя отвезет. Там встретит майор Ильин Александр Иванович, с ним будешь работать. Вопросы есть?

— Нет, все ясно!

— Тогда вперед! — закончил разговор Агольцев.

До конца дня Кочубей просидел в кабинете Виктора Салтовского за материалами на «Перса» и иранскую торгово-промышленную компанию «Исфахан технолоджи». И когда была прочитана последняя страница досье, у него сложилось ясное представление о характере ее деятельности и самом «Персе». Выбор Бармина и Агольцева был не случаен. Помимо внешнего сходства на Кочубея играло то обстоятельство, что «Перс» занимался ракетными технологиями, а эта тема была близка как ему, так и Митрову.

На следующий день без десяти девять на отделовской «волге» Кочубей подъехал к бюро пропусков в Ясенево. Ждать появления Александра Ильина не пришлось; почти его ровесник, тот встретил на входе с вежливой улыбкой и проводил в стеклянную кабинку. Дежурная тщательно проверила документы, выписала пропуск и затем открыла электронный замок. Шагая рядом с Ильиным, он с любопытством поглядывал по сторонам. Пустынные коридоры, где шорох шагов скрадывали малиновые ковровые дорожки, холодные зрачки видеокамер, неотступно сопровождавшие их, и бесконечная череда безликих дверей, все это близко напоминало Лубянку. И все-таки это была не она, где мрачная тень НКВД проступала на потемневших от времени дубо-

вых панелях кабинетов, здесь витал свой, особенный дух, который пронзительно остро ощущался в «Зале Славы».

С него Николай начал знакомство со Службой внешней разведки. Лившийся сверху из искусно упрятанных в потолке светильников мягкий свет придавал еще большую торжественность строгим портретам и фотографиям тех, кем гордились в советской и российской разведке. Он пристально вглядывался в лица Кима Филби, Рудольфа Абеля, Конона Молодого, ставших еще при жизни живой легендой, и десятка других героев, имена которых еще долгие годы будут храниться в тайне. Цену их подвигов суждено было знать лишь посвященным и руководителям государства. Как истинные рыцари, разведчики, свершив свой «тихий» подвиг, скромно ушли в тень истории.

Он внимательно вглядывался в их лица, вчитывался в пожелтевшие от времени архивные документы и поражался тому, насколько огромен, многообразен и захватывающе притягателен был мир разведки. И потом все оставшиеся дни Николай впитывал ее дух и с таким же упоением, как когда-то во время учебы в Высшей школе КГБ, отдавался новому для себя делу.

После занятий, позабыв про любимый волейбол, он спешил на встречи с Татьяной. Та первая, что произошла в маршрутке, внесла в его уже устоявшуюся холостяцкую жизнь яркие ощущения и наполнила новым смыслом. На следующий день после «истории с каблучком», оказавшейся для него счастливой, она ответила на звонок и согласилась на встречу. До последнего момента, пока стройная фигурка Татьяны грациозным силуэтом не возникла на входе в «Александровский парк», он испытывал сомнения.

И потом, когда они пешком прошли по Тверской, ненадолго задержались в баре на «Пушкинской», а затем на метро добирались до «Смоленской площади», ему страстно хотелось, чтобы тот вечер никогда не закончился. Мелодичный, с легкой картавинкой голос Татьяны звучал для него самой прекрасной музыкой, а нежное тепло ее ла-

дошки согревало руку и горячило кровь. В свои тридцать с лишним лет Николай не мог представить, что так безоглядно окупнется в омут бурных чувств.

За этой встречей последовали другие. Театры, музеи, выставки закружили его и Татьяну в захватывающем хороводе ярких впечатлений и бурных чувств. В их залах он заново открывал для себя Москву. И эта Москва была совершенно не похожа на ту, которую ему приходилось видеть в свободные от службы и командировок дни. В тиши музейных залов, картинных галерей и с театральных сцен она не слепила глаза вызывающей роскошью и омерзительным хамством вчерашних «катал», «наперсточников» и «вышибал», говорила с ним не визгом крикливой рекламы, а языком Чехова и Тургенева, Шукшина и Искандера.

В тот последний, перед отъездом Татьяны на месячную стажировку в Австрию, день они снова пришли в Александровский сад. Здесь у кремлевских стен весна напоминала о себе во весь голос. После долгой зимней спячки и затяжных мартовских холодов природа бурно просыпалась к новой жизни. Молодая трава ярким зеленым ковром покрывала газоны; ветви лип и кленов, набухшие почками, гудели от гомона птиц. Легкий ветерок, потягивавший со стороны Москвы-реки, нежно ласкал их разгоряченные лица и шаловливо поигрывал русыми локонами Татьяны.

День подходил к концу. В углах кремлевских башен и под аркой моста начали сгущаться вечерние сумерки. Уставшее за день солнце нехотя перекатилось через крышу Манежа и, в последний раз полыхнув жаром на золотых куполах Успенского собора, затерялось в лабиринте улиц. Но и после заката они еще долго гуляли по опустевшим аллеям Александровского сада, и только предстоящий отъезд Татьяны в Вену вынудил их расстаться.

Проводив Татьяну до подъезда, Николай все еще слышал легкий перестук ее каблучков и, когда они стихли, направился к станции метро. Впереди в вечернем полумраке засветилась буква «М» и в лицо повеяло теплом подземки.

Час пик прошел, на площади не было привычной толкучки, лишь перед входом шумно гудела компания «скинхедов». Два милиционера, внимательно «процеживавшие» пассажиров в поисках «подозрительного элемента», все чаще бросали на них суровые взгляды.

«Собачья служба», — в душе посочувствовал им Николай, обошел стороной «скинхедов» и шагнул к двери.

— Гражданин, постойте! — раздался за спиной строгий окрик.

«Опять кого-то зацепили!» — подумал он, и тут чья-то рука грубо ухватила за его рукав куртки и развернула к себе.

— Документы! — потребовал сержант.

— Что-о?! На каком основании? — возмутился он.

— На таком! — в голосе милиционера прозвучала скрытая угроза, а в глазах появился оловянный блеск.

Ничего хорошего это Николаю не сулило, единственным документом в кармане был проездной на метро. Он оказался в дурацком положении, сержант перекрыл проход, а его напарник «Коротышка» взялся за дубинку.

— Ребята, зачем накручивать? Один звонок и проблемы не будет, — попытался Николай разрядить ситуацию, забросил спортивную сумку за спину и полез в карман куртки за телефоном.

Его размашистые движения и тон только озлобили милиционеров.

— Не двигаться! — рыкнул сержант и тут же ловко зашелкнул на руке наручники.

— Сержант, ты что?!

— Молчать!

— Кончайте этот цирк! — вспыхнул Николай.

— Заткнись! Цирк только начинается! — прошипел «Коротышка».

Выражение его лица ничего хорошего не сулило, но кричать на виду у всех, что он — подполковник Кочубей из ФСБ, было глупо и унижительно. Ситуация складывалась



более чем идиотская, без документов и с бородой, отросшей за время подготовки к операции, в разыгравшемся воображении милиционеров он уже вырисовывался в образ боевика. Поднятый шум привлек внимание зевак, кое-кто принялся злорадствовать, и, чтобы избежать назревавшего скандала, ему ничего другого не оставалось, как подчиниться и пройти в отделение.

Далеко идти не пришлось, здесь же на станции метро его впахнули в прокуренную и обшарпанную конуру-«дежурку». Ее облупившиеся стены, местами покрытые потускневшими и свежими бурными пятнами, говорили сами за себя. Сержант подтолкнул его к стене, одним быстрым движением приковал к батарее, затем прошел к столу и, вальяжно развалившись на колченогом стуле, прошелся по нему цепким взглядом. Кепка-бейсболка, куртка за четыре пятьсот и поношенные зимние ботинки вызвали на мрачной физиономии презрительную гримасу. Николай от такого вызывающего хамства заскрипел зубами, но наручники не давали двинуться с места. Подавив закипавший в себе гнев, он потребовал:

— Снимите наручники!

— Сейчас, прямо разбежались, — с наглой ухмылкой ответил сержант и небрежно бросил: — Вадим, прошмонай эту чурку!

«Коротышка» поднялся с потертого дивана.

— Вы еще пожалеете. Я из ФСБ и это...

— Что-о?! Испугал ежа голой жопой! Совсем оборзели, сволочи! Давай, шмонай, Миша, а потом в «обезьянник»! Там тебе, чурка ты неструганная, покажут и ФСБ, и АБВГД!

Николай, скрипя зубами, терпел, пока цепкие пальцы прошупывали куртку и выворачивали карманы. Затем «Коротышка» взялся за спортивную сумку, и все, что в ней было, вывалил на стол. Пакет с кефиром и нарезку говядины, батон и банку майонеза сержант тут же смахнул в ящик.

— Вы это в протокол занесите, — процедил Николай.

— Чего, чего?! — злобно прошипел сержант и пригрозил: — Занесем и еще на твоей черной морде распишемся.

— Это мы еще посмотрим!

— Что-о?! Ты опять пасть разеваешь?! — в злобном оскале выверился сержант и, схватив дубинку, ринулся на Кочубея.

Она просвистела в нескольких сантиметрах над головой и, скользнув по левому плечу, шмякнулась о батарею. Второго удара не последовало.

— Стой, Дима! — истошный вопль остановил сержанта на замахе. «Коротышка» тряс перед ним спортивным костюмом.

На куртке большими синими буквами было набрано — ФСБ, а ниже фамилия — Кочубей. В дежурке наступила такая тишина, что было слышно, как за стеной потрескивает лестница эскалатора, а в трубах батареи журчит вода. Рыбы глаза сержанта выкатились из орбит, а с дрожащих губ еле слышно прошелестело:

— Ф... С... Б?..

— ФСБ! Подполковник Кочубей, если читать умеешь! — прорычал Николай.

Милиционеры на глазах съежились, словно спущенный футбольный мяч, стали суетливыми и угодливыми. «Коротышка» плюхнулся на пол и принялся суетливо сгребать разбросанные по углам вещи и складывать в сумку. Сержант трясущимися руками пытался снять наручники, но никак не мог попасть ключом в отверстие и, как пономарь, твердил одно и то же:

— Кто же знал. Я ничего. Я... я...

Ему вторил «Коротышка». Их жалкий лепет и угодливый ужимки еще больше распалили Кочубея. Он решил до конца «размазать» держиморд в милицейской форме, сбросил с руки наручники, поднял трубку телефона и набрал домашний номер Агольцева.

— Слушаю! Это кто? — его властный голос пошел гулять грозными раскатами в тесных стенах «дежурки».

— Товарищ полковник, это Кочубей!  
— Слушаю тебя, Коля.  
— Виктор Александрович, тут такое дело, меня задержали!

— Что-о?.. Кто?! Где?!

— Наша милиция. В метро.

— Милиция?! Что-то серьезное? — в голосе Агольцева появились тревожные нотки.

— Да! — подтвердил Кочубей и бросил презрительный взгляд на милиционеров. Те старательно прятали глаза.

— Что ты там натворил?!

— Пока ничего. Террорист я.

— Чего, чего?..

А через мгновение в трубке послышались раскаты смеха, а когда он стих, Агольцев не удержался и с иронией сказал:

— А ты, Коля, все сомневался. Теперь убедился, наша с Барминым легенда работает на все сто.

— Убедился! Неделю «фонарем» светить буду! — сгустил краски Кочубей.

— Да ты что?! — всполошился Агольцев и потребовал: — Дай трубку этим идиотам!

Сержант, и без того не знавший куда себя девать, склонился над телефоном и проямил в трубку:

— С-сержант Дубина.

— Слушай, Дубина, тебя, что давно не тесали?! Делать тебе нечего, как подполковников по участкам таскать? — не выбирал выражений Агольцев.

— Товарищ полковник, это недоразумение. Все нормально, — потеряно лепетал сержант.

— Какое к черту нормально, когда целый подполковник в кандалах сидит?! Кто твой начальник?

— Мы уже во всем разобрались.

— Так в чем же дело?! Почему держите?

— Уже отпускаем

— А он что, еще у вас?!

— Сейчас вызову машину и отвезем домой.

— И побыстрее, пока не стал рядовым! — пригрозил Агольцев, и еще какое-то время отголоски его голоса грозно звучали в «дежурке».

Дубина потерянно вертел в руках трубку и боялся поднять на Кочубея глаз. Его пальцы цеплялись за наборник, и он сбивчиво повторял:

— Сейчас вызову. Сейчас...

— Обойдусь! С такими «защитничками», как вы, точно живым не доеду! — отрезал Кочубей, перекинул через плечо сумку и направился в метро.

На следующий день он ловил на себе любопытные взгляды Остащенко и Салтовского. Его вчерашняя история в метро каким-то образом просочилась в отдел, но Агольцев не дал им позлословить и вызвал к себе. Гладко выбритое и пышущее здоровьем лицо Кочубея рассеяло возникшие было опасения, что в операции с «Персом» может возникнуть задержка. До ее начала оставалось чуть больше суток и, несмотря на то что сценарий выхода на контакт с Митровым уже не один раз проигрывался, они все повторили вновь.

В тот день Кочубея больше никто не тревожил. Домой он уехал пораньше и впервые за последнее время позволил себе отоспаться. После позднего завтрака, чтобы отвлечься от назойливых мыслей перед встречей с Митровым, он включил телевизор на спортивном канале. Но игра баскетболистов не увлекла, голова была занята только одним — предстоящей встречей с «Оператором».

Стрелки часов медленно ползли по циферблату, когда, наконец, под окном показалась отделовская «волга». Николай на ходу набросил на плечи куртку, бегом скатился по лестнице и за час до начала матча приехал в Лужники. Там, в служебном кабинете, его поджидали Агольцев с Остащенко. Первая новость, которую он услышал от них, была обнадеживающая — «Оператор» вышел из квартиры и в эти минуты ехал в метро. Им оставалось только запастись терпением и ждать, когда он появится на стадионе.

До начала матча «Спартак» — ЦСКА оставалось не меньше пятнадцати минут, а на трибунах негде было упасть яблоку. В начале сезона игра давних и непримиримых соперников вызвала небывалый ажиотаж среди поклонников. Неистовые молодые фанаты и болельщики со стажем одинаково горели желанием поскорее увидеть любимцев в очном поединке и насладиться их триумфом. Возбужденные толпы, подобно морским волнам, накатывали на стадион и шумными потоками растекались по огромной чаше Лужников. На ярко-зеленом, еще не тронutom газоне обновленного поля, разбившись на «квадраты» и «стенки», футболисты затеяли перепасовки. Звонкие удары по мячу звучали для фанатов самой сладкой музыкой и заставляли учащенно биться сердца в предвкушении захватывающего поединка.

Агольцев, Кочубей и Остащенко с живым интересом наблюдали за разминкой футболистов из окон служебного кабинета администрации стадиона, но не забывали про связь и работавшую поблизости «наружку». Время поджимало, когда она напомнила о себе.

«Оператор» зашел на стадион. Направляется к сектору семь. Поднимается по трибуне», — принимал доклады разведчиков наружного наблюдения Остащенко.

— Все идет по плану, — с облегчением вздохнул Агольцев и поторопил: — Коля, пришла твоя очередь! Ни пуха, ни пера!

— К черту! — бодро ответил тот, по служебной лестнице спустился вниз и поспешил к седьмому сектору.

Там, в семнадцатом ряду, по соседству с его местом, номер двадцать пять должен был занять Митров. Стараясь не оступиться на скользких ступеньках, Николай поднимался к верхним рядам сектора и пытался издали высмотреть его. Митров уже был на трибуне, белобрысый ежик волос и нос картошкой трудно было спутать с чьим-либо другим. Цепляясь за чужие колени и башмаки, Николай протиснулся к своему месту, а точнее — к узкой щели между Митровым

и глыбой килограммов под сто. В выборе соседа справа Агольцев явно перестарался.

Кочубей помялся и, не решившись связываться с «мрачной глыбой», месившей квадратными челюстями жвачку, обратился к Митрову,

— Извините, можно вас попросить потесниться.

Тот поморщился, но, когда бросил взгляд вправо, без лишних слов подвинулся.

— Как, говорится в тесноте, но не в обиде, — пошутил Кочубей и с трудом втиснулся между разведчиком «наружки» и Митровым.

— Если наши выиграют, какие могут быть обиды, — живо откликнулся он.

— А наши — это кто?

— «Спартак!»

— Тогда обид не будет, — улыбнулся Кочубей, подал руку и представился, — Полад.

— Сергей, — ответил крепким рукопожатием Митров и зашелестел программой.

Николай скосил в нее глаз, затем пробежался взглядам по игрокам на поле и поинтересовался:

— Изменения по составам есть?

— Вроде нет.

— А где Титов?

— Здесь! Вон, в дальнем «квадрате» разминается.

Зацепившись за любимую тему, Митров уже не мог остановиться, и только свисток судьбы положил конец разговору. Теперь все его внимание было приковано к зеленому газону футбольного поля, на нем с первых минут завязалась острая борьба. «Спартаковцы», как всегда, плели замысловатую сеть тонких комбинаций и атаковали по центру. «Армейцы», подстегиваемые неистовым Валерием Газзаевым, метавшимся у кромки поля, отвечали острыми кинжальными выпадами атак по флангам. Вскоре технарь Корвалье хитрыми финтами запутал защиту «спартаковцев» и, не смотря на то что на нем висело несколько игроков, дважды

опасно пробил по воротам. Мяч в нескольких сантиметрах просвистел над перекладиной и отозвался глубоким вздохом на трибунах истомившихся по голу болельщиков.

К концу первого тайма запал у «спартаковцев» погас, игра смешалась и свелась к откровенному отбою, а у «армейцев» открылось второе дыхание. Один за другим следовали навесы на ворота, гол назревал, и перед перерывом вездесущий Корвалье все-таки исхитрился в невообразимой толкучке у вратарской найти мяч и пропихнуть между ног вратаря.

Во втором тайме «красно-белые», поддерживаемые своими фанатами, сразу же ринулись отыгрывать пропущенный мяч. На девятой минуте длинный, почти от центра поля рейд к штрафной армейцев Егора Титова завершился филигранным пасом Родимову, и тот точно пробил в левый нижний угол ворот.

«Спартакоские» трибуны взорвались торжествующим ревом. Митров вскочил на ноги и заплясал в каком-то диком танце, рядом с ним потрясал кулаками Кочубей. Знаменитая «спартаковская волна» покатила по рядам, и подхваченные ею Николай и Сергей почувствовали себя одним целым.

Концовка матча проходила под диктовку «спартаковцев», и еще не один раз трибуны взрывались шквалом аплодисментов, но мяч упорно не шел в ворота. Игра закончилась боевой ничьей, но Митров не выглядел расстроенным. Его любимцы не ударили в грязь лицом, показали класс, и не их вина, что на этот раз им не хватало удачи. Футболисты уже покинули поле, а он, спускаясь по ступенькам трибуны, все еще жил перипетиями матча. Кочубею только и оставалось, что подыгрывать ему, и, когда наступил подходящий момент, он предложил:

— Сергей, если не спешишь, может, зайдём и отметим?

— Собственно, спешить некуда? Помнишь, как пел Высоцкий? «Домой придешь, там ты сидишь!» — пошутил он.

— У меня то же самое, — подыграл ему Кочубей.

— Куда только идти?

И они завертели головами по сторонам.

— Спорт — это здоровье, и если его укреплять, то лучше всего в кафе «Спорт», — пошутил Николай и кивнул в сторону маняще мигавшей за молодыми сосенками рекламе.

— Я не против подкачаться, — в тон ему ответил Митров.

Но в кафе «Спорт» мест свободных не оказалось, и им пришлось перебраться в соседнее. Несмотря на отпугивающее название — «Здоровье», в нем, помимо сока и минералки, оказался богатый выбор пива и водки.

— Ну что, для начала пивка для рывка? — предложил Сергей.

— И водочки для обводочки, — поддержал Николай.

Дальше беседа пошла как по маслу. После нескольких рюмок водки у них нашлась еще одна общая тема — военная. Брошенная Николаем вскользь фраза о службе в армии, он не стал уточнять, что в «иранской», дала Сергею пищу для нового разговора. Болтливостью он не отличался, но благодушный настрой после футбольного матча и градус настроили его на воспоминания. В голосе частенько звучали грусть и ностальгия, когда речь заходила об учебе в военном училище и первых годах офицерской службы, полных радужных надежд и честолюбивых планов. Разговор сам собой выходил на главную тему — «шпионскую», но Николай решил не форсировать события и оставил ее до следующего раза. Расстались они почти друзьями и, обменявшись номерами телефонов, договорились о встрече на очередном матче «Спартак».

В оперативном штабе операции тоже остались довольны ее первыми результатами. Наступал решающий этап, и перед ним Бармин с Агольцевым решили не загружать Кочубея работой. Оставшиеся до встречи с Митровым дни он провел в свободном режиме, и они не принесли каких-либо неожиданностей. Пока все шло строго по плану, но накануне



встречи им всем пришлось изрядно поволноваться. Здесь вмещалась капризная природа. С вечера подул пронизывающий северный ветер, нагнал тучи, температура резко покатилась вниз, и в едва только успевшую отогреться на апрельском солнце Москву вернулись февральские холода. В ночь ударил мороз, а к утру десятиметровый слой снега лег на землю. Перед тем как отправиться на стадион, Николай решил подстраховаться и позвонил Митрову. Тот, несмотря на собачий холод, не изменил своим любимцам-спартаковцам и был настроен решительно. После этого в оперативном штабе перевели дыхание — операция перешла в ключевую стадию, и ее результат теперь уже зависел от ума и артистических способностей Кочубея.

За два часа до начала матча он встретился с Митровым в кафе «Спорт». Подготовку к нему решили начать с легкой «разминки» армянским коньяком, и две-три рюмки быстро сгладили шероховатости погоды. Поглядывая за окно, где нудно накрапывал нудный холодный дождь, они вспоминали яркие эпизоды из прошлого матча «Спартак» и делали прогнозы на предстоящий. О том же с жаром говорили за соседними столиками. И в этом монотонном шуме, напоминавшем гул растревоженного пчелиного улья, громче всего звучали голоса майора и капитана. Они, листая расписание поездов на Санкт-Петербург, костерили на чем свет стоит неведомого полковника Еременко и искали варианты, чтобы успеть посмотреть оба тайма и затем вовремя вернуться в Бологое.

Майор с щеголеватыми усиками, это был Остащенко, убеждал капитана, Салтовского, послать куда дальше Еременко с его «быть как штык на месте к началу проверки», плюнуть на Бологое и досмотреть до конца игру. Упоминание этого небольшого городка, затерявшегося в лесах на полпути между двумя столицами, легкой тенью отразилось на лице Митрова. Он с грустью посмотрел на военных и посочувствовал:

— Не повезло ребятам, я в этой дыре когда-то начинал.

— В каком смысле? — сделав вид, что не понял, спросил Кочубей.

— В том, что служил там, в ракетной дивизии.

— А я думал, ты москвич.

— Тоже нашел мне москвича! Как был «окопным офицером», так им и остался! — отмахнулся Митров.

— Если не секрет, в каком звании? — старался расшевелить его Николай.

— Какой секрет — подполковник!

— О!.. А я дорос только до капитана.

— Подполковник, капитан какая разница?! В мои годы уже дивизиями командуют, а я все старшим офицером штаны в штабе протираю, и в перспективе ничего не светит.

— Ну, это как кому повезет.

— Особенно тем, у кого «лапа» в «Арбатском» военном округе или дядька в Охотном ряду трется.

— Без связей везде тяжело, — поддакнул Кочубей.

— Вот, вот, а мне безродному куда деваться? Четыре года в общаге на Власихе нищету с женой пложу; если бы не квартира, давно плюнул на все и ушел на гражданку, — с ожесточением произнес Митров и потянулся к бутылке.

Николай пододвинул свою рюмку, и горлышко мелкой дробью застучало по краю. Затронутая им болезненная для каждого военного тема карьеры разбередила душу Митрова, и, посчитав, что настал подходящий момент, чтобы подвести его к главной теме — шпионской, Кочубей предложил:

— Сергей, выпьем за надежду!

— И чтобы она не умерла раньше нас! — с горькой усмешкой поддержал тот.

— Одним словом, за удачу! — продолжил Николай и, выпив, заметил: — Только не надо ждать, когда она сама упадет в руки.

— Легко сказать. Выше головы не прыгнешь, — уныло произнес Митров.

— Если, конечно, ею биться о потолок. Не лучше ли осмотреться по сторонам, и тогда, глядишь, откроются иные перспективы.

— Полад, какие к черту перспективы, когда над головой нет крыши, а на руках висят два пацана!

— А все-таки, если как следует подумать, то могут появиться варианты. По крайней мере, вопрос с квартирой решить реально, — исподволь подводил к главной теме Кочубей.

— Реально?! Да ты что?! У нас в управлении очередь на десять лет вперед расписана. Стоп, а ты что... — и здесь Митров другими глазами посмотрел на Николая, — бугор в конторе, где ордера дают?

— Не бугор, но с квартирой могу помочь.

— Ты?! Мне?.. Но у меня нет таких «бабок», чтобы на «лапу» дать.

— И не надо. Ты же специалист.

— Я?! Специалист?.. Не смейся! После двадцати лет службы только и гожусь на то, чтобы перед «Метрополем» шлагбаумом перед «жирными котами» махать!

— В Москве может и да, а в другом месте твою голову и опыт оценят, как надо.

— В каком таком месте?

— Например, в «Исфахан технолоджи».

— Где, где?!

— В «Исфахан технолоджи». Солидная иранская торгово-промышленная компания, на российском рынке работает пять лет. У нас уже есть несколько ваших военных, и пока никто не жалуется, — бросил очередную «наживку» Кочубей и с нетерпением ожидал реакции Митрова.

Осторожная радость на его лице сменилась недоверием, затем переросла в настороженность, и осипшим голосом он спросил:

— И кем я там буду?

— Ты же ракетчик!

— Ну... да.

— То, что требуется. Одно из основных направлений в работе компании — это современные ракетные технологии.

— Ракетные технологии?.. — повторил Митров и зарзал на стуле.

— А что здесь удивительного? — как ни в чем не бывало продолжал рассказывать Кочубей. — Мы уже второй год работаем с рядом российских компаний в этом направлении, но ваша дремучая бюрократия серьезно мешает деловым отношениям, и потому мы предпочитаем сотрудничество с конкретными специалистами на договорной основе. В итоге все оказываются в выигрыше. Озолотить мы тебя не озолотим, но то, что будешь с квартирой, так это....

— Стоп! Подожди с квартирой! Ты кто такой? — перебил Митров и нервно облизнул губы.

— Не последний человек в компании.

— Я не об этом. Ты что не русский, ну, в смысле не наш?

— А... вот ты о чем. Азербайджанец, но из Ирана.

— А как же с капитаном?

— Сережа, капитаны есть не только в русской, но и в иранской армии, — усмехнулся Кочубей.

Митров ответил вымученной гримасой и с опаской оглянулся на майора с капитаном за соседним столиком. Для него, офицера, дававшего подписку о неразглашении, сам факт разговора о ракетной технике, да еще с иностранцем, в лучшем случае грозил разбирательством в службе по защите гостайны, а в худшем, об этом даже не хотелось думать, вызовом в отдел контрразведки. А там после того, что он наболтал этому лощеному иранцу, ничего хорошего ждать не приходилось. Три года назад ему уже пришлось испытать все это на себе. После очередной командировки, поленившись сдать документы в секретную часть, он потащил их в общежитие, а на следующее утро уже объяснялся с «особистами». В тот раз дело закончилось строгим выговором и лишением квартальной премии. Сейчас все обстояло гораздо серьезнее.

Случайная встреча с иностранцем, на лице которого не написано, что он иранец, и разговор о футболе — это одно, и совсем другое работа на иностранную компанию, от которой потягивало «шпионским духом».

Пряча глаза, он потянулся к бутылке и сипло произнес:

— Давай выпьем!

А «иранец» словно не замечал его состояния и нарочито громко произнес:

— За подполковника-ракетчика, которому в нашей компании будут только рады!

Поперхнувшись, Митров судорожно сглотнул водку и, бросив затравленный взгляд на майора с капитаном, уткнулся в тарелку с закуской. С этой минуты между ними выросла незримая стена отчуждения, и потом на трибунах «Лужников» ее не смогли разрушить ни голы «спартаковцев», ни заразительный азарт болельщиков, ни проглянувшее под занавес матча яркое весеннее солнце. Митров сидел, будто на иголках, и еще не прозвучал финальный свисток судьи, как он подхватился с места и ринулся к проходу. Призывы Николая подождать так и остались без ответа. Митров, как черт от ладана, шархнулся в сторону.

На следующий день на настойчивые звонки Николая ни один из его телефонов не отвечал. Все воскресенье, по данным разведчиков наружного наблюдения, он не выходил из комнаты общежития. В понедельник с опозданием явился на службу, имел разбитый вид, а от запаха перегара в его кабинете хотелось сразу закусить. Все это вместе взятое наводило контрразведчиков Бармина на грустные размышления; похоже, и на это раз они вышли не на «Гастролера».

Вместе с ним Агольцев, Кочубей и психолог майор Федоряк снова и снова просматривали видеозапись разговора в кафе «Спорт», пытаясь найти ответ на главный вопрос, кто, перед ними — честный офицер подполковник Митров или затаившийся «инициативник». Экран монитора погас,

стихли голоса Митрова с Кочубеем, и в кабинете воцарилась тишина. Первым решился ее нарушить Агольцев, в его голосе прорвались нотки разочарования:

— Похоже, работать на иранцев «Оператор» не рвется. Что на это скажешь, Петр Алексеевич?

Федоряк не был столь категоричен и осторожно заметил:

— В предварительном порядке, судя по интонациям в голосе и физиомоторике, можно предположить, что объект проверки является...

— Петя, ты можешь без научного тумана, русским языком сказать: он способен инициативно выйти на ЦРУ? — перебил Агольцев.

— Как тебе объяснить, Виктор Александрович... — замылся тот. — По тому, что я видел и слышал, пока ясно одно, это довольно распространенный тип личности. Для нее характерен устойчивый алгоритм мышления и логически связанная последовательность действий. Вместе с тем, при определенных обстоятельствах и наличии ряда побуждающих факторов, он способен на неординарные шаги. Более подробный отчет я смогу представить завтра после углубленного изучения видеозаписей беседы.

— Что ты все вокруг да около! — потерял терпение Агольцев.

— Виктор Александрович, ты не горячись! А тебя, Петр Алексеевич, попрошу не затягивать с отчетом, — закончил на этом бесплодный разговор Бармин и после того как Федоряк вышел, взял красный карандаш и склонился над аналитической схемой розыска «Гастролера».

Агольцев и Кочубей уныло смотрели за тем, как под его рукой в цепочке, где значилась фамилия Митров, появился еще один жирный красный крест. Отложив схему в сторону, Бармин грустно посмотрел на них и с горечью сказал:

— В итоге после трех с лишним месяцев работы по «ракетчикам» мы имеем не просто ноль, а такой минус, что хоть... — и здесь у него не хватило слов.

— Алексей Анатольевич, по Митрову я и без отчета Федоряка уверен, что он чист, но в отношении Оноприенко и Литвина кое-какие вопросы остались. Полагаю, к ним стоит вернуться, вдруг что-то просмотрели, — пытался смягчить горечь от неудачи Агольцев.

Но ответа не услышал — зазвонил телефон оперативной связи. Бармин поднял трубку и в кабинете отчетливо зазвучал голос Прохорова. Его просто распирало от радости.

— Алексей Анатольевич, докладываю, на нашей улице намечается праздник! Он раскрылся! Комбинация заработала!

— Кто?! Стельмах?.. Дудинец?.. — встрепенулся Бармин, поддавшись его эмоциональному порыву.

— Стельмах!

— А ты не торопишь события?

— Нет! Фактура «железная»! — торжествовал Прохоров. — Вчера он полез к секретам по «Тополю», и это подтвердил не только наш человек, но и техника. Видеозапись у меня на столе.

— Весомый аргумент, против такого не попрешь, — согласился Бармин.

Агольцев переглянулся с Кочубеем. На их погрустневших лицах все было написано. Похоже, операм Прохорова со Стельмахом повезло больше, чем им с Оноприенко, Митровым и Литвиным. В негласном соперничестве двух отделов в розыске «Гастролера» удача оказалась не на их стороне.

Прохоров не скрывал радости и торопился поделиться еще одной новостью,

— Алексей Анатольевич, это еще не все! Стельмах срочно запросился в команду, послезавтра она вылетает в командировку к миротворцам в Абхазию.

— Это где он прошлый раз «засветился» на контакте с поляком-ооновцем, — вспомнил тот.

— Совершенно верно! Я уверен — американцы вытаскивают его на встречу! Стельмах там ничем не рискует.

И если дальше следовать логике... — Прохорова уже было трудно остановить.

Бармин отстранил трубку, то, что сейчас говорил Прохоров, для него не являлось новостью. Абхазия — эта бывшая советская автономия, раскинувшаяся на южных склонах Кавказских гор, с недавних пор стала привлекательной для шпионов всех мастей. Победив в недавней тяжелейшей войне с Грузией, она постепенно оправилась от нанесенных ей ран, и, как прежде, в советские времена, десятки тысяч россиян, а в последний год и сотни иностранцев вновь устремились на ее «золотые» морские пляжи и горы поднимать старые туристские маршруты.

В этом бурном потоке курортников и «дикарей», хлынувшем в Абхазию, легко затерялись «тихие» американцы, турки, англичане и немцы. Благополучно осев в Сухуме, Гаграх и Пицунде под «крышами» фондов и исследовательских центров, разведчики чувствовали себя, как рыбы в мутной воде. Местной малочисленной, только вставшей на ноги Службе государственной безопасности было не до них. У нее едва хватало сил, чтобы отбиваться от вылазок грузинских боевиков в приграничном с Грузией Гальском районе и верхней части Кодорского ущелья. Отдел российской военной контрразведки, в котором не считывалось и десятка работников, разрывался между постами миротворцев, разбросанными в горах по восточной границе.

Ничего нового к этому Прохоров не добавил, и Бармин, не дослушав до конца, остановил его и спросил:

— Григорий Васильевич, с Абхазией все понятно! Ты что предлагаешь?

— Направить за Стельмахом опергруппу и подключить на месте отдел Быстронога.

— Я двумя руками «за»! Кого конкретно?

Прохоров замаялся и затем уныло ответил:

— Таких, кто хорошо владеет обстановкой в Абхазии, у меня под рукой сейчас нет. Но координатором мой зам



готов хоть сейчас вылететь на место и организовать взаимодействие.

— Ох и хитер же Григорий Васильевич, на нашем горбу хочет въехать в рай. Может ему еще Стельмаха в наручниках... — не удержался от язвительного выпада Агольцев, но осекся под колючим взглядом генерала.

Бармин сурово сдвинул брови и сухо ответил:

— Спасибо, Гриша, за координатора, но у меня своих девать некуда.

Тот попытался еще что-то сказать, но генерал решительно отрезал:

— Все! Стельмаха мы берем на себя! С Градовым я согласую.

Положив трубку, он повернулся к Агольцеву с Кочубеем и спросил:

— Все сами слышали, надеюсь, объяснять не надо?

— Куда уж яснее. Когда выезжать? — поинтересовался Агольцев.

— Завтра! Но ты, Виктор, нужен мне здесь. В Абхазию полетит Кочубей, он там почти свой.

— Хоть сейчас, Алексей Анатольевич! Холостому недолго собраться, подпоясаясь и вперед. Мне там... — загорелся он.

— Спешка сам знаешь, где нужна, — оборвал Бармин.

— Понял!

— Кого возьмешь в помощь?

— Майора Остащенко и, если позволите, капитана Салтовского?

— Справитесь вдвоем без Салтовского! В твоём распоряжении будет отдел Быстронога. Надеюсь, не забыл такого?

— Как можно?! У меня с ним хороший контакт еще с прошлого года.

— На том и решили! Вопросы есть?

Агольцев пожал плечами, а Кочубей не удержался и съязвил:

— Товарищ генерал, мне на этот раз как, под абхаза или под турка легендироваться?

Бармин сдержанно улыбнулся и спросил:

— А что, понравилось?

— Грех жаловаться, если еще на оперативные расходы подкинете, то жизнь как у Христа за пазухой.

— У Христа говоришь? — и в голосе Бармина послышались жесткие нотки. — За словом в карман ты, Коля, не лезешь, но лучше его придержать, вылетит, потом не всякому понравится.

— Извините, товарищ генерал, я все понял, — смутился Кочубей.

— Хорошо, что понял. Готовься лететь! Командировку и деньги я беру на себя. Сегодня, в крайнем случае завтра утром, решу по ним у Градова, — закончил на этом совещание Бармин.

Из его кабинета, несмотря на последний «ляп», Кочубей вышел в приподнятом настроении. Впереди ожидало живое, многообещающее дело, и неважно, что номером один из пятерки подозреваемых оказался не «их ракетчик», а генштабист Стельмах. После болезненных неудач с Митровым и Оноприенко неожиданно свалившаяся служебная поездка в Абхазию, к которой он за годы командировок и отпусков прикипел душой, оказалась подарком судьбы. Там, в «Стране Души», как ее называли сами абхазы, он находил то, чего порой не хватало в Москве.

Недавняя гражданская война опустошила некогда благодатный и цветущий край. Бывшая советская курортная столица Гагры стояла в строительных лесах. Окраины Сухума и дальше на восток, к границам Грузии, «туристические жемчужины» — Моква, Синоп и Очамчир еще лежали в руинах. Война разрушила дома, осквернила церкви и памятники древней старины, но оказалась бессильной перед божественно-прекрасной природой Абхазии, и она, в который уже раз, терпеливо залечивала раны, нанесенные ей жестокостью и безумством человека.

Несмотря на чудовищные жертвы, война не ожесточила тех, кто выжил и победил. Они, ни раз смотревшие смерти в глаза, познавшие горечь утрат и сладость победы, сумели сохранить верность дружбе и слову. Пожалуй, нигде так пронзительно, как в Абхазии, Николай не ощущал тепло этих простых человеческих чувств и отношений. Абхазы, русские, армяне, греки, те, кого в роковом августе девяносто первого циничные политики лишили Родины их отцов, а затем безжалостно бросили в пламя гражданской войны, по-прежнему, продолжали говорить, думать и любить эту страну, которую многие уже поспешили стереть с карты земли.

## Глава 8

— Господа! Наш самолет готовится совершить посадку в аэропорту города Сочи. Просьба привести спинки кресел в вертикальное положение и пристегнуть ремни безопасности! Температура воздуха в городе плюс двадцать пять градусов, — объявила стюардесса.

— Двадцать пять?!

— Красотища!

— Наконец согреемся!

— А в Москве под ноль!

— Те, кто по морозам соскучился, пожалуйста, обратно!

— Лучше сразу на Чукотку, к Роме Абрамовичу, с ним всегда в плюсе!

— Чего захотел! К нему очередь на десять лет вперед выстроилась.

Эта веселая разноголосица оживленной волной покадилась по рядам пассажиров рейса Москва — Сочи. Затем зашуршали газеты и кульки, взвизгнули молнии на сумках. Истомленные долгими холодами, люди горели желанием поскорее погреться под южным солнцем и с головой окунуться в беззаботную жизнь черноморских субтропиков.

— Коля, ты остаешься? — бодрый голос Остащенко разбудил задремавшего Кочубея.

Его широкоплечая, под метр девяносто фигура нависла над ним. Радостная улыбка гуляла на добродушном лице, в

глубине карих глаз, спрятавшихся за забором густых ресниц, поблескивали веселые искорки, а щеголеватые усики воинственно топорщились вверх. Юрию не терпелось поскорее выбраться из душного салона к яркому южному солнцу и теплу. Для него, не привыкшего изо дня в день протирать штаны в душных кабинетах и «вылизывать» очередную докладную «наверх» или «шить бумагу» в «тухлое» дело, нынешняя командировка после недавней шестимесячной в Чечне представлялась не более чем увлекательной прогулкой. Живая боевая работа, в которой всегда находилось место для риска и экстрима, была ему в радость, и он отдавался ей всей своей широкой и щедрой душой.

Внешне выглядевший увальнем, он, когда вопрос касался конкретного и рискованного дела, преображался на глазах. На городском рынке в портовой забегаловке, или в кроссовках и потертой джинсовке его вполне можно было принять за тертого-перетертого «толкача». В выгоревшей штормовке, с неподъемным рюкзаком за плечами он сходил за своего среди бесшабашной братии туристов и экстремалов, тянувшихся в Абхазию, как перелетные птицы на юг. А уж если приходилось надевать смокинг, то не стоило волноваться за то, что и на светской тусовке «Юрасик» не ударит в грязь лицом.

— Господа! Наш полет закончился! Экипаж прощается с вами и желает приятного отдыха на курортах прекрасного города Сочи! — еще раз напомнила миловидная стюардесса.

Турбины в последний раз грустно всхлипнули, и через распахнутый настежь пассажирский люк в салон ворвалась струя теплого воздуха. В ней смешались запахи моря и нежный, опьяняющий аромат буйно цветущих апельсиновых садов, полевых трав и мимозы. Николай с Юрием, перебросив за плечи спортивные сумки, двинулись к выходу. Первым сошел на трап Юрий и не удержался от восторга:

— Вот красотища!

— Жаль, что не нам досталась! — искренне посетовал Кочубей.

Он впервые оказался в Сочи в это время года, и весеннее буйство природы поразило даже его. Солнце только выглянуло из-за горизонта, первый луч робко скользнул по безмятежной глади моря и ослепительными искрами рассыпался по заснеженным вершинам Кавказских гор. В утренней дымке они походили на гигантские бриллианты, обрамленные тончайшим малахитовым ожерельем из сочной зелени субтропиков. Зеленые, рубиновые, алые крыши санаториев, домов отдыха и частных пансионатов, подобно самоцветам, густо усыпали узкую прибрежную полосу.

Уставшая после свирепых мартовских штормов морская волна шаловливо поигрывала галькой. Бирюзовую гладь бухты пронизывали тонкие жемчужные нити пока еще малочисленных для этого времени года быстроходных скутеров. В воздухе появилась та удивительная легкость и бодрящая свежесть, что бывает здесь только в апреле. Все вокруг — горы, небо и море дышали негой и покоем.

— Юра, рано теряешь голову, в Абхазии еще не то увидишь! — поторопил Кочубей, шагнул на трап и поискал взглядом подполковника Быстронога.

Позади кучки местных начальничков, встречавших своих крутых боссов, он разглядел Бориса, одетого в простенький костюм. За ними строго в ряд выстроилась вереница «навороченных мерсов». Особняком сиротливо стоял ядовито-зеленого цвета армейский УАЗ начальника военной контрразведки по группе российских миротворческих сил в Абхазии. На фоне лоснящихся новых «членовозов» он выглядел серой лошадкой, случайно попавшей в стойло для породистых рысаков из барской конюшни.

— Да, Боре скромности не занимать! С кирзовой рожей и в калашный ряд, — хмыкнул Остащенко.

— А чего их стесняться? Мы военная контрразведка! Станем там, где надо, а если кто рыпнется, то и задвинем! — бросил в ответ Кочубей.

Быстроног тоже заметил их в толпе пассажиров, и безлозубая улыбка появилась на его успевшем загореть лице.

С первого взгляда в нем можно было узнать казака из южных предгорных станиц. Выше среднего роста, русоволосый, со жгуче-темными глазами, легкий в движениях, он выглядел гораздо моложе своих тридцати пяти лет.

— Как долетели? — ответив крепким рукопожатием, поинтересовался он.

— Нормально! — бодро ответил Кочубей и бросил настороженный взгляд на появившегося из-за УАЗа кавказца.

— Это Тимур из службы безопасности Абхазии. На него можете положиться, как на самих себя, — представил коллегу Быстроног.

Среднего роста, худощавый, на вид около тридцати, он мало походил на выходца с Кавказа. Из-под густой шапки рыжевато-бронзовых волос на Кочубея и Остащенко смотрели голубые глаза. Большой с горбинкой нос не портил суховатого с правильными чертами лица. Ранняя седина, усыпавшая виски, и грубый рубец на шее говорили о том, что Тимур пришлось хлебнуть горя в своей жизни. Сдержано поздоровавшись, все вместе направились к машине, и, прежде чем сесть, Быстроног поинтересовался:

— Коля, все по плану?

— Да. Следующим рейсом с опергруппой Генштаба прилетает «Штабист», — подтвердил Кочубей.

— Схема работы прежняя?

— Все остается в силе. До трапа ведет московская «наружка», а здесь подключаемся мы.

— Понятно! Как распределимся по маршруту?

— Тебе с Тимуром виднее.

— Тогда не стоит заморачиваться! Автобус будет стоять на выходе из зала. Водила и старший — наши люди, поэтому любой контакт «Штабиста» не останется без внимания.

— Отлично! А дальше на посту у Псоу и у «шашлычек»? — старался не упустить мелочей Кочубей.

— Ребята Тимура присмотрят.

Тот, хранивший до этого молчание, коротко бросил:

— Все будет нормально! Березовского, когда приезжал в Абхазию, мы под такой «колпак» взяли, что знали какого у него цвета трупсы.

— Лучше бы узнали, куда гад наши «бабки» сплавил. Сволочь! В Чечне так замутил, до сих пор расхлебать не можем! — зло прошелся по «лондонскому сидельцу» Остащенко.

— Юра, закрыли тему! Ближе к делу! Что со связью?! — уточнял последние детали Кочубей.

— Специальная, — и Тимур продемонстрировал болтавшийся за плечом громоздкий ящик.

— У меня не лучше. Военная, не докричаться, — с сарказмом произнес Быстроног.

— Как всегда — связь есть, но не работает, — посетовал Остащенко и предложил: — Может, лучше перейти на мобильники?

— Решено! — согласился Кочубей и напомнил: — Юра, не забудь отдать фото «Штабиста».

Остащенко открыл кодовые замки на кейсе с аппаратурой спутниковой связи и документами и вытащил плотный пластиковый пакет с фотографией. Тимур бросил на нее профессиональный взгляд и, положив в карман куртки, заметил:

— Матерый волчара! Такой не потеряется.

— Вот и хорошо, а теперь вперед! Не будем глаза мозолить! — поторопил Кочубей и вместе с Быстроногом и Остащенко забрался в УАЗ. Тимур отправился на служебную стоянку, там, в стареньком мерседесе, его поджидали трое крепких и живых, словно ртуть, парней.

— Трогай, Миша, но не гони! — предупредил Борис сержанта-водителя.

Тот, держась подальше от «членовозов», проехал к служебному проезду и посигналил. Прошла минута, за ней другая, наконец из будки выглянул заспанный охранник, узнав Быстронога, бодренькой рысью протрусил к воротам и открыл. Они выехали на привокзальную площадь, и



Осташенко, бросив голодный взгляд на гостеприимно распахнутые двери кафе «Платан», не удержался и забросил удочку:

— Ребята, может по чашечке кофе?

— А почему бы и нет. Времени вагон и маленькая тележка, — поддержал Быстроног.

— Коля, а на кой всем светиться? На выходе «Штабиста» будут «пасти» ребята Бори, на маршруте — Тимур, может сразу рвануть в Абхазию? — предложил Осташенко.

— Мало ли что, — заколебался Кочубей.

— Едем! Он же не дурак прямо тут кидаться на американцев!

— В принципе Юра прав. Зачем лететь в Сочи, если проще провести явку в Москве? — поддержал его Быстроног.

— Ладно! — согласился Николай.

Перекусив в кафе «Платан», они выехали на границу и через двадцать минут были на пограничном переходе через реку Псоу. Там творилось настоящее столпотворение, и Борису не помогли ни красные корочки удостоверения, ни командирский голос. УАЗ стал колом в колонне, черепашим шагом продвигавшейся к заветному полосатому шлагбауму. Со всех сторон ее обтекала фруктово-овощная река. Она плескалась в битком забитых капроновыми мешками «москвичах», «жигулях» и «запорожцах», растекалась золотисто-коричневыми ручьями по наспех сколоченным торговым прилавкам, чавкала и сочилась бурными ручьями по асфальту.

Через час УАЗ, наконец, ткнулся в шлагбаум. Сержант-пограничник устало протянул руку и потребовал:

— Документы!

Тут же из-за его спины на них хищно нацелилась алчная физиономия в мышином мундире. В воздухе мелькнула красная корочка удостоверения Бориса, и таможенника как ветром сдуло. Сержант, не став проверять документы у Кочубея с Осташенко, нажал на кнопку, и шлагбаум взлетел вверх. Они въехали на мост и через десяток метров были на

абхазской стороне. Здесь их никто не спешил проверять, из зеленой будки выглянула чья-то заспанная физиономия и, проводив ленивым взглядом, снова скрылась внутри.

Первые километры по абхазской земле мало чем отличались от российских, разве что в глаза бросалось гнетущее безлюдье на остановках и дороге. Но чем дальше они отдалялись от границы, тем чаще о себе напоминала прошедшая гражданская война. Посеченные осколками стволы платанов и эвкалиптов походили на тела зараженных чумой. Ржавыми скелетами устилали обочину сожженные остовы машин, телег и детских колясок. Разрушенные артиллерией и авиацией дома закопченными глазницами-окнами печально смотрели на дорогу. Казалось, смертоносное дыхание войны убило все живое, и лишь порывы ветра тоскливым воем отзывались в печных трубах заброшенных поселков.

— Да-а! Натворила война бед! — проводив взглядом изрешеченную пулеметной очередью автобусную остановку «морскую ракушку», мрачно обронил Кочубей.

— Если бы только тут! А в Чечне? В Грозном камня на камне не осталось! — напомнил о другой трагедии Юрий.

— Мерзавцы! Всех бы их к стенке!

— Некоторых сейчас попробуй тронь! За такими «бабками» окопались, что тебе, Коля, и не снились!

— Такие, как у них, мне даром не нужны.

— Ничего, рано или поздно это им откликнется! — с ожесточением произнес Быстроног и, чтобы уйти от болезненной темы, переключил их внимание: — Ребята, посмотрите вон на ту гору.

— Гора как гора, ничего особенного, — пожал плечами Остащенко.

— Не совсем, Юра. На ней дача Сталина.

— «Холодная речка», — проявил осведомленность Кочубей.

— И что, там все осталось, как при Сталине? — оживился Юрий.

— Даже его гвоздь! — подтвердил Быстроног.

— Какой еще гвоздь? Я про него не слышал, — переспросил Кочубей, и в его глазах заскакали лукавые чертики.

— О! Это известная история!

— Боря, не томи, расскажи! — загорелся Юрий.

Переглянувшись с Кочубеем, он неспешно открыл бутылку с минеральной и, сделав пару глотков, приступил к рассказу.

— Этой истории лет семьдесят будет. Началась она с Нестора Лакобы, в то время председателя Совнаркома Абхазии. В конце двадцатых он построил на Черной реке гостевой домик. По нынешним временам, можно сказать, хибару. Первым гостем стал Сталин. Ему понравилось, и за год тут отгрохали дачу. Принимать ее он приехал в компании с Берией и Власиком. Все сделано было по высшему разряду, но ему, похоже, не понравилось. Берия с Власиком ничего понять не могли. На выходе Сталин остановился и приказал:

— Власик, тащи молоток и гвозди!

— Молоток?.. Гвозди?.. — растерялся тот, а когда пришел в себя, пулей слетал в подсобку, принес все это и веревку. Сталин посмотрел на нее и хмыкнул:

— Заставь дурака богу молиться, так он и лоб разобьет! — забрал молоток, выбрал самый большой гвоздь и заколотил в панель у входа.

Берия не удержался и спросил:

— Товарищ Сталин, а зачем это?

— А затем, Лаврентий, чтобы таких мудаков, как Власик и Мержанов, архитектор мне нашелся, за яйца подвесить. Я им что — чукча в чуме, чтобы по таким хоромам в тулупе расхаживать!

Николай улыбнулся, а Юрий от души посмеялся, а затем предложил:

— Может, заедем и заберем гвоздь?

— Вот и ты туда же, — усмехнулся Быстроног. — Там таких охотников сколько побывало, что бедняга комендант замучился гвозди закупать, — и, бросив взгляд к вершине горы, где в густом сосновом бору затаилась «дача Сталина»,

погрустневшим голосом сказал: — А если серьезно, то здесь Сталин, а может сам дьявол, выбрал Берию главным «всесоюзным палачом», здесь же решилась судьба Лакобы.

— Я этой истории не слышал, расскажи! — оживился Кочубей.

— А не много ли страшилок будет?

— Боря, мы не из слабонервных, — усмехнулся Остащенко.

— Может, не стоит, больно тут аура нехорошая.

— С ней пусть экстрасенсы разбираются! Давай про Берию и Лакобу, — отмахнулся Кочубей.

— Соскучился?

— Боже упаси!

— А вот его на той встрече точно не было, — с улыбкой заметил Быстроног и, сев удобнее, начал новый рассказ.

— Случилось это осенью то ли тридцать первого, то ли тридцать третьего, точно не скажу.

— Неважно, нам с ними детей не крестить и за одним столом не сидеть, — подгонял Остащенко.

— А вот для Нестора те посиделки закончились плохо. Случилось это в тридцать шестом, но тогда, в начале тридцатых, он был в фаворе у Хозяина. Тот частенько в компаниях подчеркивал эту близость и подшучивал: «Я — Коба, а ты — Лакоба, выходит братья».

— Интересно?! С чего это Сталин к нему такой любовью воспыал? Сына родного отказался обменять на целого фельдмаршала! А тут какой-то удельный князек? — удивился Юрий.

— Было за что. Нестор здорово ему помог, когда после смерти Ленина началась борьба за власть, — пояснил Быстроног, и его снова потянуло на мистику: — Хотите верьте, хотите нет, но Абхазия для Сталина была счастливым талисманом.

— Первый раз слышу! — удивился Кочубей.

— Об этом говорят факты. Лет сто назад под Сухумом он с боевиками провел «экс». На пароходе «Цесаревич

Георгий» они взяли кассу, 20 тысяч рублей золотом, по тем временам огромные деньги. Полиция и жандармы обложили все, награду огромную обещали, но так и не нашли ни денег, ни Сталина.

— Чего захотели. С Кавказа выдачи нет! — с усмешкой заметил Кочубей.

— Ничего не скажешь, лихие были ребята, потом в октябре семнадцатого вывернули всю Россию наизнанку, — заключил Остащенко и напомнил Быстроногу про Лакобу: — Боря, так чем же он помог Сталину?

— Помог и еще как! Если бы не Нестор, то еще неизвестно, кто бы после Ленина стал хозяином в стране.

— Да ладно?! Тебя послушать, так Абхазия с Лакобой пуп земли.

— Я этого не говорил! Если не хотите слушать, я молчу, — обиделся Быстроног.

— Хотим! Давай дальше, очень интересно, — попросил Кочубей.

— Ладно! — согласился тот и вернулся к рассказу: — В конце декабря двадцать третьего Троцкий заболел странной болезнью. Врачи ничего не могли понять, и в январе двадцать четвертого, по настоянию Сталина, он вместе с женой отправился на лечение в Абхазию. В Сухуме их встретил Нестор. И вот тут все самое интересное и начинается! Перед приездом Троцкого, 18 января, Лакоба получил личные письма от Дзержинского и Орджоникидзе. Серго в своем писал: «Дорогой Нестор! Надо товарища Троцкого так обставить, чтобы абсолютно исключалась любая пакость. Мы все уверены, что ты сделаешь все, что необходимо. Дела здесь идут замечательно хорошо».

Какие дела в Москве шли замечательно, сейчас можно только гадать. Одно точно известно, спустя три дня после этого письма умер Ленин. Троцкий собрался в дорогу, но Сталин убедил его остаться. Проторчал он в Абхазии, не без помощи Нестора, до апреля, потом кусал себе локти. В Москве в отсутствие своего вождя «троцкисты» оказались в

меньшинстве и сдавали Сталину одну позицию за другой. Позже, лишенный всех постов и изгнанный за границу, он вспоминал в Мексике: «Как это не покажется невероятным, но меня обманули насчет дня похорон. Ленина похоронили не 26, как извещал в своей телеграмме Сталин, а 27. Мы потеряли темп, а затем и власть».

— Да-а... — протянул Кочубей. — Вот тебе и Абхазия. Так бы вместо Иосифа Виссарионовича мог оказаться Лев Давыдович, и тогда, где бы мы все были, один черт знает.

— Боря, давай ближе к Берии и к даче, — пытался вернуть его из дремучих дебрей истории Остащенко.

— А что Берия? — пожал плечами он, и продолжил: — Хоть и моложе их был, но быстро смекнул, как ловить момент.

— И поймал? — спросил Кочубей.

— Поймал. Осенью тридцать первого подкатил к Лакобе и уговорил организовать встречу с Хозяином. Тот как раз с Ворошиловым в гости к нему собрался и привхватил с собой Берию. Сталин был в хорошем настроении и предложил перед обедом провести субботник в парке. Охрана притащила топоры, грабли и метлы. Берии достался топор.

— Топор?! Надо же! Судьба сама выбрала палача! — удивился Юрий.

— Хотите верьте, хотите нет. На этот счет есть свидетельства, фотография того дня из архива абхазского историка Станислава Лакобы, я сам видел! — с жаром заговорил Быстроног.

— Верим! Давай дальше! — поторопил Николай.

— Вот тут Берия и сделал ход конем. Лизнул так Сталина, что тот до самой смерти, как верного пса, держал его при себе. Прямо в глаза сказал: «Мне под силу рубить под корень любой кустарник, на который укажет хозяин этого сада Иосиф Виссарионович».

Хозяин это запомнил и, когда в тридцать восьмом Ежова на мыло отправил, поставил Берию на НКВД.

— И нарубил, гад! Весь север от Воркуты до Магадана русскими костями замостил! — с ожесточением произнес Остащенко.

— Выходит, пригрел Нестор змею на груди, — мрачно обронил Кочубей.

— Выходит так! Спустия пять лет, в декабре тридцать шестого, эта встреча на «Холодной речке» вышла ему и семье боком, — согласился Быстроног.

— Так это правда, что Берия отравил его?

— Станислав Лакоба утверждает, что это произошло за ужином в доме матери Берии. Потом, когда из Тбилиси тело Нестора привезли в Сухум, от него остались одна кожа да кости, даже вены вырезали.

— Убирали следы яда! — заключил Остащенко.

— Сволочью неблагодарная! Я бы таких... — больше слов у Кочубея не нашлось.

— О какой благодарности ты говоришь, Коля! — воскликнул Быстроног. — Могила Нестора еще не успела порости травой, а Берия объявил его «врагом народа» и бросил на Сухум своего верного пса Рухадзе. Пошли повальные аресты, не щадили ни жен, ни детей. Рауфу — сыну Нестора не исполнилось и пятнадцати, а его обвинили в организации «вредительско-террористической группы с целью убийства верного сталинца — товарища Лаврентия Берии».

Два года его и Сарию зверски пытали, искали архив Нестора... — здесь у Быстронога перехватило дыхание. — Это же кем надо быть, чтобы на глазах матери истязать ребенка. Она отказалась предать мужа и умоляла:

— Сынок, не верь им, они все равно убьют, твой отец честный человек.

Берия вышел из себя и орал на следователей:

— Бейте этого выродка, топчите! Может до ее бесстыжого слуха дойдет его вой!

Рауфа били снова и снова. Он умолял:

— Спаси меня, мама. Скажи все, что они велят.

— Выродки! Как же после такого Берия смотрел в глаза собственного сына?! — воскликнул Остащенко и затем глухо обронил: — Хватит, Боря! Лучше бы этого не знать.

— Нет, надо, чтобы такого больше не повторилось! — возразил Кочубей.

С ним никто не стал спорить, и каждый замкнулся в своих мыслях. Гулкий грохот арки моста над Гумистой под колесами УАЗа напомнил о близости столицы Абхазии — Сухуме. Ее разрушенные окраины красноречиво свидетельствовали об ожесточенности боев. Война злобным оскалом бетонных разломов и искореженной арматуры вновь выверилась на них. Ее шрамы не смогла скрыть даже буйная южная природа. Ближе к центру города разрушения были уже не столь заметны. За паутиной строительных лесов и неброскими огнями простенькой рекламы мирная жизнь все чаще напоминала о себе.

Дорога змейкой скользнула под арку железнодорожной эстакады, скатилась к морю, и через километр УАЗ остановился перед высокими металлическими воротами, за ними располагались штаб, госпиталь, гостиница и узел связи российских миротворцев в зоне грузино-абхазского конфликта.

— Приехали! Где остановитесь? В гостинице или санатории МВО? — поинтересовался Быстроног.

— Подальше от «Штабиста», чтобы глаза не мозолить! — отказался от его предложения Остащенко.

— Тогда санаторий ракетчиков. Его начальника — Саида Лакобу я хорошо знаю. Мужик толковый и лишних вопросов задавать не станет, — вспомнил о нем Кочубей.

— Тебе виднее, Коля, — не стал возражать Быстроног и перед тем, как разойтись, спросил: — Когда и где встречаемся?

— Если ничего срочного, то вечером в «Стекляшке» у Адгура Бжании.

— Идет! — согласился он и предложил: — Подвести?

— Зачем, тут рядом. По такой погоде пешочком пройтись одно удовольствие, — отказался Кочубей.



Забрав сумки из машины, они по густо обсаженной молодыми кипарисами аллее прошли в соседний санаторий «Сухумский». Его начальник — высокий, седовласый и не спешный в движениях, но быстрый в мыслях Саид Лакоба оказался на месте. С полудна понял, что от него требуется, и устроил их в люкс в «высотке». В номере они долго не задержались, после доклада Бармину спустились вниз и прошли на набережную.

Курортный сезон только набирал обороты. Несколько десятков белых, будто обмазанных сметаной, тел вялились на лежаках, двое отчаянных смельчаков, подогретых градусом, барахтались в прибрежной волне. Остальные, рассыпавшись по летним беседкам и кафе, попивали легкое вино и кофе. Перед этой беззаботной и полной расслабляющей неги атмосферой невозможно было устоять. Николай с Юрием, подавшись искушению, бросили «якорь» в кафе «Тропиканка».

Крепко поперченная солянка разожгла аппетит, на ней они не остановились и, проглотив по паре хачапури с сыром, закончили обед традиционным кофе по-турецки. До вина, заманчиво плескавшегося в запотевшем, как негр в русской бане, графине, из которого хозяин «Вова Маресьев», потерявший ногу на войне, щедро наливал в стаканы пришедшим на «дозаправку» перед обедом ракетчикам, им добраться не удалось. Позвонил Быстроног и сообщил, что оперативная группа Генштаба, а вместе с ней «Штабист» прибыли и сейчас вместе с командующим миротворческими силами отправились на обед в столовую.

— Есть что интересное? — не удержался от главного вопроса Кочубей.

— Нет, — был немногословен Быстроног.

— А у Тимура?

— Тоже ничего.

— Тогда ждем, может, что и проклянется.

— Сегодня вряд ли, — усомнился Быстроног. — До ужина он работает в штабе, а потом по плану начальника тыла — «кино, вино и домино».

— Согласен, — не стал спорить Кочубей и напомнил:  
— Встречаемся, как договорились, в «Стегляшке».

— Во сколько?

— Где-то в районе десяти.

— Идет! — согласился Быстроног.

Оставшееся до встречи время Кочубей и Остащенко решили провести на пляже, но через пару часов на ярком южном солнце кожу начало пощипывать, и они возвратились в номер. Юрий с головой ушел в книгу «Храм души» историков Станислава Лакобы и Олега Бгажбы, чтобы разобраться в хитросплетениях тех драматических событий, что происходили в Абхазии в прошлые века и последние десятилетия. Николай, пощелкав пультом по каналам, остановился на фильме «Покровские ворота» и вскоре не заметил, как задремал.

Проснулся он, когда уставшее после долгого и жаркого дня солнце, скользнув последними лучами по стене номера, закатилось за скалы у маяка. Таинственные южные сумерки опустились на сухумскую бухту и город. Стрелки часов приближались к десяти. Он растолкал похрапывавшего на соседней койке Юрия и они, прогнав под душем остатки сна, прихватили с собой куртки и спустились вниз.

Благостную тишину, царившую в парке санатория и на набережной, изредка нарушали раскатистые крики «Ура», звучавшие под крышей летнего кафе Ибрагима Авидзба. Это прожженные и пропитые «вечные» капитаны и майоры праздновали отвальную.

— От души гуляют ракетчики, — позавидовал Остащенко.

— При такой красоте даже язвенник выпьет и налево сходит, — согласился Кочубей.

После промозглой московской сырости вечер в Сухуме стал для них поистине «царским» подарком. Со стороны приморского парка потягивало сладковатым дымком тлеющих костров из прошлогодних листьев эвкалиптов и платанов. Теплыми, манящими к себе огоньками пере-

мигивались по склонам Сухумской горы окошки частных домишек. За ней суровой громадой проступала зубчатая стена Главного Кавказского хребта. Его вершины, покрытые вечными снегами, терялись в россыпи Млечного пути и снисходительно, с высоты своих миллионов лет, наблюдали за суетой человеческого муравейника.

Юрий с Николаем с восхищением смотрели на этот, словно пришедший из сказок удивительный мир и, наслаждаясь его красотой, кружным путем шли к «Стекляшке». Память Николая не подвела, вскоре узкая гаревая дорожка привела к фонтану, а от него уже было рукой подать до кафе.

По Быстроногу можно было сверять часы, ровно в десять они нос к носу столкнулись перед входом в «Стекляшку». С прошлого года здесь мало что изменилось, разве что краска стеклянных витражей слегка потускнела, а потрепанная зимними штормами лестница к морю жалобно поскрипывала на ветру. Входная дверь отозвалась знакомым перезвоном медного колокольчика, и невольной теплой волна обдала Николая. Прошлым летом, во время отпуска, он провел здесь немало приятных минут в компании друзей.

Они вошли в кафе. В первом, уютном зимнем зале было немногочисленно. Разогретая вином и воспоминаниями о бесшабашной и полной радужных надежд лейтенантской молодости веселая компания офицеров-отставников и их жен, сдвинув столы, отмечала свою встречу. За ними, забившись в угол, два контрактника-миротворца уныло чахли над стаканами с томатным соком. На летней, открытой террасе, прячась в полумраке от любопытных глаз, жались друг к другу скоротечные, но пыльные парочки «курортных романов».

В отдельном закутке, для особо приближенных к хозяину «Стекляшки» Адгуру Бжании, он и еще трое местных парней погромыхивали костяшками нард и изредка сучающими взглядами постреливали по залу, но остановиться было не на ком. Две разбитные бабенки из офицерской

столовой больше часа томились над хилой закуской и графинчиком с водкой. Напрасно они принимали откровенные позы и строили глазки, эти коварные приемы, безотказно действовавшие на подвыпивших прапорщиков и сорокалетних капитанов, никак не воспламеняли темпераментных южан. Те, в предвкушении нового многообещающего заезда молодых «львиц», истосковавшихся в дальних гарнизонах по жаркой любви, не горели желанием растрачиваться на молодящихся дам «песочного» возраста.

Появление в зале новых лиц вселило было в дам надежду. Блондинка, сверкнув пышными ляжками, перебросила ногу на ногу и нацелилась на Кочубея, а гривастая брюнетка голодным взглядом заглотила Остащенко. Но возникшая за их спинами хорошо знакомая суровая физиономия Быстронога похоронила все надежды. Прошедшие через дальние гарнизоны, «Крым и Рим», они не понаслышке знали, что «командира бойся на плацу, замполита за трибуной, а «особиста» со всех сторон».

— Коля?! Привет! Ты откуда?! — швырнув костяшки на доску, воскликнул удивленный Адгур и поднялся навстречу Кочубею.

В его коренастой, крепко сбитой фигуре и исполненных скрытой силы движениях угадывался бывший борец.

— Здравствуй, Адгур! Как ты? — обрадовался встрече Николай.

— Нормально! Ты как, еще не женился?

— Нет, с тебя беру пример.

— И правильно! Настоящий мужчина — это после тридцати, — одобрил Адгур и, обернувшись, позвал: — Марина!

Из кухни выглянула миловидная девушка, и он распорядился:

— Для моих дорогих гостей самый лучший шашлык, вино от Феликса Цикутания и...

— Адгур, угомонись! Мы только кофейком побалуемся, — попытался остановить его Быстроног.

— Боря, ты меня обижаешь! Что подумают обо мне гости? — не хотел тот ничего слышать.

— Мы согласны на хачапури и графин вина, — не стал спорить Кочубей.

— И шашлык тоже! — настоял на своем Адгур и, вернувшись к друзьям, попросил: — Масик, Денис, Теймураз, извините, потом доиграем.

Те без лишних слов собрали нарды и освободили места. Марина принесла графин с вином и бастурму. Затем на столе появилось блюдо с горкой румяных и аппетитно пахнущих хачапури. Быстроног по-хозяйски разлил вино Феликса Цикутания по стаканам, и они подняли тост за встречу. Вино было превосходным, под него хорошо пошли не только хачапури с шашлыком, но и лобио, которое так вкусно готовили только в «Стекляшке».

Первым нашел в себе силы оторваться от абхазского стола Кочубей и предложил:

— Ребята, пора заканчивать этот пир желудка и поговорить о деле!

— Еще парочка таких ужинов и можно забыть про контрразведку, — согласился Осташенко.

— Не волнуйся, Юра, когда надо, она напомнит о себе, а пока наслаждайся. Такого в Москве не попробуешь, — лучился радушием Быстроног.

— И все-таки, Боря, вернемся к «Штабисту». Что мы имеем? — напомнил о деле Николай.

Тот неспешно дожевывал шашлык и, запив вином, принялся по порядку пересказывать события последних часов.

— После обеда у командующего он и офицеры опергруппы около сорока минут прогуливались по набережной санатория. Подозрительных контактов не имел. Затем до девятнадцать двадцать работал в штабе, проверял документацию. Потом...

— С этим ясно! Где он сейчас? — прервал Кочубей.

— В кафе «Парус» с начальником штаба и тыла подводят «итоги» первого дня проверки.

— Номер и вещи осмотрели? — поинтересовался Остащенко.

— Да! — подтвердил Быстроног.

— И что?

— Нашли три диска. На одном план проверки, а два других закрыты паролями, их не стали взламывать.

— Правильно, а то, не дай бог, проколемся! — одобрил Кочубей.

— Что с ноутбуком? — напомнил Юрий.

— Тоже просмотрели! Есть кое-что интересное, но пара файлов не открылась, и пришлось копировать весь «винт».

— Для начала очень даже не плохо, — обрадовался Остащенко.

— Не спеши обольщаться, Юра! — остудил его Кочубей. — Стельмах не дурак оставлять компромат в номере. Наверняка носит при себе.

— Флэшка или минидиск? — предположил Быстроног.

— Верно, Боря, и потому надо еще раз прошерстить!

— Нет проблем! Вопрос только в одном, нужна санкция суда.

— Будет, подойдет шифром.

— В таком случае через командующего организуем сауну, и там посмотрим.

— Отлично! То, что сегодня получил, первым же рейсом в Москву, лично Бармину. Пошли дальше. Что имеем на завтра?

Быстроног полез в карман куртки, достал блокнот, нашел нужную страницу и зачитал:

— Восемь ноль-ноль — завтрак. Восемь тридцать — сбор в кабинете командующего. С девяти до тринадцати — работа в штабе. Затем обед и сон-тренаж до пятнадцати. Потом инструктивные занятия с офицерами в клубе. Вечером — кино, вино и домино, но здесь я вношу поправку — сауна!

— Обязательно! — подтвердил Кочубей и продолжил расспрос: — Чего ожидать от него послезавтра?

— Я полагаю, будет много интересного!

— А конкретно?

— Опергруппа отправится с инспекцией постов миротворцев в Кодорское ущелье. Туда же заявили наблюдатели из миссии ООН. Среди них есть два интересных англичанина, один точно работает на разведку!

— О, уже теплее! — оживился Остащенко.

— Еще не все! — и, выдержав многозначительную паузу Быстроног, объявил: — В это же время в село Лата по линии НПО намерены выехать три американца. Двое, Харт и Джексон, появились в Сухуме накануне.

— Очень даже интересно! Слетаются как мухи на мед, — загорелся Кочубей и распорядился: — Пусть Тимур немедленно садится им на хвост!

— Проблем нет! — заверил Быстроног и потянулся к сотовому телефону.

— Не спеши, Боря, выйдем, позвонишь! — остановил его Николай и, глянув на часы, предложил: — Будем закругляться.

Стрелки приближались к двенадцати. Оба зала «Стекляшки» опустели. Марина сонно клевала за стойкой бара, а Адгур, уткнувшись в экран монитора, устало нажимал на мышь и без энтузиазма «мочил» плодившихся, словно вши, международных террористов в «московских сортирах», «вашингтонских борделях» и «арабских гаремах».

Быстроног поднялся, чтобы расплатиться. Адгур встретились и спросил:

— Ребята, может еще чего?

— Спасибо! — принялись наперебой благодарить они, а Быстроног полез в кошелек за деньгами.

— Ты что, Боря?! Вы мои гости! — возмутился Адгур.

— С нашим аппетитом мы тебя пустим по миру, — попытался тот свести все к шутке.

На помощь ему пришел Остащенко, но и его напор разбился о гостеприимство хозяина «Стекляшки».

— Юра, это бесполезно! Для абхаза гость — второй после бога человек, — вмешался Кочубей.

— Первый! — решительно возразил Адгур и, чтобы развеять сомнения, пояснил: — Не я придумал! Это есть в нашей Апсуаре!

— Библии, что ли? — предположил Остащенко.

— Можно сказать и так.

— И что в ней написано?

— А то, что когда Господь создал землю и затем стал раздавать, абхаз опоздал — принимал гостя. Господь недолго думал и решил — кто так уважает гостя, достоин лучшего! И отдал ему кусочек земного рая.

— Выходит, мы, русские, поторопились и получили Сибирь, — пошутил Юрий.

Под дружный смех они вышли из «Стекляшки». Марина закрыла дверь на замок, Адгур подогнал ко входу старенькую тридцать первую «Волгу» и предложил подвезти.

— Спасибо, мы пешком, — отказался Кочубей.

Пожелав Адгуру и Марине спокойной ночи, Быстроног отправился в гостиницу, а Кочубей с Остащенко возвратились в «высотку», поднялись в номер и, раздевшись, нырнули в постели. Утро для них началось с веселого звона мяча, доносившегося с теннисного корта, скрежета шестеренок в спортивном городке и бодрого марша физкультурников. Затем позвонил Быстроног и сообщил, что Стельмах ничем себя не проявил, а посылка с материалами на него находится на пути в Сочи. Вслед за ним напомнил о себе Тимур. Он тоже времени даром не терял: собранные им данные на Джексона и Харта говорили о том, что они неспроста появились в Сухуме. Лишним подтверждением тому служила подписанная Барминым и поступившая после обеда на имя Быстронога шифровка. В ней, ссылаясь на оперативную информацию Службы внешней разведки, сообщалось о принадлежности Харта к ЦРУ. Все это вместе взятое предвещало «веселый» вечер, а возможно, и ночь.



Весь день Кочубей с Остащенко провели как на иголках в ожидании любой выходки со стороны Стельмаха или Харта. А они вели себя спокойно. По докладам разведчиков наружного наблюдения, Стельмах добросовестно ковырялся в штабных бумагах и, похоже, не собирался выходить в город, а Харт, проработав в офисе до обеда, возвратился в гостиницу и из номера больше не выходил.

Подошло время ужина, и Николай с Юрием зашли в кабинет Быстронога, позже к ним присоединился старший оперуполномоченный капитан Сергей Долуга, ответственный за комбинацию «сауна». В ожидании сигнала они нервно пили кофе и бросали нетерпеливые взгляды на телефон. Наконец он зазвонил, Быстроног первым схватил трубку, а через мгновение его лицо пошло пунцовыми пятнами.

— Что случилось, Боря?! — всполошился Кочубей.

— Да на хрен мне твои тени!.. Что?! Куда идет?.. Чего ты муму е... — взорвался Быстроног.

— Стельмах ноги сделал?! — догадался Остащенко.

— Как?! — воскликнул Кочубей и схватил Быстронога за плечи.

Тот лихорадочно зашарил по столу, вытащил сотовый из стопы бумаг, набрал номер и заорал:

— Тимур, немедленно бригаду к выходу из санатория! «Штабист» идет в город... Да, в гражданке.

— А где Харт?! — в другое ухо кричал ему Кочубей.

— Где Харт?.. В гостинице?.. Глаз с него не спускать... Ты все понял, Тимур?

— Коля, надо что-то делать! Он сбросит секреты Харта! — тормошил его Остащенко.

Кочубей бросил взгляд на телефон ВЧ-связи. Быстроног дернулся к трубке.

— Поздно, Боря, Бармин уже дома! — остановил он.

— Но без санкции это же...

— Пока ее получим, секреты сплавят! Коля, решай! А там будь что будет! — наседал Юрий.

В кабинете воцарилась звенящая тишина, нарушаемая тяжелым дыханием и бульканьем воды в кофеварке. Все взгляды сошлись на Кочубее, он был старшим, и ему было принимать решение. Стряхнув с плеч невидимый груз, он огорошил всех:

— Боря, у тебя водка есть?

— Э-э... — только и нашелся, что сказать тот, нетвердой рукой полез в стол и достал бутылку.

— Открывай! Юра, бери стакан! — подгонял Кочубей.

— Ради такого дела я могу и из горла! — сообразил тот и, запрокинув бутылку, сделал несколько глотков, затем отряхнул с подбородка капли и процедил: — Теперь они у меня встретятся!

— Юра, делай все! Ответственность я беру на себя! Стельмах ничего не должен передать Харту! Ты меня понял? — тряс его за плечо Кочубей.

— Понял, понял, Коля! Я им покажу! — рвался тот в бой.

— Серега, ты с Юрой! Я звоню Тимуру, он перехватит вас у ворот! — оживился Быстроног и схватился за телефон.

Долуга потянулся к бутылке с водкой. Юрий перехватил руку и на ходу бросил:

— Тебе еще рано!

Оставляя за собой легкий шлейф «паленого» «короля Леона», он ринулся на лестницу. Вслед за ним бросились остальные, кубарем скатились на стоянку и втиснулись в УАЗ. На выезде из ворот их уже поджидал Тимур. Юрий с Сергеем запрыгнули к нему в машину и через пару минут были у ресторана «Басла». В нем и бросил свой «якорь» Стельмах, заняв столик по всем правилам шпионского искусства. За его спиной находилась глухая стена, а перед ним лежал зал, как на ладони. Держался он уверенно, попыхивая сигаретой, время от времени бросал нетерпеливые взгляды то на часы, то на дверь.

Осташенко и Долуга, расположившись за компанией отдыхающих, стерегли каждое его движение. Спортивная фигура, на которой, как влитой, сидел сшитый с иглочки кожаный пиджак, короткая стрижка под полубокс и твердый взгляд выдавали в Стельмахе военного. Он представлял собой довольно распространенный в последнее время типаж офицера Генштаба. Это читалось в надменном выражении лица, которое подчеркивали тонкие губы, сжатые в жесткую складку, и вальжной осанке.

«Крепкий орешек! Ну ничего, и не таких раскалывали!» — оценил его Осташенко.

— Юра, смотри! — подтолкнул под локоть Долуга.

— Вижу! — ответил он и подобрался.

Холеный блондин лет сорока — сорока пяти в модной джинсовке незаметно вынырнул из вихляющейся в танце толпы и уверенно прошел к столику Стельмаха. Момент их встречи Осташенко и Долуга пропустили, публика повалила к столикам, а когда суета улеглась, то они уже о чем-то оживленно говорили. Юрий с Сергеем напряглись и не спускали с них глаз. Первым подозрительное движение Стельмаха заметил глазастый Долуга и жарко зашептал:

— Юра, ты видишь! Он что-то сунул!

Тот подался вперед и пожирал глазами Стельмаха и блондина. Это не было обманом зрения, он увидел, как крепко сжатая в кулак рука блондина скользнула в карман куртки. Времени на раздумье не оставалось, надо было действовать, чтобы сорвать шпионскую сделку. Схватив бутылку водки, Осташенко бросил на ходу:

— Серега, зови Тимура! — и нетвердой походкой направился к столику Стельмаха и блондина.

Они не успели раскрыть рта, как он плюхнулся рядом на стул и заплетающимся языком произнес:

— Клевые вы мужики. Хочу с вами выпить.

Стельмах брезгливо поморщился от струи перегара, ударившей ему в лицо. Блондин заиграл желваками на щеках и зло бросил:

— Отвали! Нам и без тебя неплохо.

— Не понял! Это ты мне?! — продолжал ломать комедию Юрий.

— Сейчас поймешь, если не свалишь! — наливался гневом блондин.

— Что?! Ах ты пудель...

Дальше события развивались с головокружительной быстротой. Юрий так вошел в роль, что не успел принять защиту и пропустил удар левой блондина в живот, но на втором замахе успел поднырнуть под просвистевший над головой кулак. Боль в животе и проснувшаяся ярость придали ему силы, ухватившись руками за стол, он как прессом припечатал обидчика и Стельмаха к стене. Здесь пришел черед действовать Тимуру.

Вместе с ним в зал ворвались двое «милиционеров». Потрясая пистолетом, он закричал:

— Милиция! Всем стоять и не двигаться!

Публика замерла. На эстраде всхлипнул и затих саксофон. Визгливым надрывом откликнулась гитара. На полуслове оборвалась песня, певец съежился и отступил за колонну. Из темного угла, где тусовалась полублатная шушера, кто-то прогнусавил:

— Начальник, а тем, кто сидит, что делать?

— Заткнись! А то точно сядешь! — рявкнул Тимур и шагнул на середину зала.

К нему колобком подкатился ставший сразу угодливым и суетливым директор ресторана, и залепетал:

— Все нормально, командир. Ребята...

— Помолчи! Без тебя разберемся! — отмахнулся Тимур и приказал: — Батал, Зурик, всех троих в отделение!

— А я чего там забыл? Не пойду! — тяжело отдуваясь, упирался Юрий.

Блондин, валявшийся у его ног, как рыба, выброшенная на берег, распахнутым ртом глотал воздух. Стельмах пришел в себя и сорвался на крик:

— Я полковник российского Генштаба! Не имеете права!

— После стакана вы все Наполеоны! Пошел вперед! — прикрикнул Тимур.

Зурик и Батал, не церемонясь, запихнули всех троих в «воронок» и поехали в отделение милиции.

## Глава 9

Прошло больше полутора часов после того, как в ресторане «Басла» Остащенко затеял потасовку со Стельмахом, но ни он сам, ни Тимур пока никак не напомнили о себе. Кочубей и Быстроног, перебравшись к этому времени в номер санаторской «высотки», не находили себе места, нервно теребили телефоны и через каждые пять минут поглядывали на часы. Стрелки подобрались к десяти, когда в коридоре раздался шум шагов, а затем в дверях появился хорошо «загруженный» и сильно потрепанный Остащенко.

— Ну, как, Юра?.. Что Стельмах? — наперебой заговорили они.

— А-а, — отмахнулся он, стащил порванную куртку, швырнул на диван и плюхнулся в кресло.

— Ты что, немой!? Рассказывай! — взвился Кочубей.

— А чего рассказывать. Два «фонаря», одна рассеченная...

— Какие «фонари»?! О чем ты?

— У Вадима.

— Вадима?! Это еще кто?

— Однокашник Стельмаха по училищу.

— Кто-о?! — у Кочубея перехватило дыхание.

— Вот это залет! — ахнул Быстроног.

— Никакого залета! Все закончилось русским вариантом. После «обезьянника» уговорили на троих литрового

«Распутина», — хмыкнул Остащенко и, болезненно поморщившись, потер рукой живот.

— Хочешь сказать, они приняли все за чистую монету? — не был столь благодушен Быстроног.

— Чистее не бывает! — и Юрий задрал рубаху.

На животе багровым цветом наливался здоровенный кровоподтек. Кочубей сбавил тон:

— Думаешь, Стельмах ничего не заподозрил?

— Коля, ты что, мне не веришь?! Ну, тогда...

— Верю, только не лезь в бутылку! Будем считать, что расшифровки не произошло, но вот что скажет Бармин?

Вопрос Кочубея повис в воздухе.

— А ничего! Зачем генерала напрягать. Все обошлось, и ладно, — нарушил затянувшееся молчание Остащенко.

— Собственно, отработана штатная ситуация, — помывшись, поддержал его Быстроног.

— Ладно, как говорится, утро вечера мудренее. Боря, что мы имеем на завтра по «Штабисту»? — вернулся к заданию Кочубей.

— Кодорское ущелье. Инспекция постов миротворцев. Выезд в десять ноль-ноль, — коротко перечислил Быстроног.

— Сюрпризов не ожидается?

— Исключено! Работник заряжен. На месте люди тоже готовы. Так что можешь не волноваться!

— Хотелось бы, но... я сам поеду туда! — внезапно поменял план Кочубей.

— Коля, это лишнее! Там каждый человек на виду, и без надежной «крыши» можно засветиться.

— Не будем спорить! Поеду как корреспондент «Красной звезды», так что позаботься о документах.

— И без армейского прикрытия?! Там же боевики!

— Боря, только не надо накручивать! Я сказал, поеду! Твое дело «крышу» обеспечить, найти машину и пару надежных местных ребят

— Как скажешь, — смирился Быстроног.

— Коля, может меня для подстраховки возьмешь? — напомнил о себе Юрий.

— Нет, ты отлеживайся.

— Но я глаза мозолить не стану.

— Слушай, тут Борис меня одного не знает, как спрятать, а еще ты собрался! Все, ребята, расходимся! Работы по горло, — положил конец спору Кочубей.

К этому времени стрелки часов подобрались к одиннадцати. Быстроног, отказавшись от ужина, отправился к себе, а они, оставшись одни, вяло пожевав сушеной хурмы и выпив чаю, улеглись спать. Разбудил Николая треск распахнувшихся жалюзи, и перед глазами возник розовый, обгоревший на жгучем южном солнце, крепкий торс Юрия. Здоровенный кровоподтек на животе, налившийся синевой, болезненно напоминал о вчерашней операции по срыву «шпионской акции» Стельмаха. Услышав скрип кровати, он обернулся и бодро воскликнул:

— Подъем, Коля! Нас ждут великие дела!

— Если такие, как вчера, то лучше не надо, — сонно проворчал он.

— Забудь и не бери в голову. Все нормально! Жила бы страна родная, и нету других забот! — беззаботно ответил Остащенко и, потянувшись до хруста в костях, мечтательно произнес: — Эх, сейчас бы окунуться, но без ста грамм не залезешь. Четырнадцать градусов это тебе не двадцать пять.

— Что, молодой заезд начинает действовать? — хмыкнул Кочубей, к нему возвращалось хорошее настроение.

— Это не ко мне, — отмахнулся Юрий. — Русский контрразведчик за границей не размножается!

— А если приказ?

— Куда деваться! А если серьезно, теперь в отпуск только сюда. Не страна, а сказка!

— Я тебе еще когда говорил, — напомнил Николай и, отбросив одеяло, прошел к окну.

В лучах утреннего солнца искрилась бесконечная морская зыбь. Перистые облачка, робко кравшиеся у края



горизонта, и легкая лазурная дымка над зубчатой стеной Кодорского хребта предвещали ясный и теплый день. Буйство ароматов цветущих роз, лаванды и осман-деревя, ворвавшихся в распахнутую балконную дверь, кружило голову, а утренняя свежесть бодрила тело.

Эту идиллию нарушал скрежет плохо смазанных шестеренок, доносившийся со спортивного городка. Парочка качков, которым не хватило бурной ночи, догружали себя «железом». В ответ на их всхлипы и стоны с теннисного корта звучала веселая перестрелка мячей. Спортивный босс Юра Шкабарня беззастенчиво гонял по углам «дикорастущего» полковника из штаба ракетных войск. Сквозь густую стену кипарисов прорывались бодрые звуки марша физкультурников. Это в азарии десятков «божьих одуванчиков», скрипя и треща подсохшими суставами, делал утреннюю зарядку.

— Мне бы так денек-другой пожить, — с завистью произнес Остащенко.

— Уволят, тогда и отведешь душу, — опустил его с небес на землю Кочубей и напомнил: — В восемь мне выезжать.

— Вместе со мной? — забросил удочку Юрий.

Кочубей замялся.

— Коля, я буду тише воды и ниже травы.

— Ладно! Только до поста миротворцев, а там раствориться.

— Растворюсь, и осадка не найдешь! — повеселел Остащенко и принялся собирать вещи.

К половине восьмого, умывшись и переодевшись в десантный камуфляж, они спустились на завтрак в «Стекляшку». Здесь их и застал Быстроног. Вместе они прошли в его кабинет и по ВЧ связались с Барминым. Тот, несмотря на ранний час, оказался на месте и, судя по голосу, с нетерпением ждал первых результатов по «Штабисту». Кочубей, умолчав об инциденте в «Басле», коротко доложил. Бармин задал несколько уточняющих вопросов и, дав добро на выезд в Кодор, в конце разговора предупредил, чтобы зря не лез на рожон.

— Все будет нормально, Алексей Анатольевич! Подстрахуют ребята из местного спецназа, — заверил Кочубей и положил трубку.

— Парни что надо! — подтвердил Быстроног.

— А как зовут? — поинтересовался Юрий.

— Одного Кавказ.

— Как, как?!

— Кавказ.

— Круто! А другого?

— Аттила, — здесь уже Быстроног не смог сдержать улыбки.

— Боря, нам не до шуток! — нахмурился Кочубей.

— Я вполне серьезно, если сомневаешься, спроси у его отца.

— Того случайно не Чингисхан звать? — хмыкнул Остащенко.

— Почти угадал — Хансум.

— Ладно, шутники, поехали! — поторопил Кочубей.

Спустившись на стоянку, они сели в УАЗ, выехали за ворота и, недолго покружив по узким улочкам старого города, остановились у обнесенного высоким кирпичным забором частного дома. За ним послышалось грозное рычание, затем громыхнула щеколда на калитке, и на улицу вышли двое, одетые в камуфляж.

Высокий, атлетического сложения здоровяк больше походил на скандинава, чем на абхаза. Белая кожа лица, с легким румянцем на щеках, голубые глаза, русые, чуть вьющиеся волосы довершали это сходство, и только гордая посадка головы, тонкая талия, легкая походка выдавали в нем горца.

— Кавказ, — представил его Быстроног.

— Аттила, — назвал себя второй.

Он был совершенной противоположностью Кавказу. Худощавый, чуть выше среднего роста, пластичный в движениях, с хищными чертами лица, больше напоминал собой изготовившуюся к прыжку рысь.

— У вас все готово? — поинтересовался Борис.

— Да! — подтвердил Кавказ.

— Тогда вперед! — предложил Кочубей.

— Одну минуту! — попросил подождать Быстроног, прошел к машине и достал из нее спортивную сумку.

— Боря, я уже давно физкультурой не занимаюсь! — пошутил Остащенко.

— Это на всякий случай, — пояснил он и расстегнул молнию на сумке.

В ней лежали два автомата. Юрий потянулся к ним.

— Оставь, у нас на всех хватит! — остановил Кавказ.

— Смотрите сами, — не стал настаивать Быстроног.

— Обойдемся! — решил Кочубей и распорядился: — Все, едем, ребята!

Они прошли во двор. Аттила сел за руль. Кавказ переложил пулемет с переднего сидения в «собачник» и, оставив себе автомат, занял место рядом с ним. Кочубей и Остащенко расположились на заднем сиденье. Быстроног открыл ворота, Аттила отпустил тормоза, и УАЗ покатился под уклон. С черепашьей скоростью они протащились по размытой оползнями дороге и свернули на старую бетонку. Здесь для Николая было все хорошо знакомо.

Знаменитый «Красный мост» над рекой Беслеткой и разрушенный снарядами кинотеатр «Апсны»; 14 августа 1992 года они стали тем первым рубежом, на котором горстка абхазских ополченцев остановила танковую колонну войск Госсвета Грузии. Вооруженная до зубов грузинская военная группировка рвалась к Верховному совету, чтобы захватить в плен его председателя — Владислава Ардзинбу и его сторонников. Сам он, спустя годы, пытливо всматривался в лица своих граждан с огромного плаката и словно спрашивал: «А ты сможешь защитить Абхазию, как это сделали мы?»

За площадью дорога, совершив крутой зигзаг, нырнула под железнодорожную эстакаду, и Аттила прибавил скорость. Слева потянулась металлическая ограда, ошети-

нившаяся сторожевыми вышками, темными глазницами прожекторов и холодными глазками видеокамер. За ней, в глубине парка, затаилась миссия международных наблюдателей ООН.

— Все шпионят! Хотят узнать самую большую абхазскую тайну, — с сарказмом произнес Кавказ.

— И какая она, если не секрет? — любопытно спросил Кочубей.

— Простая — пока жив последний абхаз, других хозяев здесь не будет!

— Однако сурово, — осторожно заметил Остащенко.

— Зато справедливо! Гостю мы всегда рады, а для врага у нас один ответ — кинжал и пуля! — сказал как отрезал Кавказ и замкнулся в себе.

Тринадцать лет назад он вместе с добровольцами из Турции — потомками черкесов и абхазов пришел на помощь своему народу. А когда закончилась война, далеко не все вернулись к сытой и благополучной жизни в Анкаре, Стамбуле и Измире. Сердце Кавказа осталось в этих горах, о которых все 130 лет мечтали его отец, дед и прадед из рода Атыршба.

Серая лента Кодорского шоссе гладкой лентой стелилась под колесами УАЗа. Справа, за железной дорогой, золотились знаменитые песчаные пляжи, на которых прошло босоногое детство будущих олимпийских чемпионов: Санеева, Чернышова и Лугайло. Незадолго перед войной «Маленький гигант большого секса» — Хазанов расслаблялся на них после съемок с пылкими Марианнами, Ангелами и Жозефинами. Слева сплошной зеленой стеной вытянулся знаменитый Синопский парк. Кроны столетних гималайских и ливанских кедров, платанов и эвкалиптов, гигантских пальм и магнолий звенели от гомона птиц. Когда он остался позади, внимание Юрия привлекли построенные, словно по линейке, кварталы города. Уютные двухэтажные особняки, увитые виноградной лозой, радовали глаз.

— Как в Южной Германии! — удивился он.

— Это наша «Абхазская Германия», — с гордостью заметил Аттила.

— И как она тут очутилась?

— Очень просто — Сталин приказал!

— Сталин?! Для чего?

— Атомную бомбу делать.

— Атомную бомбу!?! Здесь?.. А причем тут Германия? — ничего не мог понять Юрий.

— С бомбой ты, Аттила, хватил. А вот теоретические разработки в Сухумском физтехе велись, и занимались ими пленные немцы, — блеснул познаниями Кочубей.

— Насчет бомбы точно не скажу — это я слышал от стариков, — не стал спорить он, — но то, что они до пятидесяти пятого жили в Синопе, — это факт! Мой дед строил дом для самого главного — барона фон Ардене.

— А дед случайно бомбу не припрятал? — не удержался и подколот Юрий.

Аттила хитровато улыбнулся, переглянулся с Кавказом и загадочно произнес:

— Спрятал литров на двести. На обратном пути можно проверить.

— Ну уж нет! — категорически отказался Кочубей.

— А может рискнем, Коля? Хрен с ним, со здоровьем! Для контрразведчика главное — не подорвать моральные устои, — загорелся Юрий.

Абхазия властно завладевала им. Следующие десять минут ему и Кочубею пришлось выслушивать настоящую оду вину. За рассказом Аттила не забывал следить за дорожкой и крепким словцом поминать каких-то Масиков, Зуриков и Ромчиков, обгонявших УАЗ на юрких «жигулях», стремительных «мерсах» и заставлявших их глотать пыль. За селом Мочара, перед мостом, он свернул на «убитую» шоссейку, петлявшую по берегу бурной реки. Позади остались апельсиновые и мандариновые сады, густые буковые леса вплотную подступили к дороге. Чем меньше оставалось до села Цабал — этого сердца некогда

цветущей Абжуйской Абхазии, тем больше мрачнели Николай и Юрий.

За время, проведенное в Абхазии, они начали свыкаться с последствиями войны. Но здесь, среди гнетущего безмолвия, некогда кипевших жизнью сел и поселков, ее смертоносное дыхание ощущалось с особой остротой. Из зарослей разросшегося бурьяна проглядывали разрушенные снарядами и минами остовы домов. Изуродованные кладбищенские обелиски, развороченные взрывами могилы, дзоты из надгробных плит, исполосованные штыками фотографии умерших не просто говорили, они кричали о том, что зло и взаимное ожесточение не смогла остановить даже память предков.

Спустя двенадцать лет война по-прежнему напоминала о себе взрывами мин-ловушек под неосторожной ногой, предательскими выстрелами снайперов-боевиков. Близкая опасность заставила подобраться Кавказа. Он переложил автомат на колени и снял с предохранителя. Аттила сбросил скорость и, подавшись вперед, шарил настороженным взглядом по дороге и обочинам, выискивая замаскированный фугас. Николай с Юрием тоже взяли за автоматы, перевернули затворы и загнули патрон в патронник.

Впереди показалась развилка, Аттила притормозил и спросил:

— Кавказ, дальше как, через «Водопады» или «Райские ворота»?

— Через «ворота», оно короче, но какая там дорога, не знаю, — пожал плечами тот.

— Нормальная! Адгур вчера вернулся из рейда и сказал, что на УАЗе проскочим.

— Насколько это короче? — поинтересовался Кочубей.

— Километров на двадцать, — уточнил Аттила.

— Час, как минимум, выиграем, — быстро прикинул Остащенко.

— Как поедем, Коля? — оставил выбор за ним Кавказ.

— Через «ворота», — недолго поколебавшись, решил он.

Аттила свернул налево, и уже через несколько километров ничто не напоминало о войне. Буйная южная природа успела затянуть зелеными «бинтами-повязками» шрамы-окопы и язвы-воронки. Вскоре дорога превратилась в еле заметную желтую змейку, извивавшуюся по узкому горному карнизу. Скалы все ближе подступали к обочине. Из ущелья поднимался пропитанный прелью прошлогодних листьев молочный туман и косматыми языками напелзал на дорогу. Полумрак сгущался, но Аттила каким-то чудом угадывал очередной поворот, и УАЗ, натужно гудя, взбирался на новый подъем. Серая лента дороги все туже скручивалась в спираль, и, казалось, еще немного и они сорвутся в пропасть. Вспышка солнечного света разорвала туман, скалы расступились и впереди, среди горного разлома, напоминая гигантский створ, возникли знаменитые «Райские ворота». Перед спуском Аттила притормозил, и от открывшейся панорамы у Николая и Юрия захватило дух.

У их ног широко и привольно раскинулась знаменитая Кодорская долина. С высоты птичьего полета она походила на огромный ковер, вытканый серебристыми нитями бесчисленных речушек и ручьев. Живописные склоны гор, густо поросшие буковыми и дубовыми лесами, искрились в лучах солнца хрустальным блеском водопадов. Покрытые вечными ледниками величественные вершины холодно блистали на фоне бирюзового неба.

— Фантастика! — воскликнул потрясенный Остащенко.

— Настоящий рай! — не меньше его был поражен Кочубей.

— Рай, который по ночам превращается в ад! — с ожесточением произнес Кавказ и кивнул головой в сторону северных склонов.

— Трусливые шакалы! Днем боятся высунуться из своих нор! — гневно сверкнул глазами Аттила.

Кочубей бросил беспокойный взгляд по сторонам, следы дороги терялись в густой траве, и вопросительно посмотрел на Кавказа.

— Все нормально, Коля! Проскочим по левому склону к ручью, а дальше нормальная дорога до самого моста, — пояснил он и предупредил: — Аттила, только поаккуратнее!

— Не первый раз! — самоуверенно ответил тот и отпустил педаль тормоза.

УАЗ, накручивая замысловатую спираль, медленно пополз вниз. Дорога с трудом угадывалась среди разросшегося кустарника, и, если бы не следы колес, оставленные машиной рейдовой группы, им бы было не так просто найти путь в зарослях терновника. Спуск подходил к концу, за деревьями серебристой полоской блеснул на солнце ручей, и Аттила нажал на газ. Взревев двигателем, УАЗ влетел в воду, перед капотом взметнулась мутная волна, и у самого берега заскреб колесами по дну. Напрасно он давил на газ, машина встала как вкопанная, и, когда осела муть, из воды проглянула растопырившаяся, словно осьминог, коряга.

— Сели на мертвый якорь! — в сердцах произнес Остащенко.

— Ерунда, сейчас выберемся! — заверил Аттила и дал задний ход.

— Стоп! — закричал Кавказ.

Но было поздно, УАЗ заглох и сел на оба моста, в кабину через все щели хлынула вода. Похватав оружие и сумки, Юрий, Николай и Кавказ бросились к берегу. Ледяная вода холодным огнем обжигала живот, стремительный поток путал ноги и пытался опрокинуть в воду. Аттила, оставшись в машине, предпринимал отчаянные усилия выбраться из ручья, но УАЗ так и не сдвинулся с места.

Кочубей, выбравшись на берег, потерянно смотрел на безнадежно застрявшую машину и мечущегося в ней Аттилу. В душе он клял себя за опрометчивость. Со Стельмахом ему фатально не везло. Всего несколько часов отделяли его



от встречи с Хартом, но он был бессилен им помешать. Вся надежда была на Быстронога.

— Юра! — позвал он нахохлившегося Остащенко и поторопил: — Разворачивай «Спутник»! Свяжемся с Борисом!

Тот расстегнул сумку, достал кейс с аппаратурой спутниковой связи и быстро развернул ее. Быстроног не заставил себя ждать и сразу же ответил на вызов.

— Где «Штабист»? — был первый вопрос Кочубея.

— Уже в дороге.

— Как ведет себя Харт?

— Проехал Агудзеру.

— Что?! — у Кочубея перехватило дыхание.

— Проехал Агудзеру. Их ведет Тимур, — повторил Быстроног.

— Боря, я тебя прошу! Нет, умоляю, сделай все возможное, но он не должен пересечься со «Штабистом»! Ты меня понял?

— Понял, понял! А что случилось?

— Мы застряли в «Веселом ручье».

— Черт вас туда понес!

— Хотели покороче, а завязли по самые...

— Вот же е... — выматерился Быстроног.

— Боря, на тебя вся надежда! Делай, что хочешь! Ну, ты понял? — просил и требовал Кочубей.

— Все будет путем! — заверил тот и пообещал: — Как только разберусь со «Штабистом» и американцем, организую помощь.

— Не надо! Выберемся сами! Главное «Штабист»! «Штабист»!.. Все, конец связи! — закончил разговор Кочубей.

Пока шли переговоры, Кавказ времени даром не терял и появился из лесу с охапкой сушняка. За эти минуты в нем произошли заметные изменения. От былой вальяжности не осталось и следа. Своей походкой и движениями он теперь напоминал большую кошку на охоте.

— Ты что, ночевать собрался? Нам же на пост надо! — набросился на него Остащенко.

— Разведем костер, подсушимся, а потом посмотрим, — невозмутимо ответил Кавказ.

— Какой костер?! Время уходит! — опешил Кочубей.

— Коля, я не знаю, когда мы вытащим этот тарантас, но гарантирую, еще полчаса на таком ветерке — и ты получишь воспаление легких.

— Это точно, — согласился Юрий.

Холодный озноб сотрясал его тело, на посиневшем лице лиловым рубцом проступил след шрама, и он присоединился к Кавказу. Тот быстро развел костер, а когда пламя запылало, стащил с себя мокрый камуфляж и развесил на ветках. Николай с Юрием последовали его примеру. Вскоре к ним присоединился Аттила. У бедняги от холода свело челюсти, Кавказ сунул ему фляжку с чачей, и он, не поперхнувшись, пил ее, как воду. Тепло костра и градус чачи вернули им настроение, и они снова занялись машиной, но так и не смогли вытащить ее из водного плена. Свинцовая усталость и быстро наступившая темнота заставили их подумать о ночном лагере. Кавказ со знанием дела занялся его обустройством, Кочубей не вмешивался, но те предосторожности, что он предпринимал с Аттилой, показались ему излишними. Едва заметные в зарослях терновника проходы, ведущие к поляне, они перегородили растяжками, затем разожгли по кругу четыре костра, а когда они погасли, забросали сверху лапником и обложили бревнами.

— А это зачем? — недоумевал Кочубей.

— У них мощная оптика, а так нас не засекут, — пояснил Кавказ.

— Думаешь, боевики появятся?

— Коля, береженого бог бережет, — согласился с ним Юрий.

И когда охрана лагеря была организована, они, поужинав сушеной хурмой и чурчхелой, прихваченной с собой запасливым Аттилой, разошлись по местам. Кочубей прилег на

лапник. От прогретой костром земли потягивало тепло. Ее запах, к которому примешивался запах хвои, приятно кружили голову; он, подложив под голову сумку, смотрел на завораживающую звездную россыпь южного неба. Оно бархатистым покрывалом раскинулось над холодно мерцающими в блеклом лунном свете ледниками, покрывавшими вершины Лахты, Гуарата и Шхапизги. В долинах, среди лесов, как на гигантском экране, серебристой паутиной проступили реки и речушки. Причудливыми замками отражались неприступные скалы на безбрежной глади озера Амткял.

Тепло земли и безмятежная тишина клонили в сон, глаза сами закрывались, и, чтобы не уснуть, Кочубей время от времени пощипывал себя за руку и все чаще поглядывал на часы. До смены с поста оставались считанные минуты, когда яркая вспышка в том месте, где Кавказ ставил растяжку, разорвала ночной мрак. Еще не успели утихнуть раскаты взрыва, как на поляну обрушился шквал огня. Свинцовый рой жалил и терзал ночную тьму. Стрельба велась со стороны ручья и западного склона.

Первым дал отпор Кавказ, к нему присоединился Юрий. Их прицельные автоматные очереди заставили захлебнуться огневые точки боевиков, засевших у ручья. Тяжелее всего приходилось Аттиле, на него наседали с трех сторон, и он, экономя патроны, отвечал одиночными выстрелами. Николай пришел в себя и поспешил ему на помощь: перекатившись под защиту валуна, он стал очередь за очередью посылать в темноту, огрызавшуюся спящимися вспышками выстрелов. Липкий страх, который в первые секунды сковал его, уступил место ярости и злости. Он не слышал свиста пуль, не прятал головы и с остервенением давил пальцем на спусковой крючок.

Новый взрыв — это Кавказ пальнул из подствольника по злобно гавкавшему пулемету — долгим эхом пошел гулять по горам, и, когда оно стихло, хрупкая тишина вновь воцарилась на поляне.

- Коля, Юра, как вы? — окликнул Кавказ.
- Нормально! Живы! — отозвались они.
- Оставайтесь на месте. Я с Атти проверю у ручья! —

распорядился он.

И две тени ящерицами соскользнули в кустарник. Кочубей и Остащенко остались в укрытиях и, не выпуская из рук автоматов, внимательно ловили каждый шорох и каждый звук, но так и не услышали, как они возвратились.

— Трусливые шакалы! — раздался голос Аттилы.

— Твари! — с презрением бросил Кавказ и предупредил: — Расслабляться не надо! Дежурим до утра!

На смену заступили Юрий с Аттилой. Кочубей вернулся на место и долго не мог уснуть, он все еще жил недавним боем. Но усталость взяла свое, перед рассветом его сморил сон. Разбудил его гул мотора и громкие голоса. На берегу ручья стоял залепленный грязью до самого верха УАЗ, а перед ним, ругаясь и проклиная боевиков, топтались Аттила и Кавказ. В ночной перестрелки машине досталось больше всего, на месте лобовых стекол зияли темные провалы, а задняя часть кабины напоминала решето. К счастью, двигатель был не задет и, сипло почихивая, чадил сизым дымом.

— Как вытащили? — поразился Николай.

— Повезло! За ночь вода сошла, а остальное уже дело техники, — пояснил Кавказ.

— Ехать можно?

— С грехом пополам доберемся.

— Тогда загружаемся?

— Да!

— А как боевики? — напомнил Николай о событиях прошлой ночи.

— Было несколько подранков, унесли с собою.

— А если засада? — высказал опасение Остащенко.

— Шакалы кусают из-за угла и по ночам, — развеял его Кавказ.

— Едем, но в Сухум! — поторопил Кочубей.

Перетащив вещи и оружие, они забрались в машину. На удивление УАЗ легко взял первый подъем и потом до самого моста над рекой Кодор ни разу не заглох. Оставшиеся сорок километров до Сухума их сопровождали сочувствующие взгляды встречных водителей и гаишников. В городе их ждал изрядно перенервничавший Быстроног и завтрак в столовой. Кавказ с Агтилой вежливо отказались и отправились к себе на базу, а Юрий с Николаем, забыв про завтрак, набросились с вопросами Бориса.

— Где Стельмах?

— Где Харт?

— Встреча состоялась?

— Что удалось получить?

— Я их развел, — не стал вдаваться в подробности Быстроног.

— Каким образом? — удивился Кочубей.

— Очень просто. Через коменданта района завернул американца обратно.

— И что он?

— А ничего. Когда сказали про боевиков, рванул в Сухум так, что только пятки засверкали.

— Интересно... — росло удивление Кочубея.

— Странно! Харт — разведчик и, если ехал на встречу со Стельмахом, боевики ему не помеха, — не меньше его был озадачен Остащенко.

— Ладно с ним, а что Стельмах? Как себя вел? — продолжил расспрос Николай.

— Как все. Ничего подозрительного.

— А если Кодор — отвлекающий маневр? — предположил Юрий.

— Вряд ли, слишком сложно и с точки зрения логики нерационально. В любом случае, если мы сорвали им явку, они будут ее проводить в городе, и здесь нельзя сбрасывать со счетов закладку тайника, — заключил Кочубей.

— Как вариант, да! — согласился Быстроног.

— А раз так, надо поднять все маршруты Стельмаха и американцев по Сухуму.

— Уже сделал.

— Молодец! И что получается?

— А ничего! Они нигде не пересеклись.

— Тогда за каким чертом Стельмаха понесло в Абхазию?! — недоумевал Остащенко.

Не менее его был озадачен Кочубей. Мысленно он пытался выстроить логическую цепочку действия Стельмаха и Харта, но из этого ничего не выходило. Из тех фактов, что были известны, никак не складывалась «шпионская версия». Он зашел в тупик.

— Ребята, я, кажется, знаю, где «собака зарыта»! — этот радостный возглас Быстронога заставил Кочубея встрепетаться.

— Какая?! О чем ты, Боря? — не мог понять он.

— Все упирается в дом!

— Дом? Какой еще дом?!

— Обыкновенный! Наши их тут влет берут.

— Но при чем здесь Стельмах? — был совершенно сбит с толку Николай.

— При том! Когда они вернулись из Кодора, он тут же рванул в «Парус» на встречу с одним абхазом.

— И что?

— А то! Разговор шел о покупке дома в районе «Маяка». Мой человек тому свидетель, Стельмах выложил задаток — пять тысяч баксов!

— Вот невезуха, еще один шпион кончился! — и кулак Остащенко грохнул по столу.

— Юра, да подожди ты с похоронами! Слов нет, дом — серьезный аргумент в пользу Стельмаха, но еще не вечер, будем отрабатывать шпионскую версию до конца, — продолжал цепляться за соломинку Кочубей.

— Время еще имеем, — вяло поддержал Быстроног.

— Плюс сауна, и там, Боря, его надо вывернуть наизнанку.

— У меня все готово, люди заряжены, — заверил он.

— А тени, как прошлый раз, не стоят? — мрачно обронил Юрий.

— Если и стоят, то вместе со Стельмахом, — буркнул Быстроног.

— Тоже результат. Закроем дело в связи со смертью проверяемого.

— Юра, перестань зубы скалить, не до того! Боря, по сауне кто работает? — гнул свое Кочубей.

— Долуга.

— Во сколько начало?

— В девятнадцать!

— В восемнадцать собираемся тебя! А пока отбой! — закончил разговор Кочубей.

В оставшиеся время Быстроног их больше не потревожил. Стельмах до ужина добросовестно просидел в кабинете начальника штаба, отрабатывая итоговую справку по результатам проверки, потом вместе с начальником тыла отправился в сауну. К тому времени отдохнувшие и освежившие после сна Кочубей с Остащенко подошли в кабинет Быстронога и вместе с ним с нетерпением дожидались результатов мероприятия «сауна». Время приближалось к одиннадцати, когда к ним присоединился Долуга. Пришел он не с пустыми руками — копии записной книжки с номерами телефонов и адресами и база данных сотового телефона Стельмаха стали первой крупной удачей за четыре дня.

— Молодец, хорошая работа! — похвалил Кочубей и попросил: — Боря, надо сделать копию, возьмем ее с собой в Москву.

— Никаких проблем! — заверил Быстроног и распорядился: — Серега, задачу понял?!

— Не вопрос, Борис Юрьевич, сделаю! — заверил он и исчез в соседнем кабинете.

Через десять минут в кармане Кочубея лежали два диска с материалами, а спустя час Долуга доложил, что Стельмаха в горизонтальном положении переместили из сауны в но-

мер гостиницы. В этом состоянии от него вряд ли можно было ожидать каких-либо шпионских штучек, и они тоже отправились отдыхать.

На следующее утро, в половине восьмого, ровно минута в минуту, со стоянки перед «высоткой» донесся характерный скрип тормозов УАЗа. Остащенко выглянул в окно, снизу ему махал Быстроног.

— Сейчас идем, Боря! — откликнулся он и, подхватив сумки, вместе с Кочубеем прошел к лифту.

Угрожающе поскрипывая, кабина медленно поползла вниз, на выходе из нее их поджидал Быстроног.

— Как Стельмах? — первое, что спросил Кочубей.

— Пластом пролежал в номере. Полчаса назад «никакой» вместе с оперативной группой выехал в Сочи.

— Прикрытие надежное?

— Более чем. Тимур со своими ребятами и пара «моих глаз» в машине.

— Тогда вперед! — распорядился Николай и направился к УАЗу.

Юрий открыл заднюю дверцу и замер с сумками. Все сиденье было завалено свертками с сушеной хурмой, инжиром и чурчелой. Под ними проглядывали две десятилитровых баклажки с вином.

— Боря, ты что?! — опешил он.

— Юра, а как все это тащить в самолет? — растерялся Кочубей.

— А чего тут тащить? Поехали! — остался непреклонен тот.

Смирившись, они забрались в машину и потом с тихой грустью провожали взглядами цветущие сады и виноградники, укутанные нежной бело-розовой пеленой. Вскоре в утренней дымке растаяли многоэтажки Нового района Сухума, арки Гумистинского моста превратились в тонкую ажурную вязь. УАЗ из последних своих «железных сил» вскарабкался на перевал и, выпустив облако сизого дыма, бодро покотился вперед. Справа промелькнула поблекшая вы-



веска некогда знаменитого ресторана «Ущелье», созданного самой природой у каскада водопадов, после него начался затяжной спуск по «тещиному языку».

«Абхазская теща» ничем не уступала «русской». Серая лента дороги злобно шипела под колесами и все норовила скользнуть в сторону пропасти. Миша, поигрывая тормозами и бешено вращая рулем, ловко уворачивался от свирепо оскалившихся каменных разломов скал и чудом удерживал машину на краю бездны. Из нее доносился грозный рев бесноватшейся в каменных теснинах реки. Николай с Юрием перевели дыхание, когда дорога, описав последний крутой вираж, резво скатилась в поселок Новый Афон.

В Абхазии великое множество изумительных мест, которые поражают самое буйное воображение, заставляют трепетать самые холодные сердца и воспаляют взор самого закоренелого скептика. Но, пожалуй, нигде она не была так щедра, как у подножия Анакопийской горы.

— Вот это красотища! — воскликнул пораженный Юрий.

— Боря, пусть Миша притормозит, и мы посмотрим, — попросил Кочубей.

Он глянул на часы и предложил:

— Время еще есть, может, заскочим в монастырь?

— Давай!

— Миша, ты понял куда? — спросил Быстроног водителя.

— К отцу Дорофею? — догадался тот.

— Верно! Как проедем озеро, сразу направо!

— Помню, Борис Юрьевич, — подтвердил Михаил, сбавил скорость и стал глядываться в стену густого кустарника, чтобы не пропустить нужный поворот.

Прошло несколько минут, впереди показалось небольшое озеро с рестораном-поплавком посередине, сразу за ним он свернул направо. И здесь война вновь напомнила о себе. Каменным оскалом развалин она выверилась из зарослей разросшегося бамбука и инжира. За иссеченной осколками

древней генуэзской аркой дорога резко пошла вверх и закончилась на крохотной площадке у монастырских стен. Они выбрались из машины и подошли к краю обрыва.

Далеко внизу алмазной тетивой от мыса у поселка Верхних Эшер и до подножия Анакопийской горы сверкала и искрилась кромка морского прибоя. По концам этого гигантского лука тугими узлами вспучилась гряда прибрежных скал. Разросшиеся среди каменных разломов туи и сосны напоминали диковинные малахитовые пряжки на гранитном панцире воина. За западным мысом, в морской дымке, диковинными айсбергами-многоэтажками угадывалась красавица Гудаута. По южному склону горы расплавленным серебром растекались эвкалиптовые и оливковые рощи. В приморском парке огненно-красными кострами полыхали кусты олеандра. Гигантскими зелеными свечами взметнулись к небу строгие кипарисы. Они, словно часовые вечности, выстроились в почетном карауле у усыпальницы апостола Христа-Симона Кананита. И в этой благостной, дышащей неземным покоем тишине чуткое ухо Юрия уловило грозный гул.

— Что это? — насторожился он.

— Водопад, точная копия греческого Афонского, — пояснил Быстроног.

— Не только водопад, но собор тоже, — дополнил Кочубей.

— Все это сделали сами монахи, даже водопроводные трубы отлили из свинца, — снова сел на своего «абхазского конька» Борис.

— Те самые трубы, что за семьдесят лет советской власти не смогли растащить на грузила, — вспомнил Кочубей известную среди афонцев шутку.

Юрий с грустью посмотрел на облупившиеся местами монастырские стены и спросил:

— А что здесь теперь?

— Духовное училище; как говорится, «сеют доброе и разумное», — философски заметил Быстроног.

— Да, все возвращается на круги своя! На штыках долго не усидишь, — согласился с ним Остащенко.

— С Абхазией так и вышло. Мир здесь наступил, когда пришли монахи и принесли с собою Слово. А цену ему на Кавказе хорошо знают. Недаром сам император Александр приезжал сюда на закладку первого камня. Абхазы это оценили и больше не восставали.

— Кто-то из великих сказал: «Сила — не в мече! Сила — в правде!», — вспомнил Кочубей.

— Вот и вас, ребята, на философию потянуло. Рано или поздно, это с каждым в Абхазии происходит, — с мягкой улыбкой произнес Борис и прошел к монастырским воротам. Они оказались заперты.

— Наверно, спустились вниз в сад, — предположил он.

— Боря, может, заглянем на госдачу к Тимуру? — предложил Николай.

— А что, хорошая мысль! — поддержал он.

Госдача «Сталина» располагалась рядом, и по едва заметной среди зарослей лавра дороге они проехали вверх и остановились перед покосившимися металлическими воротами. О том, что когда-то это был особо охраняемый объект, напоминали высокий ржавый забор и пустые глазницы прожекторов на сторожевых вышках. В облупившейся будке охраны никого не оказалось, а стекло смотрового окошка покрывал густой слой пыли.

— Да-а! Тут служба не просто спит, а давно умерла, — с иронией произнес Юрий.

— Это, только кажется; если...

Но закончить фразу Быстроног не успел. Позади будки затрещали кусты, и из них вышел бородатый «абрек». За его спиной небрежно болтался автомат, а в руках поблескивала заточенная до зеркального блеска коса.

— Берии с топором для компании не хватает, — вспомнил про историю на «Холодной речке» Николай.

Бородач неспешно подошел к машине, подозрительным взглядом прошелся по ней, пассажирам и спросил:

— Кто такие?

— Свои! К Тимур, — не стал вдаваться в подробности Быстроног.

Но «афонский цербер» не спешил открывать ворота, и ему пришлось пояснить:

— Я из военной контрразведки, а это мои друзья.

Больше вопросов «борода» не задавал, приналег на створки ворот, и они, пронзительно взвизгнув, распахнулись. Миша, ни разу не заплутав, уверенно вел машину по хитро петлявшей среди подзаросшего мандаринового сада дороге. Как и все «дачи Сталина», новоафонская появилась неожиданно. Густые заросли мимозы и олеандра расступились, и за ними возник одноэтажный, выкрашенный в зеленый цвет особняк. На стоянке их встретил раздобревший раньше времени крепыш лет сорока. Его излишняя полнота скрадывалась энергичными движениями. Смуглое, открытое лицо украшали неизменные для абхаза щегольские усики, а жгуче-черные глаза пытливо всматривались в гостей.

— Здравствуй, Борис! Давненько не заглядывал, — как старого знакомого приветствовал он Быстронога.

— Все дела, Тимур! Извини, что без звонка.

— Какие могут быть извинения! Гостям мы всегда рады! — широко улыбнувшись, ответил он.

— Николай и Юрий, — представил Быстроног своих спутников, его голос потеплел, когда речь зашла о «хозяине» госдачи: — Тимур Папба — комендант госдачи, во время войны комиссар батальона, замечательный рассказчик и...

— Перестань, Борис! Какой я комиссар, так, бывший пожарник. Это война сделала за нас выбор и определила каждому свое место в строю.

— Да, натворила она тут бед! Только что своими глазами видели. Такое место в каменоломню превратили! — печально произнес Юрий.

Упоминание о войне мрачной тенью отразилось на добродушном лице Тимура, и он с ожесточением заметил:

— Разве развалины самое страшное?! Рано или поздно все отстроим! А как быть с горем и ненавистью, что поселились в наших сердцах?! Как?! — и, тяжело вздохнув, продолжил: — Страшны были не смерть и страх, с ними рано или поздно свыкаешься, а предательство и подлость. Они, как грязь во время потопа, полезли из самых темных щелей человеческой души. Предавали, вешали, сжигали и грабили не какие-то инопланетяне, а те, с кем рос, дружил и делил хлеб-соль. Мне повезло. За все войну ни одной царапины, и родные, слава богу, живы, а как быть с теми, у кого изнасиловали сестру, живьем зарыли мужа, мать, отца?! Как?.. Умом понимаешь, что с соседом-врагом рано или поздно придется мириться, но сердцу не прикажешь! — и, смутившись из-за этой вспышки чувств, Тимур извинился: — Ради бога простите, что с гостями не о том заговорил. Подождите немного, и будет хлеб-соль.

— У нас всего полчаса, — попытался отказаться Быстроног.

— Боря, а что люди скажут?! У Тимура вино кончилось?

— Может, в следующий раз, а сейчас посмотрим дачу, — предложил Кочубей.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился Тимур, провел к «даче Сталина» и распахнул тяжелую дубовую дверь.

Из глубины комнат потянуло затхлым запахом отсыревшего дерева. Время и безденежье наложили свой отпечаток на «дачу Сталина». Рисунок паркета потускнел, а половицы кое-где потрескивали под ногами. Деревянные панели и резные, из капа потолки местами, как лицо старца, избороздили глубокие морщины-трещины. Обивка диванов и кушеток выцвела и потускнела. Батареи телефонов в кабинете и зале заседаний давно и безнадежно молчали.

— Ну и тоска, — зябко повел плечами Юрий и двинулся на выход.

— Тогда пройдем в другое местечко, там будет веселее, — предложил Тимур.

— Спасибо, но нам пора, — напомнил Быстроног.

— На пару минут, Боря?

— Если только на пару, — согласился Кочубей.

Без большого сожаления он, а с ним Юрий и Николай оставили мрачный зал заседаний. Вслед за Тимуром они обошли дачу, поднялись на летний балкон и через боковую дверь вошли в бильярдную. После смерти Хозяина в ней мало что изменилось. Окна закрывали плотные шторы, мягкий свет светильников матовыми бликами отражался от стенных панелей и бортов великолепного бильярдного стола. На экране домашнего кинотеатра, сжавшись в кучку, поеживались их тени. Кроме десятка кресел и старомодного круглого стола, занимавшего простенок между окон, другой мебели в зале не было. На нем, под полотенцем, что-то загадочно топорщилось, это оказались: трехлитровый графин с вином и ваза с фруктами.

— Зачем? Это лишнее, — возразил Кочубей.

— Тимур, мы так не договаривались! — поддержал его Быстроног.

— Боря, мы в Абхазии или где? — был неумолим он и, разлив вино по стаканам, поднял тост: — За друзей!

А когда выпили, предложил:

— Одну партейку в бильярд!

— С удовольствием, но в другой раз, — отказался Кочубей.

— Дорогой, зачем себе в нем отказывать?

— Коля, быть здесь и не сыграть на бильярде Сталина — грех! — поддался искушению Юрий.

— Ладно, только блиц! Разбивает хозяин! — согласился он.

Тимур выставил на стол биток, склонился над бортом и легким, изящным движением закрутил «рыжего». Шар чуть коснулся пирамиды, стремительно скользнул по столу и нырнул в левую лузу.

— Мастерский удар! — похвалил Остащенко.

— Да, Юра, нам с тобой тут ловить нечего, — согласился Кочубей и бросил взгляд на часы.

До отлета самолета оставалось всего два часа. С трудом отказавшись от предложения Тимура пропустить еще по стаканчику, они покинули бильярдную. Он проводил их до машины и в последний момент все-таки умудрился запихнуть бутылку вина. Миша отпустил тормоза, и УАЗ, набирая скорость, покатился вниз. Слева промелькнула постовая будка, бородатый «абрек» с автоматом и косой, впереди показалась искромсанная осколками от авиабомбы въездная арка гемузской стены, а Николай с Юрием продолжали хранить молчание. В их памяти все еще звучали слова Тимура: «Я жду вас, ребята! В Абхазии есть все для сердца и души!»

С тихой грустью они покидали этот опаленный войной райский уголок земли, оставляя в горах частичку своего сердца и унося в душе то искреннее человеческое тепло и доброту, что нашли в Тимуре, Кавказе и Атилле. На их долю выпали тяжкие испытания, обернувшиеся потерями близких и друзей, но они не очерствели и не озлобились. Им и тысячам других абхазов, русских и армян, выстоявшим и победившим в недавней войне, уже не были страшны ни власть, ни слава, ни богатство. Испив до дна чашу поражений и побед, они теперь твердо знали, что священные слова «Родина» и «Друг» стоят дороже, чем все золото остального благополучного и сытого мира.

## Глава 10

В 16.20 авиарейс Сочи — Москва приземлился в аэропорту Внуково, и Кочубей с Остащенко в числе первых вышли на трап. Весна снова вернулась в столицу, и о былом ненастье напоминали лишь поблескивающие в лучах солнца лужи на бетонке и сломанные градом ветки деревьев. Пять дней командировки, проведенные в Абхазии, пролетели, как один день, и хорошее настроение, с каким они возвращались на службу, не подпортило даже то, что им так и не удалось добыть прямых доказательств шпионской деятельности Стельмаха. Это уже было дело начальства — оценивать результаты их работы, и оно не заставило себя ждать. Отделовский водитель Витюха, откатывавший последние денечки перед дембелем, не успел еще загрузить в багажник спортивные сумки и пакеты с подарками Бориса Быстронога, как зазвонил сотовый Кочубей.

— Здравствуй, Коля, вы где? — с этого начал разговор Агольцев.

— В аэропорту. Грузимся в машину. Быстроног тут столько...

— Мне сейчас не до Быстронога! Немедленно на Лубянку! — оборвал Агольцев.

— Обоим? — уточнил Кочубей.

— Да!



— Виктор Александрович, а может, я один доложу, Юре с «Белорусского» полтора часа до дома добираться.

— Я, кажется, ясно сказал — оба! И быстрее! — категорично потребовал Агольцев.

— Что стряслось? — насторожился Остащенко.

— А черт его знает?! Шефа какая-то муха укусила. Слушать даже не захотел, — не мог понять такой спешки Кочубей.

— Товарищ подполковник, с двадцать восьмого усиленный режим службы, — подал голос Витюха.

— А... понятно! С Абхазией про все на свете забудешь, — вспомнил о наступающих майских праздниках Юрий.

На выезде из аэропорта и по дороге к Москве яркие плакаты напоминали о том, как в цветущем и ликующем мае сорок пятого в поверженном Берлине русский солдат поставил победную точку в самой кровавой войне двадцатого века. По-особенному предпраздничная атмосфера ощущалась на Лубянке. Несмотря на то что рабочий день подошел к концу, во внутреннем дворе царил деловая суета. Выездные ворота не закрывались, дежурные машины с оперативными группами одна за другой уносились в город и, вгрызаясь в автомобильную лаву, под надрывный вой сирен прорывались к месту очередного тревожного вызова. В самом здании, в коридорах стоял тревожный гул голосов, а в кабинетах раздавались требовательные звонки.

Угрозы террористов Басаева и Масхадова «превратить девятого мая Красную площадь в одну братскую могилу» были не пустым звуком. Накануне на подходах к столице оперативно-розыскные группы ФСБ и МВД перехватили двух шахидок-смертниц с полным боевым снаряжением. Чуть раньше, в районе Балашихи, на заброшенной даче был обнаружен тайник с взрывчаткой. Третьи сутки шел розыск затаившейся в ближайшем Подмосковье крупной группы боевиков. В конце апреля, по разведанным ГРУ, она после специальной подготовки на тайных базах в Панкисском ущелье Грузии просочилась через границу и в любой момент могла нанести удар.

Поднимаясь по лестнице и лоя на своих загорелых и вызывающе свежих лицах грустные взгляды коллег, Николай с Юрием чувствовали себя без вины виноватыми, и в кабинет Агольцева вошли, уже не помышляя об отгуле. Его посеревшее от усталости лицо и осипший голос заставили их подтянуться.

— Виктор Александрович, разрешите доложить о результатах командировки и приступить к работе? — бодро произнес Кочубей.

Тот вяло пожал руки и мрачно обронил:

— Не мне, Коля, а Бармину и немедленно!

— Не понял?! Я ему все утром из Сухума сообщил, — удивился тот.

— Это у него спрашивайте! Он мне уже телефон оборвал.

— А что случилось? — не мог понять такой спешки Остащенко.

— Не знаю, Юра! Не знаю! Он ничего не говорит. Давайте, ноги в руки и бегом на седьмой этаж! — поторопил Агольцев.

Кочубей с Остащенко переглянулись, на Бармина это было не похоже, и, теряясь в догадках, поднялись к нему. В приемной царил непривычная тишина. Секретарь отдела, уткнувшись в компьютер, набирала очередную докладную после правки генерала.

— Здравствуйте, Галина Николаевна! — дружно поздоровались они.

— Ой, ребята! Как вы загорели! — с улыбкой встретила их она.

— Еще недельку — и на негров были бы похожи, — пошутил Юрий и, выложив на стол пакеты с сушеной хурмой и чурчелой, предложил: — Утощайтесь, эликсир здоровья и молодости из солнечной Абхазии.

— Зачем, ребята?! И так много!

— Берите, берите! Мы целый мешок привезли, на весь отдел хватит, — заверил ее Кочубей и затем поинтересовался: — Как шеф? С какой руки лучше подходить?

— Какая тут рука, — сразу погрузилась секретарь. — Последний час никого не принимает, только и спрашивает про вас.

— Вот так всегда. Стоит уехать, и сразу всем нужен, — хмыкнул Юрий.

— С чего бы это, Галина Николаевна? Ордена вроде еще не заслужили, — в тон ему произнес Кочубей.

— Ой, не знаю, Коля. До обеда все было нормально, а потом будто подменили, — посетовала она и поспешила зарыться в бумаги.

— Чего гадать, сейчас узнаем! — и Остащенко решительно постучал в дверь.

— Разрешите войти, товарищ генерал? — переступив порог, спросил Кочубей.

— Заходи! — голосом, ничего хорошего не сулящим, ответил тот.

Николай поежился и застыл на месте. За ним протиснулся Юрий, стрельнул настороженным взглядом по застывшей в кресле фигуре и тоже сник. Бармин не предложил присесть, и, когда поднял глаза, внутри Кочубея екнуло.

— Разрешите доложить, товарищ... — но закончить фразу ему не удалось.

— Докладывать, говоришь?! За вас уже доложили! — и, наливаясь гневом, Бармин прорычал: — У тебя что, от водки башку совсем снесло?

— Какая водка!? О чем вы говорите!?

— Это не я говорю! Это ГРУ пишет, как ты с Остащенко пол-Сухума разнес!

«ГРУ?.. Пол-Сухума?» Кочубей начал соображать, откуда ветер дует, и попытался объясниться:

— Извините, товарищ генерал. Дело в том, что...

Бармин не хотел ничего слышать и, потрясая листом бумаги, сорвался на крик:

— Что-о?! Кто устроил дебош в кабаке? И с кем?! С объектом проверки!.. Вы хоть понимаете, чем это пахнет?!

— Товарищ генерал! Прошу выслушать...

Но того было не остановить, он рвал и метал. Стены кабинета содрогались от гнева хозяина. Остащенко даже не пытался открыть рта и понуро смотрел в пол. Он представлял, какую «телегу» могли накатать на них «грушники», а если она еще прокатилась по самым верхам, то это был полный аут. Судя по реакции Бармина, так оно и вышло. Разнос «на большом ковре» читался на лице расвирепевшего генерала.

— Авантюристы! Это же надо такое дело завалить!.. Прогрели до самого директора! — продолжал бушевать он.

— Директора? — потухшими голосами повторили Николай с Юрием.

— Вы же у нас самые крутые! Что там какие-то Бармин и Градов! Вам подавай самого директора...

— Товарищ генерал! Алексей Анатольевич, дайте хоть слово сказать! — пытался вставить слово Кочубей.

— Хватит! Уже так сказали, что весь департамент трясет! Рапорта на стол! — сказал как отрезал тот.

Николай побледнел и звенящим от напряжения голосом спросил:

— Когда?

— Сейчас! Писать и ничего не замазывать! Все до деталей!

— А кому они нужны, если за нас все написали, — огрызнулся Остащенко.

— Помолчи! Тоже мне поручик Ржевский. У тебя что, мозги от водки совсем растеклись?! — рыкнул Бармин и распорядился: — Даю час, а потом с рапортами ко мне! Писать, все как было в той чертовой «Басме»!

— «Басле», товарищ генерал, и Коля здесь не при чем! Это я виноват, — взял на себя вину Юрий.

— Решения принимал я, мне и отвечать! — не стал прятаться за его спину Кочубей.

— Виноват, не виноват! Решения! А где ваши головы были, когда их принимали?! — все еще кипел от возмущения

Бармин и, махнув рукой, отрезал: — Герои! Хватит друг дружку выгораживать! Идите!

Осташенко и Кочубей, ошарашенные и раздавленные, вылетели в приемную. Бармин, который редко когда повышал голос, сегодня буквально «втоптал» их в пол. Похоже, дела были совсем плохи, и им уже рисовались самые мрачные картины будущего. Секретарь участливо посмотрела на их битый вид и робко предложила:

— Ребята, может по чашечке кофе?

— Лучше по стакану водки, — буркнул Юрий, вслед за Николаем прошел в пустой кабинет и, захлопнув дверь, дал себе волю: — Вот же сволочи! Сами, как свиньи, чачу жрали, а нас подставили. Знал бы кто, я бы его вместо Стельмаха по стене размазал.

— Какая сейчас разница, кто? Теперь надо думать, как отмыться, — терзался Николай.

— Отмоют! Под зад коленом, — мрачно обронил Юрий.

— С чего ты взял?

— А про рапорта я, что ли, придумал?

— Речь шла про Стельмаха и «Баслу».

— Хрен редьки не слаще! Вот же заразы! Там замяли, а тут все вылезло! — сокрушался Осташенко.

— Дурак! Надо было сразу доложить, — казнил Кочубей.

— А что бы изменилось? Все равно бы телегу накатали.

— Накатать бы накатали, но откат был бы другой и Бармина бы не подставили. А тут...

— Да, Анатоличу не позавидуешь, генерала и мордой по «батарею». Таким я его еще не видел. С должности может слететь, а нас точно в шею погонят! — заключил Осташенко.

— Юра, кончай накручивать, и без того тошно! Не все потеряно; если разобраться, то операцию мы не завалили. Ну, морды набили, зато не дали Стельмаху выйти на амери-

канцев и сбросить информацию. Тебя он не расшифровал и все принял за чистую монету. То, что его дружка за американца приняли, ну, с кем не бывает, — искал оправдания Кочубей.

— Действительно, а что мы такого сделали. Как говорится, проявили разумную инициативу, — вторил ему Юрий.

— Это начальство будет решать. Нам бы сейчас грамотно отписаться, — и, тяжело вздохнув, Николай сел писать рапорт.

За соседним столом, пыхтя как паровоз и через слово поминая «доброжелателей», Остащенко медленно выводил каждую строчку. К исходу второго часа терпение у Бармина иссякло, он появился в дверях и с раздражением бросил:

— Вы что, книгу пишете?

— Рапорт в деталях, — осмелев, ответил Кочубей.

— Тоже мне писатели. Даю еще пять минут! — без прежнего ожесточения распорядился генерал и ушел к себе.

Вымучив из себя последние фразы, Юрий и Николай, как на Голгофу, побрели в кабинет. Бармин встретил их холодным взглядом, кивнул на стулья и буркнул:

— Садитесь! Показывайте, что написали!

Кочубей положил рапорт на стол и, пока генерал читал, пытался по лицу понять его реакцию. Но оно оставалось непроницаемым, как маска, и только когда он перешел к рапорту Юрия, на нем проявились первые эмоции. В самом конце Бармин не удержался, хмыкнул и спросил:

— Остащенко, он так и сказал, что с таким, как ты, в разведку пойдет?

— Товарищ генерал, я что, не понимаю, кому пишу. Зачем мне лишнее придумывать? — обиделся тот и, помявшись, добавил: — Правда, это было после второго или третьего стакана. Точно сейчас не помню, к чему лишние детали.

— Детали, говоришь? — повторил Бармин и затем с ожесточением заметил: — На деталях как раз и горят такие «орлы», как ты.

— Извините, товарищ генерал, но в той ситуации, чтобы зашифроваться, другого выхода не оставалось. И потом...

— Зашифроваться?! Помолчал бы лучше! — оборвал тот и потянулся к трубке телефона.

Ответил помощник Градова и соединил с ним.

— Георгий Александрович, докладываю, изучил рапорта Кочубея и Остащенко, выслушал их самих. Слов нет, наломали они дров, но расшифровки перед «Штабистом» не допустили. Ситуация складывалась иначе, чем она изложена в ориентировке... Нет, не было никакого пьяного дебоша... Возникла нестандартная ситуация со «Штабистом», и они, как могли, локализовали ее... Нет, не герои! Я им уже все высказал... Почему не доложили сразу?.. Посчитали ситуацию штатной.

— Тоже мне нашлись счетоводы! По таким делам и так топорно работать. А если бы произошла расшифровка? — рокотал в трубке голос Градова.

— Но ее не произошло! Они отсекли «Штабиста» от американцев, — пытался защитить подчиненных Бармин.

Подобный оборот дела, похоже, смягчил гнев Градова, и его вопросы теперь уже касались хода проверки самого «Штабиста». Бармин оживился и лаконично отвечал на вопросы:

— Нет, информацию с винчестера еще не вытащили... Специалисты активно работают. Обещают завтра-послезавтра закончить и представить расшифровку... Хорошо, доложу отдельно... Есть! Сейчас буду!

Кочубей и Остащенко, поняв, что речь об их увольнении уже не идет, приободрились и благодарными глазами поглядывали на Бармина. Тот нахмурился и, положив трубку, ворчливо заметил:

— Рано радуетесь.

— А мы ничего, — замялись они.

— Ждите! Я к Градову! — распорядился он.

— Товарищ генерал, вы уж извините, что так вышло, — повинулся Кочубей.

— Хотели как лучше, но кто знал, что так выйдет, — вторил ему Остащенко.

— Чего сейчас об этом говорить, сделанного не воротишь, будем вместе отмываться, — смягчился Бармин и, положив рапорта в папку, отправился на доклад.

Николай с Юрием остались в приемной и, дожидаясь его возвращения, не находили себе места. Те двадцать минут, что Бармин провел на докладе у Градова, казалось, никогда не кончатся. И когда он появился, то грустное выражение его лица сказало все. Швырнув папку на стол, генерал сухо объявил:

— Вы оба временно отстранены от оперативной работы!

— Отстранены?.. — потеряно произнесли они.

— Еще раз повторяю, временно, пока не завершится служебное расследование.

— И сколько ждать? — потухшим голосом спросил Кочубей.

— Не знаю!

— Выходит, отвоевались. Кому прикажете сдать дела, товарищ генерал? — с горечью произнес Остащенко.

— Дела?! — и Бармин снова сорвался на крик: — Чего захотел! Бумажку на тебя накатали — и сразу лапы вверх! Паникер!

— Я не паникую, товарищ генерал, но когда тебя обкладывают, то...

— Тоже мне медведь нашелся! Выбросьте дурь из головы и марш к себе!

— Есть! — уныло ответили оба.

Дверь кабинета с печальным скрипом захлопнулась. Бармин устало откинулся на спинку кресла. За долгие годы службы у него случались неудачи, но чтобы так, когда они сыпались одна за другой, такого еще не было. Оноприенко, Литвин, Митров, а теперь, похоже, и Стельмах оказались пустышками. Четыре месяца упорной работы, затраченные силы и немалые средства, все ушло, словно в песок. За это



время к «Гастролеру» не удалось приблизиться ни на шаг, он, по-прежнему, оставался недосягаем.

С этим не могли мириться ни Градов, ни директор, слишком высока была цена упущенного времени. Неуловимый «Гастролер» действовал где-то рядом, а он, генерал Бармин, был бессилён помешать ему. Схватка с ним пока больше напоминала бой с тенью, в котором тень в очередной раз вышла победителем. Громкий скандал, произошедший с Остащенко и Кочубеем в злополучной «Басле», стал той последней каплей, которая могла переполнить чашу терпения Градова и директора. И тогда... Бармин не хотел даже думать о том, что ждало Кочубея, Остащенко и его самого. В глубине души, несмотря на допущенные ими промахи, он не осуждал их. В той ситуации они нашли, пожалуй, единственно правильный выход, но это уже предстояло оценивать не ему, а директору. Им же ничего другого не оставалось, как только найти «Гастролера».

Последний из оставшихся пяти подозреваемых, подполковник ГРУ Григорий Дудинец, если и был тем самым «инициативником», что в декабре прошлого год выходил на резидентуру ЦРУ в Киеве, словно почувствовал грядущую опасность и залег на дно. Опытный агентурист, не один год проработавший в Германии под колпаком немецкой контрразведки, он не понаслышке знал, как она действует, и умело прятал следы.

Ни на выездах на Украину, ни на каналах связи с ЦРУ, ни на подозрительных контактах с иностранцами Дудинец не засветился. Его отношения с профессором М., разработчиком в области автоматического управления космическими объектами, имели под собой вполне прозаическую основу. Оба в свое время, но в разные годы заканчивали один и тот же — второй факультет Харьковского высшего военного командно-инженерного училища. Семь лет назад через общего знакомого познакомились на рыбалке и с тех пор по выходным пропадали с удочками на реках и озерах. Разговоры, что велись между ними на военные темы, в том

числе и по закрытым научным разработкам, не выходили за рамки обычного «армейского трепа».

Подчиненные Прохорова «перерыли» вокруг них все, но так и не нашли на Дудинца серьезной зацепки. Из всех ситуаций он выходил «сухим из воды», а те подозрения, что падали на него, в конце концов находили вполне логичное и совсем не «шпионское» объяснение. Несмотря на упорство Прохорова, в последнее время сутками пропадавшего на службе, ему так и не удалось сдвинуть дело на «Германца» с мертвой точки. Поэтому, узнав о возвращении Кочубея с Остащенко, он не усидел на месте, телефонным звонком напомнил о себе и через пару минут был в кабинете Бармина.

— Это он? Что получили? — с порога набросился он с вопросами.

— Получили и еще как, — с ожесточением ответил Бармин.

— Не понял, Алексей Анатольевич? Что значит еще как?!

— А то, Григорьевич Васильевич, получили по самое не могу... Теперь, похоже, не только на Стельмахе, но и на Кочубеем с Остащенко можно ставить крест.

— Крест?!

Бармин, не вдаваясь в подробности, рассказал о том, что произошло в Абхазии и о последнем разговоре в кабинете Градова. Прохоров слушал и не перебивал. С каждой минутой его лицо становилось все мрачнее, и уже в самом конце он в сердцах сказал:

— Да, дела хуже некуда! Теперь служебным расследованием замордуют, только и будем, что отписываться.

— Отпишемся! Если «Гастролера» найдем! — с ожесточением произнес Бармин.

— Легко сказать, если на прицеле один Дудинец, и на того ничего нет. Одно слово — профессионал, следов не оставляет.

— Профессионал, не профессионал, дело не в нем, а в нас, значит, плохо работаем!

— Извините, Алексей Анатольевич, но я с вами не согласюсь! «Наружка» за ним все ноги истоптала. Круглые сутки слушаем каждый его вздох. Просмотрели дома и на службе все что можно. Ни одного секретного документа, ни одной записи по «Тополю», даже «зачапки» от жены не нашли.

— И не найдете, сам же сказал, что профессионал, а значит улики, я уж не говорю про шпионское снаряжение, у себя хранить не станет. Если искать тайник, то на квартире матери или у этой, как ее...

— Пассии?.. Людмилы?

— Да.

— Как это я упустил, — снова оживился Прохоров.

— Если бы только это, — посетовал Бармин и, открыв сейф, достал стопку документов. Сверху на ней лежала аналитическая схема, пестревшая разноцветными стрелами, кружками и квадратами, на которой бросались в глаза фамилии Стельмаха, Оноприенко, Митрова, Литвина и Дудинца. Четыре цепочки, содержащие факты «за» и «против» шпионской версии, заканчивались жирными красными крестами. В пятой и последней с фамилией Дудинца стоял большой вопрос. Их взгляды невольно сошлись на ней, и Бармин, тяжело вздохнув, сказал:

— Если в ближайшее время не ответим на этот вопрос, то на него будут отвечать другие.

— Не хотелось бы, — с грустной улыбкой произнес Прохоров.

— Вот потому, Григорьевич Васильевич, надо искать нестандартные ходы, чтобы раскрыть Дудинца. А взять его, сам понимаешь, сможем только на вещдоках, а с этим у нас пока голый номер.

— Четыре месяца только тем и занимаемся, и никакого толка!

— Еще раз говорю, не там ищем! Зациклились на профессоре и рассчитываем, что Дудинец будет его «доить», а у них одни разговоры о рыбалке и хоккее, — не удержался от упрёка Бармин.

— Но других источников, через которые он мог бы получать информацию по «Тополю», не просматривается.

— Плохо смотрим или не в том месте!

— Я таких мест не знаю. Перебрали все его связи, что имеют хоть какой-то выход на разработки по «Тополю», и ничего! Осталось только в душу залезть, а там наверняка потемки! — в сердцах произнес Прохоров.

Бармин с сочувствием посмотрел на него, отложил в сторону аналитическую схему и прошелся по кабинету. Из всех подозреваемых Дудинца вне всякого сомнения являлся самым крепким орешком. За его спиной был не один год оперативной работы, и, чтобы раскрыть такого матерого «волчицу», требовался неординарный ход. Взвесив все «за» и «против», Бармин предложил:

— Григорий Васильевич, а если обострить ситуацию вокруг Дудинца?

— Каким образом? — снова оживился Прохоров.

— Вывести на новый источник информации.

— А смысл, если со старыми ничего не получается?

— Думаю, что есть! По крайней мере, для меня становится все очевиднее, что «Гастролер» не имеет прямого выхода на главные секреты «Тополя».

— Если иметь в виду Дудинца, то да, — согласился Прохоров.

— Но если он «Гастролер», то где их берет?

— Ума не приложу! Реально, кроме профессора М., у него никого нет.

— Пойдем от обратного. Предположим, ЦРУ завербовало его, — продолжал размышлять Бармин. — А раз так, то наверняка поставило задачу по получению дополнительных разведанных.

— Хорошо! Но тогда почему молчит наша разведка? Как воды в рот набрала. С декабря ни одной ориентировки! — недоумевал Прохоров.

— Если бы было что, уже сообщила. А раз молчит, это означает одно — в ЦРУ оценили «Гастролера» и закрыли

по нему всю информацию, — заключил Бармин и вернулся к своему предложению,

— Поэтому, как говорится, на бога надейся, а сам не плошай! Надо продолжать разработку Дудинца, и первое, что сделать, — вывести на «сверхважный» и подконтрольный нам источник информации, например, в Генштабе?

— С источником проблем не вижу, подберем, какой нужен, — согласился Прохоров.

— Отлично! Через него подбросим Дудинцу «убойную» наживку о результатах последних испытаний по «Тополью» и сделаем акцент на технологических недостатках, которые, как ты сам понимаешь, потребуют доработки и тогда, я не сомневаюсь, американцы с него не слезут.

— Логично! А генштабиста будем вводить через профессора напрямую или втемную?

— Только втемную! Профессор хоть и нормальный мужик, но знать лишнее ему ни к чему. А человека надо подобрать такого, чтобы с ракетчиком говорил на одном языке.

— Не проблема! Бывший главком Сергеев немало привел их с собой на «Арбат».

— В таком случае, Григорий Васильевич, ищи человека. А вывод на профессора и потом на Дудинца проведете совместно с Агольцевым, — подвел итог Бармин.

Весь следующий день Прохоров, а вместе с ним начальник первого отделения майор Юрий Байдин и старший оперуполномоченный Виктор Салтовский провели за тем, что от корки до корки перелопатили сотни личных дел офицеров из нескольких управлений Генштаба, имевших прямое или косвенное отношение к теме «Тополь», и остановились на двух кандидатурах — полковнике К. и подполковнике Л. Оба не только активно участвовали в программе «Тополь», но и были знакомы с профессором М.

Окончательный выбор Прохоров сделал в пользу полковника К. Тот непонаслышке знал о работе военной контрразведки, в прошлом не раз помогал ей, и потому сомнений в его надежности не возникало. Кроме того, здесь,

казалось, сама судьба выбрала полковника для исполнения задуманной Барминым оперативной комбинации, два месяца назад он участвовал в испытаниях на космодроме «Плесецк» и там познакомился с профессором М. Предложение Прохорова генерал поддержал без всяких оговорок. И в тот же день он с Агольцевым вплотную занялся подготовкой встречи. Предлогом для нее должно было послужить приглашение профессора к проведению экспертизы материалов, касающихся последних испытаний ракеты «Тополь-М». Известный своей независимостью и мало считавшийся с армейской субординацией, он, тем не менее, вряд ли решился бы проигнорировать приглашение из Генштаба. Дальнейшее развитие контакта зависело уже от того, насколько убедительно К. сумет сыграть отведенную ему роль в сценарии генерала Бармина.

Поздним вечером в двух шагах от Генштаба, на конспиративной квартире Прохоров встретился с полковником К. Тот с полуслова понял, что от него требуется, а дальше события развивались с поразительной быстротой. На следующий день, проявив завидную пунктуальность, профессор М. в шестнадцать часов поднялся в кабинет К. и был приятно удивлен встречей с ним. Разговор, естественно, начался с воспоминаний о недавней командировке на полигон в Плесецк, а потом сам собою перешел на тему испытаний ракеты «Тополь-М». И здесь профессор показал себя знатоком своего дела, его выводы и предложения по ряду позиций оказались хоть и не однозначны, но весьма полезны.

В возникшем споре незаметно подошел к концу рабочий день, и в просторные коридоры Генштаба из кабинетов выплеснулись толпы суровых полковников и генералов. Подхваченные этой стремительной волной, профессор М. и полковник К. оказались на Гоголевском бульваре. Вечер выдался погожий. В воздухе, напоенном свежестью молодой листвы и ароматом распустившейся сирени, ощущалось дыхание приближающегося лета. Веселый гомон детворы и жизнерадостный смех, доносившийся с игровых площа-

док и из летних кафе, быстро заставили забыть о службе. Предложение К. отметить встречу профессор энергично поддержал. Они нашли свободный столик, и за рюмкой водки разговор перешел на близкие для каждого военного темы — охоту и рыбалку.

Заядлый рыбак, а когда-то и охотник, профессор с ностальгией вспоминал об охоте на медведя во время командировки на Камчатку, с жаром рассказывал о рыбалке на Байкале. Закончилась встреча тем, что они договорились провести ближайшие выходные на озерах под Переяславлем-Залесским. Там у К. в приятелях оказался местный егерь. А его предложение не нарушать классический русский вариант «на троих» профессор энергично поддержал и, как на то рассчитывал Бармин, рекомендовал взять в компаньоны Дудинца. Оперативная комбинация, задуманная в кабинетах Лубянки, начала реализовываться.

В ближайшую пятницу сразу после службы все трое на машине полковника К. выехали на рыбалку. Дудинец оказался легким на подъем и приятным собеседником, вскоре они были на приятельской ноге, а к Переяславилю-Залесскому подъезжали друзьями. Маленький и уютный городок, раскинувшийся на берегах живописнейшего озера, остался в стороне, и через пару километров впереди, за деревьями, маняще блеснул слабый огонек. Лес быстро редел, за ним таинственно серебрилась в лунном свете безмятежная гладь озера. Они выехали на опушку и остановились у бревенчатой избышки.

Егерь Дмитрич не подвел, был трезв и копошился на берегу под летним навесом. Оттуда потягивало сладковатым дымком костра и запахами ухи. Дудинец и профессор, разгрузив багажник, принялись готовить снасти, но Дмитрич, сославшись на то, что клев начнется не раньше четырех, уговорил сесть за стол. Двойная уха оказалась наваристой, и под нее незаметно ушли две бутылки водки.

Дудинец размяк и К. не составило большого труда подвести разговор к главной теме. Сам того не подозревая,

профессор стал его активным помощником. Задетый за живое тем, что в последнее время был незаслуженно отведен от участия в работах по программе модернизации РВСН, он костерил на чем свет стоит засевших в штабах «солдафонов», для которых главное — это звонко щелкнуть каблуком и в срок доложить «наверх». Полковник поддакивал, не забывал подливать водку и, когда казалось, что тема исчерпала себя, а профессор устал ругать своих тайных и явных врагов, вскользь упомянул о предстоящих корректировках в программе разработки «Тополь-М». Профессор, заиклившись на своем, просто отмахнулся, а Дудинец, будто клещ, вцепился в него с вопросами.

Оперативная комбинация «Крот в «Аквариуме»» дала первый результат — подозрения в отношении Дудинца получили конкретное подтверждение. В понедельник на стол Прохорова легла подробная докладная о результатах «рыбалки». После обеда с ней уже знакомился Агольцев. Он внимательно вчитывался в каждую ее строчку, взвешивал все «за» и «против» шпионской версии, выдвинутой против Дудинца. Стук в дверь отвлек его от этого занятия.

В кабинет вошел Кочубей; пасмурный вид подчиненного поубавил настроение. Служебное разбирательство затянулось, и он с Осташенко ходили, как в воду опущенные. Агольцев в душе сочувствовал, но ничем помочь не мог и, чтобы они совсем не раскисли, всячески загружал рутинной работой. Оформление допусков и перелопачивание старых отчетов по контрразведывательному обеспечению американских инспекций, работавших на российских ракетных базах и арсеналах, это все, чем на время разбирательства он мог их занять.

Кочубей остановился перед столом, бросил тоскливый взгляд на Агольцева. Тот лишь пожал плечами, и он, положив на стол отчет, развернулся к двери.

— Постой, Коля! — остановил его Агольцев. — Пройди, садись!

Тот возвратился, присел за приставным столом и вопросительно посмотрел.



— Коля, я тебя понимаю. Для настоящего боевого опера ворошить архивную пыль... — пытался хоть как-то приободрить его Агольцев.

— Виктор Александрович! — не сдержался и перебил он. — Ну сколько можно держать нас в черном теле?! Я что, враг какой-то? Если виноват, то накажите!

— Потерпи, скоро все закончится.

— Когда?!

— Недолго осталось.

— Сколько?

Агольцев пожал плечами, и Кочубей с горечью произнес:

— Виктор Александрович, я понимаю, на «Штабисте» мы с Юрой прокололись, но бумажки ворошить — это не наше дело! Дайте любую оперскую работу!

— Дам, но позже, а пока...

— Значит, не доверяете?

— Ты чего городишь?!

— Ладно! Я понял, разрешите идти? — буркнул Кочубей и вышел из кабинета.

Затянувшемуся на три недели служебному расследованию пока не видно было конца. За это время он с Остащенко успел исписать гору бумаг. А когда их не терзали расследованием, они, как на каторгу, тащились в тесный кабинет, до потолка заваленный старыми отчетами по иностранным инспекциям. Здесь им приходилось глотать архивную пыль, чтобы вычислить среди технарей, переводчиков, заместителей и руководителей групп, прошедших через российские ракетные базы и арсеналы, разведчиков из РУМО и ЦРУ. К концу первой недели их уже мутило от многостраничных отчетов отделов контрразведки, а физиономии американских инспекторов, где насторожено, а где нахально, смотревшие с фотографий, вызывали слепую ярость.

После неудачного захода к Агольцеву, возвратившись в кабинет, Николай, скрипя зубами, принялся «выжимать»

очередной отчет, чтобы потом загнать «фактуру» в компьютер. Но все эти смиты, брауны, и роузы проваливались сквозь память, как через дырявое решето. В конце концов ему все это опостылело и, не дождавшись окончания рабочего дня, он сбежал со службы и в шесть вечера был у центрального офиса «Вест Бридж Кампани».

Из его дверей пестрыми бабочками одна за другой выпархивали стройные, длинноногие бизнесвумен и вальяжно-лощенные бизнесмены. Шло время, а Татьяна все не появлялась, он набрал ее номер.

— Коля, я сейчас! — торопливо ответила она.

Это «сейчас» растянулось еще на добрых десять минут. Но когда она появилась в дверях, он забыл обо всех неприятностях, щемящая приятным томлением сердце волна захлестнула его.

— Прости, Коля, у шефа задержалась! — извинилась Татьяна.

— Ну и зверь же он у вас. Таких убивать надо! — беззлобно прошелся он по нему.

— Зверь, но нежный и ласковый, — отшутилась она.

Ревнивое чувство к «зверю» кольнуло Николая, он не сдержался и упрекнул:

— Из-за него все наши планы полетели!

— Тогда действуем по моему! — предложила Татьяна.

— Это какому?

— Едем в гости!

— В гости? К кому?

— Домой ко мне.

— А если в другой раз, — замялся Николай.

— Что, испугался? Я же тебя не в загс тащу.

— В загс?.. Да хоть сейчас!

— Я согласна! Но сначала тебя родители попытают.

— Меня?! А за что?

— Есть за что, Коля. Странный ты какой-то военный. Все что-то скрываешь, все что-то не договариваешь, — коротливо заметила Татьяна.

— С чего ты взяла? — смешался он.

Это была их далеко не первая встреча, но Николай, сам не зная почему, не решался рассказывать о своей службе в контрразведке. Всякий раз, когда Татьяна затрагивала этот вопрос, уводил разговор в сторону.

— А то, что каждый раз шуточками отделиваешься. Это что, страшная тайна? — продолжала допытываться она.

— Да, военная!

Татьяна обижено поджала губы и с вызовом сказала:

— Знаю я ваши тайны, а еще лучше военных!

— Каких еще военных?! — снова кольнуло Николая ревнивое чувство.

— А вот не скажу!

— Скажешь! Я хоть и не Отелло, но... — и он сделал страшное лицо.

Она рассмеялась и с гордостью заявила:

— Не напугаешь! У меня папа полковник!

— Полковник?!

— Да! Поэтому, пока не поздно, признавайся!

— Сдаюсь! Только пусть не наказывает, — улыбнулся Николай и, не удержавшись, прихвостнул: — Я до него чуть не дотягиваю. Подполковника недавно получил.

— Правда? А я думала, лейтенант, — продолжала поддразнивать Татьяна.

— Лейтенанты тоже на улице не валяются.

— Подполковник как-то получше. И все-таки, Коля, где ты служишь?

— А страшно не станет?

— Ой, я так хочу напугаться! — и Татьяна всплеснула руками.

— В ФСБ, — решил больше не интриговать Николай.

— ФСБ?! Честно?

— Честнее не бывает.

— Ой, как интересно! Так ты ловишь шпионов?

— Пока подлавливаю, — отшутился он.

— Ладно, не приbedняйся, — не поверила Татьяна и, посмотрев на него совершенно другими глазами, сказала: — Я думаю, вы с папой быстро сойдетесь. Он от Штирлица и Мюллера просто без ума.

— Куда мне до них, — поскромничал Николай.

— Ну почему же? Ты молодой и, наверно, перспективный?

— Такая перспектива, как у Мюллера, меня никак не устраивает, — поспешил он откеститься от его мрачной славы.

Татьяна заразительно рассмеялась. И ее смех окончательно растопил тот горький осадок, что оставался у него на душе после разговора с Агольцевым. Легкое беспокойство вернулось к нему, когда они поднялись в квартиру Татьяны. К этому времени семья заканчивала ужин и на шум в прихожей первой выглянула сестра Елена. С любопытством пробежалась по нему взглядом и снова исчезла в комнате. Оттуда донеслись возбужденные голоса, и затем в коридор вышла мать, чуть позже за ее спиной возникла внушительная фигура отца.

Знакомство с суровым «черным» полковником из Главного штаба сухопутных войск для Николая прошло гладко. Тот свою лейтенантскую службу тоже начинал на Северном Кавказе. Поэтому через пять минут они уже говорили на одном языке. Семья Татьяны, приняла Николая за своего, и, когда он покидал квартиру, то чувствовал себя так, будто побывал дома.

На следующий день унылые стены «душегубки», где ему с Юрием приходилось отбывать «карантин», уже не казались столь мрачными, а пожелтевшие отчеты по американским инспекциям столь скучными. Пожалуй, впервые за последние дни в Кочубее проснулся живой интерес к этой рутинной работе. Клавиатура весело постукивала клавишами под руками, глотая одну за другой фамилии, фотографии и данные на американских инспекторов. За час работы он успел «процедить» два отчета и принялся за третий.

Материалы, поступившие из отдела ФСБ по Йошкар-Олинской ракетной дивизии, мало чем отличались от остальных. Николай привычно набрал на компьютере список американских инспекторов, потом отсканировал фотографии и крупным планом «разложил» их физиономии по алфавиту. И когда покончил с ними, принялся выжимать из отчетов все, что прямо или косвенно могло свидетельствовать о том, что инспектор не только занимался работой по договору, но и, пользуясь обстоятельствами, пытался шпионить.

Первым в списке проходил руководитель инспекционной группы подполковник Майер Кевин Ли. Судя по его послужному списку — Москва, Ташкент, Киев — и знанию русского языка, это был стреляный воробей и если не являлся кадровым сотрудником военной разведки — РУМО, то более чем вероятно принадлежал к ее агентуре. Предположение Николая подтверждалось и данными отчета. Как Ли ни старался остаться в тени, местные контрразведчики все-таки зацепили его, и «шпионский» реестр подполковника пополнился новыми фактами.

На его заместителе военном моряке Галлахере Лоуренсе Кристофере Кочубей внимание не задержал. Последний отчет ничего нового к тому, что было получено на него ранее, не добавил. Галлахер относился к типичной категории «рабочих лошадок» — чистым технарям, которые, собственно, и выполняли всю черновую работу в инспекциях, а при случае прикрывали разведчиков.

Инспектор Блю Мэтью Брайен, выходец из знойной Калифорнии, не смог укротить свой горячий темперамент и «засветился» на том, что взял пробу грунта перед ангаром с ракетной пусковой установкой. Но этого ему показалось мало и, когда инспекция покидала ракетную базу, украдкой, через окно в автобусе попытался срисовать в блокнот систему охраны боевой стартовой позиции и антенное поле.

Следующим в списке оказался инспектор-новичок Дэвис Уильям Скотт. Держался он осторожно, куда не надо не лез и за все время инспекции ничем себя не проявил. Нико-

лай собрался было перейти к следующему — Давиду Брауну, но что-то в последний момент заставило его остановиться. Взгляд задержался на фотографии Скотта. С нее смотрел лет сорока пяти-пятидесяти «тертый калач».

«В пятьдесят начинать простым технарем в инспекции, не поздновато ли?» — задумался Кочубей, но не это обстоятельство привлекло его внимание, а лицо Скотта.

В нем было что-то неуловимо знакомое. Но что? Николай готов был поклясться, что раньше уже видел это лицо. Но где, когда и при каких обстоятельствах? Он старательно напрягал память. Постепенно из разрозненных деталей начинал вырисовываться смутный образ. Казалось, еще одно, последнее усилие, и он материализуется. Но глаза, брови, подбородок никак не хотели складываться в одно целое и в самый последний момент рассыпались на части. Собрав все снимки, на которых был заснят Скотт, Кочубей принялся лихорадочно тасовать их, как карточную колоду.

— Родственника ищешь? — хмыкнул Остащенко.

— Подожди, не сбивай!

— С чего?

— Не могу зацепиться! Но я эту рожу уже где-то видел?!

— Кого?

— Вот этого, — и Кочубей бросил на стол фотографию Скотта.

— Рожа как рожа, ничего особенного, — пожал плечами Юрий.

— Дело не в ней, а...

— Поройся в старых отчетах.

— К инспекциям он не имеет отношения... Черт побери! Так это же... Нет! Этого не может быть! — воскликнула пораженный Кочубей.

Юрий только хлопал глазами и ничего не мог понять. С его другом творилось что-то неладное. Он взлетел над креслом, и, потрясая над головой фотографией, как нанайский шаман, волчком закружился в диком танце.

— Коля, что с тобой?!

— Юра! Юрик!.. Я, кажется, знаю, где искать «Гастролера»!

— Что?.. Что ты сказал, Коля?!

Но ответа он так и не расслышал. Николай, схватив фотографию, выскочил из комнаты и помчался к Агольцеву. Осташенко бросился вслед за ним. Вихрем они пронеслись по коридорам и ворвались в кабинет. Агольцев разговаривал по телефону и, недовольно покосившись, с раздражением бросил:

— В чем дело?

— Виктор Александрович! Я... я знаю, кто «Гастролер»! — выпалил Кочубей.

— Что?! — и телефонная трубка выпала из руки Агольцева.

— Разрешите посмотреть дело на Литвина! — торопил Николай.

— Литвина?! Зачем?.. Вы же по нему не работаете!

— Там ответ, кто «Гастролер»!

— Коля, я понимаю, но...

— Виктор Александрович, мне только на одну фотографию глянуть! — сгорал от нетерпения тот.

Агольцев, ошеломленный столь бурным натиском, а еще больше новостью, не устоял и, наплевав на конспирацию с запретами, достал из сейфа пухлое дело и спросил:

— Какую именно?

— Те, что «наружка» в апреле сняла в парке ЦДХ.

— Центрального дома художника? — переспросил Агольцев и зарылся в дело.

Какое-то время в кабинете был слышен лишь шелест бумаги и тяжелое дыхание. Его рука лихорадочно листала страницы и, когда остановилась на синем плотном пакете, в кабинете воцарилась звенящая тишина.

— Кажется здесь! — внезапно осипшим голосом произнес Агольцев и тряхнул конвертом.

На стол, подобно опавшим осенним листьям, посыпались проштампованные лиловыми печатями фотографии и схемы. Кочубей буквально прилип к ним, разгреб в сторону и выхватил три из них. Агольцев и Остащенко нависли над его плечом. Прошла секунда, другая и радостный вопль Юрия.

— Коля, ты гений! Но как?! — взорвал тишину.

Все еще не веря в неслыханную удачу, Агольцев долго вертел перед собой фотографии. На первых двух, где «наружка» в конце апреля засняла «Доцента» — Литвина в летнем кафе, в парке ЦДХ с неизвестным, и на третьей — с американским инспектором Дэвисом Уильямом Скоттом, находившимся 8 февраля на ракетной базе в Йошкар-Оле, было одно и то же лицо.

— Виктор Александрович, не сомневайтесь это он! — с жаром убеждал Кочубей.

— Похоже, что так! — пока не спешил с окончательными выводами Агольцев, но его просветлевшее лицо говорило само за себя.

Судьба?.. Удача?.. Упорство Кочубей, Остащенко, Прохорова, Бармина и Градова, а скорее всего, и то и другое, привели к цели. «Гастролер», следы которого, казалось, безнадежно затерялись, всплыл самым неожиданным образом. В их руках наконец находилась надежная ниточка, и теперь с ее помощью уже можно было распутать хитроумно сплетенный «шпионский клубок».



## Глава 11

«Майклу

*Интересующие вас материалы по проблеме «М», согласно предложенному вами перечню, мною подготовлены, в том числе и в копиях. В ближайшие дни рассчитываю получить последние данные по результатам полетных испытаний контрольной модели. Согласен на ваше предложение о проведении встречи в Москве, при условии, что на ней вас будет представлять известный мне Курт. О готовности к ней сообщу дополнительно».*

Расшифровка этого сообщения «Фантома» и подготовленный на отправку ответ лежали перед руководителем резидентуры ЦРУ в Киеве Абрахамом Саливаном. Он склонился над текстом ответной шифровки и еще раз перечитал:

*«Ваша активность и настойчивость в нашем совместном стремлении внести ясность в проблему «М» вызывает у нас восхищение. Те титанические усилия, что Вы предпринимаете, нами будут по достоинству оценены. О безопасности предстоящей встречи можете не беспокоиться. Мы предпримем все необходимые меры, чтобы исключить даже малейшую опасность, которая могла бы осложнить Ваше положение. Просим Вас быть предельно осторожным при сборе и хранении материалов. Будьте терпеливы, и удача придет к Вам.*

*Майкл».*

— Пожалуй, больше нечего добавить, — закончив чтение, заключил Саливан, и, подумав, заметил: — Хотя, на мой взгляд, с титаническими усилиями ты, Сэм, хватил через край. Он теперь такую цену заломит, что нам и не снилась.

— Я так не думаю, сэр, — возразил Дункан, — При его нищенской зарплате те сотни тысяч, что мы пообещали, ему покажутся несметным богатством, но подогреть тщеславие перед встречей лишним не будет.

— Не знаю, не знаю. Аппетит, как говорится, приходит во время еды.

— Сэр, в конце концов, не свои же платим. В Ираке миллиарды летят на ветер, и ничего.

— Ладно, не будем делить шкуру еще не убитого русского медведя, — свел к шутке Саливан.

— Ну почему же, — не согласился Дункан. — После того как Перси вручил ему деньги, он теперь с потрохами наш. А перед тем богатством, что светит впереди, не устоит и святой.

— Уж не на себя ли намекаешь? — хмыкнул Саливан.

Подобие улыбки появилось на постном лице Дункана. За двадцать с лишним лет службы в разведке он успел насмотреться всякого и потому давно не питал иллюзий. По его твердому убеждению в нынешнем грешном мире, где все покупалось и продавалось, рассуждения рафинированных интеллектуалов о бесценности человеческой жизни являлись пустым звуком. Совесть, честь и мораль, к которым они призывали, на безжалостных весах разведки не стоили и ломаного цента, когда речь заходила о цене предательства. «Фантом» не являлся в этом ряду исключением. Полгода его игры в «кошки-мышки», стоившие стольких нервов Саливану и Перси, преследовали вполне понятную цель — набить себе цену. Последнее сообщение являлось тому подтверждением. Неумная жажда денег оказалась сильнее страха и подвигла его на встречу, и не где-нибудь подальше от глаз русской контрразведки, а у нее под носом, в Москве.

Страхуясь от возможных неожиданностей и ловушки ФСБ, он предусмотрительно вытаскивал на нее Курта — Перси.

Такая осторожность «Фантома» не выглядела излишней. На памяти Дункана был случай, который произошел два года назад. Тогда русская контрразведка ухитрилась перехватить контакт ЦРУ с будущим агентом в управлении статистики, и на очередную встречу со «Статистиком» пришел «американец» из ФСБ. После нескольких минут «разговора» на руках несостоявшегося шпиона защелкнулись наручники, и вместо долгожданного пакета с долларами ему сунули в зубы ордер на арест.

«Да, не повезло бедняге Марку. С таким трудом вырвался в отпуск и тут...» — посочувствовал ему в душе Дункан и поинтересовался у Саливана:

— Сэр, когда прикажете отзывать Перси из отпуска?

— Немедленно! — был категоричен тот.

— Может, дать догулять до конца недели, а то бедняга еще не пришел в себя после сумасшедших украинских выборов.

— Что поделаешь, Сэм, разведка — это искусство, а оно, как тебе известно, требует жертв.

— Вряд ли такая жертва добавит Марку энтузиазма в работе.

— А вот здесь я с тобой не согласен! Перси до мозга костей профессионал, а раз так, то для него вербовка такого перспективного источника, как «Фантом», стоит многого. Под закат карьеры каждый из нас мечтает оставить о себе след, и он здесь не исключение.

— Все так, сэр, но, насколько мне известно, у его жены и сына были проблемы, — напомнил Дункан.

— Знаю! Но, слава Господу, все позади, — остался непреклонен Саливан и, после паузы, хитровато прищурившись, спросил: — Сэм, как думаешь, что самое важное в жизни мужчины?

Дункан озадачено захлопал глазами. Его тщедушное тело, иссушенное службой, которой он отдавался без остат-

ка, и постная физиономия аскета говорили сами за себя. Помявшись, он ответил:

— Служба!

— Я так и знал! А что еще? — продолжал допытываться Саливан.

— Ну... семья. Карьера...

— И все?

— Деньги...

— Ясно, Сэм! Вино и женщины в твой список не входят, — усмехнулся Саливан и затем с многозначительным видом изрек: — Для настоящего мужчины дороже женщин и вина могут быть только три вещи: лошади, власть и война! А наш Перси любит повоевать — это у него в крови. Поэтому не сомневайся, как только свистнем, он на крыльях прилетит!

— Я понял, сэр. Вызывать? — перешел на официальный тон Дункан.

— Да! Насколько я знаю, он сейчас отдыхает с женой во Флориде?

— Совершенно верно!

— Как только найдешь, свяжи со мной! Я буду говорить с ним сам.

— Хорошо, сэр! — заверил Дункан...

В тот же день требовательный и настойчивый звонок из далекого Киева нашел Марка Перси на отдыхе, на берегу залива. Вместе со старым приятелем и однокашником по Колумбийскому университету Биллом Сакстаном они только успели положить запекаться на углях пойманную рыбу, а жены — расположиться в шезлонгах под пальмами, как в трубке зазвучал характерный, надтреснутый, будто колесо от старой телеги, голос Дункана. После дежурного обмена приветствиями, его сменил Саливан.

Он был, как никогда, вежлив и предупредителен, несмотря на то что разговор начал издалека, поинтересовался здоровьем Джона и Маргарет, погодой во Флориде. Перси по тону догадался, что с отпуском можно проститься. Горечь

и досада начали вскипать в нем, но хитрая лиса Саливан хорошо знал, как их загасить. Столько дифирамбов в свой адрес за все время службы он еще не слышал, а когда речь зашла о «Фантоме» и его — Марка Перси решающей роли в завершении операции, то в нем заговорило тщеславие и проснулся азарт. К концу разговора «Фантом» завладел всеми его мыслями, и он уже жил предстоящей встречей с ним.

Теперь слово оставалось за Маргарет, ему не хотелось одному возвращаться на Украину. Те восемь с лишним месяцев холостяцкой жизни сидели у него в печенках. Он пытался найти нужные слова, чтобы убедить ее прервать отпуск и отправиться в Киев. Она на удивление спокойно отнеслась к столь резкому повороту событий. За годы службы мужа тихая и немногословная Маргарет отучилась чему-либо удивляться и задавать лишние вопросы. Для нее гораздо важнее было то, что после долгой разлуки они снова будут вместе и неважно где: в Москве, Белграде, Тбилиси или, как сейчас, в Киеве, главное, что ее Марк снова будет рядом.

Сакстоны эту новость встретили с грустью, но, поохав и поохав, вынуждены были свернуть лагерь и возвратиться домой. После короткого и трогательного обеда, во время которого Джудит не сдержалась и всплакнула, Перси упаковал чемоданы, а затем Билл отвез их в аэропорт. Первым же рейсом они вылетели в Нью-Йорк, но там не задержались, и спустя полтора часа гигантский «Боинг-747» взмыл над Гудзоном и взял курс на Европу.

Прошло несколько минут, и каменные джунгли Нью-Йорка растаяли в вечерней дымке. О них напоминало лишь огромное разноцветное марево, растекшееся по всему горизонту, но вскоре исчезло и оно. Под крылом раскинулась бескрайняя светло-голубая даль Атлантики, которую тут и там морщили океанские лайнеры, казавшиеся с заоблачных высот детскими игрушками.

Уставшая от бешеной гонки по аэропортам Маргарет вскоре уснула, а он, прильнув к иллюминатору, рассеянным взглядом наблюдал за тем, что происходило внизу,

и мыслями уже находился в Киеве. В его голове роились планы будущей вербовки и работы с «Фантомом», которая обещала стать достойным финалом, завершающим службу в разведке. Напоследок капризная и изменчивая судьба предоставила ему шанс, о котором разведчику оставалось только мечтать.

Он снова перебирал в памяти разговор с Саливаном и каждое произнесенное им слово. Личное обращение резидента льстило самолюбию. Потраченные им нервы и время не пропали впустую. Тот вынужден был это признать, предоставив ему, а не всезнайке Николосу Берду или молодым дарящим Дикю Динару и Роберту Левицки сыграть ключевую роль в вербовке ценного агента, имеющего прямой доступ к важнейшим русским ракетно-ядерным секретам.

В своих мечтах Перси не заметил, как подкравшиеся незаметно вечерние сумерки окутали самолет серой мглой. Из разверзнувшейся под крылом мрачной бездны тусклыми пятнами отсвечивали на океанской глади корабли. Он отстранился от иллюминатора и откинулся на спинку кресла. Рядом во сне тихо посапывала Маргарет. Слабый румянец на ее щеках и разгладившиеся у глаз морщинки говорили о том, что время, проведенное на берегах тихой Голубой речки, а затем неделя у Сакстонов пошли ей на пользу. О недавних напастях, навалившихся на нее и Джона, напоминала лишь обильная седина, проступившая на висках.

Перси с нежностью посмотрел на жену и теплые чувства к ней заговорили в нем.

«Родная!.. Милая!.. Сколько же тебе досталось! Нелепая авария с Джоном... Проклятая язва... Теперь, слава Господу, все позади! Мы снова вместе!» — с облегчением вздохнул он и снова мысленно перенесся в Киев.

Там, в самом центре города, в посольском квартале, в дипдоме, их ждала комфортабельная квартира, а его самого — перспективная, сулящая награды и солидные премиальные работа с «Фантомом». Усталость и монотонный гул турбин убаюкали Перси, и он не заметил, как уснул.

Разбудил его рев двигателей, самолет заходил на посадку в аэропорту Берлина.

Ранний рассвет первым робким лучом нежно коснулся горизонта, тихим шелестом молодой листвы отозвался в кронах столетних лип и кленов, а затем ослепительной вспышкой отразился в огромных витражах Берлинского аэровокзала. Тускло поблескивая ядовито-зеленым опереньем, огромная туша «Боинга» плюхнулась на бетонку и, надменно прокатившись мимо разной крылатой мелюзги, въехала на стоянку. Двери пассажирских люков беззвучно распахнулись, и серебристые ленты эскалаторов, подхватив полусонных пассажиров, выплеснули их в аэровокзал.

Но как следует перевести дыхание супругам Перси не удалось. Прошло меньше часа, и диктор объявил о посадке на рейс до Киева. Дотягивавший второй десяток и выдавший виды «Боинг» украинской авиакомпании не отличался особым комфортом. При взлете он грозил вот-вот развалиться, а во время полета то и дело угрожающе поскрипывал стареньким корпусом и повизгивал изношенными двигателями. После двух с половиной часов полета самолет приземлились в столичном аэропорту «Борисполь».

Киев встретил их теплом и легким дождем. Яркая зелень, еще не утратившая весенней свежести, сладковатый запах цветущих трав и липы, хрустальной чистоты воздух пьянил и кружил голову. Маргарет с восхищением смотрела на Днепр, величаво кативший свои воды мимо крутых берегов, на «золотые» пляжи Подола, на которых негде было упасть яблоку от тысяч белых и коричневых тел, на пылающие нестерпимым жаром купола славянских соборов и церквей. Первая славянская столица поразила и восхитила ее.

Прошлые, пятнадцатилетней давности воспоминания о другой славянской столице — Москве пробудили в ней живой интерес. Как жена истинного разведчика, она стремилась поскорее окунуться в новую для себя жизнь, чтобы со временем стать ему надежным помощником. Перси исподволь наблюдал за Маргарет и остался доволен. Не только сам

Киев, но и новое место жительства пришлось ей по нраву. Стараниями Саливана на четвертом этаже дипломатического дома им выдели трехкомнатную квартиру. Дежурный набор мебели не смутил Маргарет; расположение комнат, окна которых выходили в уютный внутренний дворик, и особенно столовая-кухня, в которой было где развернуться, окончательно покорили ее сердце.

Усталые, но довольные, они принялись распаковывать чемоданы. Встретивший их Ливицки неловко топтался рядом, не зная чем помочь, и Перси предложил:

— Пройди в гостиную, я через пять минут буду готов.

— Спасибо, если моя помощь не нужна, то я в посольство, — отказался он.

— Поедем вместе! — остановил его Перси.

— Вам-то куда спешить? Отдыхайте.

— А разве Саливан не ждет?

Ливицки пожал плечами.

— Что, так ничего и не сказал?!

— Ничего!

— Странно. Гнал в три шеи, а тут...

— Не спеши, Марк, ярмо всегда успеешь надеть. Устраивайтесь, а я поехал, — заявил Ливицки и направился на выход.

— Спасибо, за помощь! — поблагодарил Перси и, проводив его до двери, возвратился к Маргарет.

Распаковав чемоданы и развесив одежду в шкафах, они прошли по комнатам, придирчиво присматриваясь к квартире. Отдельные мелочи — местами шершавый паркет, подтекающий на кухне кран и погромыхивающий, будто барабан, сливной бачок в туалете — не портили общего положительного впечатления. Закончился обход на кухне у холодильника, забитого продуктами под самую завязку.

Саливан в своей заботе оказался внимателен даже в мелочах, и, пожалуй, впервые в душе Перси к нему шевельнулись добрые чувства. При всем своем занудстве и педантизме, по большому счету, резидент был профессионалом.



Его можно было не любить и даже ненавидеть, но ему нельзя было отказать в трудолюбии и преданности делу. Он болел той же самой болезнью, что и сам Перси, — они не могли представить свою жизнь без разведки. Проснувшийся в нем еще во Флориде профессиональный зуд не давал покоя, он так и не смог усидеть в квартире и, наскоро перекусив, отправился в посольство.

За три недели отпуска в нем мало что изменилось. На входе дежурной фразой его добродушно приветствовал Дик Конрой:

— Как Джон, сэр? Когда обставит этого Шумахера?

— Скоро! Смотри на третьем вираже! — отшутился он и прошел в крыло резидентуры.

В тамбуре, привычно подмигнув лазерными зрачками, сработала система электронного контроля и обшарила его с головы до ног невидимыми лучами. Остался неизменным и код на двери в спецсектор; пальцы уверенно набрали комбинацию цифр, и она легко поддавалась нажиму. Первым, с кем он столкнулся в коридоре, оказался Николос Берд.

— Ба!.. Кого я вижу? Какими судьбами, Марк? Ты же в отпуске! — удивился он.

— Был.

— А что случилось?

— Сумасшедшая жара во Флориде, и крокодилы не ловятся.

— А-а, — протянул Берд и, понизив голос, сказал: — Здесь тоже не Аляска, кое-кого крепко припекает.

— С чего вдруг? — насторожился Перси.

— В резидентуре работает спецкомиссия из Лэнгли.

— Да?! И под кого копает?

— Не говорят! Сам знаешь, этим надутым бездельникам как-то же надо доказывать, что не зря хлеб жрут, — уклонился от ответа Берд и быстро свернул разговор.

Перси проводил его погрустневшим взглядом. Сообщение о работе спецкомиссии в резидентуре поубавило настроения. От нее ничего хорошего ожидать не приходи-

лось; как правило, все заканчивалось кадровой перетряской, круги от которой потом еще долго не могли улечься. Всезнающий Берд или кто другой вряд ли могли сказать, когда она закончит свою работу и какие сделает выводы, но уже сейчас ее мрачная тень легла на лица сотрудников. Встретившиеся ему Стенли Роуз и Дик Динар, ограничившись дежурными улыбками и вопросами об отпуске, поторопились спрятаться за дверями своих кабинетов. К себе он вошел далеко не с теми радужными мыслями, с каким подъезжал к посольству, и за трубку телефона взялся с тяжелым сердцем.

После долгого гудка Саливан, наконец, ответил:

— Слушаю вас?

— Хеллоу, сэр! Это Перси, — представился он.

— О, Марк! Рад вас слышать, — оживился тот.

— Спасибо!

— Как отпуск?

— Грех жаловаться, пролетел, как один день!

— Надеюсь, не проклинаете меня?

— Себе дороже выйдет, — отшутился Перси.

— Ха-ха, — хохотнул Саливан и продолжил расспрос: — Джон еще не сел за баранку?

— Рвется, но врачи пока не разрешают.

— А как Маргарет?

— Не жалуется. Полет перенесла нормально. Городом и квартирой довольна. Сэр, я... мы тронуты вашим вниманием и...

— Перестаньте, Марк, — это мой долг! — перебил Саливан и ворчливо заметил: — Чего не сидится? Я вас ждал на службе только завтра.

— Разве усидишь, когда такие дела разворачиваются.

— Это хорошо! Я через десять минут освобожусь, заходите без звонка, — пригласил к себе Саливан и положил трубку.

В оставшееся до встречи время Перси смахнул со стола пыль, достал из шкафа костюм с рубашками, успевшие за отпуск пропитаться затхлым запахом, и развесил проветри-

ваться по спинкам стульев. На ходу причесал отросшие за время отпуска волосы и направился в кабинет резидента. Тот встретил его широкой улыбкой, крепко пожал руку и пригласил к столу. Какое-то время они молча разглядывали друг друга.

Первым заговорил Саливан и отметил:

— Отпуск вам пошел на пользу. Прекрасно выглядите, Марк.

— Как говориться, отдыхать — не работать, сэр, — бодро ответил он.

— Еще раз сожалею, что вынудил вас прервать отпуск и проскакать с Маргарет галопом по Европам.

— Ничего страшного, сэр; главное, что обошлось без приключений.

— Они-то как раз все впереди, — пошутил Саливан. — Обстоятельства складываются так, что вам снова придется отправиться в Москву.

— Сэр, я готов! Служба есть служба.

— Благодарю, Марк, другого ответа я и не ожидал! Операция с «Фантомом» вышла на финишную прямую. Он созрел для вербовки и в последнем сообщении подтвердил готовность к встрече. Мы бы сами ее провели, но он настаивает на вашем личном участии, а тут, как говорится, коней на переправе не меняют.

— Коней?.. Ну, спасибо за такую оценку, — и двусмысленная улыбка появилась на лице Перси.

— А что? — насторожился Саливан.

— Хорошо, что конь. Это ослов не только можно, но и надо менять на переправе.

Саливан какое-то время озадачено смотрел на Перси и не мог понять, шутит тот или говорит всерьез. Но его невозмутимое лицо ничего не выражало, и Абрахам, наигранно хохотнув, заметил:

— Интересное предложение, обязательно возьму на вооружение. Больше ничего умного в отпуске в вашу голову не пришло?

— Она у меня другим была занята.

— В таком случае не будем терять время! — перешел на деловой тон Саливан. — После нашего разговора зайдите к Дункану и получите у него материалы на «Фантома». Нового там мало, но обратите внимание на детали; они, возможно, подскажут свежие идеи и нестандартные решения. Предложения доложите лично мне в письменном виде и потом готовьтесь к поездке в Москву.

— Как скоро?

— Полагаю в ближайшие недели, а может и дни. Все зависит от того, как быстро «Фантом» добудет последние материалы по «Тополю».

— Ясно. Кто из наших будет прикрывать явку?

— Из наших?.. Понимаю, Марк, вы уже сработались с Джоан, — здесь Перси показалось, что в глазах Саливана блеснул злорадный огонек; видимо, его амурная история на конспиративной квартире в Германии все-таки выплыла наружу, но он не стал развивать тему. — Обеспечение явки берет на себя резидентура в Москве, мы только подыгрываем.

— Понятно. Тогда еще один вопрос: по какому каналу и под каким прикрытием я еду в Москву?

— По старому, через Германию. Зачем лишний раз испытывать судьбу и изобретать велосипед?

— В принципе, да, от добра добра не ищут, — согласился Перси. — Вербовку с «Фантомом» чем планируется закрепить?

— Как обычно. Наши московские коллеги запишут вашу встречу. Вы возьмете с него расписку взамен денег, и она окончательно повяжет этого любителя поиграть в шпионские игры по рукам и ногам.

Перси замялся. Он доверял опыту аналитиков и психологов резидентуры, «разложивших» по своей электронной сетке «Фантома», но в таких острых и непредсказуемых операциях, как вербовка, он больше полагался на практический опыт и интуицию, которые не всегда совпадали с

математическими и психологическими моделями агента, которые рисовались «яйцеголовыми» в комфортных кабинетах. Предыдущий опыт общения с «Фантомом» свидетельствовал о том, что своим поведением и действиями он не укладывался в обычные схемы и в любой момент мог взбрыкнуть.

Затянувшаяся пауза заставила насторожиться Саливана, и он поторопился с ответом:

— Марк, вам что-то не нравится в нашей схеме?

— Если честно, то да.

— А что конкретно?

— Его расписка за деньги. Вместе с ней он может послать нас куда подальше. Мне кажется, на первом этапе не стоит пережимать, пусть втянется в работу.

— Возможно, вы и правы, — не стал настаивать Саливан. — Взвесьте все, как следует. Поговорите с Сэмом, он дурных советов не дает.

— Хорошо, сэп!

— У меня все! Желаю успеха! — закончил беседу резидент.

Перси возвратился к себе в кабинет и позвонил Дункану. Тот оказался на месте, ничуть не удивился звонку и, похоже, готов был с радостью поскорее спихнуть материалы на «Фантома». За время отпуска дело на него основательно растолстело. Оно пополнилось двумя сообщениями будущего агента, в ней он ставил в известность «Майкла» о получении дополнительных сведений, связанных с проблемой «М», и аналитической справкой самого Дункана. Основную же часть новых материалов составляла обширная шифропереписка Саливана с Лэнгли и резидентурой ЦРУ в Москве.

Покачав на руке увесистый том, Перси не удержался и едко заметил:

— Да-а, бюрократия процветает буйным цветом. Скоро от разведки одно название останется.

— Слава Господу, мы до этого не доживем, — согласился Дункан.

— Я уж точно! — Перси бросил дело «Фантома» на стол. — Судя по весу этой макулатуры, он вполне созрел для вербовки.

— Давно! Я свое мнение изложил в докладной.

— А на словах?

— Их к делу не пришьешь.

— Ладно, почитаю.

— Будут вопросы, готов ответить, — не отказался от помощи Дункан.

— Спасибо! — поблагодарил Перси и, забрав материалы, отправился к себе.

После двух часов работы над ними он не изменил своей точки зрения на организацию работы с «Фантомом», которую высказал на встрече с Саливаном. Несмотря на то что за последнее время гонора у будущего агента поубавилось, вербовать его «через колено» было рискованно. Эту позицию Перси постарался убедительно изложить в докладной. Поставив в ней последнюю точку, он не стал звонить Саливану, памятуя старое правило — «серьезная бумага должна вылежаться», положил ее в сейф и занялся текущими оперативными документами, которых немало накопилось за время отпуска.

Вскоре духота и усталость от перелетов начали сказываться, он все чаще терял основную нить и вынужден был возвращаться к началу документа. А когда его окончательно заклинило, он сгреб все бумаги в кучу, запихнул в сейф, включил охранную сигнализацию и, захлопнув дверь, вышел в коридор, где нос к носу столкнулся с Ковальчуком.

Обычно излучающий энергию и оптимизм, тот был сам на себя не похож. Осунувшийся и похудевший, он отдаленно напоминал бледную тень жизнелюбца Генри, но, увидев Перси, оживился:

— Марк?! Ты когда появился?

— Появляется черт, а я простой смертный, — пошутил тот и, крепко пожав руку, не без сожаления сказал: — Сегодня.

— Сегодня?! — лицо Ковальчука снова помрачнело. — И сразу полез в этот гадюшник!

— Ну почему так мрачно, Генри?

— А ты что, ничего не понял?

— А что понимать? — насторожился Перси.

— Сволочи! Конченные сволочи! — с ожесточением воскликнул Ковальчук и дальше его понесло: — Продажные твари!.. Ради свой паршивой шкуры готовы любого утопить! А Саливан?! Этот мерзавец...

Перси догадался, что так могло взбесить Ковальчука, но промолчал, не желая подливать масла в огонь его ненависти к резиденту. А тот продолжал поносить того последними словами. Выплеснув накопившиеся злость и обиды, он сник и устало произнес:

— Достали! Ты уж извини, Марк! У нас здесь жизнь, как в курятнике. Клюем и срем друг на друга!

— Ну перестань, Генри. Ты устал, поезжай в отпуск, развейся, — предложил Перси.

— Какой к черту отпуск?! — в глазах Ковальчука снова полыхнул яростный огонь. — Я не дам так просто сплавить себя. Мы еще посмотрим!

— Генри, не надо о грустном!

— Ладно, ты уж прости, Марк, — смутился тот и, помнявшись, спросил: — У тебя как со временем?

— Сам понимаешь...

— А может, проскочим в одно местечко?

— Понимаешь, Генри, Маргарет только с дороги, и потом... — замылся Перси.

— Марк, я тебя прошу! Хоть душу отведу. Вокруг одни сволочи, только и ждут, чтобы ножку подставить!

— Хорошо, но ненадолго.

— Спасибо! Я твой должник, — растрогался Ковальчук.

Они спустились во внутренний двор посольства, сели в машину Ковальчука и через полчаса были у ресторана «Ладья». Деревянный корабль, точная копия тех, на которых

свыше тысячи лет назад боевые дружины киевского князя Олега отправлялись к берегам Босфора, чтобы приступом взять Царьград-Константинополь, плавно покачивался на ласковой днепровской волне.

На трапе их встретил ряженный под запорожского казака швейцар и проводил на верхнюю палубу. Судя по тому, как себя держал с ним Генри, он здесь был не редким гостем. Для них быстро нашелся свободный столик в укромном местечке на корме, и, пока официант — этакий пират украинского разлива — занимался заказом, они, попивая сок, вели неспешный разговор.

Сама погода и величественный Днепр невольно наведали ностальгические воспоминания о прошедшем отпуске, и Перси охотно делился ими. Ковальчук рассеяно слушал, но когда на столе появились бутылка забористой украинской горилки, а потом аппетитное жаркое по-домашнему, к которому он испытывал слабость, к нему вернулось расположение духа. Но ненадолго, все смазал сам Перси, некстати упомянув Саливана. Ковальчук с полуоборота завелся, швырнул вилку с ножом на стол и, наливаясь гневом, прорычал:

— Я не хочу про эту грязную свинью слышать! Ублюдок! Ему наплевать на тебя и Маргарет! Он думает только о своей драгоценной заднице! Ему нужен «Фантом», чтобы на его и твоём горбу поскорее перебраться в Лэнгли. Эта тварь...

— Тише, Генри! Тише! На нас смотрят! — пытался утихомирить его Перси.

— Пошли они все в задницу, ряженные обезьяны! — отмахнулся тот и потянулся к бутылке.

— Генри, может хватит? Ты за рулем!

— Дрянной телеги, забитой дерьмом.

— Не сгущай краски.

— Краски?! Ты его еще нанюхаешься, — мрачно обронил Ковальчук и уткнулся в тарелку с жарким.

В разговоре возникла неловкая пауза, но Перси решил первым не возобновлять разговор, опасаясь нарваться на очередной скандал, и предоставил инициативу Ковальчуку.



Тот нервно грыз свиное ребрышко и время от времени прикладывался к рюмке. Но горилка так и не успокоила его разгулявшиеся нервы. Злость и обида, грызущие его изнутри, перехлестывали через край и не давали покоя. Так и не доев жаркое, он, избегая смотреть в глаза, в сердцах бросил:

— А вся эта свистопляска, Марк, началась с твоего «Фантома», будь он трижды проклят. Я тебя еще тогда говорил, хлебнем мы с ним горя, оно так и вышло.

— Что?! Что ты сказал? — поперхнулся Перси.

— А что, разве нет? Из-за него я по самое горло в дерьме.

— Стоп, Генри! А причем тут «Фантом»? Наконец, я?..

Ковальчук заерзал на стуле и поспешил отыграть назад:

— Марк, я, конечно, не тебя имел в виду. Это у Саливана в башке тараканы. Ему уже в собственном доме черти мерещатся.

— О чем ты, Генри? — начал терять терпение Перси.

— О том, Марк! Следующий козел отпущения — ты.

— Я?! Не сгущай краски!

— Ты еще вспомнишь мои слова. Когда дело протухнет, Саливан все на тебя спишет.

— А вот тут ты ошибаешься! Дело идет к вербовке и... — Перси осекся.

Разговор о «Фантоме», затеянный Ковальчуком, невольно воскресил в его памяти предупреждение Саливана о «русском кроте», засевшем в резидентуре. И в нем зашевелился липкий холодок подозрений. Эти эмоциональные заходы Генри под него и «Фантома» уже не казались столь невинными. Теперь он больше думал о том, как бы поскорее свернуть со скользкой темы и вообще убраться из ресторана. Но Ковальчук, подогретый градусом и обидой, похоже, не заметил произошедшей в нем перемены и с насмешкой бросил:

— Вербовке, говоришь?! А потом окажется, что русские тебе ежа в штаны засунули.

— Какая вербовка?! Какой еж? На нем поставлен крест, — замялся Перси.

— Крест, говоришь? Что-то не похоже? — в глазах Ковальчука промелькнула тень.

Под его испытывающим взглядом Перси почувствовал себя, словно голый, выставленный на всеобщее обозрение. Врать добряку Генри, к которому до последнего времени испытывал по-настоящему дружеские чувства, было нелегко, и, пряча глаза, он невнятно пробормотал:

— Ты был прав Генри, — «Фантом» оказался «пустышкой», и моя встреча в Москве только подтвердила это. А с отпуском...

— Стоп, Марк! — болезненная гримаса искривила лицо Ковальчука. — Только не надо вешать мне лапшу на уши! Эти сказки можешь рассказывать бойскаутам. Я не первый год в разведке и все понимаю. Эти шакалы из Лэнгли приехали сюда не горилку пить и хохлушек трахать, а искать «русского крота». И эта сволочь Саливан, чтобы прикрыть свою паршивую задницу, меня под них подставляет...

— О чем ты, Генри?! — пытался вставить слово Перси.

— Марк, я знаю, что ты дальше скажешь. Я сам себя накручиваю. Во мне говорит зависть к Саливану. Да мне плевать на это надутое ничтожество!

— Генри, перестань, не заводись!

— Я уже давно заведенный! Дураки! Идиоты! Работать не могут, а теперь ищут козла отпущения. Пусть ищут! Мне нечего бояться! Я казенные доллары не прикарманивал и дешевых шлях по борделям не таскал! Они еще у меня попляшут! — грозился Ковальчук, и его пудовые кулаки с грохотом опустились на столик.

За соседними столиками предусмотрительно отодвинулись, и с опаской поглядывали на триста фунтов, kloкотавшие от гнева. На это шум из «дежурки» на палубу высыпали вышибалы и приняли боевую стойку. Ситуация в любой момент грозила принять скандальный характер, и Перси, как мог, старался ее сгладить. С трудом удерживая на столе кулаки-кувалды Ковальчука, он уговаривал:

— Генри, успокойся! На нас смотри!

— Кто?! Эти!.. Да они нам давно с потрохами продались!

— Тише, тише! Вдруг кто-то понимает по...

— А мне плевать! — отмахнулся Ковальчук и потянулся к бутылке.

— Тебе хватит, Генри! Ты за рулем! — пытался остановить его руку Перси.

— А, уже боишься со мной пить?!

— Перестань пороть ерунду!

— Ну, раз так, тогда выпьем! — прорычал Ковальчук и разлил горилку по рюмкам.

Выпив, они еще какое-то время вяло ковырялись в уже остывшем жаркое. Внезапно пробежавшая между ними «черная кошка» недомолвок подорвала то взаимное доверие, что еще недавно существовало. Перси избегал смотреть на Ковальчука и все чаще поглядывал на часы. Тот потерял всякий аппетит и, угрюмо нахохлившись, мял в руках салфетку. Пауза затягивалась, и, чтобы выйти из неловкого для обоих положения, Перси, сославшись на усталость, предложил:

— Генри, сегодня у нас обоих тяжелый день, давай сворачиваться, а завтра на свежую голову поговорим.

— Да, — хмуро бросил тот и, пригласив официанта, расплатился.

Они молча прошли к машине. Прежде чем сесть, Перси, скорее из вежливости, чем из дружеских чувств, протянул руку и пожелал:

— Генри, забудем то, о чем говорили! Господь все видит и не даст тебя в обиду.

— Может и видит, но ни от одного из нас не в восторге, — буркнул он и, не заметив протянутой руки, сел в машину.

Перси поиграл желваками на скулах, но сдержался, забрался на заднее сидение и до самого дома больше не проронил ни слова. Холодно попрощавшись, он поднялся в квартиру. Несмотря на усталость, Маргарет не легла спать и терпеливо дожидалась его возвращения. Отказавшись от ужина и выпив чай, он отправился в спальню. Прошло не-

сколько минут, жена уже тихо посапывала рядом, а к нему все никак не шел сон.

Горький осадок, оставшийся в глубине души после разговора с Ковальчуком в «Ладье», не давал покоя. Он снова и снова возвращался к сумбурному разговору с ним, и холодная логика, отсевавшая бурные эмоции и оставлявшая только одни факты, заставляла по иному смотреть на его поведение. И невольно напрашивались выводы далеко не в пользу «старины Генри».

С этими тревожными мыслями Перси забылся в беспокойном сне, а утром они снова зароились в голове. И потом, по дороге в посольство, а затем в кабинете он опять и опять возвращался к последнему разговору с Ковальчуком. И здесь память услужливо подсказывала другие, прошлые странности в его поведении, когда операция с «Фантомом» только начиналась. После долгих колебаний рука Перси тяжело легла на трубку телефона, и, когда ответил Саливан, он внезапно осипшим голосом спросил:

— Сэр, вы можете принять?

— Сейчас?! Что-то срочное, Генри? — насторожился тот.

— Скорее всего, да!

— Заходите! Я жду!

В кабинете резидента Перси почувствовал, как внутри него ожило и зашевелилось что-то липкое и омерзительное, но, переборов себя, он рассказал о вчерашнем разговоре с Ковальчуком и поделился своими подозрениями. Саливан внимательно слушал, изредка уточнял детали, и к концу беседы его глаза совсем заledenели. Холодный и немигающий взгляд резидента стал походить на взгляд змеи. Перси невольно поежился, ему бы не хотелось оказаться в числе врагов Саливана. А тот, не дрогнув ни одним мускулом на лице, буднично сказал:

— Если наши подозрения подкрепятся доказательствами, то я усажу Ковальчука на электрический стул! Ваша информация, Марк, может оказаться весьма кстати.

— Это мой долг, — выдал из себя он.

— Не только долг, но и обязанность — каленым железом выжигать измену! — категорично отрезал Саливан и поднялся из кресла.

Перси встал и с напряжением ждал продолжения разговора. Но резидент не спешил, прошелся по кабинету, остановился перед окном, а затем резко обернулся и, пытливо заглянув ему в глаза, спросил:

— Марк, вы готовы помочь мне и спецкоммиссии вывести Ковальчука на чистую воду?

— М-да. Но с трудом представляю, как? — промямлил он.

— Как — это уже вопрос технический. Например, через людей Дункана подбросим Ковальчуку информацию о важном решении по «Фантому». Если он «русский крот», то должен среагировать и перепроверить. Сам собою напрашивается вопрос, через кого? — рассуждал вслух Саливан.

— Видимо, через меня, — догадался Перси.

— Совершенно верно! В этом случае мы сразу сможем убить двух зайцев: получить доказательства, что он «русский крот», и подбросить через него же ФСБ дезу.

— Какую?

— А это уже будет зависеть от вас, мой дорогой Марк. «Крот» не должен почувствовать, что мы подобралась к его норе.

— Я постараюсь, сэр

— Вот и договорились, детали предстоящей комбинации обсудите с Дунканом! — закончил разговор Саливан.

Перси покидал кабинет резидента в еще большем смятении, чем когда входил. Роль подсадной утки, которую предстояло ему сыграть, претила его душе. Саливан проводил его до двери и ободряюще похлопал по спине. И когда она захлопнулась, он возвратился к столу и тяжело опустился в кресло. Прошла минута, другая, и его рука легла на кнопку переговорного устройства.

— Я слушаю вас, сэр? — отозвался Дункан.

— Зайди ко мне, Сэм, — распорядился он.

Прошло совсем немного времени, и тот тихой тенью возник на пороге.

— Проходи и садись ближе, — пригласил Саливан.

Дункан занял место за приставным столиком, а после того как заработал генератор зашумления, догадался, что разговор предстоит более чем серьезный, и не ошибся. Саливан начал беседу с вопроса, который сразу заставил его напрячься.

— Сэм, для тебя не секрет работа спецкомиссии?

— Да.

— Сам понимаешь, просто так они не приезжают.

— Догадываюсь.

— Есть серьезные подозрения, а сегодня они еще раз подтвердились, что в резидентуре завелся «крот».

Невозмутимое лицо-маска Дункана дрогнуло, но он промолчал, и Саливан продолжил:

— И падают они на Ковальчука!

— Генри?! Не может быть!

— Может, и еще как! Есть конкретные факты.

— Нет, это какая-то ошибка! Я его хорошо знаю. Да, против шерсти не погладишь. Начальству в рот не смотрит. Любит выпить. Но чтобы «крот»?! — не мог поверить Дункан

— «Крот», не «крот», но они зацепились за него! — с раздражением произнес Саливан, на его лице промелькнула кривая гримаса. — Может, оно и к лучшему?!

— Как к лучшему?! — брови Дункана поползли вверх.

— Остальных хоть не будут трогать! Не знаю, найдут они «крота» или нет, но дерьма на резидентуру точно накопают, потом век не отмоемся. Так что пусть крутят Ковальчука, а чтобы другим не мешали работать, подбросим парочку свежих фактов, и пусть хоть до второго потопа с ним разбираются, — цинично рассуждал Саливан.

Дункан слушал и в очередной раз поражался изощренности и коварству его ума. Этот иезуитский и вместе с тем

прагматичный подход к сложившейся ситуации был вполне оправдан. С первого дня работы спецкомиссии резидентуру начало лихорадить, и к концу недели мало кто уже думал о работе. Слухи, взаимные подозрения черной кошкой пробежали между старыми друзьями, они с опаской косились друг на друга и избегали откровенных разговоров. В душе Дункану было жаль добродушного Ковальчука, ставшего невольной жертвой обстоятельств, но подозрения против него, которые излагал Саливан, не были высосаны из пальца, и когда тот закончил, он спросил:

— Сэр, а от меня что надо?

— Совсем немного. Кто из твоих контактит с Ковальчуком?

— Пришли, Симпсон и, пожалуй, все.

— Кто из них надежнее?

— Пришли.

— Отлично! Через него подкинь Ковальчуку дезу по «Фантому». Ее детали проработай сам и потом отдельно доложишь.

— А Пришли должен знать конечную цель?

— Нет, конечно! Работай с ним «втемную»!

Дункан болезненно поморщился.

— Что-то не ясно, Сэм?

Тот продолжал мяться.

— Ну, говори, говори!

И здесь, казалось, лишенного нервов и чувств Сэма прорвало.

— Чертова служба! Никому и ничему нельзя верить! Жрем друг друга, как пауки в банке! Проклятые политики! Они, как всегда, в стороне, а мы по самые уши в дерьме и потом до самой смерти отмываемся! За тридцать серебряников покупаем чужие души и теряем свои. Ради чего?! — бросал он в лицо Саливану эти тяжелые словно камни слова.

Тот оторопел и в первую минуту не мог ничего сказать, а когда к нему вернулся дар речи, с изумлением воскликнул:

— Сэм, что с тобой? Какая муха тебя укусила?!

— Муха? Если бы только муха... — устало ответил он и, спустив пар, с горечью произнес: — Я двадцать лет в разведке и все чаще задумываюсь, ради чего мы покупаем и растлеваем чужие души? Зачем в одном месте плодим террористов, а в другом их уничтожаем? Почему убираем одних марионеток, а вместо них сажаем других? Мы что, хотим заставить весь мир плясать под свою дудку? Но ради чего? Если...

— Хватит, Сэм! — оборвал Саливан, его лицо затвердело, и он сухо отрезал: — Перестань нести этот вздор! Если бы это говорил желторотый Боб Динар или Роберт Ливицки, я бы еще мог понять. Но ты-то — старый волк!

— Вот именно, что старый! Мы развалили советскую империю, а что дальше? Нас повсюду ненавидят и...

— Боятся, ты хочешь сказать?! А это не одно и то же. Кто силен, тот и правит миром, и если мы сегодня где-нибудь хоть на шаг отступим, то завтра там будут наши враги, а послезавтра в Вашингтоне будут сидеть китайцы или русские. Ты этого хочешь?!

— Я не о том! Я...

— А я как раз об этом! — оборвал Саливан и, поигрывая желваками на скулах, продолжал гвоздить его словами: — Не мне тебе говорить, что хозяином в двадцать первом веке будет тот, кто владеет ресурсами. У нас их мало, но они есть у России. Сорок процентов всех мировых запасов! Сорок, ты только вдумайся! Это непозволительная роскошь! Варвары! Они ведут себя, как та собака на сене. Мы должны стереть с лица земли само понятие «Россия» и уничтожить славянский дух! Мы и никто другой должны править миром, иначе черная и желтая саранча сожрет нас с потрохами!

— Но это же новая мировая война! — воскликнул Дункан.

— Зачем?! Деньги и тонкая пропаганда сделают это лучше любой атомной бомбы! Как в восьмидесятых, мы растлим их души, духовные ценности подменим ложными, столкнем лбами русского и татарина, чеченца и осетина,



втопчем в грязь их правителей и потом без единого выстрела возьмем то, что должно по праву принадлежать нам. Карфаген должен быть разрушен! Ты слышишь, Сэм? Кремль надо стереть с лица земли! — и злобная гримаса искривила лицо Саливана

— Кремль? — Дункан с сомнением покачал головой и скептически заметил: — В девяносто первом, а потом в девяносто третьем, когда они палили из пушек по своему парламенту, еще был шанс, но сегодня, когда русская газовая и нефтяная удавки душат Европу, такое невозможно!

— Невозможно, говоришь?! А вспомни, еще совсем недавно мало кто верил, что в Прибалтике и Грузии мы будем себя чувствовать, как в Джорджии! Но мы уже там! Завтра вырвем сердце у южных славян — Косово. Не за горами и тот день, когда и эта — мать их городов русских — Украина станет вдовой!

Дункан угрюмо слушал. Саливан, не оставив камня на камне от России и стерев в порошок всех славян, возвратился к «Фантому».

— Этот «Фантом» — еще одна мина под фундамент России!

## Глава 12

Едва только Кочубей с Остащенко вышли из кабинета, как Агольцев снова прилип к фотографиям с американскими инспекторами, находившимися 8 февраля на Йошкар-Олинской ракетной базе, и снимкам, сделанным «наружкой» в конце апреля в парке «Центрального дома художника». Неизвестный, беседовавший с доцентом, кандидатом технических наук подполковником Орестом Литвиным на террасе летнего кафе ЦДХ, и американский инспектор Дэвид Уильям Скотт, похоже, был одним и тем же лицом.

Удача, играющая в разведке и контрразведке далеко не последнюю роль, наконец, сказала свое веское слово. И тем не менее он все еще не мог поверить в нее. Против был «железный» аргумент: в те дни, когда «Гастролер» вышел на резидентуру ЦРУ в Киеве, Литвин вместе с семьей проводил отпуск у родителей жены. Подтверждением тому служили подшитые в дело на «Доцента» ориентировка из Воронежского управления ФСБ и копия страницы из журнала учета отпускников военкомата. В них черным по белому было написано, что в то время Литвин находился в Воронеже.

Но факт оставался фактом — «наружка» и фотограф в далекой Йошкар-Оле бесстрастно зафиксировали то, что неизвестный, сидевший с ним за одним столиком в ЦДХ 29 апреля с 13 часов 2 минут до 13 часов 27 минут, и американский инспектор Дэвид Скотт были похожи, как две

капли воды. К сожалению, содержание их разговора разведчикам наружного наблюдения тогда не удалось записать, но, судя по напряженным лицам собеседников, он явно шел не о погоде и скульптурных изысках советского ренессанса, болезненная гримаса на физиономии Литвина была тому лишним подтверждением.

Агольцев снова и снова вглядывался в их лица и пытался найти ответы на вопросы, которые противоречили логике и здравому смыслу. Последние материалы по другому подозреваемому — Дудинцу были куда более весомы, чем эти фотографии, и подтверждали версию о том, что именно тот является «Гастролером». Но от них тоже нельзя было отмахнуться. Агольцев искал и не мог найти объяснения тому, каким образом американский инспектор Скотт и доцент Литвин оказались вместе.

«Где?! В чем мы допустили просчет по Литвину?.. Собственно, был ли он?.. То, что Скотт сотрудник ЦРУ, еще не факт... И не факт, что 29 апреля он беседовал с Литвиным в кафе... Мало ли похожих друг на друга... Вон Кочубей вылитый Литвин...» — размышлял Агольцев.

Его так и подмывало поднять трубку телефона и доложить Бармину об этом поразительном факте, но, поразмыслив, он решил не пороть горячки. Отложив фотографии в сторону, открыл дело на Литвина и принялся внимательно вчитываться в документы. Большинство из них ему были известно почти наизусть, но сейчас он пытался новым взглядом посмотреть на эти факты.

Копия первой выпускной аттестации на лейтенанта Литвина, в некоторых местах подчеркнутая его и рукой Бармина, мало отличалась от его однокашников, но опытному глазу она давала пищу для размышлений. За пять лет учебы в военном училище у начальника курса и курсовых офицеров было достаточно времени, чтобы изучить будущего офицера, и, несмотря на обычные в таком деликатном и важном вопросе, как аттестация, округлости, они между строк отразили главное:

«За время учебы курсант Литвин показал себя в целом дисциплинированным военнослужащим. Требования воинских уставов в основном соблюдал. На старших курсах проявил склонность к научной деятельности. Активно участвовал в работе военно-научного общества. Внес ряд рационализаторских предложений. Вместе с тем, учился ниже своих способностей...

По характеру волевой, целеустремленный...

В коллективе держался обособленно. Активного участия в общественной деятельности курса не принимал. На критику реагировал не всегда адекватно».

С такой аттестацией для выпускника Литвина место нашлось только за Байкалом. Прибыв к месту назначения с многозначительным названием — станция «Безречная», «зеленый» лейтенант, как и многие его предшественники, от одного только вида тут же «пожелтел» и надолго потерял дар речи. После пяти лет учебы в подмосковном, почти столичном Серпухове, здесь, в забытом богом и начальством гарнизоне Забайкальского военного округа, а в простонародье — «Забудь вернуться обратно», небо показалось ему с овчинку.

Голые, унылые сопки и пронизывающие ветра, приносившие зимой из монгольских степей лютую стужу, летом — стоящий нестерпимый жар, могли кого угодно вогнать в смертную тоску. Даже недавно отстроенный военный городок ракетчиков, где в пятиэтажках в июльское пекло в кранах иногда булькала горячая вода, выглядевший настоящим «Лас Вегасом» в сравнении с жалкими лачугами бурятов, корейцев и китайцев в соседнем поселке, не смягчил в душе Литвина тоски по столичной жизни.

Гарнизон, где «общественные интересы и творческие мысли» фонтанировали один раз в месяц в день «пехоты» — выдачи зарплаты в частях, в известном на всю округу кафе «Бабы слезы», мог быстро обломать «соломенного холостяка» Ореста. В тот день, после восемнадцати, с неотвратимостью морского прилива на оба зала кафе одна за

другой накатывали волнами «слаженные боевые расчеты», а под утро безутешные жены лили горячие слезы и, грозя спалить «Плакучую иву», выносили на своих плечах бесчувственные тела мужей. Потом еще не одну неделю в служебных кабинетах звучали отголоски этого «эпохального события», а «длинные языки» смаковали скандальные подробности.

«Высшее общество», где местная примадонна «Зойкамать» успела переженить на себе половину гарнизона, но так никому и не отдала полностью свое любвеобильное сердце, где «вечный» капитан «Жеребец», несмотря на все тяготы и лишения воинской службы, продолжал оставаться в рядах стойких холостяков и предпочитал кормиться у чужих жен, чем содержать свою, вряд ли привлекло рафинированного лейтенанта Литвина.

Остался он в стороне и от событий, которые два раза в году, в марте и сентябре, когда министр обороны издавал приказ о призыве на службу нового пополнения и увольнении с нее отслуживших свои сроки, не оставляли равнодушными большинство жителей гарнизона. В те «судьбоносные» дни они становились свидетелями захватывающей схватки между дембелями и армейскими патрулями за памятник казаку Ерофею Павловичу. Несмотря на плотные кордоны, каждое новое утро его чугунный жеребец неизменно встречал с надраенными до нестерпимого блеска яйцами и с привязанной к хвосту метлой.

Жить такой жизнью у Литвина, а точнее у его тестя, хватило терпения только на два года. С превеликим трудом «старый» полковник, подключив все свои связи, выдернул начавшего «дичать» зятя в Москву к не слишком грустившей в одиночестве жене. В Академии имени Петра Великого после перенесенного «интеллектуального потрясения» в Забайкалье в Оресте вновь проснулся творческий зуд. В то время, когда однокашники, плюнув на «сияющие вершины науки», кинулись подрабатывать на стороне ночными сторожами и вышибалами, он упорно корпел над кандидат-

ской и через два года досрочно защитился. На факультете его рвение заметили и вскоре назначили заместителем начальника кафедры. С новым назначением перед ним открылись блестящие перспективы для научной карьеры, но весной прошлого года недоброжелатели подставили ножку. Споткнувшись на защите докторской, он закусил удила и, забросив науку, ударился в бизнес. Но на этом новом для себя поприще каменных палат себе не нажил и перебивался случайными заработками.

Все это вместе взятое, по мнению Агольцева, не давало оснований подозревать Литвина в том, что он мог броситься во все тяжкие и начать торговать секретами. Эпизодически поступавшая на него оперативная информация о нарушениях режима секретности в работе с материалами, содержащими гостайну, — их обработка на неучтенных магнитных носителях, мало чем отличала его от коллег, нередко грешивших тем же самым.

Повышенный интерес Литвина к разработкам по программе «Тополь-М» и результатам испытаний, которые раньше отмечали оперативные источники, тоже находил свое объяснение. Тема его докторской диссертации по ряду позиций была близка к ней, но после провала на защите этот интерес сам собою угас, а вместе с ним спал и накал работы контрразведчиков. Главным же аргументом, говорившим в пользу Литвина, был тот факт, что в момент выхода «Гастролера» на резидентуру ЦРУ в Киеве, он с семьей гостил у родственников в Воронеже. И если бы не последняя информация Кочубея, то тощее дело на «Доцента» так бы и продолжало пылиться на нижней полке сейфа Агольцева. Теперь все эти косвенные признаки, дававшие основание подозревать Литвина в шпионаже, складывались в логическую цепочку, но в ней не хватало главного — его поездки в Киев.

— Киев! Киев! — повторил Агольцев и, отложив дело, встал и прошелся по кабинету, затем снова вернулся к фотографиям. С них на него насмешливо поглядывал Скотт.

— Рано радуешься! Мы еще разберемся, какой ты на самом деле «скот»! — с ожесточением произнес Агольцев и снял трубку телефона.

— Слушаю вас! — раздраженно ответил Бармин.

— Алексей Анатольевич, это Агольцев. Извините, я, кажется, не вовремя?

— Вовремя! Что у тебя?

— Есть острая информация по Литвину.

— Острая, говоришь?

— Да, весьма.

— А позже с ней никак нельзя или боишься порезаться?

— Алексей Анатольевич, вопрос действительно серьезный.

— Говори, только короче! — торопил Бармин.

— Кажется, рановато списали со счетов Литвина. Кочубей тут выкопал такое!.. Это напрямую...

— Виктор Александрович, не интригуй! Ближе к делу!

— Вы помните материалы по встрече Литвина с неизвестной парочкой в летнем кафе, в парке ЦДХ? — напомнил Агольцев.

— Их что, установили? — оживился Бармин.

— Одного, похоже, да. Американский инспектор Дэвид Уильям Скотт!

— Американец?! Инспектор?! Как он там очутился?!

— Не знаю. Пока могу сказать одно: на фото «наружки» и на фото, присланном из отдела контрразведки по Йошкар-Олинской дивизии, похоже, одно и то же лицо — Скотт!

— Скотт? Ты уверен?

— Не на все сто, нельзя исключать совпадения.

— А как это вяжется с Киевом и «Гастролером»?

— Пока не знаю. Ломаю голову и не могу свести концы с концами.

— Так, Витя, бери материалы и бегом ко мне! — поторопил Бармин.

Агольцев сгреб со стола фотографии и вместе с делом на «Доцента» отправился на доклад. Бармин, заинтригован-

ный сообщением, нетерпеливо прохаживался по кабинету и, едва Агольцев переступил порог, набросился на него:

— Показывай свою бомбу, Витя!

Тот разложил фотографии на столе и отступил в сторону. Бармин склонился над ними и долго, долго разглядывал, затем, как в пасьянсе, перемешал и только потом осторожно заметил:

— Очень похожи! Но еще не факт, что Литвин — это «Гастролер».

— Согласен! Все упирается в Воронеж. висит, как тот «кирпич» на дороге! — посетовал Агольцев.

— С «кирпичом», Виктор Александрович, ты в яблочко попал. Но подложили его мы сами!

— Как так?!

— А вот так! Понадеялись на «дядю» и получили отписку, что он весь отпуск просидел на печи.

— Так это же они, а не мы проверяли!

— От этого не легче. Сейчас не время искать крайнего. Надо своими руками прощупать каждый факт и проверить по дням, часам, где находился Литвин, когда «Гастролер» выходил на резидентуру в Киеве.

— Вы полагаете, он мог сделать ход конем? — предположил Агольцев.

— И еще какой! Если за четыре месяца мы не докопались, то это говорит только об одном — голова у него варит, что надо.

— Теперь он на крючке! Удочка в наших руках.

— Не говори гоп, рыбак. Вот ты и поедешь в Воронеж его ловить.

— Хоть сейчас!

— Это как решит Градов. Кого возьмешь в помощь?

Агольцев, помявшись, неуверенно спросил:

— Может снять карантин с Кочубея и Остащенко, а то ребята скоро зачахнут?

— Исключено! — категорично отрезал Бармин. — Дай бог вытащить их из сухумской истории.



— Но других работников, завязанных на это дело, у меня нет.

— Прохоров поможет. Полагаю двоих — Байдина и Салтовского — тебе вполне хватит. Так что считай вопрос закрытым.

— Хорошо! Когда выезжать?

— Наверно, уже сегодня. Иду доложить Градову, а ты готовься, — закончил разговор Бармин...

Спустя пять часов Агольцев, Байдин и Салтовский стелили постели в купе фирменного поезда Москва — Сочи. Еще не улеглась в вагоне обычная в таких случаях суета, а поезд, тихо оттолкнувшись от перрона Казанского вокзала и весело постукивая колесами, покотил на юг. Через час разноцветное огненное зарево, полыхавшее над столицей, осталось позади, и экспресс, разрывая мощным прожектором ночную тьму и тревожа ревом гудка уснувшие в весенней неге полустанки и поселки, мчал контрразведчиков вперед, к разгадке тайны отпуска Литвина.

На следующее утро дежурная машина управления ФСБ по Воронежской области ждала их на служебной стоянке при вокзальной площади, а спустя двадцать минут они уже были в кабинете начальника отдела контрразведывательных операций полковника Игоря Горемыкина. Судя по его напряженному лицу, от внезапного приезда оперативной группы из военной контрразведки он не ждал ничего хорошего. Ее полномочия, подкрепленные срочной шифровкой, подписанной заместителем директора ФСБ, были чуть ли не чрезвычайными.

Агольцев не стал напирать на это и «надуть щеки», задетое честолюбие Горемыкина могло только помешать делу. Намеренно уйдя от обсуждения результатов предыдущей проверки Литвина, он предложил сосредоточиться на плане предстоящей работы, и это сразу сняло напряжение, витавшее в воздухе. Горемыкин приободрился, вызвал секретаря и распорядился приготовить кофе. Вскоре его ароматный запах растопил последние остатки холодка, и разговор перешел в деловое русло.

Технический вопрос — какие связи Литвина и родственников жены взять в проверку, не вызвал спора, их круг был быстро очерчен. Трудность заключалась в другом, как из них вытащить информацию о том, где Литвин находился в те дни, когда «Гастролер» искал в Киеве выход на американскую разведку. В этом вопросе требовалась особая деликатность и осторожность, любая ошибка могла потом дорого обойтись. После короткой дискуссии решили начать эту работу с соседей тещи Литвина. И когда план работы приобрел зримые очертания, Агольцев поинтересовался у Горемыкина:

— Игорь Николаевич, а как с местом для работы нашей группы?

— Не вопрос! Занимайте кабинет моего зама, он сейчас в отпуске, — радушно предложил тот и проводил к месту.

Агольцев остался доволен. Телефоны оперативной и ВЧ-связи были под рукой. Байдин тут же засел за компьютер — электронные мозги должны были помочь переваривать те потоки информации, которые оперативники Горемыкина через несколько часов могли обрушить на них. Салтовский проверил кофеварку, затем сбегал в столовую и прикупил кофе со сгущенкой. Агольцев, доложив Бармину о начале работы, разложил на столе большой лист бумаги и принялся вычерчивать аналитическую схему, в центре которой находились пока только Литвин и родственники его жены.

Ждать первых сообщений им долго не пришлось. Первым о себе напомнил Горемыкин. Его вид говорил о том, что рассчитывать на быстрый и легкий успех не стоит. В сводке телефонных переговоров звонки из Киева на квартиру тещи Литвина отсутствовали. Всего с первого по двадцать седьмое декабря набралось пятнадцать междугородних разговоров. Из них шесть были из Москвы, и, судя по номерам и времени, это Литвин с женой накануне отъезда разговаривали с ее родителями. С остальными девятью предстояло еще разбираться, но два из них сразу заинтересовали Агольцева, по времени они совпадали с выходом «Гастролера» на резидентуру ЦРУ. Этот на первый взгляд незначительный факт

пока лишь косвенно свидетельствовал в пользу шпионской версии, но для ее подкрепления требовались более весомые доказательства. Теперь все решал профессионализм оперативников. А они времени даром не теряли, и уже к обеду поступила первичная информация соседей тещи Литвина. Особенности их характеров, слабые и сильные стороны, привычки и увлечения под рукой Байдина раскладывались на составляющие и потом закладывались в компьютер. Машина сердито потрескивала, с трудом глотал их и потом выдавала только ему понятные иероглифы.

Вечером в полном составе оперативная группа собралась в кабинете Горемыкина. Список из пяти кандидатов с предложениями Байдина, как с ними строить беседу, лежал на столе. Взвесив все «за» и «против», Агольцев остановился на троих. Пенсионеры Баулины были на дружеской ноге с родителями жены Литвина. Бывший майор-пограничник, судя по собранной на него информации, не потерял прежней хватки, и на это, собственно, рассчитывал Агольцев. Две другие кандидатуры — участкового милиционера и первой сплетницы во дворе бабки Веры оставили про запас.

На следующее утро Салтовский и старший оперуполномоченный отдела контрразведывательных операций управления майор Михаил Дружинин отправились в частное охранное предприятие «Защита», где Баулин работал начальником дежурной смены. Он оказался на месте и был один в кабинете. Несмотря на свои пятьдесят четыре года, бывший пограничник смотрелся бодрячком. Энергично пожав руки, он предложил сесть на единственный в кабинете диван и наметанным взглядом прошелся по посетителям. Им не пришлось представляться, за них это сделал он.

— Из милиции?.. Э-э... Нет! Из ФСБ? — предположил Баулин.

— Да! А на нас что написано? — удивился Дружинин.

— Капитан... Прошу прощения, наверное, майор... Удивляться тут нечему, с мое послужишь и не такому научишься, — усмехнулся в густые усы бывший пограничник.

— С майором и организацией вы, Василий Федорович, не ошиблись, — подтвердил Дружинин и представился: — Михаил!

— Виктор. Военная контрразведка. Москва, — назвал себя Салтовский.

— О! Особист! — и в голосе Баулина зазвучали уважительные нотки.

— Это раньше были особисты, а сегодня сотрудники органов безопасности в войсках, — поправил Виктор.

— Особист или, как ты там говоришь, сотрудник в войсках... Какая разница, главное, чтобы вы с армией страну не проспали. Посмотри, что этот ненормальный Буш вытворяет! В Ираке людей ни за что гробит. А Украина? Черти что там творит. Этого психа грузина на нас науськивает. Я так вам скажу, зарвался, подлец, пора по рукам дать! А кроме вас и армии ответить больше некому. На этих «новых русских» надежды нет, чуть что, так первыми с чемоданами за границу рванут!

— Не волнуйтесь, Василий Федорович, военная контрразведка не спит, а в армии порядок, как на границе! — заверил Салтовский.

— Надеюсь, что так, — с легкой грустью произнес он и в его голосе зазвучали ностальгические нотки. — В мое время с вашими ребятами — особистами мы плотно работали, знали, что творится в соседнем афганском кишлаке и в каком дворе чья собака лает.

— Сегодня тоже грех жаловаться, все вопросы решаем вместе.

— Дай-то бог, чтобы так и дальше шло, — пожелал Баулин и затем, пытливо посмотрев на офицеров, спросил: — Я так понимаю, пришли вы не за воспоминаниями.

— Совершенно верно. Есть один серьезный разговор, Василий Федорович, — решил перейти к делу Дружинин.

— Серьезный, говоришь? — и он, бросив выразительный взгляд на потолок, предложил: — Выйдем на улицу, там покурим, а заодно и потолкуем.

— Может в кафе, я рядышком одно приметил? — сделал встречное предложение Виктор.

— С удовольствием, но в следующий раз, я на службе, ребята.

Они не стали возражать, вслед за Баулиным вышли во внутренний дворик и там, в уютной беседке, за густой стеной сирени, почувствовали себя свободнее, чем в тесном кабинете, где, судя по всему, даже стены имели глаза и уши. Баулин присел на лавку, неторопливо достал из кармана брюк пачку «Беломора», вытащил папиросу и, помяв в крепких пальцах, закурил. Виктор и Михаил не спешили наседать с вопросами; судя по тому психологическому портрету, что подготовил Байдин, основательный и неспешный во всем бывший майор-пограничник не любил суеты. После нескольких затяжек, отбросив в сторону дипломатические заходы, он заявил:

— Я понимаю, что по пустякам из Москвы не приезжают, и потому спрашивайте прямо. Что знаю, то скажу, и чем смогу, тем помогу!

— В таком случае, Василий Федорович, что вы можете сказать про Ореста Литвина? — решил не ходить вокруг да около Виктор.

— Ореста?.. Литвина?.. — задумался Баулин, а затем, словно взвешивая на невидимых весах каждое слово, продолжил: — Ближко не знаю, редко здесь бывает. Семья как семья. Мужик головастый, дураков в академии держать не станут. В разговоры особые не лез. По характеру спокойный, но с гонорком. Деньги? А кому их сейчас хватает? Подозрительного за ним ничего не заметил. Что еще сказать, даже и не знаю, вы лучше задавайте вопросы, а я буду отвечать.

— Хорошо! — согласился Салтовский и спросил: — С двенадцатого по двадцать четвертое декабря прошлого года он находился в Воронеже?

— Находился, но когда точно, сейчас не скажу. Был с женой и детьми, — подтвердил Баулин.

— И еще, — оживился Виктор и задал главный вопрос, — на Украину он ездил?

— На Украину?.. Мать у него там живет, то ли в Кременчуге, то ли в Чернигове, это знаю. А вот ездил ли он к ней, — про то не слышал. Светлана и дети вроде все время в городе были.

— А Литвин сам не мог поехать? — поинтересовался Михаил.

— Вот чего не знаю, того не знаю.

— Жаль! — не мог скрыть досады Виктор.

— А в другие места? — продолжал допытываться Михаил.

— Другие?.. — переспросил Баулин и задумался.

Салтовский с Дружининым напряглись. От этого ответа зависело многое, если не все. Сосед, бывший пограничник, соображавший что к чему в контрразведке и разведке, являлся самым ценным из трех свидетелем. В оперативном штабе особенно рассчитывали на него, Баулин это понимал и старался, как мог, помочь. И когда он снова заговорил, то уже первые фразы пробудили у Виктора и Михаила угасшую было надежду.

— Точного дня не назову, — силился вспомнить Баулин, — но где-то в это время Орест ездил в Лиски.

— Лиски?! Это где? — озадачился Виктор.

— Недалеко, сотня километров, — пояснил Михаил.

— К кому? — очередной вопрос Салтовского не вызвал затруднений у бывшего пограничника.

— К дядьке жены, — уверенно ответил он.

— Зачем?

— То ли на охоту, то ли рыбалку.

— Охоту?! Он же не охотник! — удивился Виктор.

— Тогда на рыбалку, разговор об этом у меня был со Светланой и прошел как-то вскользь.

— А она ездила?

— Нет! Я уже говорил, она с детьми в городе оставалась. Потом мне жаловалась, что с рыбалкой Орест совсем забыл про семью.

— А когда, когда это было? — торопил Виктор.

— Если бы я знал, ребята, то запомнил, — с сожалением сказал Баулин и потянулся к пачке с папиросами.

Но Дружинин не позволил ему перевести дыхания и задал новый вопрос:

— Василий Федорович, а как он себя вел, когда вернулся?

— Обыкновенно.

— А какие-нибудь странности вам не резанули глаз?

— Странности? Если и были, то разве вспомнишь, столько прошло времени, — и Баулин развел руками.

— Ну, что вы, Василий Федорович, спасибо за помощь! — поблагодарил Виктор и, уже прощаясь, попросил: — Одна к вам будет просьба — о нашем разговоре никому!

— Ребята, я что, не понимаю?! Ни одна живая душа не узнает! — заверил Баулин и, проводив до ворот, еще долго потеплевшим взглядом смотрел им вслед.

Эта встреча напомнила ему о прошлой службе и заставила повлажнить глаза. За девять лет гражданской жизни он так и не смог к ней привыкнуть. Рутинная работа в ЧОПе не могла заменить того, что однажды, с первым выходом на границу раз и навсегда вошло в его жизнь. Там, у узкой распаханной полоски земли, он, лейтенант Баулин, выпускник Алма-Атинского пограничного училища, с пронзительной остротой ощутил ту особую ответственность, что легла ему на плечи. Для него не были пустым звуком слова из песни времен юности — «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Он продолжал этим жить и рад был хоть чем-то помочь контрразведчикам.

А Салтовский, все еще боясь поверить в удачу, едва только машина отъехала от здания ЧОПа, включил диктофон и внимательно вслушивался в запись, стараясь не пропустить ни одного слова из беседы с Баулиным. С не меньшим нетерпением ее результатов дожидались в управлении Агольцев и Байдин. Они вяло копались в материалах, которые им подбрасывали подчиненные Горемыкина, время от времени поглядывали на часы, и, как только Салтовский с Дружи-

ниным переступили порог кабинета, оба, не сговариваясь, задали один и тот же вопрос:

— Он был на Украине?!

— Пока неясно, но то, что отсутствовал в Воронеже и не один день, так это факт! — выпалил Салтовский.

— Где его носило? — торопил Агольцев.

— По словам Баулина, ездил в Лиски к дядьке Светланы, то ли на рыбалку, то ли на охоту.

— С семьей?

— Один. На этой почве у него даже возник конфликт с женой. В общем, темная история.

— Темная, говоришь? А для нас может оказаться самая что ни на есть светлая. Нутром чую, в этих Лисках «собака зарыта»! — оживился Агольцев.

— Ох, и хитер же лис! Для нас отпуск в Воронеже. Родне — рыбалка. А на самом деле по нелегальному каналу махнул в Киев, — заключил Байдин.

— Ход мысли правильный, Юрий Михайлович, но его надо подкрепить фактами, — согласился с выводом Агольцев и тут же решительно распорядился: — Остаешься на месте для координации работы с управлением, а я с Виктором немедленно выезжаю на место!

— Я с вами? — напомнил о себе Дружинин.

— Ты?.. А в этих Лисках есть гор- или райотдел?

— Имеется. Начальник на месте — майор Ракитин, молодой, но хваткий и обстановкой владеет.

— Это хорошо! Ехать туда делегацией нет нужды, нас с Виктором вполне хватит. А тебя попрошу, передай Горемыкину, пусть свяжется с Ракитиным, чтобы тот к нашему приезду собрал на «лискинского дядьку» фактуру, чтобы знать с какого бока к нему подъехать.

— Сделаем, Виктор Александрович! — заверил Дружинин.

— Тогда не будем терять время! Миша, за тобой Ракитин и машина. Ты, Виктор, готовься к отъезду. А я пока доложу Бармину, — подвел итог Агольцев.



Дружинин прошел в соседний кабинет и начал названивать Ракитину. Салтовский, не мешкая, отправился в гостиницу собирать вещи, а Агольцев связался с Москвой и сообщил результаты беседы с Баулиным. Они добавили настроения Бармину, впервые за последние дни в его голосе зазвучали оптимистичные нотки. Отсутствие Литвина в Воронеже и загадочное пребывание в Лисках усиливали подозрения в отношении него. Теперь многое зависело от результатов поездки к «дядьке», и в конце разговора Бармин не удержался, чтобы не напомнить Агольцеву об этом. После доклада в Москву зазвонил телефон оперативной связи — это был Ракитин. Дружинин времени даром не терял и поднял его на ноги. Судя по голосу, начальнику городского отделения ФСБ вряд ли было больше лет, чем Салтовскому.

«Может оно и к лучшему, еще не успел оторваться от земли», — подумал Агольцев и, не вдаваясь в подробности, объяснил, что от того требуется.

Теперь, когда все вопросы были согласованы, ему с Салтовским оставалось только запастись терпением. Благо Лиски от Воронежа отделяло каких-то сто с лишним километров, и они, отказавшись от обеда в управлении, выехали в местное городское отделение ФСБ. На федеральной трассе Москва — Ростов джипу было где разогнаться, и через час с небольшим перед ними показались окраины города.

Он мало чем отличался от тысяч других провинциальных городов, разбросанных по центру России. Вдоль главной дороги чередой тянулись лотки, уставленные разнокалиберными банками со знаменитым на всю округу медом. Под пологом летних палаток золотились на солнце гирлянды вяленого донского леща и балыка.

— Эх, сейчас бы пивка для рывка! — глядя на это изобилие, мечтательно произнес Салтовский.

— Ты еще скажи, водочки для обводочки, — сурово заметил Агольцев и, облизнув высохшие губы, смягчился: — Доведем дело до ума, тогда и отведем душу.

— Товарищ полковник, вкуснее нашей рыбки, да еще с воронежским живым пивком ничего нет! — с гордостью произнес водитель и причмокнул губами.

— Володя, не искушай! Гляди вперед и смотри, чтобы пивзавод с горотделением не перепутать, — предупредил его Агольцев.

— По такой жаре греха большого не будет, — хмыкнул тот, через сотню метров свернул в тихий проулок и остановился перед глухими воротами.

За ними, в глубине двора, притаился в тени яблоневого сада двухэтажный особнячок. Агольцев первым вышел из машины, решительно надавил на кнопку звонка, и, распахнув калитку, шагнул на аккуратно посыпанную песком аллею. Ему навстречу выкатился коlobком эдакий живчик. В нем все, начиная от «гоголевского носа» и заканчивая щегольскими усиками, находилось в постоянном движении.

— Здравия желаю, товарищ полковник! Майор Ракитин Александр Васильевич, — представился он.

— Агольцев Виктор Александрович.

— Салтовский Виктор Васильевич, — назвали они себя.

— Как добрались? — поинтересовался Ракитин.

— С трудом, Александр Васильевич, — ответил Агольцев и тяжело вздохнул.

— А что так? — насторожился тот.

— Да вот ваш водитель все подбивал свернуть налево.

— Что?! — Ракитин не мог понять, то ли в шутку, то ли всерьез, говорят с ним.

— Больно нахваливал вашу рыбу и пиво.

— А-а! Это мы сейчас исправим, — повеселел он и предложил: — Поднимайтесь ко мне в кабинет, а я что-нибудь придумаю.

— Александр Васильевич, с этим пока рановато, если только минералочки и перекусить, — остановил его Агольцев.

— Сейчас! У меня в холодильнике холоденькая стоит! — живо откликнулся тот и пригласил зайти.

Вслед за ним они поднялись на второй этаж. На шум шагов дверь одного из кабинетов приоткрылась и из него выглянула любопытная, почти мальчишеская физиономия, но при виде внушительного Агольцева, поспешила скрыться.

— Дима, стой! Ты чем занимаешься? — окрикнул Ракитин.

— Дела допусков шью, — подал тот голос и несмело вышел в коридор.

— Подождут, не волки, в лес не убегут! Слетай к Никитичу в «Деревяшку» и возьми молоденькой картошки, малосольных огурчиков и не забудь про балычок...

— Александр Васильевич, хватит одной картошки! — попытался остановить его Агольцев.

— Обижаете, Виктор Александрович, у нас что, угостить нечем?! — не уступал Ракитин и поторопил: — Бегом, Дима, одна нога здесь, вторая там!

В конце коридора они остановились, он распахнул дверь и пригласил в свой кабинет. Он мало чем отличался от сотен других кабинетов начальников рай- и горотделений управлений ФСБ. В дальнем углу, как и положено, на металлической тумбе-подставке стоял большущий нескораемый сейф. Бронзовая табличка на его дверце со старинной буквой «ять» в конце слова являлась немым свидетелем того, что контрразведка здесь с «бородой». Помимо сейфа добрую половину кабинета занимали громоздкий двухтумбовый дубовый стол, едва ли не ровесник наркома Лаврентия Берии, и еще один для совещаний, времен заката социализма. Строгость и аскетичность обстановки подчеркивали портреты Дзержинского и Андропова, сурово смотревшие на посетителей. В противоположном от сейфа углу на журнальном столике тускло поблескивал дедовский самовар, а из другого ему отвечал старческим дребезжанием одногодка Ракитина холодильник «Ока».

— Виктор Александрович, может попробуете нашей рыбки с воронежским пивком? — искушал он и полез в холодильник.

— Рыбой из «шпионского» болота мы займемся позднее, а вот от минеральной не откажемся, — с улыбкой ответил Агольцев и опустился в кресло.

Салтовский занял место напротив. Ракитин достал из холодильника бутылки с водой, открыл и разлил по стаканам. Несмотря на то что в джипе исправно работал кондиционер, полуденный майский зной давал о себе знать. Агольцев, смахнув со лба обильно выступивший пот, жадными глотками опорожнил стакан и блаженно закрыл глаза. Но неутомимый Ракитин не дал расслабиться. Намек Горемыкина на то, что военные контрразведчики ищут в Лисках шпионский след, взорвал размеренную жизнь горотделения. Последнего шпиона здесь разоблачили в незапамятные времена, когда отец Ракитина еще пацаном бегал босиком по речным пляжам. Сам он, сгорая от нетерпения поскорее разоблачить вражеского агента, не стал дожидаться вопросов Агольцева, достал из сейфа два листка бумаги, исписанные размашистым почерком, и рублеными фразами начал доклад.

— Здесь то, что мы успели наработать по Петру Кузьмичу Окуневу. Краткая характеристика. Близкие связи.

— Молодцы! — одобрил Агольцев и, бегло просмотрев записи, заявил: — Потом читаем, а пока на словах, что из себя он представляет?

— Основательный мужик! Всю жизнь проработал на станции. Сначала водил составы, а когда со здоровьем возникли проблемы, перешел в депо и оттуда уже на пенсию. Живут вдвоем с женой, в своем доме. Дети давно перебрались в Воронеж, — коротко изложил Ракитин.

— Чем занимается? — поинтересовался Салтовский.

— А тем же, чем и все пенсионеры — рыбой, медом и помидорами с огурцами на «фазенде».

— Значит, наш Кузьмич — рыбак? — уточнил Агольцев и задумался.

— Да и серьезный, имеет свой баркас.

— Это хорошо! — догадался Салтовский, к чему клонил Агольцев.

— Для начала неплохо. Пчеловоды мы с Виктором никудышные, а вот с удочкой посидеть умеем, — подтвердил тот его догадку и продолжил расспрос: — Подходы к нему имеются?

— По прежней работе, в депо, кое-какие нащупали, а вот соседей... — здесь Ракитин замялся, — еще не успели проработать.

— Может оно и к лучшему, лишний шум нам совсем не нужен.

— Я так тоже подумал и без вас решил не соваться.

— Правильно сделал, сосед бывает ближе родственника! — одобрил Агольцев, а затем спросил: — Какие есть предложения по нашему выходу на него?

— Вы что, с ним сами будете встречаться?

— Да, но под хорошей легендой.

Ракитин предложил:

— Есть несколько вариантов. Первый — под видом милиционеров войти в дом, а там... — но, заметив, как поморщились лица Агольцева и Салтовского, поспешил перейти к следующему: — Или... да вы, собственно, сами назвали — рыбалка!

— Лучше не придумаешь, — подтвердил Агольцев и затем поинтересовался: — А через кого будем выходить?

— Есть несколько надежных связей в депо, когда-то вместе с ним работали.

— О! То, что надо!

В это время в дверь постучали, и в кабинет, шурша кулками, вошел Дмитрий. В воздухе аппетитно запахло молодой вареной картошкой, шашлыком и клубникой. Вместе с Ракитиным он принялся накрывать на стол. Агольцев и Салтовский присоединились к ним, и через несколько минут кабинет начальника горотделения ФСБ напоминал закусочную на привале. Дзержинский с Андроповым сурово поглядывали с портретов, но это нисколько не убавило им аппетита. Под хруст малосольных огурцов молодая картошка таяла во рту, и Агольцев с Салтовским в душе уже

пожалели, что отказались от пива. Проницательный Ракитин прочитал их мысли, достал из холодильника парочку запотевших баклажек, а сам взялся за телефон.

В трубке зазвучал чей-то начальственный баритон, но он, ничуть не смущаясь, простецки спросил:

— Здравствуй, Иваныч, это Ракитин! Как дела?.. За горло, говоришь, берут. Что поделаешь, летний сезон начинается... А с этой заморочкой в третьей бригаде разобрались?.. Да нет!.. Не переживай, контрразведка должна знать все... Я тебе еще раз говорю, не переживай! Звоню по другому поводу. Ко мне на сутки заскочил старый друг с начальником. Сам понимаешь, побывать на Дону и не порыбачить... Не можешь? Жаль, жаль!.. Да я тоже... С Окуновым?.. Сафроновым?.. У кого из них посудина надежнее?.. Окунева... Но я его плохо знаю... Говоришь, серьезный мужик. Это хорошо! Сам понимаешь, начальник, — Ракитин бросил вопросительный взгляд на Агольцева.

Тот подыграл ему и подсказал:

— Из Москвы, военные.

— Молодец, Иваныч, правильно догадался. Из Москвы. Да нет, не из ФСБ! Зачем пугать браконьеров! — хохотнул Ракитин и пояснил: — Солидный, полковник из штаба... Гарантируешь?.. Тогда я пришлю Диму... Сейчас будет у тебя... Договорились! Надеюсь на тебя, Иваныч. При встрече сочтемся, — закончил разговор Ракитин и довольно потер руки.

Агольцев отодвинул в сторону бокал с пивом и не удержался от упрёка.

— Извините, Александр Васильевич, я, конечно, вам не начальник, но прежде чем начинать такой разговор, лучше посоветоваться.

— Но я же ничего лишнего не сказал, — смутился он.

— Поживем, увидим. С кем говорили?

— С заместителем начальника станции. Наш мужик, я бы так просто разговор с ним не затевал.

— Это несколько меняет дело, — смягчился Агольцев и, обернувшись к Дмитрию, предупредил: — Тем не менее

в вашей беседе с ним не должно быть и намека на наше отношение к ФСБ. Будем следовать той легенде, что озвучил Александр Васильевич. Мы военные, ракетчики, а Виктор Васильевич Салтовский — товарищ вашего начальника. Надеюсь разъяснять важность этой задачи вам не надо?

На щеках молоденького капитана проступил румянец, он поспешил заверить:

— Я все понял, товарищ полковник!

— В так случае, Александр Васильевич, спасибо за обед. Ждем результатов разговора вашего Иваныча с Окуневым, а чтобы времени не терять, мы с Виктором отправимся устраиваться в гостиницу.

— Зачем?! Лучше у меня дома! — предложил Ракитин.

— Спасибо за гостеприимство, но в нашем положении это будет лишним, — отклонил приглашение Агольцев и поднялся из-за стола.

Забрав вещи из машины, они направились к гостинице. Облупившаяся статуя вождя мирового пролетариата и названия улиц — Маркса, Энгельса и Коммунистическая — лишний раз напоминали о том, что говорить о «похоронах» социализма в российской глубинке было еще рано. Волны нарождающегося «дикого» российского капитализма пока только кричащими брызгами примитивной рекламы расплескались по стеклянным витражам гостиницы. Она призывала посетителей пуститься во все тяжкие в ночном стриптиз-баре с интригующим названием «Загляни на огонек» и в массажном салоне «Райское наслаждение», на входе в который клиентов завлекала многообещающей улыбкой пышная пластиковая красотка.

Скучавшая за стойкой дежурная встрепенулась на грохот разболтавшейся двери и встретила новых постояльцев сверкающей металлической улыбкой, чего нельзя было сказать о номерах. Выбрать было не из чего, и они разместились в обычном двухместном, но долго в нем не задержались: застоявшийся воздух и духота вскоре выгнали их на улицу. Культурная жизнь города в это время была на

ноле, и им ничего другого не оставалось, как просто убивать время и дожидаться сообщения Ракитина. Он пока никак не напомнил о себе, и они за это время успели покупаться, позагорать у реки и поужинать в закусочной парка.

Наступил вечер. Агольцев все чаще поглядывал то на часы, то на сотовый телефон. Стрелки приблизились к девяти, когда Ракитин, наконец, дал знать о себе и сообщил обнадеживающую новость — Окунев согласился организовать рыбалку для гостей Иваныча. В номер гостиницы они возвратились в приподнятом настроении и, обсудив детали предстоящего разговора с Окуневым, вскоре легли спать. В пять утра их разбудил тихий, но настойчивый стук в дверь. Это был Иваныч, в руках он держал объемистый рюкзак. Ракитин оказался наблюдателен — камуфляж и кроссовки Агольцеву и Салтовскому пришлось впору. Переодевшись, они спустились к УАЗу.

— Ничего не забыли? — поинтересовался Иваныч.

— Если и забыли, то только неудачу! — пошутил Агольцев и занял место рядом с ним. Салтовский забрался на заднее сидение.

Узик, простужено чихнув остывшим движком, медленно набирая скорость, покати́л в сторону Дона. Окунев жил неподалеку, на самом берегу реки, и через десять минут они были на месте. Иваныч по-хозяйски открыл калитку и вошел во двор. Хозяина в нем не оказалось, его парусиновая шляпа мелькала в конце огорода у сходней. Агольцев с Салтовским по узкой тропке, проложенной среди картофельных грядок, вслед за Иванычем спустились к баркасу.

Навстречу им поднялся худощавый, с еще густой шапкой седых волос старик. Агольцев оценивающим взглядом пробежался по Окуневу: мнение Ракитина о нем подтверждалось — твердый и прямой взгляд, добротный и ухоженный вид баркаса говорили сами за себя, — и бодро приветствовал:

— Здравствуйте, Петр Кузьмич! Примете двух Викторов?



— Хорошим людям мы всегда рады, — добродушно пробасил тот.

— Вы уж извините, что побеспокоили. С нашей службой в Москве рыбу ловим только в магазине.

— Ничего страшного, мне, старику, все веселее, — и, глянув на быстро набирающее силу солнце, Окунев поторопил: — Надо поспешить, ребята, а то самый клев пропустим!

Агольцев с Салтовским дважды не стали ждать приглашения и быстро перебрались на баркас. Окунев сел на корму. Движок завелся с полуоборота, и баркас, сморщив тупым носом зеркальную гладь реки, бодренько поплыл вверх по течению. Вскоре город скрылся за крутым правым берегом, но Окунев не останавливался, держал курс к насиженному месту и бросил якорь на входе в широкую заводь. Поигрывавшие у камыша лещ и сазан обещали хороший клев. В Агольцеве и Салтовском проснулся рыбацкий азарт, и они на время забыли о «Гастролере», Литвине и всех остальных шпионах. Бешенная поклевка не позволяла оторвать глаз от поплавок. Не прошло и часа, как пятнадцатилитровая «морда» оказалась забитой почти под завязку. К восьми часам клев пошел на убыль, вместе с ним угас азарт, и Агольцев решил, что настал подходящий момент для разговора. Сняв с крючка очередного подлещика, он покачал на руке и сказал:

— Хорош, красавец!

— Отвели душу? — спросил Окунев.

— Не то слово!

— Виктор Александрович, а помните, в прошлом году, на полигоне в Капьяре каких таскали? — подыграл Салтовский.

— Витя, такое разве забудешь! Но это что! Вот лет пятнадцать назад, когда отстреливали старый ракетный комплекс, там такая была рыбалка, карася голыми руками лови.

— Вы что, ракетчики?! — оживился Окунев.

— Они самые! Стратеги! — подтвердил Агольцев.

— А у меня родич, Орест, тоже ракетчик, в Москве, профессор в этой самой академии... ну, раньше она Дзержинского называлась, а сейчас...

— Петра Великого? — подсказал Салтовский.

— Точно, а откуда знаешь?!

— А она там одна, рядом с Кремлем стоит.

— Был я там. Красиво!..

— У вас места тоже грех жаловаться, в отпуск порывачить обязательно приеду, если конечно примете? — исподволь подводил к главному вопросу Агольцев.

— А чего не принять. Дом у меня свой, места всем хватит.

— Ну, летом, наверное, все гостями из Москвы забито?

— Какие там гости! — отмахнулся Окунев, — За три года был один Орест, в декабре прошлого года, и тот на лунке полдня посидел, а потом в Валуйки сорвался. Я тут, понимаешь, как ерш на сковородке извертелся, а он приехал, туману напустил и сорвался.

У Салтовского, когда он это услышал, перехватило дух и, чтобы не выдать себя, он принялся срочно менять червя. У Агольцева хватило выдержки не подать виду, насколько важно было то, что сейчас сказал Окунев. Лишь слегка дрогнувший голос выдал охватившее его волнение.

— Э-э... наверно срочные дела были? — забросил он новый «крючок».

— Знаю я эти срочные дела. Светке лапшу на уши навесил, а я потом неделю не знал, как отбрехаться, — отмахнулся простодушный Окунев.

— А что, в Валуйках рыбалка лучше? — допытывался Салтовский.

— Какая там рыбалка! Баба, похоже. Весь тут у меня извертелся, боялся, что Светка узнает. А мне на хрен в их дела соваться. Сам знаешь, чужая семья — потемки.

— Это так, крайним всегда останешься, — поддержал Агольцев и, поменяв червя, забросил крючок ближе к камышам.

Ответ на главный вопрос он и Салтовский получили. Теперь след Литвина — «Гастролера», и в этом у Агольцева оставалось все меньше сомнений, надо было искать в Валуйках. Еще около часа они просидели в баркасе, изредка выдергивая то подлещика, то сорожку. Вскоре клев совсем прекратился, солнце начало припекать в спины, и Агольцев с Салтовским все чаще стали поглядывать в сторону берега. Окунев по их поскучевшим лицам догадался, что пора заканчивать рыбалку, смотал удочки и запустил мотор. Старенький движок несколько раз надсадно чихнул, и баркас, тяжело переваливаясь с борта на борт на донской волне, медленно потащился к берегу.

## Глава 13

Генерал Бармин с нетерпением ждал возвращения Агольцева. Доклад из управления ФСБ по Воронежской области, с которым тот вышел на него накануне, пусть пока косвенно, но усиливал подозрения в отношении Ореста Литвина. Несмотря на то что прямых данных, подтверждающих его выезд на Украину в период выхода «Гастролера» на резидентуру ЦРУ, Агольцеву получить не удалось, тем не менее внутреннее предчувствие подсказывало Бармину, что на этот раз им должно повезти больше, чем со Стельмахом и Оноприенко. Эту уверенность не могли поколебать даже последние материалы, полученные подчиненными Прохорова на Григория Дудинца.

Дело на него набирало обороты. «Стреляный воробей» из ГРУ легко «купился» на рыбалку, и задуманная оперативная комбинация прошла без сучка и без задоринки. Полковник К. безукоризненно сыграл отведенную ему роль, и, судя по последней информации, Дудинец ничего не заподозрил. Более того, в последующем разговоре с профессором он начал активно подбивать его к организации очередной рыбалки в Переяславль-Залесские, а когда тот уклонился, сославшись на занятость, сам вышел на К.

Такая его настойчивость была расценена Прохоровым как попытка получения информации по результатам испытания ракетного комплекса «Тополь-М». Он уже не со-

мневался в том, что Дудинец — это «Гастролер» и с жаром пытался убедить Бармина и Градова в необходимости его проверки на «информационной кукле». А пока генералы взвешивали все «за» и «против», неугомонный Григорий, не дожидаясь решения, торопил события и вместе с подчиненными занялся подготовкой «совершенно секретных» материалов, которые должны были не просто заинтересовать, а заинтриговать агента ЦРУ — Дудинца.

Бармин же, обжегшись на Стельмахе, где тоже, казалось, все складывалось в пользу шпионской версии, не спешил с окончательными выводами как в отношении Дудинца, так и Литвина. И тот, и другой вполне могли проявить интерес к данным по результатам испытаний ракеты «Тополь-М», но это еще не означало, что они шпионы. В последнее время ракетная тема не сходила с первых полос газет и активно обсуждалась в армейской среде, и потому, по мнению Бармина, предложение Прохорова не давало ответа на главный вопрос — о связи Дудинца с американской разведкой.

То, что он находился на Украине в то время, когда «Гастролер» искал выход на американскую разведку, а на службе частенько допускал грубые нарушения в работе с секретными документами, давало основания для его более глубокой проверки, но никак не для обвинений в шпионаже. Более того, после доклада Агольцева более перспективной Бармину представлялась ситуация, сложившаяся вокруг Литвина.

Генерал снова потянулся к фотографиям, которые в апреле «наружка» отсняла в парке «Центрального дома художника». Всякий раз, когда они попадались на ему глаза, у него возникало ощущение того, что собеседник Скотта, помимо Литвина, напоминал ему еще кого-то.

«Кого?! Где я его видел?.. Где?! В Академии Петра Великого?.. Возможно, но когда?.. Хотя, нет!.. Стоп!»

— Нет!.. Не может быть! Вылитый Кочубей! — воскликнул пораженный Бармин.

«Кочубей?.. Литвин?.. «Гастролер?..» — от одной только этой мысли ему стало не по себе.

Бред! Чушь!

Но внутренний голос говорил обратное: «А вспомни предателя Гордиевского!.. До последнего не могли поверить, даже жена, что он шпион, пока не сбежал в Англию... Кочубей — «Гастролер»?! Стоп, Леша! Так можно черт знает до чего додуматься. Оставь свои фантазии Чейзу и займись делом», — осадил себя Бармин и снова обратился к шифровке, отправленной Агольцевым из Воронежского управления ФСБ.

Она стала вторым и самым серьезным аргументом в пользу шпионской версии против Литвина. Первый, связанный с загадочным появлением рядом с ним американского инспектора Дэвиса Скотта, вызвал больше вопросов, чем ответов. Эксперты, занимавшиеся исследованием фотографий, так и не внесли окончательной ясности. Ссылаясь на различные причины: размытые светотени, неудачный ракурс и тому подобное, они говорили о значительном физиономическом сходстве черт лица Скотта с неизвестным на фотографиях из летнего кафе в парке «Центрального дома художника», но заключение об их идентичности так и не дали.

Предварительная проверка Дэвиса Скотта также ничего не принесла. Это была его первая инспекция, до нее он перед контрразведкой нигде не засветился. Молчала и Служба внешней разведки, но Бармин здесь и не рассчитывал на быстрый успех, перелопатить даже ближние зарубежные резидентуры ЦРУ и РУМО и среди тысяч сотрудников посольств найти Скотта было непростым делом.

Но и без этих данных то, что удалось добыть оперативной группе Агольцева во время командировки, опытному разработчику Бармину говорило о многом. Видимо, Литвин неспроста, будто заяц, в течение нескольких дней петлял и путал следы. В Валуяхах они окончательно терялись и, хотя Агольцеву с Салтовским их не удалось найти, тем не менее подозрения в отношении Литвина укрепились. Тех дней, что он отсутствовал в Воронеже и Лисках, вполне бы хватало, чтобы съездить в Киев и выйти на контакт с

резидентурой ЦРУ. Но пока это были всего лишь косвенные признаки, здесь могла иметь место банальная амурная связь, а не стремление Литвина уйти от контрразведки, и потому Бармин не спешил с докладом Градову, а терпеливо дожидался появления Агольцева.

По времени он, Байдин и Салтовский уже должны быть в его кабинете. Машина, посланная за ними час назад, до сих пор не возвратилась, видимо, попала в «пробки», ставшие сущим наказанием для Москвы. Бармин собрался уже пройти к аналитикам, когда в приемной послышались знакомые голоса и в дверях появился сияющий Агольцев.

— Ну, здравствуй, «охотник» за шпионами! Проходи и рассказывай! — обрадовался Бармин.

— Здравия желаю, товарищ генерал! — бодро ответил тот и, еще не заняв кресла, начал доклад: — Проработка связей Литвина...

— Подожди с проработкой! — остановил Бармин и предложил: — Чай, кофе?

— Спасибо, Алексей Анатольевич, только что в поезде пили.

— Как хочешь, что покрепче предлагать не буду. Рановато, еще спугнем удачу! — пошутил Бармин и пригласил к столу.

На нем лежали дело Литвина и шифровка. Агольцев скосил глаз.

*«Совершенно секретно*

*Только лично*

*По результатам работы в УФСБ по Воронежской области и розыска «Гастролера».*

Он понял, что Бармин времени даром не терял и спросил:

— С чего начинать, Алексей Анатольевич?

— С самого начала и подробно! — потребовал тот.

— Так я же в шифровке все расписал?

— Шифровка шифровкой, а живое слово, оно и есть живое слово. Давай по порядку!

Агольцев достал из кармана блокнот и, сверяясь с записями, приступил к докладу. Бармин внимательно слушал и время от времени уточнял детали. Они были крайне важны, многолетний опыт в контрразведке и работа по делам на изменников подсказывали, что за внешне безобидной мелочью мог скрываться ключ к тайне «Гастролера», на разгадку которой времени уже не оставалось. И когда Агольцев смолк, он не без сожаления заметил:

— Жаль, конечно, что «украинский след» до конца не раскрутили.

— Сделали все, что могли, но уперлись в эти Валуйки! — в сердцах произнес Агольцев.

— Я тебя ни в чем не упрекаю. Молодцы, что ниточку нашли, теперь будет легче клубок разматывать! — подвел итог докладу Бармин.

— Молодцы-то молодцы, а могли бы еще полгода назад выйти на этого «крота», если бы дальше бумажки смотрели.

— Давай только не будем после драки кулаками махать. Сейчас необходимо наверстывать упущенное.

— И все из-за какой-то мелочи!

— Ну, хватит об этом! Концы с концами надо сводить.

— Концы?! В Валуйках их точно не найдем. Все замыкается на Украине, а там... — и Агольцев развел руками.

Бармин помрачнел. Еще несколько лет назад этот пустяшный вопрос не стоил бы и выеденного яйца. Но сегодня он превратился в почти неразрешимую проблему, которую силами своих и подчиненных Прохорова было уже не решить. Братская славянская республика с каждым днем все дальше дрейфовала на Запад и встраивалась в кильватер американской политики.

Натовские генералы одно за другим проводили учения в Крыму и, как когда-то в сорок втором, «брали» Одессу и Севастополь. «Тучи» советников из ЦРУ по-хозяйски вели себя в Службе национальной безопасности и бесцеремонно совали нос в ее дела и оперативные разработки. Те немногие



из руководителей Службы, что остались после чисток «националистической метлы» и с которыми когда-то Бармин и Агольцев учились на Высших курсах военной контрразведки в Новосибирске и Высшей школе КГБ в Москве, теперь как черт от ладана шарахались от любого оперативного контакта со своими бывшими коллегами из России.

Бармин перебирал в памяти их имена и приходил к неутешительному выводу — на Украине рассчитывать было не на кого.

— Алексей Анатольевич, а что если послать на Украину моего Мельниченко? Он там каждый год бывает у родственников. Думаю, за неделю обернется, — так и не дождавшись ответа, напомнил о себе Агольцев.

— Мельниченко? — переспросил Бармин и, покачав головой, отверг: — Нет!

— Почему? Опытный работник.

— А ты что, забыл, как в прошлом году твоего опытного работника в Черкассах «крутили»?

— В ДАИ?!

— В тех самых ДАИ. А что они хотели «выдоить» с нашего Мельниченко, можно только предполагать.

— Взятку! Но не с него, а с брата, это он за рулем сидел!

— Брат не брат, а таскали в участок Мельниченко. Мутная история, и не мне тебе объяснять, что за этим могла стоять местная беспека. Прощупывали твоего Мельниченко вот и все! Поэтому никаких наших или ваших на Украину посылать не будем, тем более его! Хватит, уже раз засветился! — отрезал Бармин.

— Нам бы только наводочку получить, что Литвин мотался на Украину, а остальное дело техники, — сокрушался Агольцев.

— Витя, не дави! Мне что, самому не хочется поскорее размотать этот шпионский клубок?! Хочется, и еще как, но надо действовать с головой; Литвин — наша последняя надежда, и потому не суетись. Доложу Градову, а он подключит ребят Молькова.

— Пока их подключат, нас точно выключат. Меньше недели осталось! — напомнил Агольцев о его ультиматуме.

Бармин болезненно поморщился и коротко бросил:

— Довольно про шпионов! С ними скоро про нормальных людей забудешь. Поговорим о хороших. Как Кочубей с Остащенко?

— Перед командировкой настроение было похоронное. Сами знаете, хуже нет, когда тебя подвесят.

— Тогда смело опускай на землю! Карантин снят!

— Да?! Значит по полной подключать к Литвину? — оживился Агольев.

— Не спеши.

— Почему?! У меня и так работников не хватает — командировки, отпуска!

— Давай выждем.

— А чего ждать? Кочубей начинал материалы, пусть заканчивает!

— Начинал, а чем кончил?!

— А причем тут он, если Воронежское управление проморгало!

— Витя, хватит! Я не о том. Ты будто первый день в системе! «Волна» с ними еще не улеглась, а мы снова подкинем их наверх.

— Ох, уж эти тайны «мадридского двора», — посетовал Агольцев.

— Закрыли тему! Литвина по полной программе раскручивай, и не забывай, меньше недели осталось, — напомнил Бармин о сроках, отведенных Градовым.

— Забудешь! — тяжело вздохнул Агольцев и спросил: — С чего начинать?

— Со старых материалов, просмотри от корки до корки. Выдели все сомнительные эпизоды, особенно те, где он засветился на тех секретках, к которым не имел доступа по службе.

— Это давно сделано. Справка подшита к делу, и вывод в ней не в нашу пользу. Интерес Литвина не совпадает с позициями в ориентировке нашей разведки.

— А ты посмотри свежим взглядом.

— Хорошо! — согласился Агольцев и затем предложил: — Раз так, то тогда, надо снова поднимать и перелопачивать все каналы связи.

— Правильно! Работает он на ЦРУ или нет, в любом случае они как-то должны между собой связываться, — поддержал Бармин.

— Скорее всего через тайник, — предположил Агольцев.

— Не исключено, но им другие займутся, у них для этого есть и силы, и средства. Твоя задача, Витя, вывернуть его наизнанку и найти, какие секреты и где он прячет. Шпион Литвин или «инициативник», по-любому ему нужно собирать информацию и где-то ее хранить.

— Будем искать, — заверил Агольцев и поднялся из-за стола.

После его ухода Бармин засел за текущие материалы, но работа не заладилась. В голове занозой засела навязчивая мысль о Кочубее. Предложение Агольцева подключить его к проверке только подлило масло в огонь вспыхнувших подозрений. Подозрений, которые помимо воли Бармина роились в голове. Услужливая память подбрасывала новые сомнительные эпизоды в поведении и поступках Кочубея, которым он раньше не придавал значения. Теперь они складывались в одну логическую цепочку.

Родственники в Чернигове, почти рядом с Киевом и российской границей. Про них он не упомянул ни словом, когда заполнял анкету, хотя указание на этот счет было. Поездки в Абхазию, где многих охватывал шок от одного вида развалин и угрюмых бородачей, свободно разгуливающих по улицам с автоматами. Кочубей же рвался в отпуск только туда, где американская, турецкая и английская разведки чувствовали себя вольготно. В прошлом году, в разгар сезона, отказался от «горящей путевки» в Сочи, в санаторий «Дзержинского». И, наконец, попытка скрыть инцидент со Стельмахом во время командировки в Сухум.

Все это вместе взятое не давало покоя Бармину. Рука сама потянулась к секретному блокноту, и на страничку легла запись: «Установить, где с 10 по 22 декабря находился К.!»

Перечеркнув ее, он поднялся из-за стола, прошелся по кабинету и, не сдержавшись, чертыхнулся:

— Идиот! Дослужился! Скоро самого себя в шпионы запишу!

Но проверенное временем железное правило контрразведки «Доверяй, но проверяй!» заставило его снять трубку телефона.

Агольцев не заставил себя ждать. И Бармин, стараясь придать голосу нейтральный тон, поинтересовался:

— Ты еще не успел порадовать Кочубея с Остащенко?

— Нет! Я их на полодиннадцатого вызвал.

— И хорошо. Я вот что подумал, парни они резкие, и потому тему Литвина с ними вообще не поднимай. А если станут напирать, сошлись, что оперативная группа сформирована и согласована с Градовым.

— Алексей Анатольевич, я что-то не врублюсь? Лучше их материалы дела никто не знает! Волна уляжется и тогда... — недоумевал Агольцев.

— Виктор, ты не первый год начальником? Мне что, тебе прописные истины объяснять? Вчера они у нас были в черном списке, а сегодня их фамилии наверх высветим. Ситуацию понимать надо!

— С Литвиным ясно! Но у меня других дел хватает, а половина отдела в отпусках и командировках; пусть займутся ими.

— Кстати, об отпусках. Может, Кочубея в отпуск отправить? Ему больше всех досталось.

— В отпуск?! Алексей Анатольевич, вы хоть меня пожалейте!

— Нас, Витя, жалеть будет Градов. Так что отпускаяй Кочубея в отпуск! Насколько я знаю, у него дело к свадьбе движется, или последнего холостяка терять не хочешь?

— С такой жизнью скоро сам им стану, — уныло произнес Агольцев.

— Но если только демографическую ситуацию в стране спасти, то я разрешаю, — хмыкнул Бармин и закончил разговор.

Агольцев еще какое-то время кипятился, но вскоре остыл. В душе он согласился с осторожной и дальновидной позицией Бармина. Подключение Кочубея к проверке Литвина, по которому уже плотно работали все службы, мало что могло изменить, а тем более повлиять на результат. Этим они могли, и здесь многоопытный Бармин был сто раз прав, только поднять «волну» в больших кабинетах и снова попасть под огонь критики. В оставшееся до прихода Кочубея и Осташенко время он взялся за разборку почты, накопившейся за время командировки. В основном это были дежурные отписки на запросы, две ориентировки о разведывательных устремлениях иностранных спецслужб к разработкам в области ракетной техники и подробный ответ из отдела ФСБ по Йошкар-Олинской ракетной дивизии. Местные контрразведчики самым внимательным образом отнеслись к его просьбе и детально описали каждый шаг инспектора Скотта. До конца дочитать отчет ему не удалось. Зазвонил телефон оперативной связи — это был Прохоров.

— С приездом, Виктор Александрович! Как Воронеж? — приветствовал он.

— Здравствуй, Григорий Васильевич! У тебя что, камера в моем кабинете стоит? Не успел я порог переступить, а ты легок на помине!

В трубке хмыкнуло, и Прохоров игриво ответил:

— И не одна.

— Тогда чего рассказывать, и так все знаешь, — не остался в долгу Агольцев.

— Они давно не работают, батарейки сели.

— Извини, своих не дам. Остались только для фонарика, чтобы просветить твою грешную душу.

— Виктор Александрович, о святом не будем. Как съездил?

— Результативно.

— Да?.. — и после паузы в голосе Прохорова зазвучали ревнивые нотки: — Реально что-то прорисовывается?

— Похоже, да.

— Значит, Литвин был на Украине?!

— Пока не буду спешить с выводами, боюсь сглазить, — ушел от ответа Агольцев.

— Ладно. Тут такое дело, мне позарез нужен твой профессор. Пошли материалы на Дудинца, а без него, сам понимаешь, трудно внести ясность.

— Хочешь через него подбросить «информационную куклу» по «Тополю»?

— Да!

— Но ты же мое мнение по этому вопросу знаешь, будет санкция Градова или Бармина, ради бога.

— Витя, пойми, время уходит! Потом будем локти кусать, когда он сдаст секреты американцам, — взмолился Прохоров.

— Григорий Васильевич, не дави. Я все понимаю, но порядок есть порядок, — стоял на своем Агольцев и в ответ услышал короткие гудки.

Хорошее настроение, с каким он возвратился из командировки, было подпорчено. Ему было понятно стремление Прохорова поскорее разоблачить «Гастролера», которого он уже видел в Дудинце. Но бросить сейчас все и навалиться на одного него, когда над головой, как дамочков меч, висело распоряжение Градова — внести ясность в материалы проверки в недельный срок, было опрометчиво, тем более когда обозначилась серьезная перспектива по Литвину.

Стук в дверь отвлек Агольцева от этих мыслей. В кабинет вошли Кочубей с Остащенко.

— Проходите, садитесь! — пригласил он к столу и начал разговор с дежурной фразы: — Как дела?

— Как сажа бела. Скоро в архивной пыли утонем, — в сердцах произнес Кочубей.

— Штаны до дыр протерли, и одно место посинело, — пробурчал Остащенко.

— Посинело?! Сейчас покраснеет, — широко улыбнулся Агольцев и объявил: — Все, ребята, хождение по мукам закончилось и, как говорится, без серьезных оргвыводов.

— Правда?! — в один голос воскликнули Кочубей с Остащенко и наперебой обрушились с вопросами:

— Когда приступать к работе?.. Что нового по «Гастролеру»?.. Как съездили в Воронеж?.. На американцев вышли?.. Литвин — «Гастролер»?.. Скотт — цэрэушник?..

— Стоп, стоп! О работе ни слова, — остановил Агольцев и распорядился: — До пятницы чтобы я вас не видел, а потом на службу.

— Что-о?! — опешил Остащенко.

— Юра, а ты давно на себя в зеркало смотрел?

— Не понял!

— Желтый, как лимон, а на Николае вообще лица нет.

— А откуда ему взяться, когда чуть «врагом народа» не стал, — буркнул Кочубей.

— Коля, что было, то сплыло! — не стал развивать болезненную тему Агольцев и поторопил: — Все, ребята, идите, у меня дел по горло. Как говорится, дают — бери, бьют — беги.

— А я не хочу брать, Виктор Александрович! — заупрямился Кочубей.

— Все, иди, иди, Коля.

— Виктор Александрович!..

— У тебя сколько дней от отпуска осталось?

— Восемь!

— Вот и гуляй на полную катушку.

— Какое тут гуляние, когда такие дела разворачиваются?

— Все, все, закончили разговоры! Работы на всех хватит! Свободны и смотрите, чтобы на глаза не попались! — ка-

тегорически отрезал Агольцев и, подталкивая их в спины, выпроводил из кабинета.

Николай с Юрием еще какое-то время, словно приклеенные, стояли перед дверью. Новости одна невероятнее другой ошеломили их. Окончательно они пришли в себя в своем кабинете. Николай почувствовал, как невидимый пресс, давивший на него все эти дни, свалился с души и плеч. В нем все пело от счастья. Рука сама потянулась к телефону, а сердце радостно встрепенулось, когда в трубке раздался знакомый голос.

— Тань, ты на море хочешь? — выпалил он.

— Море?!

— На недельку, в Абхазию.

— А... как с работой? — растерялась она.

— Решим! Готовься! — торопил ее Николай.

— Счастливые, — по-хорошему позавидовал Юрий.

— Не прибедряйся. На несчастного ты не очень похож, — отшутился Кочубей и принялся срочно приводить дела в порядок.

До обеда он успел отчитаться перед секретариатом за секретные документы и затем поехал в офис к Татьяне. Разговор с ее шефом занял не больше пяти минут. Красная корочка в руке и вскользь брошенное «военная контрразведка» произвели на задавленного налоговиками очкастого блондинчика нужное впечатление. Через полчаса Татьяна была в отпуске. Последний рубеж ими был взят вечером, у нее дома. Николаю снова пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы рассеять страхи матери и сестры перед рисовавшимися в их воображении боевиками с автоматами, свободно разгуливающими по Сухуму, и гаремами в горах, куда свозили похищенных москвичек.

На следующее утро он с Татьяной был в аэропорту «Внуково», а через два с половиной часа самолет приземлился в Сочи. Здесь их встретил на стареньком «форде» комендант «сталинской дачи» в Новом Афоне Тимур Папба. Перед отъездом в Абхазию Николай вспомнил о его приглашении и



решил воспользоваться. В разгар летнего сезона и после нервотрепки, которую ему пришлось пережить, Новый Афон, к которому еще не докатились шумные волны туристов и «дикарей», представлялся идеальным местом. Звонок Тимур унисколько того не озадачил. Он не забыл их прошлой, майской встречи и охотно согласился не только устроить у себя в гостинице при госдаче, но и встретить в аэропорту.

Свое слово он сдержал. Николай узнал его среди толпы встречающих, прихлынувших к выходу из зала ожидания. Забрав у Татьяны чемодан, Тимур пробился через галдящий строй таксистов на стоянку к «форду». Дорога к границе заняла около двадцати минут, но там им пришлось больше часа простоять в веренице машин, выстроившихся перед пограничным переходом на реке Псоу. Наконец, она осталась позади.

Абхазия встретила их теплом и прекрасной погодой. Небо, умытое короткими грозowymi дождями, завораживало нежными красками. Легкие перистые облачка робкими стайками скользили над холодно блистающими вершинами Бзыбского хребта. Предгорья ярко польхали разноцветьем субтропиков. Ласковая черноморская волна тихо перешептывалась с галькой знаменитых гагринских пляжей. Татьяна, впервые оказавшаяся в этом земном раю, не верила своим глазам и окончательно потеряла дар речи, когда они въехали в Новый Афон.

По знакомому Николаю с прошлой поездки горному серпантину Тимур проехал к «сталинской даче», остановился у гостиницы и вместе с ними поднялся в номер. Две крохотные комнатки и душевая, старенький натужено гудящий холодильник «Ока» и телевизор «Горизонт» ничуть не смутили Татьяну. За окном маняще звала к себе безмятежная гладь моря, и они, не распаковав вещи, тут же спустились на пляж и долго нежились в теплой, словно парное молоко, воде.

Вскоре полуденный зной заставил перебраться в тень громадного платана, накрывшего густой кроной живопис-

ное озерцо. В центре его, подобно лилии, разноцветными лепестками распустилось известное своей абхазской кухней и новоафонским вином кафе «Поплавок». Оттуда потягивало сладковатым дымком и аппетитным запахом шашлыка. Они не смогли пройти мимо и после сытного обеда в гостиницу возвратились, едва передвигая ноги. В ней царило небольшое оживление, в соседнем с ними номере поселилась молодая пара, а напротив веселая компания из троих парней. Но им было не до них и мелких неудобств номера, они без сил упали в кровати и проспали до вечера. Разбудил их стук в дверь. На пороге появился Тимур, весь в белом и элегантный, как рояль.

— Ты что, на свадьбу собрался? — пошутил Николай.

— На твою, хоть сейчас, — не остался в долгу он.

— А вы меня хоть спросили? — вмешалась Татьяна.

— Вот украдем, тогда и спросим, ты не против, Коля? — спросил Тимур.

— Нет, мы так не договаривались! — возразил он.

— Ах вы, заговорщики! — накинулась на них Татьяна.

— Все! Свадьба отменяется! Тогда едем шаркнуть по ночной жизни! — предложил Тимур.

Дважды повторять приглашение ему не понадобилось. Николай с Татьяной быстро переоделись и спустились к машине. Далеко ехать не пришлось, поблизости от новоафонской пещеры Тимур остановил «форд» перед оградой из бамбука. За ней в вечерних сумерках гостеприимно помигивали огоньки и звучала музыка. Татьяна первой вошла в калитку и с любопытством оглянулась по сторонам. Для нее все было в диковинку. Громадный двор с шелковистым газоном из травы под ногами. Настоящая крестьянская арба, доверху заваленная поленьями из каштана и дуба. Странная избушка, сплетенная из орешника, на длиннющих «куриных ножках», за стенками которой проглядывали золотистые початки кукурузы. В конце двора у ручья стояли два деревянных летних дома с просторными террасами.

— Типичный абхазский дворик, — ответил на немой вопрос Татьяны Тимур.

— Хорош дворик! На машине за день не объедешь, — пошутил Николай.

— А как ты хотел, если на нашу самую скромную свадьбу не меньше тысячи человек собирается.

— Тысячи?! — поразилась Татьяна.

— Это если только одни близкие родственники придут, — с невозмутимым видом ответил Тимур и, подхватив ее под руку, увлек к пацхе.

Николай вслед за ними прошел внутрь. В центре этой абхазской летней кухни весело потрескивал поленьями обложенный по кругу большими камнями очаг. Над ним в пузатом, литров на сто котле варилось, источая ароматный запах, самое распространенное в Абхазии блюдо — мамалыга. Языки фиолетового пламени жадно облизывали его закопченные стенки и, свиваясь в причудливые разноцветные кольца, через отверстие в крыше поднимались к ярко усыпанному звездами небу. На металлических крючьях лоснились куски вяленой говядины и свинины. Вязанки из жгучего перца пышными гирляндами украшали стены.

— Здорово! Как вкусно пахнет! — восхитилась Татьяна.

— Не только пахнет, но и во рту тает, — ответил Тимур и провел их на летнюю террасу гостевой пацхи.

Большинство столиков занимали местные парни, среди них затерялось несколько пар отдыхающих. Тимур и здесь был далеко не последним человеком; не успели они подняться на ступени, как к ним скатился коломком добродушный толстяк с неизменными усами на круглом, будто луна, лице и бодро приветствовал:

— Как поживаешь, товарищ Тимур? Что делает товарищ Сталин?

— Я? Лучше всех, и никто не завидует! А Хозяин обещал зайти позже вместе с товарищем Берией и проверить вино. Народ жалуется, что не доливаешь.

— Кто сказал?! Такого еще не бывало, чтобы от Амирана кто-то ушел трезвый, — вспыхнул задетый за живое хозяин пацхи.

— А это мы сейчас и проверим, — сохранял суровое выражение на лице Тимур.

— Пожалуйста! Лучше, чем у меня, хлеб-соль вы во всей Абхазии не найдете. Прошу на почетное место! — широким жестом Амиран пригласил их к своему столу.

Не успели они расположиться и осмотреться по сторонам, как на их глазах развернулся настоящий гастрономический парад абхазской кухни.

Середину стола заняло большущее медное блюдо, на котором горкой лежала сочная зелень петрушки, кинзы и молодого лука, из-под нее проглядывали ярко-красные стручки жгучего перца. Вслед за ними «приплыла» целая флотилия из соусниц с араншихом и асизбалом — острыми приправами из алычи, грецкого ореха и перца. Потом появилось неизменное за абхазским столом «абхазское масло» — аджика. Пылали жаром только что вынутые из духовки румяные кукурузные лепешки. Над глиняными горшочками вился ароматный парок лобио — вареной фасоли, приправленной араханом и акуландыром. Нежное мясо перепелов украшали чернослив и базилик. И наконец, на столе появились глиняные миски с рассыпчатой мамалыгой. В ней янтарными дольками поблескивал сыр сулгуни. Завершал этот «парад» пятилитровый, покрытый бисеринками влаги графин с вином из «изабеллы».

Татьяна пришла в ужас от такого обилия еды. Но под забавные истории и шутки Тимура, которым не было конца, она наплевала на все диеты. Вскоре от выпитого вина и ощущения праздника, царившего вокруг, у нее закружилась голова, и недавняя московская жизнь казалась уже чем-то далеким.

Голос певца и мелодии абхазских песен то возносили ее к самым вершинам гор, то согревали теплом черноморской волн. А когда грянула зажигательная мелодия, она уже не

могла оторвать глаз от юной пары танцоров, каждое движение которых было наполнено глубоким чувством. Ритм барабана нарастал, руки музыканта порхали, как крылья птицы. Не отставали от него и танцоры, они едва касались пола и, казалось, парили в воздухе. Зрители вскочили с мест и восторженными возгласами поддерживали танцоров и музыкантов в этом захватывающем соревновании ритма и движения. Николай с Татьяной, поддавшись общему порыву, присоединились к ним.

Вечер в абхазской пацхе стал для них настоящим праздником души. Далеко за полночь они возвратились в гостиницу, без сил рухнули в постель и быстро забылись в безмятежном сне. Следующий день начался с похода на «сталинскую дачу». Наслышанная о ней от Николая, Татьяна горела желанием все увидеть собственными глазами, и после завтрака, не дожидаясь прихода Тимура, она отправилась к ней. Тенистая аллея, описав замысловатую петлю, вывела их на смотровую площадку перед дачей, и здесь их встретил Тимур. Выглядел он так, будто и не было вчерашнего вечера, а вместе с ним и пятилитрового графина с вином.

— Как отдыхается? — бодренько приветствовал он.

— Что-то тяжело после вчерашнего вечера, — признался Николай.

— Ничего, скоро пройдет. Еще недельку потренируемся, и все будет в норме.

— Боюсь, не доживу, — пошутил Николай и затем спросил: — Тимур, не найдешь полчаса на экскурсию, а то призрак Сталина покоя Татьяне не дает.

— Хоть час. Можем начать прямо отсюда, — охотно согласился он и прошел к мраморному фонтану.

В его очертаниях и скульптуре угадывалась талантливая рука сталинского любимца — архитектора Мирона Мержанова. Несмотря на свой возраст, фонтан не утратил былого величия и продолжал действовать. Горный поток, промчавшись с орлиным клекотом по свинцовому водоводу, диковинным цветком распускался над мраморной

чашей бассейна. Хрустальной чистоты вода так и манила окунуться.

Татьяна перегнулась через бортик, зачерпнула ладошкой и спросила:

— А пить можно?

— Можно, но осторожно, у нас пьют только вино, — с улыбкой заметил Тимур.

— Первая дача Сталина, где вижу фонтан, а говорят, он боялся воды, — удивился Николай.

— Боялся, что утопят, — предположила Татьяна.

— Не исключено. На «Холодной речке» фонтан был раза в два больше, так Хозяин приказал сровнять с землей, — согласился Тимур.

— А этот почему остался? — допытывался Николай.

— Наверное, как память.

— О чем!

— Скорее о ком. О настоящем абхазе!

— И чем он так прославился, если сам Сталин оставил ему такой памятник? — удивилась Татьяна.

— О, это известная история! — с многозначительным видом произнес Тимур и начал рассказ: — Осенью то ли пятьдесят первого, то ли пятьдесят второго Сталин отдыхал в Новом Афоне. Как водится, к нему приехал представиться первый секретарь Абхазского обкома партии и прихватил с собой племянника, мальчонку лет четырех-пяти. Обслуга накрыла стол на этой самой площадке, и пока вожди вели разговор, малыш забрался на бортик фонтана. Тут подул стильный ветер и смел со столика документы. Говорят, в одном из них был проект о выходе Абхазии из состава Грузии. Но это говорят; те, кто его видел, вряд ли остались живы, — печально заключил Тимур и снова вернулся к рассказу: — Охрана с прислугой чуть с ума не сошли и кинулись спасать бумаги. Про Олежку даже дядя родной забыл, а как тут вспомнишь, если сам Хозяин рядом. Короче, пацаненок в фонтан то ли свалился, а может за документом нырнул. Слава богу, не дали утонуть и вовремя вытащили. А он, молодец,

не заплакал, стоит гордо и прямо на Сталина смотрит, а в ручонках самые секретные листы держит. Дядька с охраной прижухли, не знают, что делать, и ждут, что Хозяин скажет. А он усмехнулся, подошел к Олежке, взял на руки и сказал:

— Это великий мальчик! Он знает, что бумага нас всех переживет.

— Интересно! А что с ним стало, я имею в виду мальчика? — пряча улыбку, спросил Николай.

Тимур провел рукой по бортику фонтана, где, видимо, сидел тот знаменитый мальчиш, и продолжил:

— Сталин не ошибся! Олег Хухутович Бгажба до сих пор жив-здоров, стал академиком и известным историком. Но после того случая его преследует идея фикс: сколько бы ему не налили, пьет до конца. Бедняга упорно верит, что где-то там, на дне кувшина, лежит завещание Сталина.

— Это же надо! — всплеснула руками Татьяна и еще больше подзадорила охочего на истории Тимура.

Он подхватил ее под руку и повел вверх по ступенькам к первой, деревянной, «даче Сталина». Остановился перед входом и усадил ее на старую потрескавшуюся лавочку. Татьяна неловко поерзала по шершавой поверхности, с недоумением посмотрела на Тимура и спросила:

— И чем она знаменита?

— А тем, что седьмого июля 1935 года на ней вместе со Сталиным сидели три первых маршала Советского Союза — Тухачевский, Егоров и Ворошилов. Потом двое...

— Досиделись, через три года расстреляли, — перебил Николай и попросил: — Ты нам на ночь страшилки про Сталина с Берию не рассказывай, давай что-нибудь оптимистичное, можно про Жорика Сухумского.

— Да, лучше про Жорика! — поддержала Татьяна.

Тимур бросил на нее хитрющий взгляд, и на его лице появилась лукавая улыбка. Как опытный рассказчик, он выдержал паузу и затем согласился:

— Хорошо! Можно и оптимистичное, например, о прекрасной женщине.

— А что, они здесь были? — удивился Николай.

— Были и еще какие!

— Правда?!

— Да, а одной даже собирались памятник поставить.

— Наверно посмертно, — с грустью произнесла Татьяна.

— Зачем же так трагически.

— Тогда почему не поставили? — допытываться Николай.

— Как почему?! Ты же, Коля, Абхазию уже не хуже абхаза знаешь, — продолжал напускать тумана Тимур.

— Вроде да, — неуверенно ответил тот.

— У нее оказалась слишком короткая юбка.

— Юбка?.. — переспросила Татьяна и в следующую секунду расхохоталась.

— Я вполне серьезно. Если бы не юбка, то неизвестно когда бы наша война с грузинами закончилась, — с невозмутимым выражением лица ответил Тимур.

— Ой! Как интересно. Расскажите! — набросилась на него Татьяна.

— Пожалуйста, — охотно согласился тот и предложил: — Пройдем на то место, где все происходило.

По крутым ступенькам мраморной лестницы Николай и Татьяна вслед за Тимуром спустились к каменной «сталинской даче» и вошли в нее. Остановились в уже знакомом Николаю по прошлой поездке зале, служившем столовой и одновременно комнатой для заседаний. Тимур предложил занять места за столом, сам прошел в столовую, а когда возвратился, то в его руках был поднос, на котором матово отсвечивал запотевший графин с вином и громоздилась ваза с фруктами. Разлив вино по бокалам, он предложил выпить за всех женщин мира и затем перешел к рассказу.

— Произошло это в самый разгар последней войны. К тому времени пролилось немало нашей и грузинской крови. Половина Сухума лежала в развалинах. С лица земли были стерты Верхняя Эшера, «Лечкоп» и Цугуровка.



И тогда здесь собрались на переговоры: наш — Владислав Григорьевич, его заместитель Станислав Лакоба, от вас — министр обороны Павел Грачев с пресс-секретарем, а от грузин — сам Шева — министр обороны Джаба Иоселиани, малоизвестный художник, зато известный вор «в законе», и кое-кто еще из шушеры помельче.

Вначале наши и грузины смотрели друг на друга волком. А как по-другому, когда столько крови пролито. Переговоры шли трудно. Шева с ходу начал давить на Владислава Григорьевича; еще бы, в его руках был Сухум и почти все оружие Закавказского военного округа. Наши уже хотели хлопнуть дверью, но Грачев уговорил остаться, а чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, поступил, как настоящий десантник, — налил по стакану водки и поднял тост:

— За мир!

— Молодец! — одобрил Кочубей.

— Конечно, молодец! — согласился Тимур и вернулся к рассказу: — Естественно, ни наши, ни грузины от тоста не отказались. Дальше слово за слово, рюмка за рюмкой, и Шева расслабился. Его глаза все больше замасливались и становились, как у мартовского кота. Он уже не слушал Грачева, а только пялился на его пресс-секретаршу.

А там, я скажу вам, — здесь в Тимуре заговорил знойный южанин; даже спустя годы он, видимо, не мог забыть ее «опьяняющий» бюст и «остолбняющие» ножки, — было на что посмотреть. Естественно, какому десантнику, а тем более русскому, такое понравится. Паша с полуборота завелся, дело чуть до драки не дошло. В итоге у Шева вышел полный облом, зато у нас через пару дней появилось, чем ответить грузинской авиации и артиллерии. Вот вам и юбка! — закончил рассказ Тимур и, разлив вино по бокалам, предложил тост за всех женщин.

Тот день для Татьяны и Николая завершился уже традиционным ужином с Тимуром, но уже в новой пацхе. Два следующих дня пролетали, как один миг. Жизнь в Москве уже казалась им далеким прошлым. Подходил к концу

четвертый вечер, они ужинали в пацхе у Амираана — ели шашлык и запивали афонским вином, когда зазвонил со-товый Николая. Это был Агольцев. Ничего не объясняя, он потребовал немедленно возвращаться в Москву.

Накануне события на Лубянке начали развиваться самым стремительным образом. На следующий день после возвращения Агольцева в Москву удача улыбнулась воронежским контрразведчикам. Настырный Александр Ракитин, несмотря на то что «валуйский след» Литвина, казалось, безнадежно затерялся, ухитрился выйти на него. Местный таксист Сашок, частенько промышлявший «леваком» на Украину, с ходу опознал по фотографии Литвина и в подробностях вспомнил, как провозил его по «черному переходу» через границу в Харьков и спустя четыре дня забрал.

Той же ночью оперативная группа во второй раз провела осмотр гаража Литвина, и он принес долгожданный результат. Агольцев с Саликовым не поленились заглянуть в самые укромные места и простучать каждый кирпич. За одним из них обнаружился тайник. Его содержимое не оставляло никаких сомнений в том, что Литвин занимается сбором секретной информации по разработкам «Тополя-М». Два электронных диска с подробными выписками по тактико-техническим характеристикам ракеты, математический алгоритм управления ее полетом и копии секретных документов являлись красноречивым подтверждением тому. Позже специалисты-технари обнаружили в металлической капсуле код шифра и расшифровку переписки с американской разведкой. Для связи между собой они использовали простой, но очень эффективный канал — Интернет.

Теперь дешифровальные и аналитические службы ФСБ знали, где и что искать, а когда просеяли через свое «сито» электронную переписку «Гастролера» с резидентурой ЦРУ, Градов и Бармин схватились за головы. И было от чего: американская разведка как никогда близко подобралась к важнейшим секретам «Тополя-М».

В своем последнем ответе ей Литвин сообщал:

*«Интересующие вас материалы, в том числе и копии, мною подготовлены. Дополнительно получена информация о результатах испытаний по известной Вам проблеме «М». Готов к встрече на условиях обмена, ранее с Вами оговоренных».*

Американская разведка не заставила себя долго ждать. Видимо, в ЦРУ сгорали от нетерпения поскорее получить информацию по ракетному комплексу «Тополь-М». В тот же день на электронный адрес Литвина поступил ответ:

*«Условия обмена подтверждаем. Часть средств будет вручена Вам при личной встрече, остальная положена на Ваш счет в швейцарском банке. Предлагаем провести встречу в субботу на следующей неделе на известном Вам месте в тринадцать часов по московскому времени. В случае ее срыва — повторная через неделю там же и в то же время. На нее прибудет известный Вам друг. Вашу безопасность мы гарантируем и заинтересованы в продолжении нашего сотрудничества.*

*Майкл».*

## Глава 14

В аэропорту «Внуково» Николая и Татьяну встречал Остащенко на служебной машине генерала Бармина. Уже это само по себе говорило о том, что только чрезвычайные обстоятельства стали причиной его внезапного отъезда из отпуска. Взъерошенный Юрий, только вчера вышедший на службу после отгулов, ничего толком не мог объяснить. Ему было известно лишь то, что решение о вызове в Москву принимал сам Градов. Об этом, как только они выехали из «Внуково», напомнил звонок Агольцева. Он торопил с приездом, и потому, оставив Татьяну на первой станции метро — «Юго-Западная», Кочубей в чем был одет, так и отправился на Лубянку.

В джинсах и кричаще-пестрой рубашке, усыпанной «скорпионами», он чувствовал себя не в своей тарелке в строгих казенных коридорах под критическими взглядами седовласых начальников. Встретивший его Агольцев, не дал раскрыть рта, на ходу рассказал о последних результатах, полученных при разработке Литвина, и проводил до приемной Градова.

В ней царил непривычная тишина, он проводил закрытое совещание и никого не принимал. Кочубей скромно приткнулся в углу и, переминаясь с ноги на ногу, бросал вопросительные взгляды на помощника Градова. Тот лишь пожал плечами и продолжил что-то набирать на компьютере.

Николаю ничего другого не оставалась, как только запастись терпением и строить догадки по поводу неожиданного вызова к «самому».

За время службы на Лубянке ему предстояло во второй раз побывать в кабинете Градова. Первый раз это произошло год назад, когда волейбольная команда военных контрразведчиков, неожиданно для многих сокрушив признанных фаворитов, пробилась в финал и в равной игре в тяжелейшей пятой партии уступила первое место бесспорным лидерам — команде «Отдушина», в которой играл сам директор и несколько бывших мастеров спорта.

Та встреча и беседа с Градовым оставила в памяти Николая теплые воспоминания. Разговор начался с волейбола, продолжался около сорока минут и закончился историей о военной контрразведке Смерш, которую Градов знал не хуже самих историков. Судя по напряженному лицу помощника, сегодня был явно не волейбольный день. Кочубей предпринял еще одну попытку разговорить его, но он продолжал хранить упорное молчание. Время шло, и из-за неплотно прикрытой двери кабинета Градова доносились лишь неразборчивые голоса, изредка прерывавшиеся звонками ВЧ-связи.

Больше получаса он, Бармин, Прохоров и начальник аналитического отдела полковник Милов вели напряженный разговор. Предметом обсуждения была ситуация, сложившаяся вокруг «Гастролера». Последние полученные на него оперативные материалы загоняли их в цейтнот и резко сужали поле для маневра. До встречи Литвина с разведчиком ЦРУ в Москве оставалось меньше недели, и они оказались перед непростым выбором — легализовать имеющиеся на него оперативные данные и затем провести арест или попытаться завязать с американской разведкой оперативную игру. Как в первом, так и во втором варианте существовало немало «подводных камней».

То, что для них было очевидно, — Литвин занимается сбором секретной информации, еще не означало, что

судья Кровопусков примет добытые ими материалы как безусловное свидетельство его шпионской деятельности и санкционирует задержание. Градов, а вместе с ним Бармин, Прохоров и Милов и без крючкотвора Кровопускова видели изъяны в свидетельской базе, которая при ушлом адвокате могла развалиться в суде.

Обнаруженные оперативной группой в тайнике гаража выписки и копии секретных документов еще не говорили о том, что Литвин — шпион. Не он один грешил в работе с секретными материалами. Профессора и доценты, давно оторвавшиеся от суровой армейской действительности, бывало неделями держали дома и на дачах брошюры и литературу подобного рода. В случае с Литвиным хорошему адвокату не составило бы большого труда квалифицировать его действия как грубое нарушение режима секретности и свести все к банальной предпосылке к разглашению государственной тайны. В итоге им осталось бы только погрозить ему пальцем и передать материалы командованию академии.

Даже Интернет — связь с неким «Майклом», за которым, как они подозревали, стояла американская разведка, могла интерпретироваться адвокатом как переписка коллекционеров-ракетчиков. И здесь Градов сходилась во мнении с подчиненными — как ни крути, но прямой связи между находящимися у Литвина секретами и ЦРУ не просматривалось, а одни подозрения, как говорится, к «делу не пришьешь». Им как воздух требовалось время, чтобы добыть «железные» доказательства его шпионской деятельности.

Предложение Бармина, энергично поддержанное Прохоровым, — не спешить с санкцией суда на арест, а припереть Литвина к стенке тем, что есть, и затем через него завязать с ЦРУ оперативную игру, на первый взгляд выглядевшее выходом из создавшегося положения, не нашло поддержки у Милова. Его аналитики основательно поработали над психологическим портретом Литвина и пришли к отрицательному заключению. Дерзкий и решительный,

хитрый и расчетливый, он, вне всякого сомнения, быстро бы сообразил, что при согласии на сотрудничество с контрразведкой ему в лучшем случае пришлось бы рассчитывать лишь на сокращение тюремного срока. А перспектива вместо «двадцатки» получить «пятнашку» и после тюремной баланды выйти из зоны беззубым и дряхлым стариком вряд ли бы его устроила. И потому Милов твердо стоял на том, что при малейшей возможности Литвин переметнется к американцам.

Градов начал терять терпение, никто так и не попытался развить его вчерашний легкий намек. Промелькнувшая тогда в голове дерзкая комбинация ему самому показалась уж слишком рискованной, если не сказать больше, и потому он ограничился тем, что приказал отозвать из отпуска Кочубея. Бармин, похоже, уловил, к чему он клонит, но не стал задавать лишних вопросов и молча выполнил распоряжение.

В глубине души Градов рассчитывал, что найдет в его лице единомышленника. Но, похоже, ни сам Бармин, ни Милов с Прохоровым так и не прониклись его идей. Продолжать и дальше переливать из пустого в порожнее времени уже не оставалось, и он прекратил спор:

— Все, закончили! Ходим вокруг да около, а на выходе ничего! Прошу коротко доложить конкретные предложения!

— Разрешите, Георгий Александрович? — вызвался первым Прохоров.

— Да!

— Я так понимаю, на сегодня наша главная задача — добиться, чтобы ЦРУ перенесло явку с Литвиным, а за это время укрепить свидетельскую базу?

— Это первое, но не все, — подтвердил Градов.

— В таком случае, есть следующие варианты — положить в госпиталь...

— Сомнительно! Полмесяца назад он проходил диспансеризацию и признан абсолютно здоровым, — напомнил Бармин.

— Был бы человек, а хороший доктор всегда болячку найдет.

— Не пойдет! Все это за уши притянуто, — отверг Градов.

— А если отправить в командировку? — предложил Милов.

— И послать подальше, в иркутскую или канскую дивизию, — поддержал Бармин.

— А чем это лучше госпиталя?! Там он по ногам и рукам будет связан! — стоял на своем Прохоров.

— Тогда уж лучше аварию! — хмыкнул Милов.

— Аварию?! А может, сразу на тот свет?

— Григорий Васильевич, остынь! — остановил его Градов и поддержал предложение Милова. — В принципе, командировка не худший вариант, вот только какая?

— Та, что не насторожит ни Литвина, ни ЦРУ, и даст нам выигрыш во времени, — заключил Бармин.

— Все так, Алексей Анатольевич, но она решает тактическую задачу, а мы должны смотреть дальше и мыслить стратегически.

— Вы имеете в виду не только срыв явки с «Майклом», но и перехват канала с последующей операцией против ЦРУ?

— Именно! Эта наша главная цель!

— С Литвиным бесполезно! Продаст при первой же возможности! — решительно возразил Милов

— Выходит у нас нет вариантов и будем рубить на корню? — допытывался Градов.

Бармин с Прохоровым пожали плечами, а Милов развел руками. И тогда он достал из пакета две фотографии и положил на стол. Одна из них всем была хорошо знакома, с нее строго смотрел подполковник Литвин в парадной форме и при всех регалиях. Милов взял их в руки, и на его лицо набежала тень. Он закусил губу и что-то прикидывал себе в уме. Прохоров, стгорая от нетерпения, заглянул через его плечо, и затем оторопело уставился на Градова. Тот



хитровато прищурился, но ничего не сказал и терпеливо дожидался ответа на свой немой вопрос.

— Операция «двойник»?! — догадался Милов.

— Поразительно! Как похожи! — удивился такому близкому сходству Прохоров и осторожно заметил: — Рискованная, но весьма перспективная идея. Нейтрализуем Литвина и через Кочубея завяжем оперативную игру.

— Георгий Александрович, а нам его разрешат задействовать? — усомнился Милов.

— Разрешат! Это уже мой вопрос! — развеял он его сомнения.

— Тогда вопросов нет, я «за»!

— В принципе, это перспективный выход из положения, но тут есть несколько подводных камней, — все еще колебался Милов.

— С камнями пока погоди, Андрей Александрович! Как думаете, Кочубей потянет на роль «Гастролера»?

— Полагаю, да. То, что не дрогнет, в этом нет сомнений, — решительно заявил Бармин.

— Алексей, речь не об этом. Я имею в виду его готовность в психологическом плане.

— По крайней мере, после «сухумской истории» не сломался.

— Хм... Там была совершенно другая ситуация. Не мне тебе объяснять — если игра с американцами завяжется, то сам знаешь....

— Николай тоже не лыком шит, тем более за ним будем стоять мы!

— Стоять-то будем, но в глаза цэрэушникам придется смотреть не тебе, Алексей, и не мне, а ему. Ладно, чего гадать! — и Градов нажал кнопку на селекторе.

Ответил помощник.

— Андрей, где Кочубей? — спросил он.

— Здесь, товарищ генерал.

— Пусть заходит!

В дверном тамбуре раздалися шаги, вторая, внутренняя дверь открылась, и в кабинет вошел смущенный Николай. Взгляды всех четверых сошлись на нем, и он невольно поежился. На него смотрели так, будто взвешивали на невидимых весах. Под этим начальственным прицелом Кочубей не знал, что подумать, и положился на судьбу.

— Здравствуй, «абхаз»! — первым поздоровался Градов, а остальные дружно закивали головами.

— Здравия желаю, товарищ генерал! — ответил Николай и остался стоять в дверях.

— Проходи и садись! — пригласил тот к столу, поднялся навстречу, пожал руку и затем спросил: — Как отдохнул?

— Нормально.

— Наверно, не совсем. Извини, что, как говорится, с корабля на бал.

Кочубей с облегчением вздохнул, такое начало разговора обнадеживало, и бросил вопросительный взгляд на Бармина. Тот подмигнул, и он уже бодро ответил:

— Товарищ генерал, четырех дней вполне хватило, дальше оставаться было опасно.

— Опасно говоришь? — насторожился Градов и, пытливо заглянув в глаза, сказал: — А мы думали, тебя ничем не испугаешь. Ну, раз такое дело, тогда...

— Товарищ генерал, я совсем другое имел в виду. С этим абхазским гостеприимством никого здоровья не хватит, — смущено произнес Николай.

Брови у Градова взлетели вверх, а через мгновение он заразительно рассмеялся. Не удержались и Бармин с Миловым, веселые улыбки появились на их лицах, и даже хмурое лицо Прохорова прояснилось. Строгая атмосфера кабинета утратила свою официальность, а когда стих смех, Градов снова пытливо посмотрел на Кочубея и затем спросил:

— Говоришь, хорошо отдохнул?

— Да! И готов к выполнению задания!

— Это какого же?

— Насколько я понимаю, важного, — нашелся, что ответить Николай.

— Нет, вы только посмотрите на него! Мы тут головы ломаем, а он, оказывается, уже все знает, — шутливо заметил Градов, и, согнав улыбку с лица, продолжил: — Правильно понимаешь. Задание предстоит важное. Надеемся завязать с американской разведкой оперативную игру через «Гастролера». Операция рискованная, но в случае успеха можно рассчитывать на весомый результат. Правда, в ней есть одно большое «но» — серьезные сомнения в том, что Литвин не сдаст нас ЦРУ, и потому, Коля, мы пришли к выводу, что роль «Гастролера» тебе по плечу.

— Я?.. «Гастролер»?.. — опешил Кочубей.

— А почему бы и нет? Вон, Андрей Александрович до сих пор не может понять, где ты, а где Литвин.

Тот энергично закивал головой, а Бармин подбодрил:

— Не боги горшки обжигают, так что, Николай, готовься на роль шпиона!

— Алексей Анатольевич, не совсем так! Разведчика! — поправил Градов.

Кочубей пришел в себя и, не раздумывая, заявил:

— Я готов, товарищ генерал!

— А мы и не сомневались. Окончательное решение будет принято в ближайшее время. Вопросы к нам есть?

— Нет, товарищ генерал!

— Тогда отдыхай, Коля! — распорядился Градов и, проводив его взглядом до двери, потеплевшим голосом сказал: — Какие у нас замечательные ребята! С такими можно в огонь и в воду!

— Надежный и умный парень. Я уверен, с задачей справится, пару репетиций и все будет нормально, — поддержал Бармин.

— Репетиции — вопрос больше технический, а теперь вернемся к подводным камням Андрея Александровича. Что ты имел в виду? — вспомнил Градов недавнюю оговорку Милова.

— Первое — голос! Его куда спрячешь? — пояснил тот.

— Я тоже об этом подумал, — присоединился к нему Бармин.

— Какие проблемы? Ящик мороженого съест, и все станет в норме, — брякнул Прохоров.

— Тогда уж лучше в стельку напиться, — бросил Бармин.

— А может он у нас станет немым? — иронично заметил Милов.

— Стоп, друзья, сейчас не до шуток! В предложении Григория Васильевича есть рациональное зерно, простуда мнимая или действительная, но она нам поможет, — оставил их пикировку Градов.

— В принципе это выход! — согласился Бармин.

— Не совсем. Еще остаются походка, мимика и жесты, — напомнил Милов.

— А здесь очки и кепка выручат. Надеюсь, за сорок минут явки Скотт нашего Кочубея не раскусит, — снова оживился Прохоров.

— Григорий Васильевич, это только юношей надежды питают. Скотт профессионал, и его на мякине не проведешь, — возразил Милов.

— Уж точно не воробей. Надо придумать что-то более основательное, чем очки и кепка, но что? — задался вопросом Бармин.

— Ты прав, Алексей Анатольевич, с насюка тут не решить. Придется готовить для американцев спектакль, а раз так, то без хорошего режиссера не обойтись, — заключил Градов.

— Или хорошего артиста? — предложил Милов.

— Плохой нам не нужен, а вот если использовать и того, и другого, получим то, что надо. Какие на этот счет будут мнения?

Вопрос Градова снова оживил обстановку в кабинете. И без того творческий характер контрразведки, когда каж-

дый день в оперативную разработку подбрасывает очередную головоломку, не позволял им скучать. Сегодняшняя ситуация, не укладывавшаяся пусть и в широкие, но все-таки привычные рамки, вызвала бурный всплеск эмоций. Бармин, Прохоров и Милов вспоминали старые и новые фильмы, перебирали фамилии: Василия Ланового, Леонида Броневского, Виктора Тихонова, Михаила Кошкина, Евгения Миронова и Александра Балуюева. Каждый отстаивал своего, но так и не пришли к единому мнению. Точки зрения разделились, и тогда Градов, положив конец спору, остановил свой выбор на Кошкине.

Он давно знал этого прекрасного, с острым умом артиста, блестяще сыгравшего роль «Бекаса» — советского контрразведчика, внедрившегося в иностранную спецслужбу, в фильмах «Ошибка резидента» и «Возвращение резидента». А она — роль «Бекаса», по мнению Градова, как никакая другая подходила по характеру и задачам, которые предстояло решать Кочубею. Еще раз взвесив все «за» и «против», он распорядился:

— Алексей Анатольевич, я тебя попрошу, собери все видеоматериалы по Литвину и завтра вместе с Кошкиным садитесь за просмотр. Как только определитесь, беритесь за Кочубея!

— Завтра?.. С Кошкиным?! — удивился такой стремительности Бармин.

— А ты как хотел, времени в обрез осталось! С Михаилом Ивановичем я вопрос решу уже сегодня, твое дело найти место, где проводить подготовку Кочубея. Андрей Александрович, ты и твои аналитики тоже не должны остаться в стороне!

— Есть, Георгий Александрович, сделаем все, что в наших силах! — заверил тот.

— В таком случае, если вопросов нет, попрошу к пятнадцати доложить свои предложения по срыву встречи «Гастролера» со связником ЦРУ, — закрыл совещание Градов.

После него Бармин с Прохоровым спустились в кабинет Милова, на время ставший мозговым центром, и принялись перебирать варианты нейтрализации Литвина. Спорили недолго и сошлись как на наиболее подходящем — его командировке. Благо для этого подвернулся естественный предлог, в Академии Петра Великого формировалась выездная комиссия для приема экзаменов у кандидатов в военные институты ракетных войск стратегического назначения. Все преподаватели стремились попасть в нее, и потому видимых причин отказаться от поездки у Литвина не было.

Не дожидаясь пятнадцати часов, Бармин поднялся к Градову доложить это предложение. Тот принял без задержки, внимательно выслушал и согласился, но, прежде чем отпустить, снова вернулся к главному — выводу Кочубея на Скотта. В его голове уже на несколько ходов вперед выстраивалась будущая разведоперация, и он, пытаясь просчитать все риски, хотел еще раз сверить свои мысли и поинтересовался:

— Алексей, а ты не задумывался над тем, что Кочубею, кроме того как сыграть роль Литвина, надо быть еще и ракетчиком.

— В общем, да, — согласился тот.

— Если американцы за него зацепятся, то наверняка прощупают, где и в качестве кого он служит, и вот здесь Николай, как говорится, у нас голый.

— Да, легенду надо чем-то подкреплять, и лучший вариант — пристроить его на кафедру в академию.

— Не знаю, не знаю. Там нужны специальные знания, а наш Николай — бывший танкист и будет среди них белой вороной. Вот если найти что-то близкое к штабной работе.

— А если в отделение защиты гостайны?

— О! То, что надо! Как скоро можно решить вопрос? — с ходу поддержал это предложение Градов.

— Командующий на месте, думаю, что сегодня.

— Отлично! Назначение провести приказом и лучше всего переводом из Восточного военного округа. Ракет-

чки — замкнутая каста, и если наш Кочубей появится из ниоткуда, то возникнут ненужные вопросы.

— Сделаем, как надо, Георгий Александрович! — заверил Бармин.

— В таком случае желаю удачи. И держи меня постоянно в курсе, — потребовал Градов и уже в дверях остановил его. — Операцию как назовем?

— Надо подумать. Моряки говорят: как назовешь, так и поплывет.

— Да! Плавание предстоит опасное и рискованное. Надо не ошибиться.

— Первое что на ум приходит, так это «Двойник», — назвал Бармин.

— Ближе по теме, но... избито.

— А если «Челнок»?

— Что это тебя на морскую тему потянуло?

— С детства мечтал в Австралии побывать.

— Мечты — вещь хорошая, и Австралия — страна красивая, — согласился Градов и, подумав, предложил: — А может «Бумеранг»? Запустить Николая под ЦРУ это еще полдела. Гораздо важнее, чтобы назад он вернулся.

— Нормально! И по сути подходит, и звучит... — поддержал Бармин.

— На том и решили! — утвердил Градов.

Спустя два часа Бармин был на Власихе, в кабинете командующего РВСН, а Агольцев — у начальника Академии Петра Великого. Выпускники одного и того же Ростовского военного училища, они были знакомы не один десяток лет и без лишних слов понимали друг друга. В тот же день в очередном приказе командующего по личному составу появилась фамилия подполковника Николая Кочубея, и отделение защиты гостайны академии пополнилось новым офицером из «войск».

С этой минуты операция, получившая кодовое название «Бумеранг», стала стремительно набирать обороты. На следующее утро в уютном просмотрном зале Центра

общественных связей ФСБ России собрались: народный артист Михаил Кошкин, генерал Бармин, полковник Агольцев, подполковник Кочубей и кинооператор. Бармину не понадобилось долго объяснять Кошкину, в чем должна заключаться эта помощь. Накануне Градов ввел его в курс дела, и тот, не мешкая, приступил к работе.

В течение пятнадцати минут бедняге Кочубею пришлось козликом скакать по сцене, валяться на диване, хлебать стаканами минералку, корчить гримасы и рожи, возмущаться и хохотать, произносить монологи. Бармин и Агольцев не один раз, скрывая улыбки, отворачивались в сторону. Сам Кошкин, как египетский сфинкс, был невозмутим, внимательно наблюдал за лицедейством Николая и лишь изредка бросал короткие реплики. И когда этот экспромт-просмотр подошел к концу, Кочубей напоминал взмокшую мышь. Тяжело дыша, он пожирал глазами Михаила Ивановича и ожидал окончательного заключения, как приговора.

Кошкин поднялся из кресла и, дружески похлопав его по плечу, объявил:

— Штирлица или Тульева я вам не гарантирую, но что-то близкое к «Бекасу» у нас с вами, Коля, получится.

А Агольцев не удержался и шутливо заметил:

— Михаил Иванович, вы только с ним не заигрывайтесь, а то уйдет в творчество, и мы потеряем лучшего работника.

— Лучшие и талантливые не теряются! — с улыбкой парировал Кошкин и, перейдя на серьезный тон, потребовал: — А теперь, друзья, я хочу посмотреть того, кого предстоит играть нашему герою. Надеюсь, в вашем сценарии трагический финал для Николая не предусмотрен?

— Конечно, нет! — заверил Бармин и поторопил оператора: — Сережа, запускай запись по объекту!

Зал снова погрузился в прохладный полумрак, и на экране замелькали кадры с Литвиным, отснятые разведчиками наружного наблюдения на улицах, в метро и в помещениях. Сеанс продолжался больше часа. Кошкин буквально впился в экран, ловя нюансы в его движении, мимике, речи, и время



от времени делал короткие пометки в блокноте. Закончилась очередная кассета и оператор приготовился поставить новую, но он остановил.

— Достаточно! Того, что я увидел, вполне хватит для роли.

— Насколько она сложна? — поинтересовался Бармин.

— Не настолько, как вы думаете. Есть кое-что общее в движениях и мимике, посложнее будет с жестами и особенно с голосом.

— С голосом проблему мы сняли, — сказал Агольцев и не смог сдержать улыбки.

— Да?! Он что, будет немой? — удивился Кошкин.

— Нет! Съест ящик мороженого и запьет холодным молоком.

— Николай будет простужен, — поспешил внести ясность Бармин.

— Интересное решение, — хмыкнул Кошкин и, перейдя на деловой тон, поинтересовался: — Сколько нам отпущено времени?

— Пять дней! Максимум неделя! — уточнил Бармин.

— Сколько, сколько?!

— Извините, Михаил Иванович, но у нас просто нет другого выхода.

— Ну, вы даете! Вот так с листа сыграть роль и, насколько я понимаю, очень важную? Нет, друзья вы от меня требуете невозможного.

— Михаил Иванович, надо! — мягко, но настойчиво убеждал Бармин.

— Я справлюсь! — горячо убеждал Николай.

— Он справится? Вы только посмотрите на него! Молодой человек, вы хоть понимаете, что говорите? Вы что, Смоктуновский или, может быть, Миронов? Пять дней? Нет, это немыслимо! — и Кошкин развел руками.

— Простите, Михаил Иванович, я конечно не специалист, а нельзя ли свести это к отдельной сцене или эпизоду? — смущаясь, спросил Агольцев.

— Что вы хотите этим сказать?

— Встреча Николая будет проходить в кафе и займет, как мы полагаем, не больше часа.

— Так, так! Это уже кое-что, — поостыл Кошкин и потребовал: — Отсюда попрошу подробнее, если это, конечно, не нарушает ваших тайн, о самом месте и обстановке.

— Здесь нет секретов, — охотно согласился Бармин.

Дальше вместе с Агольцевым, стараясь не упустить деталей, они подробно описали обстановку в кафе. Кошкин внимательно слушал, изредка задавал уточняющие вопросы и в конце заявил:

— Тогда будем работать вживую!

— Что вы имеете в виду? — спросил Бармин.

— Репетировать прямо на месте, в кафе!

— Извините, Михаил Иванович, но такой вариант исключен.

— Это почему же?

— Так засветим не только Николая, но и саму операцию!

— Светить или темнить, я не электрик и в таких делах не разбираюсь, но для того чтобы он не провалился, по-другому нельзя! — отрезал Кошкин.

Агольцев и Бармин замялись, но выход из положения нашелся быстро и оказался на удивление прост. В тот же день на одной из конспиративных дач ФСБ бригада плотников в спешном порядке в глубине сада соорудила точную копию летнего кафе из парка «Центрального дома художника». В это же время Остащенко, Байдин, Салтовский и девчата из секретариата доставали из шкафов выходные костюмы и платья, готовясь сыграть роли статистов в сценарии, который на ходу сочиняли Кошкин, Агольцев и Кочубей. Во второй столовой на Лубянке царил аврал, ее заведующая вместе с поварской бригадой в режиме ошпаренной кошки срочно готовили блюда под меню, на которое не поскупился широкий души Михаил Иванович.

Столь же стремительно развивались события и в Академии Петра Великого. После окончания лекции подполковника Ореста Литвина в коридоре перехватил помощник дежурный и направил к начальнику факультета.

Генерал-майор Кузин, обычно суховатый и сдержанный в общении с подчиненными, на это раз был непривычно предупредителен и пригласил сесть. Литвин занял дальний стул и вопросительно посмотрел на генерала. Тот суетливо зашуршал бумагами, зачем-то надел очки и начал разговор с дежурной фразы:

— Как прошла лекция, Орест Михайлович?

— Активно, никто не спал и были вопросы, — ответил он, теряясь в догадках по поводу своего внезапного вызова.

— У вас что в плане на эту и начало следующей недели?

Вопрос Кузина заставил встрепенуться Литвина.

«Следующая неделя?.. Встреча с «Майклом»! — первое, что пришло на ум. — К чему он клонит?» — пытался понять Литвин и, с трудом сдерживая волнение, ответил:

— Лекции, один зачет в двенадцатой группе, научная конференция в четвертом НИИ. Потом...

— А дома все в порядке? — перебил Кузин.

Этот вопрос еще больше озадачил Литвина. Он уже не знал, что думать: «Отчего такая забота?.. Или у генерала дембельский заскок?» — и отделался общей фразой:

— Живы, здоровы и пока никто не жалуется.

— Очень хорошо! Тогда готовьтесь в командировку. Поедете принимать экзамены у будущих офицеров, — распорядился Кузин.

— Я?!

— Да, вы! К сожалению, внезапно заболел полковник Скворцов, а вы у нас один из самых подготовленных преподавателей, полагаю, мне за нашу академию краснеть не придется, не так ли, Орест Михайлович?

— Не-ет, конечно. Но у меня...

— Ничего, ничего! Неделка активной и живой работы среди молодежи, — здесь на лице Кузина появилась то ли улыбка, то ли гримаса, — вам совсем не помешает.

— Спасибо, — пробормотал Литвин.

— Странно, Орест Михайлович, что-то я не вижу радости на вашем лице. Другие в нее рвутся, а вы?

— Извините, товарищ генерал, устал. Две лекции, зачетная неделя.

— Устали? А кому сейчас легко, — деревянно пошутил Кузин и, согнав с лица гримасу, объявил: — Поезжайте, там, в народе, отдохнете от кабинетной работы. Старшим команды будет полковник Белобородов. Командировочные и деньги возьмете у него. Выезд завтра. Пункт назначения — город Йошкар-Ола. Счастливого пути, Орест Михайлович!

После такого жеста генерала ему ничего другого не оставалось, как только благодарить. Эта неожиданно свалившаяся, словно снег на голову, командировка была так некстати. В последние дни он жил только одним, предстоящей встречей с «Майклом». Всего неделя отделяла его от того момента, когда сотни тысяч долларов, наконец, станут не манящим миражом, а реальностью. Литвин шел по коридору и никого не замечал. В голове и душе царил хаос мыслей и чувств, его так и подмывало возвратиться в кабинет Кузина и отказаться от поездки в Йошкар-Олу, но, поостыв, он не стал пороть горячки.

Отказ от командировки, в которую захажшие на кафедрах преподаватели выстраивались в очередь, мог вызвать ненужные разговоры, а в нынешнем его положении это было вовсе ни к чему. В последнее время контрразведчики зачастили на факультет, и каждое их появление в коридорах и на кафедре еще больше усиливало страх, поселившийся в нем с декабря прошлого года. Исподволь подтачивавший волю и не дававший покоя ни днем, ни ночью, он после разговора с Кузиным поутих. Командировка вольно или невольно отдаляла тот роковой рубеж, после которого все «мосты» были бы окончательно сожжены.

Возвратившись на кафедру, Литвин терпеливо дождался, когда коллеги разойдутся на обед, и открыл сейф. Там, на самом дне, под лекционными тетрадами, лежала ксерокопия акта по результатам испытаний системы навигации ракетной пусковой установки «Тополь-М». В тот момент, когда она перекочевала в тайник, сделанный им во внутренней перегородке портфеля, он даже не подозревал, что каждое его движение теперь записывалось скрытыми камерами наблюдения, а копия самого акта, добытого с таким трудом в НИИ-4, являлась всего лишь умело сработанной контрразведчиками «липой». Пользуясь предстоящей командировкой, он раньше времени улизнул из академии.

Жара на улицах к этому времени спала, свежий ветерок потягивал со стороны Москвы-реки и обвевал разгоряченное лицо. Скорым шагом он поднялся к станции метро «Лубянка», доехал до конечной и оставшийся километр прошел пешком. Прежде чем зайти в квартиру решил освободиться от опасного «груза» и свернул в гараж. Тусклый свет затянутой толстым слоем пыли электрической лампочки едва пробивал густой полумрак. Рука безошибочно нащупала в кирпичной кладке место тайника. Отвертка легко вошла в паз, и после легкого нажима на ручку кирпич легко поддался. В темном провале тускло блеснула алюминиевая коробка. В ней хранилось будущее состояние — десятки страниц исписанных от руки и отснятых на пленку копий секретных и совершенно секретных документов. Всего неделя отделяла его от того дня, когда эти сотни безликих цифр должны были пролиться «золотым дождем».

Он присел на ступеньку лесенки, открыл крышку коробки, положил в нее копию акта результатов испытаний системы навигации ракетной пусковой установки и, не удержавшись, принялся перебирать бумаги. Их шелест звучал для него самой приятной музыкой, пьянил голову и распалял будущие желания. Скоро, совсем скоро будет покончено с той «жалкой жизнью», что ему приходилось влачить в последние годы. Одна, всего одна неделя и уже не придется

лезть из кожи, чтобы скопить «копейку» на отпуск, а там давиться «резиновым» шашлыком и запивать дешевой «бормотухой». С миллионом «баксов» он уже сможет наплевать на службу, докторскую диссертацию, заваленную завистниками, на жилищную комиссию, пятый год кормящую обещаниями новой квартиры, и жалкую зарплату, которой едва хватало, чтобы свести концы с концами.

Проверив и пересчитав все до последнего листа, Литвин сложил бумаги в коробку, спрятал в тайник и, закрыв гараж, отправился домой. Там его встретил голодным клетотом полупустой холодильник и простуженным сипением неисправный сливной бачок в туалете. Жена, похоже, задержалась на работе, а сын пропал на тренировке по футболу. Воспользовавшись этим, он сел за шифровку для «Майкла». Двадцать пять строк текста быстро легли на чистый лист бумаги. Непосвященному они вряд ли что могли сказать, письмо ничем не отличалось от обычной переписки коллекционеров и фанатов ракетной техники. Перед тем как запустить его в Интернет, он проверил текст до точки, до запятой и только потом отправил в «электронный» океан. После этого осталось только запастись терпением и ждать ответа.

Но терпения не хватало. Замаячившее впереди баснословное богатство не давало покоя. Его терзали сомнения, разгулявшиеся нервы не смогли успокоить ни сто грамм водки, ни телевизор. Опасения, что американская разведка в последний момент может отказать от встречи, нарастали с каждой минутой, с каждым часом. Он то и дело терзал компьютер и проверял почту, но «Майкл» продолжал хранить молчание.

Время перевалило за полночь, когда, наконец, на экране монитора высветился долгожданный ответ. Литвин лихо радочно принялся за расшифровку, и, когда проступили первые строчки письма, с него словно гора свалилась с плеч. «Майкл» подтверждал готовность к встрече в Москве по запасному варианту. Он перепроверил каждое слово в рас-

шифровке. Содержание ответа ЦРУ не оставляло сомнений в том, что оно заинтересовано в сотрудничестве с ним. Выключив компьютер, Литвин скомкал листы бумаги, прошел на кухню и зажег газовую горелку.

Синие языки жадно облизнули край листа и обожгли пальцы. Он отдернул руку и швырнул остатки сообщения американской разведки в раковину. Пламя сердито зашипело, пыхнуло едким дымом и, оставив на дне закопченные клочки бумаги, погасло. Хлынувшая из крана струя воды смыла последние следы. Теперь ему оставалось только одно — запастись терпением и ждать встречи с «Майклом».

Спать он отправился в зал. И без того непростые отношения с женой в последнее время в конец разладились. Они жили каждый своей жизнью, и вынужденный, холодный нейтралитет, сложившийся между ними, был следствием того, что другого жилья у них не было. Хлебнув холодного пива, Литвин лег на диван и потом еще долго ворочался с боку на бок. Незадолго до рассвета усталость сморила его.

Проснулся он разбитым и чувствовал себя так, будто накануне по нему проехал бульдозер. Приняв душ, вяло прожевал завтрак и затем без дела слонялся по квартире. Перед обедом вздремнул на часок, а затем, наскоро перекусив и упаковав спортивную сумку, отправился на Казанский вокзал. Поезд на Йошкар-Олу отходил в 16.44, в запасе оставался целый час, но из-за автомобильных пробок на дороге и сутолоки в метро он только в самую последнюю минуту успел вскочить на подножку уходящего вагона.

Вспотевший, как мышь, он добрался до своего вагона и там перевел дыхание. В купе его встретили уже навеселе полковник Белобородов и подполковник Стародуб. На столике громоздилась куча кульков, среди которых проглядывали две «красноголовки». После того как в вагоне улеглась привычная в таких случаях суета и проводник проверил билеты, они дружно сдвинули стаканы. Под хорошую закуску незаметно одна за другой ушли две бутылки водки. Литвин разомлел, и чем меньше оставалось в стакане, а по-

езд все дальше отдалялся от Москвы, тем все благодушнее становилось настроение. После третьей бутылки он окончательно захмелел и, с трудом забравшись на вторую полку, тут же уснул.

Фирменный поезд «Марий-Эл», весело постукивая колесами на стыках рельс, стремительно мчался к Йошкар-Оле. Позади осталась короткая июньская ночь, и ровно в 7.35, минута в минуту, под бравурные звуки марша он тихо подкатил к вылизанному, будто армейский плац, перрону и раскрашенному, как лубочная картинка, вокзалу. Оживленная волна прокатилась по поезду, и пассажиры как горох посыпались из вагонов.

У ступенек приемную комиссию встречали: чиновник средней руки из республиканского министерства образования, директор кадетского корпуса и однокашник полковника Белобородова по военному училищу — заместитель командира дивизии полковник Кашкин. Четвертый — чернявый подполковник с грустно повисшими усами выглядывал из-за его спины.

Литвин сошел на перрон, приостановился и с изумлением смотрел на «усаца». Тот тоже раскрыл рот от удивления. Через мгновение с радостными возгласами:

— Орест?!

— Саня?! Бочаров!

— Вот это встреча! — они принялись тискать друг друга в объятиях.

В то время как Белобородов и Кашкин решали, куда поселить членов приемной комиссии — в армейскую гостиницу «Закат», в которой, кроме сауны, бильярда и набора сапожных щеток, ничего другого не было, или городскую «Турист», где в основном останавливались «туристы» с Кавказа, а по вечерам «ночные бабочки» из «досуга» запархивали прямо им в постель, — Бочаров и Литвин терзали друг друга вопросами.

— Ты надолго?

— Дня на три-четыре.



— Все, мы с Леной ждем в гости!

— Как она?

— Приходи, увидишь!

— С удовольствием, но когда, не знаю.

— Давай сегодня, в крайнем случае, завтра, — заседал Бочаров.

— Завтра и послезавтра точно не смогу.

— Почему?

— Начнем «ошкуривать» недорослей с их папашками и мамашками.

— Ошкуривать?.. Интересно! — хохотнул Бочаров. — А сколько стоит шкурка?

— Чем тупее, тем дороже.

Они громко рассмеялись. Белобородов обернулся и с удивлением произнес:

— Орест Михайлович, вы что-то подозрительно быстро сговорились?

— Виктор Степанович, не подумайте ничего плохого. Мы с Сашей начинали лейтенантами в Карталинской дивизии!

— А-а! Ничего не скажешь, тесен мир, особенно у ракетчиков, — согласился Белобородов.

— Лучший начальник оперативного отделения Владимирской армии, подполковник Бочаров, — представил его Кашкин.

— Ты начопера?.. И на полковничьей должности?! — поразился Литвин.

— Второй год, — с гордостью подтвердил Бочаров.

— Второй год начопера... — у Литвина перехватило дух.

Кажется, сама судьба в лице однокашника преподнесла ему подарок еще на лишнюю пару сотен тысяч долларов. Боевая ракетная дивизия, где не на бумаге, а в реальной обстановке обкатывался «Тополь», о таком можно было только мечтать! И пока они добирались до армейской гостиницы, ему не давала покоя одна и та же мысль, как

добраться до этих секретов. Он в полуха слушал Бочарова, кивал головой, и тут его осенило. Он, Александр Бочаров, начальник оперативного отдела — «мозг дивизии», в кабинете которого сосредоточены главные секреты, — поможет ему. Оставалось только придумать как, не насторожив его, подобраться к ним. Подсказка лежала на поверхности. Кафедра, и не только она, а и факультет страдали от недостатка практического материала, и потому те, кто, как он, попадал в войска, первым делом старались, как могли, подпитаться «живой фактурой», а потом использовать ее в лекциях и на практических занятиях.

Сегодняшний день — день организационных вопросов, которыми в основном занимался Белобородов как председатель приемной комиссии, представлялся Литвину наиболее подходящим. По приезду в гостиницу он осторожно закинул «удочку» Бочарову. Тот живо откликнулся, и после разговора с Кашкиным, а затем Белобородовым вопрос был положительно решен.

А дальше все пошло как по маслу. После завтрака вместе с Бочаровым они выехали в штаб дивизии. Он располагался в лесу, в тринадцати километрах от города. Дорога к нему заняла не больше пятнадцати минут. Высокий бетонный забор с тускло мерцающей колючей проволокой поверху подсказал Литвину, что они на месте. Охрана на КПП и в штабе дивизии без проволочек, по распоряжению Бочарова, пропустила его на второй этаж. Здесь, за заградительной решеткой, и располагался оперативный отдел. Первый и самый большой кабинет принадлежал Бочарову.

Развешанные по стенам зашторенные секретные схемы, а еще больше компьютер с его начинкой только еще сильнее распалили «шпионский аппетит» Литвина. Он сгорал от нетерпения поскорее поковыряться в его электронной памяти и вытащить секреты. Об этом ему даже не пришлось простить. Ради чахнувшей без живой практики науки благодушно настроенный Бочаров готов был поделиться всем, чем располагал, включил компьютер, открыл пароль и прошелся

по заголовкам файлов. От одних только названий у Литвина разбежались глаза.

Планы боевого применения, тактико-специальных занятий, координаты секретных позиций и еще многое другое, о чем только могли мечтать в американской разведке, валились к нему прямо в руки. Первый час он прилежно «выжимал» секретные документы и делал выписки в блокнот. Так продолжалось до обеда, потом Бочаров закурился в суеде штабных дел, и здесь Литвин воспользовался этим сполна — вся информационная начинка компьютера перекочевала на магнитный диск.

Вечером на квартире Бочарова похищенные секреты, а не воспоминания о прошлом приятным теплом согревали его. Лена и Александр поднимали тосты «за дружбу» и «за службу», перебирали в памяти тех, с кем начинали вместе, и кого затем суровая армейская судьба разбросала по всей стране. Бочаровы по-прежнему продолжали жить армией, и это в Литвине вызывало только раздражение. В эти минуты мыслями он был в Москве и считал оставшиеся до встречи с «Майклом» дни. Семнадцатое число должно было раз и навсегда перевернуть его жизнь.

Считали эти дни и Градов с Барминым. Возникшие у них опасения, что «командировка» Литвина может не только сорвать его явку с ЦРУ, но и дальнейшую связь между ними, оказались излишними. Операторы перехватили, а криптографы расшифровали его электронное письмо для «Майкла». В нем он сообщал:

*«Срочно убываю в служебную командировку в Йошкар-Олу. В Москве ориентировочно буду через 5-6 дней. Готов к встрече на оговоренном Вами месте по запасному сроку».*

Ответ пришел незамедлительно:

*«Готовность к встрече с Вами подтверждаем. Сохраняйте терпение и выдержку. Желаем удачи.*

*Майкл».*

## Глава 15

К трем часам дня выездная экзаменационная комиссия закончила свою работу в военном лицее города Йошкар-Олы. Из сорока восьми кандидатов, поступающих в Академию Петра Великого и Серпуховский военный институт, конкурс прошли лишь двадцать шесть. Председателю и членам экзаменационной комиссии оставалось только подписать итоговую ведомость, но тут возникла заминка. Ее заместитель, бывший замполит ракетного полка, подвизавшийся в республиканском министерстве образования, в последний момент пытался пропихнуть в заветный список «своего». И здесь полковник Белобородов уперся, но не красноречие бывшего мастера пламенного слова, заставлявшего когда-то бойцов из Узбекистана и Туркмении рыдать над трудами классиков марксизма-ленинизма, а почтовый конверт, из которого стыдливо краснел уголок денежной купюры, и нетерпеливые взгляды Литвина со Стародубом, изнывавших от жары, заставили его сдаться. Список обладателей будущих офицерских погон пополнился еще на одно имя.

К этому времени счастливые родители своих удачливых чад успели загрузить под завязку багажник министерской «волги» дарами гостеприимной марийской земли и, сбившись в кучку, робко жались у крыльца, дожидаясь членов приемной комиссии. Те, «причастившись рюмочкой ко-

ньячка» в кабинете директора лица, довольные собой и самим действием, вальяжной походкой спустились во двор и, благосклонно кивая жавшимся вдалеке папашам и мамашам, прошли к машине.

— Женя, едем на Шап! — распорядился бывший замполит и, обернувшись к Белобородову, с жаром заговорил: — Не пожалее, не озеро, а сказка.

— Сегодня мы их наслушались, — хмыкнул тот, расстегнув ворот рубахи. — Сергеич, может, сразу на речку?

— Тут рукой подать. Вода чистейшая! А банька?! Лучше не бывает! — продолжал тот нахваливать место.

Белобородов лениво кивал головой и, прикрыв глаза, подставил лицо навстречу ветру. Разомлевший после коньяка Литвин откинулся на спинку сидения и под монотонный гомон захмелевших Стародуба и бывшего замполита задремал.

Позади остались окраины Йошкар-Олы, и Женя прибавил скорость. Напоенный запахом трав и ягод, ветерок приятно щекотал разгоряченные лица членов приемной комиссии. На девятнадцатом километре широкая и прямая как стрела дорога вильнула влево, и молоденький соснычок вплотную подступил к узкой ленте асфальта, черной змейкой петлявшей среди живописных холмов. Через два километра впереди на солнце жарким серебром блеснула гладь озера. Лес расступился, и они въехали на живописную лужайку.

На ней у костра и над столом всюю шуровали лучшие выпускники местного кулинарного училища. Ароматный запах ухи, поднимавшийся над объемистым, литров на десять котелком, лоснящиеся упругими бочками знаменитые ветлужские огурчики, сочная, хрустящая на зубах звениговская капуста, щедро посыпанная юринской клюквой, маринованные опята с лисичками и плетеная корзина, в которой шуршали листьями крапивы раки, будили зверский аппетит. Из ручья, журчавшего в кустах, разноцветными пробками проглядывала батарея бутылок местного «Фокинского»

ликеро-водочного завода. Приткнувшись на краю поляны русская банька, из которой потягивало березовым дымком, окончательно расслабила московских «гостей» и наполнила сердца хозяев новой надеждой на то, что заветный список из будущих курсантов к вечеру может пополниться еще несколькими «счастливыми».

Литвин первым стащил с себя пропахшую потом одежду, с разбега сиганул в озеро и долго бултыхался в бодрящей воде, а затем блаженствовал в бане под дубовыми вениками, которыми его старательно охаживал бывший замполит. Особо не избалованный изысками, он наслаждался среди этого земного рая и отдавался всем желудком тому хлебосольству, от которого ломился стол.

Солнце давно закатилось за макушки низкорослых марийских сосен, из лесу на поляну осторожно напозднили сумерки и над безмятежной гладью озера поднялись серые столбы из мошки и комаров. Их угрожающий гул становился все ближе, а громкие шлепки и крепкие матерки за столом раздавались все громче. Терпеть дальше эту напасть, несмотря на то что был выпит уже не один литр водки, ни у хозяев, ни у гостей сил не оставалось. Так и не разгадав «Женские секреты» очередной бутылки, они бросились искать спасения в машине. Потом по пути останавливались «дозаправиться» у шашлычной «Красный форт» и на въезде в город, в кафе «Тормозни».

В армейскую гостиницу «Закат» Белобородов, Стародуб и Литвин вернулись далеко за полночь едва живые. Завалившаяся на дне сумки бутылка водки с интригующим названием «Загляни на дно», распитая на крыльце, стала для Литвина последней каплей. Он не помнил, как добрался до номера и оказался в кровати. Впервые за последние дни его не беспокоили кошмары, а восковая лицо — маска цэрэушника «Майкла» не задавала один и тот же вопрос: «Где «Тополь»?.. Где?»

Беспробудным сном спали и Белобородов со Стародубом. Короткая июньская ночь сменилась туманным гриб-

ным рассветом. В семь утра со двора донеслось шарканье метлы, это дворник Евсеич принялся за работу. На втором этаже в угловом номере в кране забублькала вода, а в подвале хлопнула дверь. В гостинице начался новый, похожий на сотни других рабочий день. Казалось, ничто не предвещало скорого наступления бурных событий.

Дежурная сладко потянулась, прогоняя остатки сна, и прошла к зеркалу. В это время тихо скрипнула входная дверь и из холла донесся шум шагов. Она выглянула в окошко: на деревянных панелях возникли размытые тени, и, торопливо поправив сбившуюся прядь, вышла навстречу. Пятеро мужчин, чем-то неувовимо похожих друг на друга, обступили ее со всех сторон.

Русоволосый, с волевым лицом, выглядевший в полумраке холла настоящим великаном, вежливо, но твердо предложил:

— Людмила Николаевна, пройдемте к вам.

— Э-э, зачем? А собственно, вы кто?.. — не закончив фразы, подчиняясь его требовательному взгляду, она отступила за порог.

— Я генерал-майор ФСБ Бармин, с коллегами, — представился он.

— Генерал?! ФСБ?! Я... — больше у дежурной не нашлось слов.

Ее пальцы судорожно теребили кончики пояска на платье, а растерянный взгляд заметался по строгим лицам свалившихся, словно снег на голову, контрразведчиков. В одном из них она узнала сотрудника местного отдела и, придя в себя, спросила:

— Василий Николаевич, что, что случилось?

— Все нормально, Людмила Николаевна. Обычный рабочий вопрос, — старался успокоить тот.

— Но в такую рань?.. — вновь занервничала она.

Бармин мягко опустил руку на ее плечо и попросил:

— Вы, пожалуйста, не волнуйтесь. Мы зайдем у вас немного времени.

— Как не волноваться, товарищ генерал? Никто не предупредил, а у меня ничего не готово!

— И не надо.

— Как?

— Надеюсь, вы не откажете в небольшой просьбе?

— Конечно!

— Литвин в своем номере?

— Да-а! — и, смутившись, дежурная выдавила из себя: — Вчера, то есть сегодня ночью приехал. Но в таком виде...

— Нас это не испугает, — с иронией произнес Бармин и предложил: — Сейчас вместе с нами вы подниметесь на этаж и вызовете Литвина из номера. Сделать это надо спокойно. Вы меня поняли?

— Поняла, поняла!.. Если надо, я готова и... — в дежурной проснулся бывший начальник бюро пропусков.

— Нет, нет! Не более того, — остановил Бармин и, вежливо взяв ее под руку, повел к лестнице.

Вслед за ними Агольцев, следователь Скорохват и аналитик Зацепило прошли на второй этаж, остановились у номера 25 и сгрудились за спиной дежурной. Она бросила вопросительный взгляд на Бармина. Тот ободряюще кивнул головой, ее пальцы сжались в кулачок, и нервный стук разбудил сонную тишину на этаже. Агольцев и Скорохват придвинулись к двери. Прошла минута, в номере не подавали признаков жизни.

— Может, концы отбросил после вчерашней пьянки? — буркнул Агольцев и, не дожидаясь команды Бармина, обрушил кулак на дверь.

Гудкий рокот пронесся по коридору. Из номера полковника Белобородова послышалось недовольное ворчание, через секунду, другую ожил и Литвин. Заскрипела кровать, и он просипел:

— Кто там?

— Орест Михайлович, извините за беспокойство! К вам подъехали из... — запнулась дежурная.



— Министерства образования, — подсказал Бармин.

— Министерства... образования, — повторила она.

За дверью послышалось невнятное бормотание, и снова повторился скрип кровати. Босые ноги прошлепали по коридору, в замочной скважине, соскальзывая и срываясь, заскрежетал ключ. Агольцев и Зацепило отодвинули в сторону дежурную и, как только дверь приоткрылась, ворвались в номер. Действовали они молниеносно. Агольцев припечатал едва стоявшего на ногах и потерявшего дар речи Литвина к стене, а Зацепило защелкнул на его руках наручники.словно рыба, выброшенная на берег, он беззвучно хватал раскрытым ртом воздух и ничего не мог сказать. Его оплывшее и ставшее липким от обильного пота тело Агольцев и Зацепило на руках внесли в комнату и бросили кресло.

Неуловимый «Гастролер» представлял собой жалкое зрелище. Глаза после укусов мошки и перепоя превратились в узкие щелки, полинявшие трусы сползли на колени. Мелкая нервная дрожь сотрясала расплывшееся по креслу бесформенное тело. Мертвенная бледность покрыла лицо, а затравленный взгляд метался между Агольцевым, горой нависавшим над ним, и Барминым.

Генерал прошел к столу, взял стул, сел напротив и попытался заглянуть Литвину в глаза, рассчитывая прочитать в них ответ. Это был момент истины, и он не хотел его упускать. Несмотря на шокирующее начало, Литвин на удивление быстро оправился и срывающимся голосом взвизгнул:

— По какому праву вы ворвались сюда?!

— А почему не спрашиваете, кто? — не давал ему перехватить инициативу Бармин.

— Вы... вы... — Литвину не хватало воздуха, — кто?!

— Я генерал-майор Бармин из военной контрразведки, а это, — он кивнул головой в сторону Скорохвата, раскладывавшего бланки протоколов допроса и обыска на столе, — старший следователь по особо важным делам следственного управления ФСБ России подполковник Скорохват.

Литвин облизнул мгновенно высохшие губы и сорвался на крик:

— По какому праву?!

— Правильный вопрос, — сохраняя выдержку Бармин и холодным тоном продолжил: — По праву, предоставленному нам законом.

— Я арестован?! — и нервная дрожь вновь сотрясла Литвина.

— Да! Быстро соображаете.

— На каком основании?! Я офицер и требую...

Но Агольцев не дал ему подняться, твердой рукой припечатал к креслу и с презрением бросил:

— Был офицер, да весь вышел! Поздно требовать, поезд ушел!

— Что?! Запугиваете?! Не выйдет! Это вам не тридцать седьмой год! Вы еще ответите! — злобно огрызался Литвин.

Глаза Бармина заледенели, а на скулах заиграли желваки, но он сдержался и, нарочито медленно выговаривая каждое слово, объявил:

— Гражданин Литвин, пугать вас никто не собирается! Вы ответите по закону. Сейчас вам будет зачитано постановление суда об аресте и проведении обыска по подозрению в проведении вами враждебной деятельности — шпионаже в пользу разведки США. В связи с этим, есть ли у вас заявления, ходатайства или...

— Заявления?! У-у... ненавижу! — взорвался от злобы тот.

— Ненавидеть или любить — это ваше личное дело, а вот за преступление отвечать придется! — с металлом в голосе ответил Бармин и распорядился: — Виктор Александрович, приглашайте понятых и приступайте к следственным действиям!

Возникшая в гостинице суматоха подняла на ноги ее немногочисленных постояльцев. Выглянувшие из своих номеров полковник Белобородов и подполковник Стародуб после предупреждения Зацепило «спокойно досматривать

седьмой сон» предпочли больше не высовывать носа. Двух коммерсантов, устроившихся по «блату» на ночь в нижних номерах, спустя несколько минут сдуло, как ветром. Лишь дворник Евсеич, насмотревшийся за свою жизнь всякого, продолжал невозмутимо мести двор.

Оперативно-следственная группа начала работу. Обыск Литвина и номера занял не больше двадцати минут. При себе он имел лишь личный блокнот с телефонами и адресами знакомых. Его содержание для Бармина не составляло тайны. Все это еще десять дней назад было отснято и скопировано спецами из технического управления. Генерала интересовало больше другое — «убойный вещдок» — магнитный диск с секретными материалами, которые Литвин накануне скопировал в оперативном отделе штаба дивизии. И когда Скорохват обнаружил его на дне спортивной сумки, он с облегчением вздохнул. Таким весомым аргументом можно было смело «колоть» изменника.

Но Литвин не «поплыл» и на диске не «сломался». С упорством обреченного он упорно твердил одно и то же, что сделал это в учебных целях для подкрепления лекционного курса «практическим материалом». Все обвинения Скорохвата в сборе секретных материалов в шпионских целях он напрочь отметал. И Бармин был вынужден признать обоснованность аналитических выкладок Милова, говоривших о бесперспективности установления с Литвиным доверительного контакта. Потрясенный арестом, но не сломленный и озлобленный, он наглухо замкнулся в себе, и достучаться до его разума было невозможно. В запасе оставался еще один важный козырь — оперативные данные о его контактах с представителем ЦРУ в декабре прошлого года в Киеве и в апреле со Скоттом в Москве. Агольцев и Скорохват, заведенные упорством Литвина, горели желанием дожать его до конца и бросали нетерпеливые взгляды на Бармина. Но он, взвесив все «за» и «против», решил не открывать все карты и предпринял еще одну попытку достучаться до Литвина:

— Гражданин Литвин, вы можете облегчить свою вину, если станете активно сотрудничать со следствием.

— У вас еще есть время написать явку с повинной, — напомнил Скорохват.

— Предлагаете самую короткую дорогу в тюрьму? Ну, уж нет, спасибо! Мне не в чем признаваться! — с вызовом бросил Литвин.

— И все-таки подумайте. У вас нет другого пути, как только сотрудничать со следствием, — сохранял терпение Бармин.

— Посотрудничаю, но с адвокатом.

— Смотри, потом поздно будет! — с презрением бросил Агольцев.

— Вы что, мне угрожаете?! — огрызнулся Литвин.

— Предупреждаю.

— Вы за это еще ответите! Я...

— Ответим! — оборвал его Бармин. — Поднимайтесь и следуйте за нами!

— Куда?

— В тюрьму! В Лефортово, может, там в голове прояснится.

— Не поеду! — взвизгнул Литвин и вцепился в ручки кресла.

— Поедешь как миленький! Только про штаны не забудь! — с усмешкой напомнил Агольцев.

— Не поеду! Я требую адвоката! Вызовите полковника Белобородова! Я...

— Литвин, прекратите истерику и собираетесь! Белобородов в курсе, — прикрикнул Бармин.

Тот осекся, но не сдвинулся с места, и только когда на него угрожающей глыбой надвинулся Агольцев, дернулся и злобно прошипел:

— Вот так, в трусах?

— Виктор Александрович, проследите, чтобы он без них не остался, а затем в машину! — распорядился Бармин и вышел из номера.

Литвин как мог тянул время и на крыльце гостиницы появился спустя десять минут. Судя по напряженным лицам Агольцева и Скорохвата, он успел изрядно помотать им нервы. Бармин кивнул головой на «волгу», они впихнули его на заднее сиденье и выехали на военный аэродром в Савино. Там, на взлетной полосе, в готовности к вылету на Москву ждал самолет.

За все время полета Литвин не проронил ни слова. Пристегнутый наручниками к подлокотнику кресла, он затравленным взглядом посматривал то на Бармина, то на мрачного и пугающего своим видом Агольцева. Боль в правом плече и синяк, лиловым пятном расплывшийся по левой скуле, напоминали о том, как три часа назад при захвате тот припечатал его к стене в коридоре гостиничного номера. Липкий страх и горечь разрывали Литвина. Сказочное богатство, которое вот-вот должно было свалиться ему в руки, в одно мгновение превратилось в дым. В душе он проклинал тот день и час, когда поддался на уговоры Курта и, вместо того чтобы схватить пять тысяч евро и бежать подальше от него и тех миллионов, что сулило ЦРУ, попал в «шпионскую паутину».

Уткнувшись в иллюминатор, он пытался собраться с мыслями, чтобы выбраться из «шпионского болота», в которое вляпался по самые уши. Его гибкий и изощренный ум искал оправдание встрече с Куртом, объяснение диску с секретными материалами, обнаруженному при обыске Скорохватом. И, как ему казалось, здесь находились убедительные аргументы, разбивавшие «шпионскую» версию Бармина, но всякий раз сердце замирало в когтистых лапах страха, когда в памяти всплывал тайник в подвале гаража, где хранились секретные материалы.

Монотонный рокот турбин перешел в рев, самолет заходил на посадку. И когда под крылом появились пригороды Москвы, а у трапа застыл молчаливый конвой с автоматами в руках, в нем вновь все похолодело. Заявление Бармина оказалось не пустым звуком, из «Ермолино» его привезли

в Лефортовскую тюрьму. Ее мрачная «слава», о которой он был слышан, подтвердилась с первых шагов. В глухой, без окон комнате временно задержанных вежливые на словах и холодные будто лед в обращении надзиратели приняли его у конвоя и, словно бездушную вещь, принялись осматривать и описывать. Чужие пальцы сноровисто прощупали каждую складку брюк, рубашки, а потом бесцеремонно прошлись по телу.

Наконец, хлесткая как выстрел команда «Руки за спину! Вперед!» вывела Литвина из оцепенения и подтолкнула к заградительной решетке. Лязг запора еще раз напомнил, что все происходящее — это не кошмарный сон, а жестокая действительность. С трудом передвигая непослушные ноги, он брел по лабиринту коридора. Безликие серые стены угрюмо смотрели на него темными глазницами смотровых окошек на дверях камер, а зрачки видеокамер цепко стерегли каждое движение.

В очередной раз прозвучали команды:

— Стоять! Лицом к стене!

Он застыл у двери камеры, надзиратель наклонился к замку, тихо скрипнул ключ в замке и новая команда «Заходите!» подтолкнула его в спину.

На негнущихся ногах Литвин вошел в камеру и оказался в каменном мешке. Через забранное плотной металлической сеткой оконце сочился слабый дневной свет. Его растерянный взгляд метался между крохотным столом и табуретом, крепко привинченными к полу, раковиной с парашей в углу и кроватью, накрытой синим армейским одеялом.

Вывел его из оцепенения лязг запора. Дверь камеры хлопнулась, он остался один, и особенная, «лефортовская» тишина навалилась на него невидимым свинцовым прессом. Она плющила волю, мысли, а время в этих холодных и бесцветных стенах словно остановилось. Он потерял ему счет. Скрежет ключа и скрип двери заставил его встрепенуться. В сером провале возникли три фигуры, впереди стоял спортивного склада, лет пятидесяти, с властным лицом

неизвестный, за его спиной маячили надзиратель и уже знакомый генерал Бармин.

Литвин исподлобья стрельнул по ним взглядом и остановился на неизвестном. Тот вошел в камеру, по-хозяйски сел на табурет, а затем представился:

— Генерал-полковник Градов.

Вслед за ним зашли Бармин, потом надзиратель внес стул и, поставив у двери, вышел из камеры.

— Алексей Анатольевич, присаживаетесь, у нас с гражданином Литвиным будет долгий разговор, — пригласил Градов.

Тот ожег его и Бармина ненавидящим взглядом, но ничего не сказал. В нем мутной волной вскипала ненависть к ним, тем, кто перечеркнул все его планы. Градов не спешил начинать разговор и, словно примеряясь, приглядывался к Литвину.

За восемь часов с момента ареста тот сильно сдал. В осунувшемся с посеревшим лицом человеке с трудом можно было узнать пышущего здоровьем и уверенного в себе подполковника Литвина. Его озлобленный взгляд сверлил генералов и не сулил легкого разговора.

«Ненависти и злобы у него хватит на двоих. Ну ничего, рано или поздно здесь и не такие, как ты, становились шелковыми. К сожалению, у нас нет времени, послезавтра явка с «Майклом», — оценил противника Градов и начал разговор с дежурного вопроса:

— Гражданин Литвин, вы ознакомились с содержанием предъявленного вам обвинения?

— Я требую адвоката! Я!.. — сорвался он на крик.

— Это ваше законное право. Только не надо кричать, мы не глухие. Предлагаю вам неформальную беседу, она может иметь для вас важные последствия. Это последний шанс облегчить свое положение.

Литвин осекся, в глазах затеплился огонек надежды, и, подавшись вперед, он спросил:

— Вы что-то предлагаете?

— Да. Честное сотрудничество со следствием. В этом случае вы можете рассчитывать на смягчение приговора.

— Что-о?! Сотрудничество?! Нашли дурака, самому себе петлю на шею затягивать!

— Литвин, прекратите истерику! С такой вашей позицией вы вряд ли можете рассчитывать на снисхождение.

— Чего?! Снисхождение? Все ваши обвинения высосаны из пальца! Из меня шпиона вы не сделаете! Пугаете каким-то Скоттом! Я что, у него фамилию обязан спрашивать? Диск? Пол-академии в карманах таскает! А вы мне шьете...

— Гражданин Литвин, не стройте иллюзий! Мы знаем о вашей шпионской деятельности все! — оборвал его Градов.

— Только не надо меня пугать. Я не слаонервный, — огрызнулся он.

— Я повторяю, нам известно все! Каждый ваш шаг!

Рассчитывая следующим ходом сломить волю Литвина к сопротивлению, Градов достал из папки фотографию, где тот был заснят со Скоттом, и положил на стол. Литвин сильно побледнел, губы искривила страдальческая гримаса. Градов не дал ему опомниться, и сыпал все новыми и новыми фактами:

— Это кадровый сотрудник ЦРУ — Дэвис Скотт! Специализируется на агентурной разработке. Вы и являлись таким объектом. Через вас они рассчитывали получить секретные материалы по «Тополю». Мы их нашли в тайнике вашего гаража...

— Хватит! Хватит! — сорвался на крик Литвин и, схватившись руками за голову, отвернулся к стене.

Обрывки бессвязанных слов и глухие стоны разносились в камере. Градов и Бармин терпеливо ждали, рассчитывая, что после такого потрясения Литвин вряд ли будет запирается и начнет торговаться. И не ошиблись; смахнув с лица пот, он выдал из себя:

— Да, я встречался с Куртом, этим вашим Скоттом. Он предлагал деньги и работу на них, но я отказался. Я понимал, чем это пахнет и...



— Литвин, перестаньте врать и выкручиваться! — перебил Градов.

— Я... я не вру! Я отказался!

— Отказались?! А как понимать ваше электронное сообщение «Майклу»? Вы предлагаете ему провести встречу в субботу и напоминаете о гонораре? Как?!

— Э-э, — промычал в ответ Литвин.

— Насколько нам известно, вы статьи для «Нью-Йорк таймс» не пишете, а ваши записи и копии секретных документов никак нельзя отнести к литературным творениям. Это чистый шпионаж, гражданин Литвин! — загонял его в угол Градов.

Тот совсем сник, и его голова безвольно упала на грудь. Прошло минута, за ней другая, и он чужим голосом выдавил из себя:

— Дайте бумагу и ручку! Я все напишу!

— Алексей Анатольевич, помогите! — оживился Градов.

Бармин открыл папку и выложил на стол стопку бумаги. Литвин пододвинул к себе лист и, прежде чем начать писать, спросил:

— Мне это зачтется?

— Чистосердечное признание облегчает вину. Я повторяю: чистосердечное! — напомнил Градов.

— Мне скрывать нечего, — обречено ответил Литвин.

— Пишите, а там посмотрим!

Его дрожащая рука вывела первые буквы. Неровные вкривь и вкось строчки легли на лист бумаги. Через час Градов читал покаянное заявление. Но искренностью в нем не пахло. Где только мог, Литвин пытался смягчить свою вину и переложить ее на американскую разведку. Заканчивалось оно, как и у большинства других предателей, «желанием искупить свою вину». Прочитав последний лист, Градов передал заявление Бармину и сухо произнес:

— Мы не суд, только он определит степень вашей вины. Хотел бы вас предостеречь, вы уже одну ошибку сделали, не

совершайте вторую — честно сотрудничайте со следствием и этим поможете себе.

— А если я буду работать по вашему заданию, мне это зачтется? — цеплялся за последнюю «соломинку» Литвин.

— Мы подумаем, — холодно ответил Градов.

После двух с лишним часов общения с предателем у него ничего, кроме брезгливости, тот не вызывал. Эта запоздалое и продиктованное только страхом предложение для задуманной им контрразведывательной операции уже ничего не значило. Он нажал на кнопку вызова, и в дверях суровой тенью возник надзиратель. Литвин вскочил с табурета и, заглядывая Градову в глаза, пытался прочесть в них ответ.

— Говорите правду и только правду, гражданин Литвин. Мы взвесим ваше предложение, — сухо обронил Градов и вышел из камеры.

Под монотонный стук заградительных решеток вместе с Барминым они прошли по коридорам, спустились на первый этаж, и на выходе тот не удержался и спросил:

— Георгий Александрович, как с предложением Литвина?

— Видимо, придется отказаться. Каши с ним мы не сварим.

— Я такого же мнения! И откуда такие берутся?

— Откуда? — на лицо Градова легла тень, и он с горечью произнес: — Целую страну вывернули наизнанку и развернули на все сто восемьдесят. Так чего говорить о людях! Многие потеряли не только головы, но и совесть, а без этого тормоза можно до чего угодно докатиться. Вот Литвин и докатился.

— Долго нам еще придется расхлебывать это лихолетье и вытаскивать из крысиных нор таких, как он, — согласился Бармин.

— Алексей Анатольевич, хватит! Пусть дальше следователи с ним разбираются. Ты мне лучше скажи, Кочубей готов к операции?

— Затрудняюсь сказать, последние двое суток сами знаете...

— Знаю! — остановил его Градов и распорядился: — Приедем на Лубянку, жду тебя, Милова, Агольцева и Кочубея у себя в кабинете. Посмотрим, что наш «артист» с Михаилом Ивановичем наработал.

Бармин тут же связался по телефону с Агольцевым, и к их приезду все трое находились в приемной. В руках Милова был ноутбук и диски с видеозаписями на Литвина и репетициями с Кочубеем.

Градов задержал внимание на Милове, ноутбуке и с улыбкой заметил:

— Андрей Александрович, ты уж меня извини, так топились, что билет не успел купить.

— А это не ко мне, Георгий Александрович. Все вопросы к Кочубею, он у нас теперь звезда, — отшутился он.

— Ладно, свои люди, потом сочтемся, заходите ко мне, — пригласил он в кабинет.

И пока Милов занимался подготовкой записей к просмотру, Градов отвел в сторону Кочубея. Его интересовали не столько детали предстоящей операции — это была техника, сколько настрой Николая на встречу с матерым американским разведчиком. Тот держался уверенно, не запинался на каверзных вопросах, а свою будущую роль освоил настолько, что Градов невольно ловил себя на мысли, что видит перед собой самого Литвина.

— Георгий Александрович, все готово, — напомнил Милов.

— Запускай! — распорядился тот.

На экране замелькали хорошо знакомые Николаю кадры, но он смотрел не на них, а на лица Градова и Бармина, теперь от их решения зависело его участие в операции. Судя по первой реакции, они с Михаилом Ивановичем не ударили в грязь лицом. Лишним подтверждением тому служили острые реплики и одобрительные возгласы, не раз

звучавшие по ходу записи. Он оживился и уже не сомневался в своем успехе.

— Достаточно! — остановил просмотр Градов и с улыбкой заметил: — Не знаю, как вы, но я уже запутался, где Литвин, а где наш Кочубей.

— Американцы, надеюсь, тоже. Хорошо вошел в роль, — согласился Бармин.

— Наши психологи пришли к такому же заключению, — присоединился к ним Милов.

— Итак, с Николаем все ясно. Ничего не скажешь, молодец! — похвалил Градов и затем поинтересовался: — Андрей Александрович, а в организационном плане с другими управлениями все согласовано?

— Да! — подтвердил тот.

— Но американцы тоже не лыком шиты, вполне могут какой-нибудь фортель выкинуть, — и Бармин поежился.

— Подобные ситуации нами спрогнозированы, и меры по их нейтрализации спланированы.

— То есть проблем не будет? — заключил Градов.

— В общем... — Милов немного замялся, — гипотетически они существуют, но маловероятно, что американцы потащат Николая на конспиративную квартиру и там накачают психотропами.

— А чем черт не шутит? — усомнился Бармин и предложил: — Надо бы подстраховаться и зарядить Николая «техникой».

— Исключено! — сразу же отверг это предложение Градов и пояснил: — Литвин еще не сел на крючок ЦРУ, а значит, у них могут быть подозрения, что он подстава. А раз так, то «Майкл», или те, кто будет прикрывать явку, «просветят» его по полной программе.

— Расшлепают нашу «закладку», и тогда крест на всей операции, — констатировал Милов.

— Товарищ генерал, я пойду «чистый»! Чего мне бояться? Я у себя дома! — заявил Кочубей.

— Среди бела дня, в центре Москвы? Сомнительно, что они потащат тебя на конспиративную квартиру, — поддержал его Агольцев.

— Как сказать, подмешают в кофе какую-нибудь гадость, запахнут в машину — и поминай, как звали. Все-таки будет нелишним, если и эту ситуацию мы подстрахуем, — предложил Градов.

— Георгий Александрович, рядом будет Остащенко, — напомнил Милов.

— Остащенко?! — переспросил тот и с улыбкой заметил: — Тогда я не завидую «Майклу». В Абхазии он хорошо потренировался.

В памяти участников совещания были еще свежи недавние события, когда Юрий, срывая «шпионскую акцию», в сухумской пацхе размазал по стене попавшего под подозрение Стельмаха и его однокашника. Лукавые улыбки появились на их лицах, а смущенный Кочубей неловко замялся в кресле. Градов бросил на него теплый взгляд и мягко заметил:

— Знаю, Остащенко и медведь не испугает. Меня волнует другое, чтобы вовремя затормозили!

— Притормозим, товарищ генерал! — заверил Кочубей.

— Надеюсь! А теперь, Коля, отдыхать! А завтра запустим наш «Бумеранг» американцам! — закончил на этом совещание Градов и на прощание крепко пожал ему руку.

Вслед за ним из кабинета потянулись остальные. На лестнице Николая догнал Агольцев и предложил зайти к нему и побаловаться кофейком, но он отказался. В эти последние перед операцией часы ему хотелось только одного, снова стать самим собой. За время репетиций он настолько вжился в образ, что порой не мог понять, где заканчивался Литвин и начиналось его собственное «я». Теперь, когда позади остался последний, казавшийся самым трудным, экзамен у Градова, он искал отдушину. Ею всегда оставался любимый волейбол. Агольцев прочел это в его глазах и с сочувствием спросил:

— Что, Коля, достал тебя Литвин?

— Не то слово, Виктор Александрович, уже в печенках сидит, — признался он.

— Тогда бери Остащенко, и чтобы я вас сегодня здесь не видел.

— Спасибо, уже бегу.

— И смотрите, не заигрывайтесь, — уже вдогонку крикнул Агольцев.

— Было бы на что. Вы же премию не даете, — отшутился Николай и спустился к себе кабинет.

Юрию, плавившемуся от жары, предлагать дважды «постучать» мячиком на пляже не пришлось. Запихнув в сумки спортивную форму и тертую-перетертую «Микасу», они отправились на «Водный стадион». Несмотря на будний день, на трибунах старенького динамовского стадиона и песчаных пляжах негде было упасть яблоку. Черные, коричневые и розовые тела штабелями устилали берег. Но они не дошли до воды, звонкий перезвон мячей, подобно магниту, потянул их на спортивный городок.

В тени гигантских дубов и лип, на трех открытых волейбольных площадках, еще помнящих филигранные пасы Модзолеевского, пушечные удары Чеснокова и фантастические прыжки за «мертвыми» мячами Кондры, сегодня, как и в далекие 60-е годы, новое поколение волейболистов «рубилось» с не меньшим азартом. Николай с Юрием давно уже стали здесь своими. В это жаркий час на площадках играли четыре на четыре лишь одни фанаты.

Старожил площадки Володя и его приятель Гена составили Юрию и Николаю компанию, а в соперниках оказались ребята из «одинцовки». С первой подачи «коса нашла на камень», сказывалось извечное соперничество между «армейцами» и «динамовцами». Николай, не жалея ни локтей, ни коленей, «пахал» в защите и доставал безнадежные мячи. Володя хитроумными пасами уводил Юру и Гену от блока, и они раз за разом короткими ударами вколачивали в площадку звеневший, словно переспелый

арбуз, мяч. Затянувшаяся концовка партии измотала их, и последнее решающее очко досталось соперникам. Но Николай не огорчился, яростная и азартная борьба была лучшей встряской. Он на время забыл о Литвине и предстоящей операции. Потом были еще партии, одни они выигрывали, другие уступали, и, когда ноги перестали отрываться от земли, все вместе отправились на пляж.

Покидал он «Водный стадион» совершенно без сил, но с абсолютно ясной головой и твердой уверенностью в успехе предстоящей операции. После запоздалого ужина, перед тем как лечь спать, один за другим выпил два стакана холодного молока, а чтобы у «Майкла» не возникло подозрений, с трудом осилил третий. Ночь проспал как никогда крепким сном и утром не услышал звонка будильника. Поднял его на ноги плач племянника. Стрелки на часах показывали пятнадцать минут восьмого. До явки с американским разведчиком оставалось меньше шести часов.

В оперативном штабе управления операцией подходили к завершению все подготовительные мероприятия. Незримое для непосвященных кольцо из скрытых стационарных и подвижных постов наружного наблюдения все плотнее сжималось вокруг летнего кафе в парке Центрального дома художника. Десятки камер видеонаблюдения, искусно спрятанных в осветительных фонарях и опорных столбах, взяли под прицел открытую террасу кафе и подходы к ней. Чувствительнее микрофоны ловили малейший шорох и звук за столиками и у стойки бара, где должна была состояться встреча Кочубея с «Майклом».

Неподалеку от парка, во внутреннем дворе конторы «Ремжилстроя», вряд ли кто обратил внимание на два крытых фургона с тонированными стеклами, затерявшиеся среди десятка машин. В них расположился штаб операции. Генерал Бармин, заместитель начальника службы наружного наблюдения полковник Зоркий, полковник Агольцев и офицеры-связисты приникли к мониторам и внимательно следили за тем, что происходило в летнем кафе и вокруг

него. Пока ничто не нарушало спокойного рабочего ритма в оперативном штабе. Первый сигнал от бригад наружного наблюдения, державших под прицелом американское посольство, поступил в десять пятнадцать.

Резидентура ЦРУ начала распускать свои щупальцы. Одна за другой три машины выехали из ворот посольства и веером разошлись по городу. Одновременно ожил эфир. Радиоконтрразведка зафиксировала «моментальную перестрелку» на высоких частотах между американскими разведчиками. Шло время, и они все ближе подбирались к «Центральному дому художника».

В 11.20 на Крымской набережной появилась супружеская пара Ричардсон. Опытные разведчики-агентуристы, они непринужденно фланировали среди толп зевак и покупателей картин свободных художников. Вторая пара — Джонсон и Браун — через пятнадцать минут «засветилась» у входа в Центральный парк культуры и отдыха. Американская резидентура по мере приближения времени явки с «Гастролером» подтягивалась к месту ее проведения.

Напряжение в оперативном штабе нарастало с каждой минутой. Непрерывным потоком поступала информация о перемещениях американских разведчиков. Они вели игру в «наперстки», пытаясь запутать и отвлечь на себя внимание контрразведки. Операторы приникли к мониторам и внимательно «процеживали» толпу в арке, пытаясь обнаружить загадочного «Майкла». До его выхода на явку с Литвиным — Кочубеем оставалось меньше десяти минут, но никто из американцев на террасу кафе так и не поднялся. Они, словно стая стервятников, кружили поблизости. Большая стрелка часов замерла на двенадцати. Очередной доклад разведчиков наружного наблюдения из второй бригады заставил руководителей оперативного штаба напрячься.

— Первый! На левой, боковой аллее появился объект «Инспектор»!

Агольцев подался к экрану монитора, а Бармин потропил оператора:



— Сережа, крупным планом левую аллею.

Тот поиграл кнопками на панели управления, и на центральном мониторе стали отчетливо видны лица. Все, кто был в машине, придвинулись к нему. Первым узнал американца Агольцев и с облегчением воскликнул:

— Алексей Анатольевич, это Скотт!.. Точно он!

Американский связник-разведчик неспешным шагом шел по аллее. По пути сделал несколько снимков скульптур, потом описал круг на площадке перед кафе и поднялся на террасу. Щепким взглядом пробежался по столикам, прошел к бару, сделал заказ и занял место неподалеку от стойки.

— Пора на сцену и нашему «казаку», — торопил события Агольцев.

И, будто услышав его, к кафе подошел Кочубей. Следом за ним тащилась семейная парочка Томпсон.

— Тоже не спят! И когда успели сесть Коле на хвост?! — удивился Бармин.

— Главное, чтобы не отдавили, — тихо обронил Агольцев.

— Пусть только попробуют! Мои им покажут! — решительно отрезал Зоркий и затем распорядился: — Женя, включай микрофоны за столиком.

Бармин и Агольцев надели наушники и, не спуская глаз с большого экрана, на котором крупным планом проступили лица Кочубея и «Майкла», ловили каждое их движение и каждое слово. Николай вел себя спокойно, в его движениях не было заметно ни волнения, ни суеты. Он заметил «Майкла»-Скотта, но не подал виду, составив на поднос чашку с кофе и тарелку с бутербродами, поискал свободное место и сел за его столик.

На командном пункте хорошо было слышно, как скрипнул под весом его тела стул, звякнула о стол чашка с кофе, прошелестела бумага и после долгой паузы прозвучала первая часть пароля:

— Курт, вы сегодня один?

— К сожалению, Анна заболела, — назвал вторую часть пароля американец.

— А знаете, без нее вы смотрите лучше, — съязвил Николай.

— Э-э, — не нашелся, что ответить «Майкл»-Скотт.

— Молодец, Коля! Не дает расслабиться, — похвалил Агольцев.

Но следующая фраза американца заставляла его и Бармина напрячься.

— Спасибо за комплимент, Михаил, но те очки вам шли больше. А, что случилось с вашим голосом?

Кочубей не растерялся, за словом в карман не полез и тут же парировал:

— Не люблю повторяться! А с голосом — вчера перекупался и сауру напился холодного молока.

— А вот это зря! Надо беречься.

— Спасибо за заботу, но я предпочел бы ее материальное проявление.

«Майкл»-Скотт склонился над столом и, понизив голос, произнес:

— Под журналом сверток — это для вас. Остальное на счете в известном вам банке. Как видите, мы твердо выполняем свои обязательства.

— Я тоже! — ответил Кочубей и, положив на соседний стул рекламный проспект, пояснил: — Там то, что вы заказывали, и еще довесок, который удалось получить в командировке.

— О!.. Это заслуживает дополнительной компенсации.

— Я надеюсь!

«Майкл»-Скотт, бросив настороженный взгляд по сторонам, поспешил заверить:

— Можете не сомневаться, — и, торопя события, поинтересовался: — Теперь я рассчитываю, что наше деловое сотрудничество станет более плодотворным?

Кочубей умело выдержал паузу и, нервно поерзав на стуле, просипел:

— Возможно, но я опасаясь: еще одна такая посиделка, и мне придется отдыхать в совершенно другом месте.

— Михаил, ну что вы такое говорите? Ваша безопасность для нас прежде всего. Кстати, когда вы будете на Украине?

— А что?

— Следующую встречу лучше провести там и выработать такую форму наших отношений, которая бы исключала любую угрозу для вас.

— Я подумаю, — уклончиво ответил Кочубей.

— Михаил, можете не сомневаться в наших гарантиях! Мы заинтересованы в вашей безопасности не меньше, чем вы! — горячо убеждал «Майкл»-Скотт.

— Хорошо, давайте отложим это до сентября, — помявшись, предложил Николай.

— Отлично! К тому времени мы как следует успеем подготовиться. А сейчас мне бы хотелось получить ответы на ряд дополнительных вопросов по известной вам проблеме...

И здесь напряжение, царившее в оперативном штабе, спало. Агольцев довольно потер руки и хмыкнул:

— Жди, за нами не заржавеет. Получите!

— Не говори гоп, Виктор Александрович, — предостерег его Бармин и, сняв наушники, устало откинулся на спинку кресла.

Шесть с лишним месяцев изматывающей работы остались позади. Неуловимый «Гастролер» был разыскан и давал показания в Лефортово. Николай Кочубей успешно справился со своей ролью и не вызвал подозрений у американского разведчика. Подтверждением тому служило новое шпионское задание. Операция «Бумеранг» российской контрразведки перешла в активную фазу.

# Содержание

Глава 1 .....	5
Глава 2 .....	22
Глава 3 .....	45
Глава 4 .....	67
Глава 5 .....	90
Глава 6 .....	116
Глава 7 .....	140
Глава 8 .....	167
Глава 9 .....	193
Глава 10.....	219
Глава 11 .....	244
Глава 12.....	269
Глава 13.....	295
Глава 14.....	319
Глава 15.....	343

Лузан Николай Николаевич (Абин Н.)

**«ФАНТОМ» НА СВЯЗЬ НЕ ВЫЙДЕТ**

Редактор *Е. И. Рычкова*  
Художественное оформление *А. П. Зарубин*  
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенок*  
Корректор *М. В. Лушина*

Издательство «Кучково поле»  
123022 г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.  
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.  
E-mail: kuchkovopole@mail.ru

Подписано в печать 10.09.09. Формат 84х108/32.  
Усл. печ. л. 19,32. Печать офсетная.  
Тираж 3000 экз. Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».  
610033, г. Вятка, ул. Московская, 122.